3847

№ 117.

[redacted]

Сентябрь 1960 г.

ЛИКЕЙ,

или

КРУГЪ СЛОВЕСНОСТИ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ;

сочиненіе

І. Ф. Лагарпа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ,

переведенная

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Петромъ Соколовымъ,

и оною Академіею изданная.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Типографіи В. Плавильщикова.

1811 года.

Indocti discant, et ament meminisse periti.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1911

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЙ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ. КНИГА I. *Поэзія.*

стр.

ГЛАВА IX. *О сатирѣ у древнихъ народовъ* - - - - - 1.

ОТДѢЛЕНІЕ I. *Сравненіе Горація съ Ювеналомъ* - - 1.

ОТДѢЛЕНІЕ II. *О Персіи и Петроніи* 45.

ОТДѢЛЕНІЕ III. *О эпиграммѣ и надписи* - - - 57.

ГЛАВА X. *О элегіи и поэзіи любовной* 62.

ДРЕВНІЕ. КНИГА II. *Краснорѣчіе* - - 95.

ГЛАВА I. *Разсмотрѣніе риторическихъ наставленій Квинтиліана* 109.

ОТДѢЛЕНІЕ I. *Общія понятія о первоначальномъ ученіи, о преподаваніи, о правилахъ краснорѣчія.* - - - - 109.

ОТДѢЛЕНІЕ II. *О трехъ родахъ краснорѣчія: изобразительномъ, совѣщательномъ и судебномъ* 142.

стр.

ОТДѢЛЕНІЕ III. *О слововыраженіи и фигурахъ* - - - - 184.

ГЛАВА II. *Разсмотрѣніе сочиненій Цицерона о искуствѣ краснорѣчія* - - - - 233.

Прибавленіе или Замѣчанія на обѣ предшествующія главы - 274.

ГЛАВА II. *Объясненіе разныхъ способовъ витійственнаго искуства, а особливо тѣхъ, каковые находятся въ сочиненіяхъ Димосѳена* - - - - 286.

ОТДѢЛЕНІЕ I. *Объ ораторахъ прежде Димосѳена жившихъ, и о свойствѣ его краснорѣчія* - 286.

ОТДѢЛЕНІЕ II. *О разныхъ частяхъ Ораторскаго изобрѣтенія, и особенно о приличномъ оратору способѣ доказывать, каковый Димосѳенъ употребилъ въ рѣчи своей о Вѣнцѣ* - 294.

ОТДѢЛЕНІЕ III. *Приложеніе тѣхъ же самыхъ правилъ въ Димосѳеновой рѣчи противу Филиппа, названной Херсонисскою.* - 314.

стр.

ОТДѢЛЕНІЕ IV. *Примѣры превосходнѣйшихъ пособій искуства краснорѣчія, взятые изъ двухъ рѣчей о Вѣнцѣ, изъ коихъ одна говорена Эсхиномъ, а другія Димосѳеномъ.* - - 357.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПОЭЗІЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О Сатирѣ у древнихъ народовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сравненіе Горація съ Ювеналомъ.

Квинтиліанъ говоритъ, что сатира совершенно принадлежитъ Римлянамъ: Satyra quidem tota nostra est. Конечно онъ хочетъ сказать только то, что въ семъ родѣ сочиненія Римляне ничего не заимствовали у Грековъ; ибо не льзя было ему не знать, что Иппонаксъ и Архилохъ сдѣлались весьма извѣстными единственно по своимъ сатирамъ, которыя, судя по ужаснымъ слѣдствіямъ, ими произведеннымъ и по наказанію ихъ сочинителей, приличнѣе можно назвать ругательными сочиненіями. Иппонаксъ изгнанъ изъ своего отечества, а Архилохъ

заколотъ. Сей послѣдній столь жестоко обезславилъ Ликамба, который не согласился выдать за него своей дочери, что сей несчастный отецъ лишилъ себя жизни. Архилохъ былъ изобрѣтателемъ ямбическихъ стиховъ, каковые Греки и Римляне употребляли въ театральныхъ своихъ сочиненіяхъ. Но Архилоху, говоритъ Горацій, служили они *оружіемъ его бѣшенства.* Латинскій лирикъ признается, что сію мѣру стиховъ употреблялъ и онъ въ нѣкоторыхъ своихъ одахъ; но не дѣлалъ изъ нихъ толь оскорбительнаго и гнуснаго употребленія, какъ Архилохъ. Его сатиры, подобно Ювеналовымъ и Персеевымъ, писаны шестистопными стихами. Итакъ мнѣніе Квинтиліаново справедливо, потому что Латинскіе сатирики не подражали Грекамъ ни въ размѣрѣ стиховъ, ни въ содержаніи оныхъ.

Сатира, по мнѣнію просвѣщенныхъ критиковъ, есть слово Латинское. Оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ названіемъ, каковое придаетъ баснословіе тѣмъ чудовищамъ, коихъ изображаетъ оно животными совершенно покрытыми шерстью и съ козьими ногами. Оно происходитъ отъ слова *Satura*, которое въ самыхъ древнихъ Латинскихъ писателяхъ означало смѣшеніе разнаго рода предметовъ. Потомъ названіе сіе придаваемо было особенно сочиненіямъ, содержащимъ въ себѣ осмѣяніе или шутку. Наконецъ Энній и Люцилій опредѣлили свойство сего рода сочиненій, и назвали сатирами только тѣ

стихотворенія, въ коихъ охуждаемы были предосудительные нравы. Люцилій особенно прославилъ себя въ семъ родѣ стихотворства; и хотя писалъ онъ во времена Сципіоновъ, однакоже и при Августѣ имѣлъ толь ревностныхъ защитниковъ, что они сильно негодовали на Горація, который, выхваляя Люцилія за остроту и неустрашимую отважность въ обнаруженіи пороковъ, сравнивалъ неправильный, разшянутый и неровный слогъ его съ рѣкою, наполненною нечистоты, но содержащею въ себѣ нѣсколько золота. Самъ Квинтиліанъ сужденіе сіе находитъ слишкомъ строгимъ. Мы не можемъ сказать рѣшительно, кому изъ нихъ вѣрить должно: до насъ дошло только нѣсколько стиховъ Люциліевыхъ.

По счастію мы имѣемъ надежный способъ утвердить мнѣніе Квинтиліана о Горацiи, коего слогъ, по его словамъ, гораздо чище Люциліева, и особенно отличался онъ знаніемъ человѣческихъ нравовъ. Грессетъ сказалъ:

Horace, l'ami du bon sens,
Philosophe sans verbiage,
Et poëte sans fade encens.

И дѣйствительно ни кто не можетъ ни осмѣивать пороковъ съ большею остротою, ни выхвалять добродѣтелей съ большею тонкостію, какъ Горацій. Нравственность его и приятна и чиста; она не имѣетъ въ себѣ ничего принужденнаго, пышнаго, ничего строгаго. Ниодинъ стихотворецъ не писалъ съ такою убѣдительностію, какъ Горацій; онъ не

проповѣдуетъ истинны, но заставляетъ чувствовать оную; не принуждаетъ наблюдать правила мудрости, но заставляетъ любить ее. Онъ знаетъ опасности, каковымъ подвергается цензоръ людскихъ нравовъ, и находитъ въ самомъ себѣ средства ко избѣжанію оныхъ. Его не льзя обвинять въ суровости, ибо описывая ошибки другихъ, начинаетъ признаваться въ своихъ собственныхъ, и извиняться въ оныхъ съ великою приятностію; не льзя сказать, что онъ преподаетъ строгія наставленія; ибо не учитъ, но всегда разговариваетъ съ нами. Онъ весьма веселъ, и потому, не льзя почитать его суровымъ или нелюдимомъ. Наконецъ самое большое неудобство въ нравственныхъ наставленіяхъ есть скука, но Горацій умѣлъ отвратить оную неисповѣдимымъ разнообразіемъ оборотовъ, вводными повѣствованіями разнаго рода, разговорами, вымыслами, баснями, изображеніями нравовъ и самымъ искуснымъ употребленіемъ того драматическаго рода, который доставляетъ пріятность вездѣ, гдѣ только можетъ быть помѣщенъ, и коего выгодъ никто изъ новѣйшихъ писателей не могъ лучше чувствовать, какъ Волтеръ. Онъ могъ дать настоящую цѣну дарованіямъ Горація: ему только прилично было сказать въ семъ прекрасномъ посланіи, въ одномъ изъ лучшихъ произведеній его старости:

Jouissons, écrivons, vivons, mon cher Horace!

. . . . . .

Sur le bord du tombeau, je mettrai tous mes soins
A suivre les leçons de ta philosophie.

A mépriser la mort en savourant la vie,
A lire tes écrits pleins de grace et de sens,
Comme on boit d'un vin vieux qui rejeunit les sens.
Avec toi l'on apprend à souffrir l'indigence,
A jouir sagement d'une honnête opulence,
A vivre avec soi-même, à servir les amis,
A se moquer un peu des ses sots ennemis,
A sortir d'une vie ou triste ou fortunée,
En rendant grace aux dieux de nous l'avoir donnée (*).

Вотъ самое лучшее сокращеніе сатиръ и писемъ Горація; ибо можно соединить вмѣстѣ оба сіи сочиненія, имѣющія по многимъ отношеніямъ одинаковое свойство, съ тою токмо разностію, что письма его, при меньшей остротѣ и силѣ въ мысляхъ, имѣ-

---

(*) Будемъ наслаждаться, писать, жить, любезный мой Горацій!

. . . . . .

Будучи при дверяхъ гроба, употреблю все мое попеченіе
Слѣдовать правиламъ твоей философіи,
Презирать смерть, наслаждаясь жизнію,
Читать твои сочиненія, наполненныя пріятностію и разумомъ,
Подобно какъ пьютъ старое вино, оживляющее чувства.
Ты научаешь сносить скудость и нищету,
Пользоваться имуществомъ, трудами пріобрѣтеннымъ,
Жить съ самимъ собою, вспомоществовать друзьямъ,
Посмѣваться глупымъ недоброжелателямъ,
Избѣгать печальной или несчастной жизни,
Воздавая благодареніе Богу, оную намъ даровавшему.

ютъ легкость и естественность, приличную письменному слогу. Но слѣдствіе есть одинаково, то есть, что Горацій есть любезнѣйшій изъ нравственныхъ стихотворцевъ, а потому и полезнѣйшій; поелику правила его, коихъ истинна всякому уму удобопонятна и кои всякому времени приличны, заключающіяся въ стихахъ краткихъ и весьма плавныхъ, нечувствительно приучаютъ васъ подвергать поступки свои таковому же разсмотрѣнію, каковое дѣлаетъ онъ надъ самимъ собою, и которое клонится не къ тому, чтобы довести васъ до совершенства, къ коему человѣкъ рѣдко бываетъ способенъ, но показать средство становиться ежедневно лучшимъ и для себя и для другихъ. Г. Дюсоль, членъ Академіи надписей, коему обязаны мы превосходнѣйшимъ переводомъ въ прозѣ Ювенала, помѣстилъ въ заглавіи своей книги прекрасное сравненіе сего сатирика съ Гораціемъ, предшественникомъ его. Хотя сравненіе сіе довольно пространно, но я помѣщу его здѣсь, ни сколько не убавляя: оно писано весьма хорошо, и потому не покажется слишкомъ длиннымъ. Но отдавая справедливость дарованію писателя, я присовокуплю нѣкоторыя замѣчанія въ защищеніе Горація, коего, кажется мнѣ, судилъ онъ нѣсколько строго, а напротивъ того показываетъ къ Ювеналу пристрастіе, впрочемъ весьма извинительное въ переводчикѣ, который сильно чувствовалъ, какъ и надлежало, достоинство своего подлинника.

„Поелику, въ униженіе Ювенала, обыкновенно сравниваютъ его съ Гораціемъ; то я попытаюсь показать, что оба сіи стихотворца раздѣлили нѣкоторымъ образомъ между собою обширное поле сатиры, и одинъ придерживался только веселаго, а другой важнаго; и что каждый изъ нихъ, слѣдуя съ точностію предположенной цѣли, достигъ до оной съ одинаковымъ успѣхомъ, хотя они употребили противныя между собою средства. Сей способъ разсматриванія ихъ достоинствъ, хотя оный, можетъ быть, болѣе относится къ нравственности, нежели къ искусству ихъ стихотворенія, покажетъ ихъ съ той стороны, на которую вниманію читателя болѣе всего обращаться надлежитъ.

„Посмотримъ, въ какихъ обстоятельствахъ описывали они нравы, и въ чемъ именно состоитъ различіе ихъ свойствъ. Горацій, употребивъ въ твореніяхъ своихъ великое остроуміе, проницательность, больше вкуса, но гораздо менѣе силы, нежели Ювеналъ, кажется желалъ болѣе нравиться, нежели исправлять; потому что кровопролитная перемѣна въ правленіи, изтребившая въ недавнемъ времени и послѣднія искры свободы Римской, не имѣла еще времени приучить Римлянъ къ совершенной низости и уничиженію; потому что развращеніе нравовъ тогда не было столь велико, какъ послѣ царствованій Тиверія, Калигулы и Нерона. Жестокій, но хитрый Октавій, усыпалъ цвѣтами пути, которые тайно прокладывалъ себѣ

къ самовластію. Художества Греціи, насажденныя вокругъ Капитоліи, процвѣтали подъ его покровительствомъ: воспоминаніе междоусобныхъ несогласій заставляло обожать виновника новаго спокойствія. Граждане уже не были мучимы тѣмъ страхомъ, что при пробужденіи отъ сна увидятъ имя свое начертаннымъ на дскахъ изгнанія, и обезпеченный Римлянинъ забывалъ, подъ сѣнію лавровъ предковъ своихъ, въ амѳитеатрахъ и въ циркѣ, тѣ права гражданина, коими отцы его гордились въ теченіи болѣе осьми столѣтій. Никакая тираннія не имѣла начала столь обольстительнаго; ослѣпленіе было общее, или естьли бы кто нибудь и отважился спросить у внука Кесарева, по какому праву выдавалъ онъ себя государемъ, то единый взглядъ похитителя заставилъ бы его безмолвствовать. Горацій, бывъ стольже хитрый придворный, колико неискусный воинъ, Горацій, побуждаемый собственною своею выгодою, и чувствуя себя неспособнымъ съ отличностію выполнять трудныя обязанности истиннаго республиканца, возчувствовалъ, на какую степень могли его возвести тонкость, приятность и оборотливость его разума, достоинства до сего времени мало уважаемыя народомъ буйнымъ и стремившимся только къ однимъ завоеваніямъ. И такъ вѣжливость, блескъ и пагубная безпечность сего усыпительнаго царствованія не представляли ничего ненавистнаго такому человѣку, коего почти вся нравственность состояла въ изыскиваніи сладострастій, и коего многія

сочиненія наполнены только разсужденіями о искусствѣ наслаждаться настоящимъ, не обращая вниманія на несчастія, угрожающія потомству, равнодушенъ къ будущему, и не смѣя приводить себѣ на память прошедшее, онъ старался только ограждать себя отъ всего могущаго опечалить его умъ, и нарушить приятности жизни, которой искуснымъ образомъ положилъ онъ твердое основаніе. Уваженъ будучи императоромъ, любимъ Виргиліемъ, принятъ знатными, и раздѣляя съ ними разныя удовольствія, онъ не жалѣлъ о прошедшей строгости прежняго правленія; въ противномъ случаѣ онъ худо бы соотвѣтствовалъ видамъ Августа и Мецената, кои ему покровительствовали. Первый, какъ говорятъ, изъявилъ желаніе сложить съ себя императорское достоинство: другой отклонилъ его отъ онаго. Онъ сдѣлалъ хорошо и для государя и для самаго себя. Что было бы съ ними посреди народа свободнаго, ежели бы одинъ изъ нихъ остался только при хитромъ своемъ нравѣ безъ тѣлохранителей, а другой при тщетной своей учтивости? Съ сего времени надлежало молчать, или говорить, какъ приличо рабамъ. Но Горацій былъ увѣренъ, что будущія поколѣнія, плѣнясь его стихами, не будутъ поносить его имени; онъ видѣлъ, что безъ наказанія могъ быть льстецомъ и сообщникомъ человѣка, царствовавшаго безъ всякаго препятствія. И потому приписываемыя похвалы относились единственно къ тогдашнему состоянію произшествій, и Горацій

хвалилъ особъ могущественныхъ, у которыхъ онъ искалъ себѣ покровительства. Во всѣхъ сочиненіяхъ его нигдѣ не видно ни имени Овидія, впадшаго въ немилость, ни имени Цицерона, коего *Римъ, еще вольностію наслаждавшійся*, говоритъ Ювеналъ, называлъ богомъ хранителемъ, отцемъ отечества. Напротивъ того онъ не забывалъ возпѣвать любимцевъ счастія; имъ нѣчего было опасаться его музы: бывъ болѣе веселъ, нежели язвителенъ, онъ забавлялся только на щетъ той части общества, отъ которой не ожидалъ ни славы ни удовольствій. Никто лучше его не зналъ силы похвалы; никто не умѣлъ приготовлять оную искуснѣе, ни пріобрѣтать съ бо́льшимъ искуствомъ благосклонность у первѣйшихъ вельможъ имперіи; и по сей самой причинѣ, сочиненія его сдѣлались весьма пріятными для придворныхъ. Однакожъ призна́емся въ томъ, что и всякой умной человѣкъ не можетъ читать ихъ безъ особеннаго удовольствія. Покровительствуемый Меценатомъ, соединялъ онъ въ себѣ высокія и основательныя качества съ пріятными дарованіями. Бывъ философомъ и піитомъ, онъ съ равною удобностію предписывалъ правила жизни и художествъ. Предпочитая переговоры сраженіямъ, не давая большой важности и строгости своимъ поученіямъ, и держась своихъ правилъ тогда только, когда оныя благопріятствовали Эпикурейскимъ его наклонностямъ, сей Протей умѣлъ пріобрѣсть дружество и даже уваженіе

отъ тѣхъ, коихъ охуждалъ онъ мнѣнія или поступки.

„Ювеналъ началъ поприще свое тамъ, гдѣ окончилъ оное Гарацій, то есть, онъ сдѣлалъ въ пользу нравовъ и свободы то же самое, что Горацій учинилъ для благопристойности и хорошаго вкуса. Сей послѣдній только научился сносить иго власти и обожать тиранновъ. Ювеналъ не переставалъ вооружаться противъ похищенной власти, и напоминать Римлянамъ благополучные дни ихъ независимости. Свойство сего послѣдняго было ревностный жаръ, цѣль его была устрашить порочныхъ и изтребить порокъ, содѣлавшійся почти законнымъ. Мужественное, но безполезное предпріятіе! Онъ писалъ въ вѣкѣ развращенномъ, въ которомъ нарушались безъ наказанія законы естественные, въ которомъ любовь къ отечеству совершенно потухла въ сердцахъ почти всѣхъ его согражданъ, такъ, что сіе поколѣніе приведено будучи въ безчувствіе рабствомъ, роскошью и всѣми преступленіями, за оною обыкновенно слѣдующими, требовало строжайшаго наказателя, а не цензора. Между тѣмъ имперія, потрясаемая въ ея основаніяхъ, скоро должна была обрушиться. Духъ Римлянъ былъ столь униженъ, что никто не смѣлъ произносить имя свободы. Всякъ чувствовалъ только собственное свое несчастіе, и избавлялся отъ онаго только доносомъ. Родственники, друзья, все, даже до вещей не-

одушевленныхъ, становилось подозрительно. Не дозволялось оплакивать жребія наказанныхъ; и слезы не оставались безъ наказанія. Окончимъ: ибо выключая нѣкоторыя только минуты отдохновенія, исторія сихъ плачевныхъ временъ есть только роспись кляпвопреступленій, отравъ и убійствъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Ювеналъ презираетъ легкое оружіе осмѣятеля, которое обыкновенно употреблялъ его предшественникъ; онъ вооружается мечемъ сатиры, и начиная съ самыхъ знатныхъ особъ до послѣднѣйшаго гражданина, разитъ нещадно и безъ различія всякаго уклоняющагося отъ стезей добродѣтели. Въ семъ случаѣ онъ нимало не походитъ на Горація, сего гибкаго стихотворца, вооруженнаго ложнымъ равнодушіемъ, которое довольствуется исправленіемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ странностей, и коего слогъ, *будучи близокъ къ обыкновенному разговору,* влечется по произволу сладострастія. Напротивъ того Ювеналъ есть сочинитель безпристрастный; стихотворецъ пылкій, и въ твореніяхъ своихъ нерѣдко употребляетъ, по приличію описываемаго предмета, слогъ трагическій. Онъ строгъ и всегда держится одинаковыхъ правилъ, у него все важно, все внушаетъ къ себѣ уваженіе, и естьли онъ смѣется, то смѣхъ его ужаснѣе даже самаго гнѣва. Вездѣ говоритъ онъ только о порокѣ и добродѣтели, о рабствѣ и свободѣ, о безуміи и мудрости. Онъ смѣло жертвовалъ истиннѣ множествомъ сомни-

тельныхъ благопристойностей и снизхожденіемъ, политикою предписываемымъ, каковое съ великою строгостію наблюдаютъ тѣ, коихъ нравственныя правила блеспятъ одною только наружностію. Признáемся, что дѣланные ему упреки справедливы, не по тому, что онъ показывалъ знатныхъ особъ, пороками униженныхъ, но по тому, что говорилъ противное цѣломудрію, въ чемъ и не намѣренъ я его оправдывать. Я замѣчу только, что Горацій, столь много похваляемый за его благопристойность, пишетъ гораздо вольнѣе, нежели Ювеналъ, и что онъ, къ несчастію, дѣлаетъ порокъ любезнымъ; напротивъ того Ювеналъ, открывая ужасы, отъ коихъ содрогается сама природа, старался только показать, въ какое буйство можетъ придти человѣкъ, когда онъ не имѣетъ другихъ путеводителей кромѣ роскоши и вожделѣнія. Безъ сихъ пороковъ, кои принадлежатъ времени, а не сочинителю, ничего бы не нашли заслуживающаго охужденіе въ его сочиненіяхъ, которыя свидѣтельствуютъ, что сочинитель былъ исполненъ любви къ общему благу; естьли онъ охуждаетъ какія либо странности, то сіе дѣлаетъ только въ такомъ случаѣ, когда онѣ прикосновенны къ пороку или ведутъ къ оному. Когда онъ свирѣпствуетъ, разитъ, то уже безъ всякаго сожалѣнія взираетъ онъ на свои жертвы; ибо онѣ кажутся ему весьма гнусными и безобразными. Знаю, что обвиняютъ его также и въ излишней

скупости на похвалы; но когда сердце человѣческое бываетъ намъ извѣстно; когда не хотимъ ни самихъ себя, ни другихъ приводить въ ослѣпленіе, то какихъ похвалъ отъ насъ ожидать можно? Онъ хвалилъ мало: причиною тому было несчастіе того времени. Самый человѣколюбивый поступокъ, который только могъ онъ оказать, состоялъ въ сожалѣніи о принужденномъ рабствѣ нѣкоторыхъ втайнѣ добродѣтельныхъ гражданъ, но увлеченныхъ стремительнымъ потокомъ господствовавшихъ тогда пороковъ. Впрочемъ благородныя чувствованія его не позволяли ему ни льстить тираннамъ, ни изпрашивать одобренія у ихъ рабовъ. Похвалы часто бываютъ взаимны; онъ презиралъ гнусную сію торговлю. Онъ слишкомъ чистосердечно любилъ людей, и потому не могъ льстить; но все то, что могло быть для нихъ вредно, возбуждало въ немъ величайшее негодованіе, и сей благородной страсти обязаны мы прекраснѣйшею половиною его сочиненія, то есть, самою поучительнѣйшею и вообще полезнѣйшею во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Поразивъ пороки, признанными отъ всѣхъ таковыми, онъ увидѣлъ, что надлежало еще обратиться къ самому источнику зла, и помрачить блескъ ложныхъ добродѣтелей. Ибо надлежитъ, говоритъ Монтань, снимать личину какъ съ вещей, такъ и съ людей. Отсюда возпріяли бытіе свое сіи сатиры, или лучше сказать, сіи прекрасныя рѣчи противу пустыхъ пред-

разсудковъ нашихъ, которые нерѣдко бываютъ гораздо сильнѣе, нежели здравый разумъ.

„Изъ сего ясно видѣть можно, почему Горація любятъ гораздо болѣе, нежели Ювенала. Уже давно извѣстно, что чистая добродѣтель не имѣетъ никакой цѣны, что тѣкои преподаютъ оную во всей ея чистотѣ, всегда имѣютъ болѣе сопротивниковъ, нежели послѣдователей, и гораздо чаще возбуждаютъ негодованіе, нежели преклоняютъ къ добродѣтели. Представимъ себѣ, что ежели бы въ то время, какъ богачи, будучи почти всегда ненасытны, забываютъ стыдъ и человѣколюбіе, когда дѣло идетъ о приобрѣтеніи большаго богатства; въ то время, какъ деньги, вмѣсто того, чтобы разливаться по всѣмъ частямъ государства и доставлять потребное неимущимъ, служатъ только къ насыщенію наглой роскоши временщиковъ, явились два оратора, изъ коихъ одинъ защищалъ бы излишество, а другой необходимость; то какая была бы ихъ участь? Безъ сомнѣнія, первый получилъ бы великое одобреніе отъ нашихъ Крезовъ; а другой, имѣя на сторонѣ своей однихъ только несчастныхъ, былъ бы презрѣнъ и осмѣянъ. Великое дарованіе писателя у народа, достигшаго до сего развращенія нравовъ, которое называется тонкою учтивостію, состоитъ въ томъ, чтобы говорить не истинну, но то, что нравится сильнымъ. Естьли размышленія сіи справедливы; то не льзя спорить и

въ томъ, что людямъ честолюбивымъ, сладострастнымъ и тѣмъ, кои слѣдуютъ общему образу мыслей, гораздо выгоднѣе предпочитать строгому и грубому охужденїю Ювеналову кротость и вѣжливость снизходительнаго стихотворца, который не только украшаетъ предметы по ихъ вкусу и оправдываетъ ихъ прихоти, но еще умѣетъ одобрять слабости ихъ своимъ примѣромъ. Часто, говоритъ Горацій, для соблюденія моего благополучія дѣлаю то, что охуждаетъ собственный мой разсудокъ. Онъ признается ещѐ, что не въ силахъ былъ возпротивиться минутной прелести, и что правила его измѣнялись по обстоятельствамъ. Мы должны слушать его то превозносящаго поперемѣнно умѣренность души и дѣятельность въ домогательствѣ почестей, то хвалящаго гибкость Аристиппа, или непреклонность Катона, какъ будто бы сердце можетъ въ одно и тоже время ощущать противуположныя чувствованія и одобрять въ одномъ и томъ же сочиненіи скромность, которая старается себя скрывать, и тщеславіе, которое горитъ желаніемъ показаться во всемъ своемъ блескѣ. Естьли правда, что люди, по мѣрѣ просвѣщенія, приходятъ въ слабость и уничиженіе; то большая часть людей должна нынѣ отдавать преимущество тому, который лучше умѣетъ забавлять умъ и льстить слабости сердца, не показывая однако нарушенія существенныхъ качествъ, составляющихъ честнаго человѣка. По симъ-то особенно причинамъ

Горацій не престанетъ во всѣ времена быть наперсникомъ и другомъ потомства, которое новыя искуства, и слѣдовательно новыя нужды удалять будутъ болѣе и болѣе отъ простоты естественной. Но человѣкъ независимый, естьли еще существуетъ оный, человѣкъ твердо убѣжденный, что истинное счастіе обитаетъ въ насъ самихъ, что выключая обязанности, налагаемыя на насъ должностію, благосклонностію и человѣколюбіемъ, всѣ прочія суть ложны и вредны; человѣкъ, который слѣдуетъ непоколебимымъ правиламъ, который знаетъ, что надлежитъ желать только одной вещи, то есть, добра и уклоняться отъ зла, и который охотнѣе подвергаетъ себя поношенію и даже смерти, нежели поступитъ вопреки своей совѣсти, коея одобреніе считаетъ онъ доспаточнымъ доказательствомъ невинности, тотъ безъ сомнѣнія рѣшительно предпочтетъ строгость непоколебимой и неизмѣнной нравственности всякому потворству снизходительнаго сочинителя. Итакъ Ювеналъ былъ бы первый изъ сатириковъ, естьли бы люди чувствовали необходимую нужду въ добродѣтели; *но*, какъ онъ говоритъ самъ, *честность хвалятъ всѣ, а никто не наблюдаетъ оной.*

Изъ сего слѣдуетъ, что Горацій писалъ какъ искусный придворный, а Ювеналъ какъ ревностный гражданинъ; что одинъ удовлетворяетъ желанію человѣка изнѣженнаго и сластолюбиваго, а другой совершенно угождаетъ человѣку, одаренному душею твердою и строгою. „

Сіе разсужденіе, конечно, наполнено краснорѣчіемъ строгимъ и достойнымъ переводчика Ювеналова. Но довольно ли хорошо онъ размышлялъ о семъ предметѣ? Горацій заслуживаетъ ли всѣ сдѣланныя ему упреки, а Ювеналъ всѣ похвалы, ему приписуемыя? Причины предпочтенія всѣми отдаваемаго первому суть ли дѣйствительно тѣ, кои показаны въ предъидущемъ разсужденіи? Сіи-то вопросы я принимаю смѣлость разсмотрѣть съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы показать истинну, которую литтераторъ — философъ, каковъ сочинитель вышесказаннаго разсужденія, почитаетъ важнѣе всего; и какъ онъ необиновенно опровергъ, въ одномъ мѣстѣ рѣчи своей, мнѣніе одного изъ своихъ сотоварищей о Ювеналѣ, то я надѣюсь, что и онъ не вознегодуетъ на меня, ежели буду опровергать его мнѣніе. Хотя бы я и ошибся въ моихъ мысляхъ, однако же преніе таковаго рода съ такимъ достойнымъ уваженія человѣкомъ, каковъ Г-нъ Дюсоль, принесетъ мнѣ только честь, и обратитъ вниманіе всѣхъ любителей словесности.

Во первыхъ посмотримъ, довольно ли означены свойства обоихъ нашихъ писателей симъ главнымъ выраженіемъ, на которомъ основано все сравненіе: „одинъ прилѣпляется „только къ тому, что сатира имѣетъ въ себѣ „забавнаго, а другой только къ важности оной?„ Признаюсь, что Горацій весьма забавенъ; сіе качество получилъ онъ и отъ самой природы и отъ вкуса. По одному изъ стиховъ его,

повсюду въ примѣръ приводимому, утвердилось сіе мнѣніе, которое никѣмъ не было оспориваемо, что насмѣшки, даже въ важнѣйшихъ предметахъ, часто имѣютъ болѣе силы и пользы, нежели неумолимая строгость сатирика. Къ утвержденію сей истинны можно бы привесть великое множество примѣровъ; но поданный для сего примѣръ Монтескіемъ есть самый убѣдительнѣйшій. Сочинитель *Духа законовъ* прославился не издѣвочными своими сочиненіями, однакожъ на инквизицію нападалъ онъ одною только насмѣшкою. Изъ сего еще не слѣдуетъ, что онъ не сильно чувствовалъ жестокость оной? Ибо о жестокости ея надлежитъ судить по тому ужасу, каковое внушаетъ онъ къ тому чудовищу, котораго поражаетъ насмѣшкою! Да и какою насмѣшкою! Къ сему случаю можно приложить слѣдующія удачныя слова, весьма справедливо похваляемыя Г-мъ Дюсолемъ въ Ювеналѣ: „когда „богъ взираетъ на злыхъ, онъ надъ ними „посмѣвается и презираетъ.„ И въ самомъ дѣлѣ бываетъ такой смѣхъ, сопряженный съ презрѣніемъ и негодованіемъ, который выражаетъ самое прискорбное ощущеніе, каковое только чрезмѣрный порокъ и преступленіе можетъ внушить честному человѣку. Правда Горацій не такимъ образомъ смѣется; но сіе по тому, что онъ сражается не съ инквизиціею. Г. Дюсоль соглашается самъ, что въ то время, когда писалъ Горацій, нравы были несравненно менѣе развращены, соблаз-

нительны, жестоки, нежели каковыми сдѣлались они отъ временъ Тиверія до Домиціана. Онъ бы могъ присовокупить къ похвалѣ Августа, что мудрые законы сего государя способствовали къ возстановленію нѣкотораго рода благопристойности, и изтребили нѣкоторую часть безпорядковъ, навлеченныхъ междусобными браніями. Но кажется, что Г. Дюсоль столькоже мало хвалитъ Августа, какъ и стихотворца, коего онъ былъ благодѣтелемъ, что также, по мнѣнію моему, можетъ почесться несправедливостію, которою я осмѣлюсь его упрекнуть.

Итакъ Горацій поступалъ весьма хорошо, что въ своихъ сатирахъ употреблялъ шутку, не только по тому, что порокъ боится шутокъ, но еще и по тому, что оныя составляютъ особенную пріятность въ семъ родѣ сочиненія, и что сочинитель, желающій научать и исправлять, долженъ напередъ достигнуть до того, чтобы его охотно читали. Но не уже ли Горацій былъ только забавенъ? Не умѣетъ ли онъ придавать разсудку и истинѣ приличную имъ важность? не уже ли въ немъ не было столько вкуса, дабы знать, что сатира требуетъ и принимаетъ всѣ роды слога; что всякой родъ сочиненія, во избѣжаніе единообразія, долженъ въ себѣ вмѣщать разные роды слоговъ, и что нравоучительный стихотворецъ не всегда долженъ шутить и издѣваться? Смѣшонъ ли онъ, когда устами Отелла произноситъ прекрасную похвалу воздержанію и умѣренности въ про-

тивуположеніе той непомѣрной роскоши въ яствахъ, которою упрекаетъ онъ Римлянъ своего времени? Можно ли лучше означить настоящую средину, отдѣляющую чрезмѣрную бережливость отъ хозяйства, и скупость отъ мудрой простоты? можно ли бо́льшее обратить вниманіе на выгоды здоровой и трудолюбивой жизни, которая весьма легко находитъ вкусъ въ яствахъ самыхъ простыхъ и въ самой умѣренной пищѣ? Шутитъ ли онъ въ сатирѣ своей на дворянство, гдѣ съ величайшею чувствительностію говоритъ о воспитаніи, которое онъ получилъ отъ отца своего, бывшаго отпущенникомъ, и о нѣжномъ воспоминаніи, которое онъ сохранялъ о семъ почтенномъ отцѣ? Не изъ его ли сочиненій взята мысль слѣдующаго прекраснаго стиха Меропы?

Je n'aurais point aux dieux demandé d'autre père.
Я не буду просить у боговъ инаго отца.

Я бы могъ привести много другихъ мѣстъ, великаго ума исполненныхъ, и заставляющихъ уважать его сочиненія; изъ нихъ бы увидѣли, что онъ не имѣлъ никакой нужды въ шуткахъ, чтобы придать достоинство своимъ сочиненіямъ, и ежели когда либо употреблялъ оныя, то употреблялъ ихъ весьма къ стати. Но я обращаюсь къ самому Г. Дюсолю, который между прочимъ говоритъ: „Каждый „умный человѣкъ не можетъ читать сочи„ненія его безъ особаго удовольствія. Кліентъ Мецената соединялъ высокія и осно„вательныя качества съ пріятными даро„ваніями. Будучи философъ и стихотворецъ,

„онъ предписывалъ съ одинаковою удобностію „правила для жизни и правила искуствъ.„ Я ничего не могу прибавить къ сей справедливой и совершенной похвалѣ. Но таковое изображеніе прилично ли писателю, который *держался только забавнаго въ сатирѣ*? Не мнѣ надлежитъ соглашать Г. Дюсоля съ нимъ самимъ. Я довольствуюсь употребленіемъ одного изъ выраженій его для опроверженія другаго, и почитаю себя счастливымъ, что могу противупоставить ему собственное его оружіе.

Но съ другой стороны правда ли, будтобы Ювеналъ употреблялъ только то, что есть *важное и строгое* въ сатирическомъ родѣ? Онъ конечно держался онаго; но сколь мнѣніе сего прекраснаго переводчика ни важно быть кажется; однакожъ я осмѣливаюсь не соглашаться съ онымъ, и думаю, что главныя свойства сего стихотворца походятъ болѣе на злобу и негодованіе; по крайней мѣрѣ онѣ весьма часто обнаруживаются въ его сочиненіяхъ. Онъ самъ говоритъ, что *негодованіе* внушало ему стихи его, а сочиненія его служатъ неоспоримымъ тому доказательствомъ. Сіе природное свойство еще болѣе укрѣпилось привычкою къ тѣмъ школьнымъ декламаціямъ, которыми занимался онъ въ своей юности, и которыя заставили Буало сказать столь справедливо:

Juvenal élevé dans les cris de l'école,
Poussa jusqu'à l'excès sa mordante hyperbole.

Ювеналъ, бывъ воспитанъ въ училищномъ шумѣ,
Простеръ ѣдкую свою иперболу до крайности.

Тамъ-то приобыкъ онъ къ сему насильственному и запальчивому слогу, который безъ сомнѣнія вредитъ и самой истинѣ, увеличивая ее до крайней чрезмѣрности. Даже и самъ переводчикъ его въ томъ согласенъ: онъ признаетъ: что рвеніе *его бываетъ иногда трезвѣрно.* Ненужно другаго доказательства, кромѣ ужасной сатиры его противъ женщинъ, которой бы не долженъ былъ подражать Буало, во первыхъ по тому, что великій писатель долженъ уклоняться предмета, который, какъ и всѣ общія мѣста, доказывая слишкомъ много, не доказываетъ ничего; во вторыхъ по тому, что нападая безъ различія на одну половину рода человѣческаго, надлежало бы помыслить, съ коликою удобностію было бы можно сдѣлать обратное уличеніе, и что какая нибудь женщина, одаренная способностію писать стихи, могла бы столь же удобно сочинить сатиру на мущинъ, которая впрочемъ доказывала бы не болѣе, какъ и всѣ сатиры, написанныя противъ женщинъ; наконецъ по тому, что справедливость, долженствующая быть правиломъ во всякомъ случаѣ, требуетъ, что изчисляя чьи либо дурные поступки, надлежитъ также упоминать и о дѣлахъ добрыхъ, и не подвергать безразсудно вообще ни того ни другаго пола равному осужденію. Боало по крайней мѣрѣ сколько нибудь снизходителенъ; онъ говоритъ, что изъ общаго охужденія могъ бы онъ изключить не болѣе трехъ женщинъ. Ювеналъ не столь снизходителенъ: онъ не изключаетъ ниодной. „Пусть будетъ хотя одна женщина,

„одаренная всѣми изящными качествами, го-
„воритъ Ювеналъ; но чтожъ? она сдѣлается
„несносною по своей гордости, и будетъ му-
„жа своего приводить въ отчаяніе по семи
„разъ на день.“ Какъ! не ужели такимъ обра-
зомъ научаютъ, совѣтуютъ и исправляютъ?
Можно ли назвать сіе *важнымъ* въ сатирѣ,
которая цѣлію своею имѣетъ исправленіе
нравовъ? Не уже ли она должна быть только
игрою ума и декламаціею ритора? Случай
сей приводитъ мнѣ на память одно весьма
благоразумое изрѣченіе нѣкоторой женщины,
въ присутствіи коея одинъ молодой человѣкъ
говорилъ о женскомъ полѣ вообще съ нѣ-
коею насмѣшкою, которую почиталъ онъ
весьма остроумною: „Сей молодой человѣкъ,
„сказала она, не забылъ ли, что онъ имѣлъ
„мать?“

„Горацій, кажется болѣе желалъ нравить-
ся, нежели исправлять.“ Съ самаго начала ка-
ждый стихотворецъ, каждый писатель долженъ желать нравиться своимъ читателямъ;
ибо симъ только однимъ средствомъ можетъ
онъ быть полезенъ. Сіе-то самое Горацій
имѣлъ главнѣйшею цѣлію въ своихъ одахъ,
въ письмахъ, и къ оному можно еще присо-
вокупишь охоту забавлять себя, имѣя вкусъ
къ стихотворству, и зная свойство своего
права. Но въ сатирахъ его, слогъ, по мнѣнію
моему, становится строже, нравоучитель-
нѣе и довольно приличенъ сему роду сочи-
ненія. Сіе существенное различіе тѣмъ болѣе
еще здѣсь важно, что Г. Дюсоль для сужде-

нія о Горацiи, какъ о стихотворцѣ сатирическомъ, приводитъ въ примѣръ одни его письма, хотя для показанія основательности въ сужденiяхъ надлежало бы ему ссылаться только на его сатиры.

„Наблюдая только собственныя свои „выгоды, и почитая себя неспособнымъ къ „надлежащему исполненiю трудныхъ обязан„ностей истиннаго республиканца, онъ воз„чувствовалъ, до какой степени могъ воз„выситься оборотливостiю и просвѣщенiемъ „своего ума, свойства до сего времени мало „уважаемыя у народа безпокойнаго и помы„шлявшаго только о завоеванiяхъ.„

Предположенiя сiи можетъ быть болѣе остроумны, нежели основательны. Вѣроятно, что Горацiй по кропкому и примѣрному своему нраву, по склонности своей къ словесности, къ праздности и независимости, уклонился бы отъ всѣхъ государственныхъ должностей, даже и тогда, когда бы онъ жилъ во время республиканскаго правленiя, потому что самыя милости, каковыя оказывалъ ему Августъ, не заставили его искать какой либо для себя должности. Впрочемъ мы не имѣемъ нималѣйшей причины заключать, что Горацiй, естьли бы возложена была на него какая должность, не отправилъ бы оной съ надлежащимъ успѣхомъ. Онъ былъ честенъ и уменъ: почему не могъ бы онъ сдѣлать того же, что учинилъ Отонъ, который утопая прежде во всѣхъ возможныхъ

распутствахъ, (чего съ Гораціемъ никогда не бывало), управлялъ потомъ Португаллією съ такимъ успѣхомъ, что по свидѣтельству всѣхъ историковъ служилъ онъ образцемъ благоразумія и справедливости? Но сіе ни въ какомъ случаѣ не было нужно для счастія, ни для доставленія славы Горацію. Ибо не льзя сказать, чтобы Римляне, до царствованія Августа, мало уважали дарованія ума. Теренцій связанъ былъ тѣснѣйшими узами дружества съ Сципіономъ и Леліемъ, съ сими двумя знаменитѣйшими мужами своего времени; то и можно предполагать, что Горацій не менѣе былъ бы уваженъ первѣйшими гражданами въ республикѣ.

„Вѣжливость, блескъ и пагубное спокой-
„ствіе сего, такъ сказать, усыпительнаго цар-
„ствованія, не имѣли ничего ужаснаго для че-
„ловѣка, коего вся нравственность состояла
„въ изыскиваніи сладострастій, и коего
„различныя сочиненія составляли обшир-
„ное разсужденіе о искуствѣ наслаждаться
„настоящимъ, не обращая вниманія на не-
„счастія, угрожавшія потомству.... Онъ
„не показывалъ сожалѣнія о благоразумной
„*строгости* прежняго правленія.... Онъ ви-
„дѣлъ, что не подвергаясь никакому нака-
„занію могъ быть льстецомъ и *сообщникомъ*
„человѣка, царствовавшаго безъ всякаго пре-
„пятствія. “

Я не могу понять, въ чемъ Г. Дюсоль хочетъ упрекнуть здѣсь Горація. Не уже-

ли хочетъ онъ чрезъ сіе сказать, что есть-ли бы Горацій былъ истинный республиканецъ, то вѣжливость Августа и блескъ его царствованія возбудили бы въ немъ негодованіе? Но почему требуетъ онъ, что бы Горацій думалъ иначе, нежели всѣ прочіе Римляне? Г. Дюсоль самъ говоритъ: Воспоминаніе междоусобныхъ раздоровъ заставляло *обожать* возстановителя сего новаго спокойствія.... *Ослѣпленіе и радость были всеобщи.* „Какъ можно винить Горація въ томъ, что чувствованія его были согласны съ чувствами всѣхъ сограждан? почему желаютъ, чтобы онъ былъ одинъ республиканцемъ? Остается только одинъ отвѣтъ, то есть утверждать, что тогда всѣ были неправы, и что надлежало гнушаться властію Августа. Но сей послѣдній отвѣтъ заставитъ насъ только повторить истинну, давно уже доказанную, что Римляне не могли и не должны были имѣть другаго образа мыслей. Что значитъ *гибельное спокойствіе сего цсытительнаго царствованія?* что значитъ сія *строгость прежняго правленія*, о которомъ по мнѣнію Г. Дюсоля Горацій долженъ былъ *сожалѣть?* Извѣстно, что уже давно строгость и древнее правленіе были забыты. Уже за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, уже во время войны Марія и Силлы надлежало жалѣть о многомъ. Но послѣ пяти или шести междоусобныхъ браней, изъ коихъ одна была кровопролитнѣе другой, наставшее спокойное царствованіе Августа пагубно ли было или полезно? Тутъ нѣтъ средины: или должно согласиться, что Римляне

имѣли причину почитать себя весьма счастливыми во время правленія Августа, или должно доказать, что Римъ могъ еще быть свободнымъ. Но Г. Дюсоль знаетъ столько же, какъ и я, что вопросъ сей не есть уже загадка. Естьли исторія заключаетъ въ себѣ неоспоримо принятое доказательство, состоящее въ томъ, что ни нравственно ни политически не возможно было, чтобы богатая и развращенная республика, посылавшая многочисленныя войска въ три части свѣта, не имѣвшія при себѣ такого начальника, который могъ бы содержать въ повиновеніи полководцевъ, ими предводительствовавшихъ, не подпала когда либо подъ власть перваго честолюбца, пожелавшаго царствовать. Марій и Силла служили тому примѣромъ: Помпей, окончивъ войну съ Митридатомъ, могъ сдѣлаться властелиномъ Рима, и за то, что не пожелалъ быть онымъ, сдѣлался онъ кумиромъ Сената. Кесарь и Антоній царствовали. Г. Дюсоль говоритъ самъ, что всѣ защитники свободы погибли, что всѣ Римляне съ возхищеніемъ покоились наконецъ подъ тихою властію. Къ чему же служатъ упреки, которые онъ дѣлаетъ стихотворцу? Почему называетъ онъ его *рабомъ* и *льстецомъ*? Когда всѣ довольны правленіемъ, то ясно доказано, что Римъ не могши обойтися безъ повелителя, долженъ былъ только желать, дабы онъ былъ хорошъ; когда же онъ обрѣлъ его, то принимающаго участіе наровнѣ съ прочими граждданами въ счастіи общемъ, можно ли на-

звать рабомъ, или только человѣкомъ благоразумнымъ? А прославляющій благодѣтеля своего долженъ называться не льстецомъ, но человѣкомъ благодарнымъ.

Впрочемъ сіи похвалы могутъ ли быть названы несправедливыми? Г. Дюсоль въ замѣчаніяхъ своихъ отзывается съ великимъ презрѣніемъ объ Августѣ: но историки говорятъ о немъ иначе. Онъ былъ уменъ, одаренъ великими способностями и твердъ; а потому неудивительно, что онъ достигъ высочайшей степени достоинства. Во многихъ случаяхъ не доставало въ немъ мужества; но иногда онъ оказывалъ онаго много; сіе доказываетъ только, что мужество было не врожденнымъ его качествомъ, но плодомъ здраваго разсудка и смѣтливости, и что онъ подвергалъ себя опасности тогда только, когда почиталъ сіе нужнымъ. Что касается до его царствованія, то оное кажется освященно одобреніемъ и похвалою всѣхъ вѣковъ. Должно, конечно, ненавидѣть Октавія; но надлежитъ почитать Августа. Онъ дѣйствительно заключалъ въ себѣ качества двухъ человѣковъ, кои въ наши времена недовольно были различены, и не должно, чтобы изъ пристрастія къ одному мы были несправедливы противъ другаго. Г. Дюсоль говоритъ, что нравъ его сдѣлался извѣстенъ съ тѣхъ поръ, какъ философы стали писать исторію. Довольно прочесть древнихъ, дабы имѣть настоящее понятіе о семъ нравѣ, который никогда не былъ загадкою. Ни-

одинъ изъ сихъ историковъ не упрекалъ писателей того времени за похвалы, Августу ими приписанныя, да и мы поступили бы несправедливо, вмѣнивъ Горацію и Виргилію въ порокъ, что они прославили царствованіе, которое въ теченіе сорока лѣтъ доставляло благоденствіе Риму, и которое заставило всю имперію, по смерти Августа, принесть ему самую дражайшую дань, то есть, искреннѣйшее сожалѣніе и слезы. Сіе благополучное царствованіе Августа обыкновенно смѣшиваютъ съ тѣмъ временемъ, когда Октавій подвергалъ многихъ гражданъ изгнанію и самой смерти. Можно не вѣрить похваламъ; но до сего времени, кажется мнѣ, еще никто не опровергалъ сожалѣнія, оказаннаго о смерти Августа; а когда народы проливаютъ слезы о кончинѣ своего государя, то должно вѣрить онымъ. Не забудемъ, что отказывать въ справедливости тому, кто, по сдѣланіи зла, дѣлаетъ добро, есть правило очень опасное. Всеобщая польза требуетъ никогда не лишать людей надежды къ исправленію своихъ пороковъ, содѣлавшись лучшими, хотя бы то произходило отъ угрызенія совѣсти, или отъ политики, или отъ какой либо другой причины. Кажется, я доказалъ довольно ясно, что Горацію не должно было сожалѣть о прошедшемъ, ни негодовать на настоящее. Его обвиняютъ, что онъ не помышлялъ о *будущемъ*. Сіе не иное что значитъ, какъ нападать на него со всѣхъ сторонъ. Но по чему бы сіе *будущее* могло ея озабочивать? Онъ могъ опасаться, (что и

случилось), чтобы столь добродѣтельному государю, каковъ былъ Августъ, не послѣдовалъ тиранъ. Но сіе опасеніе во всякое время существовать можетъ въ правленіи деспотическомъ, и предполагая, что свобода республиканская была бы возстановлена на минуту, какъ сіе и могло бы случиться, ежели бы Августъ сложилъ съ себя императорское достоинство, то надлежало опасаться того, чтобы сія свобода не была нарушена новыми междоусобными войнами. Одно или другое изъ сихъ безпокойствъ непремѣнно должно было тревожить государственныхъ чиновниковъ, и тѣхъ, кои имѣютъ участіе въ дѣлахъ государственныхъ; но ниодна изъ сихъ причинъ не можетъ опредѣлить ни свойства, ни рода сатиры, а можетъ статься Г. Дюсоль хотѣлъ коснуться сего предмета съ тѣмъ только намѣреніемъ, что бы предписать обязанности сатирика и различныя свойства сравниваемыхъ имъ стихотворцевъ.

Сказанное имъ о Горація, что онъ чувствовалъ, до какой степени могъ онъ *возвыситься* дарованіями своими въ царствованіе императора, могло бы вселить мысль, что Горацій былъ честолюбивый политикъ. Напротивъ того всѣмъ извѣстно, что никакой человѣкъ не былъ столь отдаленъ отъ честолюбія и корыстіи, какъ Горацій. Августъ жаловалъ его своимъ секретаремъ, но Горацій отказался отъ сей должности, которая могла бы льстить гордости и возбудить надежду. Его имущество и желанія были всегда меньше,

нежели то, что получалъ онъ отъ Мецената. Извѣстно, что двумъ писателямъ Виргилію и Варію обязанъ онъ былъ покровительствомъ и дружбою любимцевъ Августа: столь знаменитые и честные люди не стали бы хвалить и одобрять человѣка пронырливаго.

Справедливо ли сказано, что *вся его нравственность основана на сладострастіи, а сочиненія его не иное что суть, какъ разсужденіе о искусствѣ наслаждаться удовольствіемъ?* Можно любить и прославлять удовольствіе и имѣть нравственность совсѣмъ иную, нежели склонность къ наслажденіямъ. Нравственность его не была бы названа нравственностію всѣхъ честныхъ людей, естьлибы она не имѣла другаго достоинства? Правда онъ былъ послѣдователь Эпикура, но онъ былъ таковымъ въ настоящемъ значеніи сего слова: просвѣщеннымъ людямъ извѣстно, что слово сіе въ обыкновенномъ употребленіи весьма много уклонилось отъ истиннаго своего знаменованія. Горацій неуклонно слѣдуя настоящему ученію Эпикура, всегда удалялся отъ крайностей: доказательствомъ сему служатъ его сочиненія, въ коихъ съ великою откровенностію изображаетъ онъ самаго себя, что онъ не былъ подверженъ ни грубому распутству, ни пьянству, ни безразсуднымъ излишествамъ; что онъ не предавался никакой роскоши; что онъ былъ умѣренъ во всѣхъ своихъ наклонностяхъ. Онъ непрестанно совѣтуетъ наблюдать ту умѣренность въ желаніяхъ, ту драгоцѣнную

во всемъ средину, которая почитается источникомъ настоящаго счастія и благоразумія; главнымъ же основаніемъ всего полагаетъ то, чтобы имѣть чистую совѣсть, чтобы, какъ онъ говоритъ самъ, никакой проступокъ не покрывалъ лица постыдною блѣдностію: nulla pallescere culpâ. Онъ желаетъ, чтобы человѣкъ научился повелѣвать самимъ собою, изтреблять непозволенныя наклонности, укрощать сильныя страсти, безпрестанно стараться о исправленіи своихъ погрѣшностей и великодушно сносить оныя въ другихъ. Снизхожденіе къ ближнему и строгость къ самому себѣ суть два важныя правила, служащія основаніемъ его нравственности. Гдѣ мы найдемъ лучше оныхъ? Ниодинъ писатель не говорилъ съ толикою привлекательностію о пріятностяхъ уединенія, о прелестяхъ и обязанностяхъ дружества, о сладости безмятежной сельской жизни, и наконецъ о той любви ко всему сельскому, которая весьма естественнымъ образомъ соединяется съ любовію къ изящнымъ искуствамъ. Вотъ Эпикуризмъ Горацієвъ, и есть либы онъ имѣлъ много истинныхъ послѣдователей, то надѣюсь, что они принесли бы немалую выгоду обществу.

Г. Дюсоль признается, что *никто не умѣлъ хвалить искуснѣе его.* Но къ сему можно присовокупить, что онъ хвалилъ только почтеннѣйшихъ особъ въ имперіи: Агриппу, Полліона, Метелла, Квинтилія Вара. Переписка его съ Меценатомъ наполнена любезнѣйшею веселостію и пріятнѣйшею чувствитель-

ностію. Онъ лучше всѣхъ писателей прославился въ древности, умѣлъ употреблять благородство и благопристойность въ обращеніи, которому подражалъ Волтеръ, и до коего немногіе могутъ достигнуть; потому что къ соблюденію настоящей въ томъ мѣры должно имѣть очень много ума, пріятности, нѣжности и тонкости. Читая Горація, удобно видѣть можно, что онъ былъ весьма любезенъ своимъ друзьямъ, и что между прочими и Августъ любилъ его искренно. Меценатъ умирая поручалъ его сему государю, сказавъ слѣдующія весьма краткія, но замѣчательныя слова: *помните о Гораціи, какъ о мнѣ самомъ.* Августъ не гнѣвался на него за то, что онъ отказался быть его секретаремъ. Онъ шутитъ съ нимъ въ одномъ изъ своихъ къ нему писемъ: „Я говорилъ о васъ съ другомъ вашимъ Септиміемъ: онъ скажетъ „вамъ, что я васъ очень помню. Хотя вамъ „и угодно было предъ мною гордиться и „важничать, но я за то нимало не сержуся.“ Въ другой разъ писалъ онъ къ нему: „Не „сомнѣвайся въ моихъ къ тебѣ благоразположеніяхъ, употребляй ихъ такъ точно, какъ „будто бы ты жилъ въ моемъ домѣ; дѣлая „сіе поступишь весьма хорошо. Тебѣ извѣстно, что я самъ того желалъ, и что я „хочу тебя видѣть у себя всегда, когда пользователь здоровье твое учинить то позволишъ.“ Приведу еще другое письмо; ибо любопытно видѣть, какимъ образомъ писалъ повелитель вселенной сыну отпущенника. „Знай, что я „на тебя очень негодую за то, что въ боль-

„шой части твоихъ сочиненій ты не со „мною разговариваешь. Не уже ли опа„саешся навлечь на себя негодованіе потом„ства, давъ ему знать, что ты былъ мнѣ „другомъ?“ Горацій былъ тронутъ симъ ласковымъ выговоромъ, и написалъ къ нему то прекрасное посланіе, коимъ начинается вторая книга, Cum tot sustineas и проч.

Толь многія ласки, толь особенное благоволеніе не развратили ума стихотворца-философа, и не возпрепятствовали ему проводить большую часть жизни по въ Тиволи, коего имя сдѣлалось весьма славнымъ, то въ небольшомъ помѣстьѣ, находившемся въ области Сабинской. Надлежитъ послушать Горація, какъ шутитъ онъ съ Меценатомъ надъ мнѣніемъ, которое имѣли о великой его силѣ, и надъ тѣми, которые думали, что Меценатъ разсуждаетъ съ нимъ о тайныхъ государственныхъ дѣлахъ *тогда, какъ по большой части*, говоритъ онъ, *разговариваемъ мы о дождѣ или о хорошей погодѣ*. Нѣкогда обѣщалъ онъ ему, отъѣзжая въ деревню, пробыть тамъ только пять дней; по прошествіи мѣсяца увѣдомилъ онъ его письмомъ, что возвратится въ Римъ весною; письмо сіе писано было въ Августѣ мѣсяцѣ. „Что дѣлать? „пишетъ онъ ему, я не боленъ, это правда, „но боюсь сдѣлаться больнымъ. О мнѣ су„дить должно по моему состоянію. Обогативъ „меня, ты оставилъ при мнѣ и свободу: я „ползуюсь ею.“ Неоднократно говорено, что Горацій былъ человѣкъ *придворный*; правда онъ былъ вѣжливъ и ловокъ; но при всемъ томъ

въ немъ не видно ни расторопности, ни хлопотливой заботливости, ни даже услужливости, придворному человѣку свойственныхъ.

Г. Дюсоль не признаетъ въ Горацiи весьма многихъ достоинствъ, напротивъ того слишкомъ много приписываетъ оныхъ Ювеналу. Онъ непрестанно негодуетъ на похищенную власть, и Римлянамъ приводитъ на память счастливыя времена ихъ независимости. Я недавно перечитывалъ всѣ его сатиры: признаюсь, что я нигдѣ не видалъ, чтобы Ювеналъ вооружался противъ власти самодержавной, и совѣтовалъ Римлянамъ возвратить себѣ права республиканской власти. Знаю, что въ сатирѣ своей на Домицiана изображаетъ онъ сильными чертами ужасъ, который поселяли сiе чудовище и подлость его льстецовъ. Но Домицiана тогда уже не было; однако же все сказанное въ сей сатирѣ относится лично къ сему тиранну: нѣтъ ни одного слова, клонящагося какимъ-бы-то образомъ ни было къ опроверженiю власти императорской; и, поелику должно говорить сущую правду, Ювеналъ сего же самаго Домицiана, коего жестоко поноситъ послѣ смерти, хвалилъ при жизни. Ювеналъ называетъ его единственнымъ покровителемъ, единственнымъ путеводителемъ художествъ и словесности. Я согласенъ, что онъ былъ обманутъ тѣмъ наружнымъ благоволенiемъ, каковое Домицiанъ оказывалъ людямъ ученымъ, и которое было слѣдствiемъ притворства, свойственнаго сему государю; подобно какъ и Луканъ былъ обольщенъ обманчивымъ нача-

ломъ царствованія Нерона; но Луканъ въ поэмѣ своей *Фарсальская брань* также весьма сильно и безпрестанно вооружается противъ тиранніи. Онъ-то явно возстаетъ противъ похищенной власти, негодуетъ, что Римляне несутъ иго, возложенное подлостію ихъ предковъ, безпрестанно повторяетъ имя свободы, вооружаетъ ихъ противу тирановъ, совѣтуетъ лучше весть междоусобную брань, нежели стенать подъ тяжкимъ игомъ рабства. Онъ говоритъ, какъ республиканецъ, какъ Римлянинъ. Луканъ былъ твердъ: поведеніе его и участь были таковы, каковыхъ надлежало ожидать отъ человѣка, писавшаго симъ слогомъ въ царствованіе Нерона. Онъ былъ съ Пизономъ противъ его въ заговорѣ, и окончалъ жизнь свою двадцати семи лѣтъ, открывъ себѣ жилы. Я не упрекаю Ювенала, что онъ былъ не столь мужественъ, и умеръ спокойно; но я также не припишу ему и похвалъ, коихъ онъ не заслуживаетъ. Я нахожу въ сочиненіяхъ его только одно мѣсто, гдѣ онъ сожалѣетъ о потерѣ вольности. Сожалѣніе сіе находится въ первой его сатирѣ, въ которой онъ говоритъ: „Имѣешь ли ты даръ и духъ приличный „предмету твоего сочиненія? готовъ ли ты, „подобно твоимъ предшественникамъ, пи„сать съ тою пылкою и одушевленною от„кровенностію, которую я и наименовать „не смѣю?“ Сіе ясно, что имя, которое онъ произнести не смѣетъ, есть имя вольности. Но сіе сожалѣніе, какъ видно, есть скрытное и робкое; оно по видимому оп-

носится до одной только свободы сочиненій. Наконецъ должно сказать, что онъ болѣе ничего не писалъ о вольности. Сія сатира, какъ почти и всѣ прочія, были написаны въ царствованіе Траяна, нѣкоторыя жъ сочинены при Адріанѣ; одна во время Домиціана, въ ней-то хвалитъ онъ сего государя. Итакъ время, въ которое Ювеналъ писалъ, можетъ нѣкоторымъ образомъ опровергнуть сказанное переводчикомъ его о разныхъ обстоятельствахъ, въ кои онъ сочинялъ, дабы оправдать чрезмѣрное негодованіе и неистовство, каковыми равно наполнены почти всѣ его сатиры. Какъ! Ювеналъ, живя въ царствованіе Домиціана и Траяна, одного изъ прекраснѣйшихъ государей, каковыхъ только бытописаніе намъ представляетъ, видѣлъ царствованія двухъ государей, изъ коихъ одинъ былъ чудовище, а другой человѣкъ великій, и сію столь разительную противоположность, которую Тацитъ сдѣлалъ для насъ столь ощутительною, видѣлъ, — и того не чувствовалъ! По смерти Домиціана и въ правленіе Траяна онъ пишетъ однѣ только сатиры, не находитъ ни одной добродѣтели къ прославленію; стихотворецъ, хвалившій даже Домиціана, не сказалъ ни одного слова въ похвалу императору, служащему образцемъ для всѣхъ государей! Онъ не пользуется симъ стеченіемъ обстоятельствъ, стеченіемъ столь счастливымъ для писателя чувствительнаго, знающаго, что изображенія добродѣтели подаютъ истинное понятіе о порокѣ, что противоположныя сіи изображенія сообщаютъ другъ другу величайшую силу, что

сіи различныя оттѣнки дѣлаютъ слогъ весьма привлекательнымъ, пріятнымъ и разнообразнымъ. Въ заключеніе сего сказать можно, что главнѣйшій недостатокъ въ его сочиненіяхъ есть утомительное и несносное единообразіе. Самая даже сатира не должна быть безпрерывнымъ ругательствомъ, и никто насъ не увѣритъ, что человѣкъ благоразумный долженъ непрестанно предаваться гнѣву, и что гнѣвъ всегда бываетъ справедливъ. Что значитъ писатель, непрестаннымъ гнѣвомъ одержимый, видящій въ природѣ однихъ только чудовищъ, изображающій только предметы ужасные, и останавливающійся кажется съ удовольствіемъ надъ описаніями отвратительнѣйшими, — писатель, всегда устрашающій и никогда не утѣшающій, не дающій ни минуты наслаждаться пріятнымъ ощущеніемъ? Присовокупите къ сему главному недостатку жесткость его словоизраженія, странность его нарѣчія, множество инорѣченій, стихи, напыщенные глубокомысленными эпитетами, наполненные Греческими словами, и естьли толикое множество причинъ дѣлаютъ чтеніе сочиненій Ювеналовыхъ труднымъ и утомительнымъ, то можно ли приписывать порчѣ человѣческихъ нравовъ и развращенію нашего времени предпочтеніе, отдаваемое стихотворцу, каковъ Горацій, коего сочиненія читаются съ удовольствіемъ? Вѣроятно ли то, что Ювеналъ, живя между нами, былъ бы ужасомъ для людей развращенныхъ? Нравы, на которые онъ нападаетъ, большею частію весьма различны отъ нашихъ,

часто изображаетъ онъ самыя ужасныя крайности, кои, по общественному нашему устройству, для насъ столь чужды, (*) что человѣкъ самый порочный, читая Ювенала, почелъ бы себя человѣкомъ самымъ честнымъ. Итакъ справедливѣе заключать можно, что Ювенала мало читаютъ по тому, что онъ имѣетъ въ себѣ мало привлекательнаго для читателя, по тому, что онъ гораздо менѣе старался описывать странности, слабости и пороки свойственныя человѣчеству вообще, нежели нѣкоторый родъ развращенія принадлежащаго одному только народу, достигшему до послѣдней степени униженія распутства и развращенія въ климатѣ, къ сему способствующемъ, въ правленіи ненавистномъ, имѣвшемъ опасную удобность во всѣхъ отношеніяхъ употреблять во зло все покоренное ему въ трехъ частяхъ свѣта? Должно вспомнить, что степени развращенія не только зависятъ отъ порчи нравовъ, но и отъ средствъ: естьли мы еще не столько развращены и не можемъ быть столько развращенными, какъ Римляне, то сіе произходитъ отъ того, что мы не властители цѣлаго свѣта.

Всѣ сіи причины и обстоятелства даютъ намъ право не соглашаться съ заключеніемъ, каковымъ Г. Дюсоль оканчиваетъ свое сравненіе; что „естьли Ювеналъ „мало имѣетъ послѣдователей, то это по „тому, что онъ учитъ добродѣтели безъ

(*) Сіе было писано въ 1787 году.

„всякой примѣси и во всей ея чистотѣ, и что „честолюбивые и сладострастные имѣютъ „выгоду предпочитать ему стихотворца сниз„ходительнаго, укращающаго все то, что имъ „любезно, извиняющаго ихъ прихоти и одо„бряющаго слабости ихъ своимъ примѣромъ.“ Въ семъ разсужденіи заключается нѣкоторое лжеумствованіе, мною уже показанное, которое конечно вопреки намѣренію сочинителя, могло бы быть принято за истинну читателями маловнимательными. Г. Дюсоль описываетъ Горація не такъ, какъ стихотворца сатирическаго, но какъ сочинителя любовныхъ и сладострастныхъ одъ и нѣкоторыхъ забавныхъ посланій. Сіе значитъ тоже, что показывать вещи не въ настоящемъ ихъ видѣ. Не по тѣмъ сочиненіямъ, въ которыхъ Горацій приглашаетъ на вечернюю бесѣду Гликерію и Лидію, или въ которыхъ шутитъ онъ съ своими друзьями, надлежитъ сравнивать его съ Ювеналомъ. Сей послѣдній, естьли бы имѣлъ у себя любовницу, вѣроятно и при всей своей строгости не сталъ бы писать къ ней тѣмъ слогомъ, который употреблялъ онъ въ своихъ сатирахъ: иначе онъ бы ее испугалъ. Г. Дюсолю извѣстно, что всякій родъ сочиненія имѣетъ приличный ему слогъ. Итакъ надлежало бы показать намъ въ сатирахъ Горацієвыхъ сіе *снизхожденіе къ прихотямъ* и *слабостямъ*; надлежало бы обнаружить намъ предметы *украшенныхъ* страстей, нравственность съ нѣкоторою *привѣсью*, чего я въ нихъ никакъ не примѣтилъ. Чтожъ бы было, естьли бы мы стали су-

дить о Ювеналѣ, коего представляютъ намъ весьма строгимъ философомъ, не по его сатирамъ, но по тому, какъ отзывались объ немъ друзья его? Марціалъ, искреннѣйшій другъ его, пишетъ къ нему изъ Гишпаніи точно сими словами: „Въ то время, какъ „ты будучи покрытъ орошенною потомъ „одеждою, трешся по переднимъ вельможъ, „я живу какъ добрый поселянинъ въ моемъ „отечествѣ.“ Сіи слова доказываютъ, что Ювеналъ не бѣгалъ отъ большаго свѣта? Мы видѣли, что Горацій иногда уклонялся отъ онаго, а Ювеналъ ищетъ его. Изъ сего явствуетъ, что, дабы здраво судить, дабы выводить истинныя послѣдствія, не должно держаться неосновательныхъ замѣчаній, но разсматривать вещи со всѣхъ ихъ сторонъ, читать все, и слушать мнѣнія другихъ.

Я заключаю, что разсѣянныя красоты въ сочиненіяхъ Ювенала, кои при всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ доставили ему справедливую славу, заслуживаютъ вниманіе, а особливо отъ людей ученыхъ; ибо одни только они способны преодолѣть трудности, съ симъ чтеніемъ сопряженныя. Въ Ювеналѣ находятся мѣста весьма сильныя: онъ часто бываетъ высокопаренъ, но иногда краснорѣчивъ; часто размѣренъ, но иногда изображенія его бываютъ живы. Стихи его на состраданіе, справедливо похваляемыя Г. Дюсолемъ, пѣмъ болѣе замѣчательны; что въ нихъ однихъ употребилъ онъ пріятныя и нѣжныя краски. Сатира на дворянство прекрасна; по мнѣнію моему, она есть лучшая, и Буало

извлекъ изъ оной много хорошаго. Сатира Турбона, знаменитая по удивительному описанію свойства придворныхъ императора Домиціана, имѣетъ особенное достоинство: въ ней одной сочинитель не имѣетъ обыкновеннаго ему угрюмаго вида. Та сатира, въ коей разсуждаетъ онъ о Желаніяхъ, содержитъ въ себѣ мѣста разительныя; но вообще она составлена изъ обыкновенныхъ мыслей, основанныхъ на лжемудрствованіи. Весьма несправедливо говорятъ, что не должно желать ни продолжительной жизни, ни великихъ дарованій, ни важныхъ мѣстъ по тому только, что все сіе иногда обращалось въ пагубу тѣмъ, кои оное имѣли. На сіе стоитъ только отвѣчать, что было много такихъ людей, кои пользовались сими выгодами, не подвергаясь несчастію, и возраженіе само собою уничтожается; сіе означало бы тоже самое, естьли бы кто сталъ утверждать, что не должно желать дѣтей, потому что они часто бываютъ причиною многихъ печалей. Въ отвѣтъ на сіе разсужденіе стоило бы только привесть въ примѣръ родителей, коихъ дѣти дѣлаютъ счастливыми, и сказать, для чегожъ бы и мнѣ не быть въ числѣ оныхъ? Сверхъ того, весьма несправедливо требовать, чтобы отецъ не желалъ сыну своему дарованій Цицерона, по тому только, что онъ погибъ отъ меча своихъ гонителей; и какой человѣкъ, имѣющій хотя нѣкоторую любовь къ добродѣтели и истинной славѣ, помыслитъ, что столь славная жизнь, какова была Цицеронова, заплачена была слишкомъ

дорого ужасною смертію по шестидесяти-пяти лѣтнемъ существованіи? Кто отказался бы за сію цѣну быть краснорѣчивѣйшимъ человѣкомъ своего времени, а можетъ быть и предбудущихъ вѣковъ и достигнуть по одному своему достоинству перваго мѣста въ первой имперіи вселенныя, быть тридцать лѣтъ оракуломъ Рима, спасителемъ и отцемъ своего отечества? Естьли бы сіе было справедливо, что мечъ убійцы, поражающаго старца, украшеннаго сѣдиною, могъ дѣйствительно отнять всю цѣну у толь великихъ дарованій; то надлежало бы думать, что все существующее между людьми истинно великое и возраждающее въ нихъ справедливое желаніе есть только одна мечта, одно обольщеніе.

Впрочемъ сія столь похваляемая сатира состоитъ только въ доказательствѣ того, что и самое величайшее благо, каковаго человѣкъ желать можетъ, бываетъ сопряжено съ неудобствами и опасностями; и сія столь обыкновенная, столь всѣмъ извѣстная истина не стоила быть основаніемъ важному сочиненію.

Горацій не впадалъ въ таковую погрѣшность, которая никогда не означаетъ хорошаго ума; я не буду изчислять различныхъ его качествъ; но разсматривая его, какъ сатирика, долгомъ поставляю отдать ему и Ювеналу настоящую справедливость, сказавъ, что одному изъ нихъ надлежитъ иногда удивляться, а другаго читать непрестанно.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О *Персеѣ и Петроніи.*

Важный слогъ, строгая нравственность, великая краткость и множество мыслей суть особенныя достоинства Персея. Но чрезмѣрное излишество хорошихъ сихъ качествъ заставляетъ его впадать въ близкіе отъ оныхъ недостатки. Г. Волтеръ хорошо сказалъ:

Qui n'est que juste, est dur: qui n'est que sage est triste.

Мнѣніе сіе весьма справедливо какъ въ разсужденіи сочиненій, такъ и въ разсужденіи людей. Стоическая важность Персеева обращается въ сухость; ничѣмъ неумѣряемая строгость приводитъ читателя въ уныніе и страхъ; чрезмѣрная краткость дѣлаетъ его темнымъ, а его мысли слишкомъ сжатыя скрываются отъ читателя. Все сіе было причиною, что многіе люди, упомясь неудобопонятными и для чтенія весьма трудными сочиненіями Персея, судили о немъ съ негодованіемъ, и отзывались съ несправедливымъ презрѣніемъ. Другіе, уважая его по мѣрѣ труда, употребленнаго ими на пониманіе его твореній, превозносили его безъ мѣры, такъ какъ обыкновенно увеличиваютъ цѣну сокровища, недавно открытаго, и о коемъ думаютъ, что никто другой обладать имъ не будетъ. Одинъ изъ духовныхъ особъ бросилъ его на полъ, сказавъ: *естьли ты не хочешь*,

чтобы тебя поняли, то лежи тутъ. Другой бросилъ сатиры его въ огонь для того, можетъ быть, чтобы сказать сіе острое слово: *созжемъ ихъ, чтобы они сдѣлались ясньe.* Многіе ученые, между прочими Скалигеръ, Меурзій Генсій и Баиль, кромѣ темнаго и неудобопонятнаго слога, ничего въ немъ не находили. Другіе поставили его выше Горація и Ювенала. Поищемъ истины въ сихъ крайностяхъ, и употребивъ довольно старанія, дабы хорошо понять сего писателя, мы будемъ одного мнѣнія съ Квинтиліаномъ, который говоритъ о Персеѣ: „Онъ заслу„жилъ много славы и притомъ истинной „славы.“ И дѣйствительно нравственность его превозходна и разсужденія основательны; въ сочиненіяхъ его видны красоты настоящія и свойственныя сатирическому роду, выраженія его иногда очень удачны; правила его суть правила человѣка мудраго, и наконецъ многіе изъ его стиховъ обратились въ нравоучительныя пословицы. Таковыя выгоды, кажется, весьма достаточны къ вознагражденію затрудненія, причиняемаго имъ читателю, желающему имѣть истинное о немъ понятіе; ибо разумѣть его трудно, и должно признаться, что сіе-то самое почитается въ немъ существеннымъ недостаткомъ. Темнота въ слогѣ всегда предосудительна, потому что оная совершенно противна цѣли каждаго писателя, состоящей единственно въ томъ, чтобы сочиненіе его повсюду было ясно и вразумительно. Въ оправданіе его говорятъ, что Персей, желая

осмѣять поступки Нерона, не подвергая себя явной опасности, умышленно писалъ темно и невнятно; но сіе оправданіе недостаточно. Оно можетъ относиться къ небольшому числу тѣхъ стиховъ, коими, какъ съ довольною вѣроятностію заключаютъ, хотѣлъ онъ изобразить тиранна; но темнота въ сочиненіяхъ Персеевыхъ почти вездѣ одинакова. Должно еще сказать къ похвалѣ Персея, что не запутанность его понятій, ни худая логика, ниже умышленное употребленіе неудобопонятныхъ мыслей дѣлаютъ, слогъ его темнымъ, но множество опущеній какъ словъ, такъ и посредствующихъ мыслей, частое употребленіе троповъ дотолѣ неслыханныхъ, вмѣщающихъ въ одномъ стихѣ слишкомъ много отношеній болѣе или менѣе между собою несходныхъ, и представляющихъ уму вдругъ великое множество разныхъ предметовъ; наконецъ самое составленіе его сатиръ, содержащихъ въ себѣ большею частію какой либо разговоръ столь грубый и прерывистый, что потребно большое вниманіе, дабы разумѣть разговаривающихъ, увѣриться, кто именно изъ нихъ говоритъ, и связывать нить ежеминутно прерываемую. Читатель, преодолѣвшій сію трудность, тотчасъ увидитъ, что въ немъ все справедливо, все основательно, и будетъ сожалѣть только о томъ, что писатель избралъ весьма необыкновенный образъ выражать свои мысли, и потому можно сказать, что Персей удобопонятность въ сочиненіи почиталъ дѣ-

ломъ весьма обыкновеннымъ, а желалъ, чтобы мысли его отгадывали.

Не взирая на сіе, я всегда утверждать буду, что употребляемый трудъ для точнаго разумѣнія Персеевыхъ сочиненій не пропадаетъ внунѣ; и тѣ, коимъ Латинскій языкъ неизвѣстенъ, могутъ, читая прекрасный переводъ Г. Селиса и присовокупленныя къ оному поучительныя замѣчанія и разсужденія, могутъ увѣриться, что Персей есть писатель, заслуживающій справедливую похвалу и достоинъ чести, которую оказалъ ему Буало, заимствовавъ отъ него многія мысли, многія мѣста, которыя съ неменьшимъ успѣхомъ помѣстилъ онъ въ своихъ сатирахъ. Таковъ есть слѣдующій всѣмъ извѣстный стихъ:

Le moment où je parle est déjà loin de moi.
Минута, въ которую говорю, уже далека отъ меня.

Сія мысль въ подлинникѣ заключается только въ полстихѣ. Таково есть прекрасное Заимословіе Скупости и Сладострастія; половину сего Заимословія помѣстилъ Г. Буало въ одной изъ своихъ сатиръ.

Le sommeil sur ses yeux commence à s'épancher.
Debout, dit l'Avarice, il est temps de marcher.
Eh! laissez-moi—Debout—Un moment—Tu répliques! —
— A peine le Soleil fait ouvrir les boutiques, —
— N'importe, leve toi. — Pourquoi faire après tout? —
Pour courir l'Océan de l'un a l'autre bout,
Chercher jusqu'au Japon la porcelaine et l'ambre,
Rapporter de Goa le poivre et le gingembre. —

— Mais j'ai des biens en foule et je puis m'en passer. —
— On n'en peut trop avoir, et pour en amasser,
Il ne faut épargner ni crime ni parjure,
Il faut souffrir la faim et coucher sur la dure;
. . . . . .
N'avoir en sa maison ni meuble ni valet,
Parmi les tas de blé vivre de seigle et d'orge.
De peur de perdre un liard, souffrir qu'on vous égorge. —
Et pourquoi cette épargne enfin? — L'ignores-tu?
Afin qu'un héritier bien nourri, bien vêtu,
Profitant d'un trésor en tes mains inutile,
De son train quelque jour embarrasse la ville.
Que faire? il faut partir: les matelots sont prêts. (*)

Но у Персія въ то время, какъ Скупость будитъ человѣка, съ другой стороны его постели Сладострастіе совѣтуетъ ему спать и не слушаться Скупости пакъ, что онъ находится въ недоумѣніи, кому изъ нихъ повиноваться. Онъ сей противоположности картина Персіева гораздо сильнѣе, и неизвѣстно по какой причинѣ Депрео не сдѣлалъ по-

---

(*) Ужъ вѣжди сномъ его смыкаться начинаютъ.
Но Скупость говоритъ: вставай, пора идти.
Оставь меня. — Вставай! — Хоть на часокъ. —
Вставай!
—Чуть брезжится; и лавки не отперты. —
—Нѣтъ нужды въ томъ, вставай. — Чтожъ
буду дѣлать я? —
Повсюду странствовать въ обширномъ океанѣ,
Искать въ Японіи фарфора, аромать,
Изъ Гои вывозить и перецъ и имбирь. —
— Тьма денегъ у меня, могу жить безъ
хлопотъ. —
— Излишка нѣтъ ни въ чемъ, сбирай сокровищъ,
болѣ;

дражанія и другой половинѣ сего заимословія.

Замѣчанія достойно, что Персій былъ ревностный почитатель Горація. Онъ очень хорошо изображаетъ его въ одномъ мѣстѣ своихъ сатиръ, а во многихъ другихъ употребляетъ его мысли; изъ сего заключать должно, что онъ часто читалъ сочиненія Горацієвы. Сей примѣръ согласія между толь несходными писателями есть, можетъ быть, единственный въ исторіи словесности.

Персій можетъ обратить на себя великое вниманіе тѣхъ, для коихъ личныя достоинства писателя дѣлаютъ сочиненія его еще гораздо любезнѣе. Онъ былъ знатнаго рода и богатъ; оба сіи обстоятельства подаютъ удобныя средства къ удовлетворенію роскоши, а особливо въ вѣкѣ самомъ развращенномъ, но при всемъ томъ онъ еще съ молодыхъ лѣтъ предался стойческой

Не бойся ничего ни клятвъ, ни преступленій;
Мри съ голоду, на голомъ камнѣ спи,
И въ домѣ не имѣй ни мебелей ни слугъ;
Хоть хлѣба житницы, мякиною питайся;
Чтобъ шелегъ не пропалъ, пускай тебя удавятъ.
На чтожъ скупиться такъ? — Сеголь не знаешь ты?
Чтобы наслѣдникъ твой, прибравъ къ себѣ
Сокровище въ рукахъ твоихъ безплодно,
Тонулъ во роскоши, одѣлся щегольски,
И свитою своей дивилъ бы городъ весь.
Чтожъ дѣлать мнѣ? — Пускаться въ путь.
Корабль, матросы ужъ готовы.

философіи, и былъ ученикомъ знаменитаго Корнута. Наставникъ его сдѣлался скоро его другомъ, и сія дружба изображена благородными, нѣжными и привлекательными красками въ одной посвященной ему сатирѣ. Корнутъ чувствовалъ, какъ человѣкъ мудрый, всю опасность, коей подвергнется ученикъ его, естьли выпуститъ въ свѣтъ сатиры свои въ такое царствованіе, каковое было при Неронѣ. Онъ уговорилъ его не выпускать ихъ въ свѣтъ. Сія благоразумная осторожность и непорочность его нравовъ не отвратили однако же преждевременной смерти. Онъ умеръ двадцати осьми лѣтъ, и симъ по крайней мѣрѣ освободился онъ отъ горестной печали, которую нанесла бы ему ужасная смерть Лукана, съ коимъ онъ былъ въ тѣснѣйшей связи. Онъ отказалъ знатную сумму денегъ и свою библіотеку Корнуту, который принялъ только однѣ книги. Сей философъ не хотѣлъ принять на себя изданія стихотвореній Персея, хотя онъ изключилъ изъ нихъ имя Нерона, замѣня оное именемъ Мидаса. Онъ думалъ справедливо, что раздражать злобнаго человѣка, къ исправленію коего нѣтъ никакой надежды, есть безполезная неосторожность. Цезій Бассъ, лирическій стихотворецъ, коему Персей приписалъ одну изъ своихъ сатиръ, былъ отважнѣе и счастливѣе. Онъ выпустилъ ихъ въ свѣтъ, и хотя въ оныхъ осмѣяны были четыре Нероновы стиха, но отважность сія осталась безъ наказанія. Наконецъ въ похвалу Персея не должно забывать и того, что

онъ былъ другъ Тразея, о коемъ сказалъ Тацитъ, что Неронъ, желая напасть на самую добродѣтель, рѣшился непремѣнно погубить Тразея.

Отрывки, собранные въ различныя времена подъ именемъ сатиръ Петронія, (Petronii satyricon,) приводятъ на память и утверждаютъ нами сказанное, что издревле называли сатирою родъ сочиненій весьма неправильнаго, состоящаго изъ смѣси всякихъ предметовъ, которые можно было писать и не стихами; ибо большая часть оставшихся послѣ Петронія сочиненій писаны прозою, а перемѣшенные съ оною стихи суть различныхъ мѣръ. Когда случайно найдены были сіи безпорядочные и несвязные отрывки, то одно мѣсто изъ Тацита худо понятое заставило ученыхъ впасть въ странное заблужденіе, которое со временемъ хотя было признано несправедливымъ и совершенно опровергнуно, однакожъ и теперь еще существуетъ; столь-то трудно искоренять древніе предразсудки. Тацитъ называетъ Петронія, который былъ Консуломъ въ царствованіе Нерона, и ближайшимъ любимцемъ сего императора, человѣкомъ, имѣвшимъ самый тонкій вкусъ въ выборѣ сладострастій, истиннымъ наставникомъ роскоши: по симъ достоинствамъ сдѣлался онъ столь пріятнымъ Нерону, что императоръ сей сдѣлалъ его изобрѣтателемъ своихъ удовольствій, и ничего не находилъ по своему вкусу, естьли оно не было согласно со вкусомъ Петронія.

Сіе отличіе продолжалось только по тѣхъ поръ, пока Неронъ довольствовался сладострастіемъ; но когда впалъ онъ въ грубое распутство и пьянство, то началъ стыдиться самаго себя предъ наставникомъ своимъ, коего онъ уже болѣе не былъ ученикомъ: надлежало скрывать отъ Петронія подлости, кои онъ презиралъ, и Неронъ дошелъ до того, что краснѣлъ въ присутствіи человѣка хотя роскошнаго, однако же съ великою разборчивостію, точно такъ, какъ порочные люди краснѣютъ предъ добродѣтелію. Тигеллинъ, повѣренный и льстецъ мерзкаго его распутства, воспользовался симъ разположеніемъ императора, желавшаго отдалить совмѣстника, коего онъ опасался, и умѣлъ скоро возродить къ нему ненависть и подозрѣніе тиранна до такой степени, что его осудили на смерть. Смерть сія славна хладнокровіемъ и безпечностію, при ней оказанною. Сентъ-Эвремондъ предпочитаетъ оную смерти Катона: впрочемъ онъ забылъ, что не льзя ихъ сравнивать. Петроній предъ смертію своею сдѣлалъ подробное описаніе, въ какихъ безчестныхъ распутствахъ препровождалъ Неронъ цѣлыя ночи, замѣнивъ имя сего тиранна другими вымышленными именами, и сіе описаніе запечатавъ, отослалъ къ нему. Свитокъ сей вѣроятно извѣстенъ былъ только одному Нерону, а ученые приняли оный за ту изкаженную во многихъ мѣстахъ сатиру, которая дошла до насъ подъ именемъ сатиры Петронія. Когда Волтеръ смѣялся

надъ симъ страннымъ предположеніемъ, то мнѣніе его принято было за обыкновенный пирронизмъ, который писатель сей оказывалъ во многихъ случаяхъ. Но не всякому извѣстно, что таковоежъ мнѣніе о Петроніи существовало гораздо прежде Волтера; что *Юстій Липсій* также въ ономъ сумнѣвался, и сумнѣніе его было весьма вѣроятно, а ученый *Блаю* доказалъ ясно, что не льзя статься, чтобы сочиненіе Петроніево была сатира на Нерона, и чтобы сочинитель ея былъ Петроній, бывшій сперва любимцемъ, а потомъ жертвою тиранна. Циническая неблагопристойность и многіе выпущенныя мѣста сего изкаженнаго сочиненія, не имѣющаго ни начала ни конца, лишаютъ средства показать содержаніе и разположеніе онаго; но сіе неоспоримо, что подлыя похожденія общества людей, до высочайшей степени развращенныхъ, не могутъ походить на ночи Нероновы, какъ бы объ нихъ себѣ ни воображали; что императора юнаго и одареннаго умомъ неприлично бы было представлять въ лицѣ *Тримальхіона*, старика лысаго, безобразнаго и глупаго; что не льзя сравнивать ужины Нероновы съ пустымъ столомъ сего стараго глупца; и что наконецъ жена его Фортуната, столь же глупая, какъ и самъ онъ, не имѣетъ ничего сходнаго съ императрицею Поппеею прекраснѣйшею и прелестнѣйшею женщиною своего времени. Очень вѣроятно, что сей отрывокъ есть сочиненіе какого нибудь риторическаго воспитанника, человѣка молодаго, кото-

рый въ прочемъ былъ не безъ дарованій, и выбралъ самый удобный способъ соединить въ одно мѣсто еще незрѣлые свои опыты стихотвореній съ картиною развращеннаго общества, въ коемъ онъ жилъ. Онъ весьма основательно охуждаетъ декламаторовъ своего времени; но и его стихотворческій опытъ о междоусобныхъ войнахъ есть не что иное, какъ декламація, заключащая въ себѣ нѣсколько счастливыхъ мыслей. Многія изъ его изображеній довольно вѣрны, но слишкомъ обыкновены, легки и даже подлы. Нѣкоторые отрывки стихотворства и сказки объ одной знатной Ефесской женщинѣ, коей Лафонтенъ подражалъ удивительнымъ образомъ, составляютъ самое лучшее въ сочиненіяхъ Петронія. Бусси Рабутенъ перевелъ почти слово въ слово исторію Эвмольпа и Цирцеи, замѣнивъ сіи имена именами придворныхъ Лудовика XIV, и неудивительно, что для такого сочиненія онъ выбралъ подобный сему образецъ. Второчемъ чрезмѣрныя похвалы, приписываемыя Петронію Сентъ-Эвремондомъ, сдѣлали его любимымъ писателемъ. Онъ говоритъ о немъ не иначе, какъ съ возхищеніемъ, потому что почиталъ его за человѣка придворнаго; что одно сіе слово придавало много важности, и что Вуатюръ и онъ почитали за доказательство хорошаго вкуса и разборчивости, кто находитъ нѣжность и оборотливость только въ тѣхъ писателяхъ, кои жили при дворѣ. Педантизму учености, долгое время господствовавшему, противуполагаемо было другаго

рода злоупотребленіе, т. е. страсть блистать остроуміемъ, показывать притворную обходительность, вѣжливость и принимать на себя видъ человѣка придворнаго. Мольеръ много способствовалъ изтребленію сей странности, введенной особами впрочемъ весьма умными, и могшими торжествовать надъ предразсудкомъ. Сія эпоха Французской словесности, принимаемая въ семъ видѣ, будетъ предметомъ любопытнѣйшимъ и достойнѣйшимъ нашего вниманія, когда станемъ разсуждать о писателяхъ Французскихъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ

О Эпиграммѣ и Надписи.

Эпиграмма по нынѣшнему знаменованію сего слова есть родъ стихотворства, который болѣе всѣхъ подходитъ къ сатирѣ, потому что она часто имѣетъ одинаковое съ нею содержаніе, то есть критику и осмѣяніе, и даже въ обыкновенномъ разговорѣ сказанное колкое слово называется эпиграммою. Но симъ словомъ называется также всякая острая мысль, и даже откровенная простота, служащая содержаніемъ небольшаго числа стиховъ. Слово сіе есть Греческое и собственно означаетъ надпись. Эпиграммы, собранныя Агаѳіасомъ, Планудомъ, Константиномъ, Гіероклесомъ и прочими, кои составляютъ Греческую Анѳологію, суть только надписи для духовныхъ жертвоприношеній, для гробницъ, истукановъ и памятниковъ: они суть большею частію чрезвычайно просты, довольно отвѣтствуютъ той цѣли, съ каковою онѣ сочинены; онѣ заключаютъ въ себѣ по большей части краткое изложеніе какого нибудь произшествія. Многія изъ нихъ слишкомъ длинны, и почти всѣ онѣ не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы называемъ эпиграммою. Волтеръ, умѣвшій столь искусно собирать цвѣты съ каждаго предмета, перевелъ нѣсколько изъ древнихъ эпиграммъ, кои подтверждаютъ понятіе, каковое имѣемъ мы о семъ родѣ поэзіи. Вотъ онѣ:

На истуканъ Ніобы.

Le fatal courroux des dieux
Changea cette femme en pierre.
Le sculpteur a fait bien mieux;
Il a fait tout le contraire.

Гибельный гнѣвъ боговъ
Превратилъ сію женщину въ камень.
Ваятель поступилъ гораздо лучше,
Онъ сдѣлалъ совсѣмъ тому противное.

На произшествіе, случившееся съ Леандромъ и Геро:

Leandre conduit par l'amour,
En nageant disait aux orages:
Laissez-moi gagner les rivages;
Ne me noyez qu'a mon retour.

Леандръ, руководимый любовію,
Плывя говорилъ бурямъ:
Теперь позвольте мнѣ достигнуть берега,
Потопите, когда буду возвращаться.

На Праксителеву Венеру.

Oui, je me montrai toute nue
Au dieu Mars, au bel Adonis,
A Vulcain même, et j'en rougis:
Mais Praxitèle, où m'a-t-il vue?

Обнаженную меня видѣли
Только богъ Марсъ и прекрасный Адонисъ,
Также Вулканъ, и я сего стыжусь:
Но гдѣ видѣлъ меня Пракситель?

Слѣдующая надпись лучше всѣхъ: Лаиса при старости своей посвящаетъ въ храмъ Венеры свое зеркало съ сими стихами:

Je le donne à Venus, puisqu'elle est toujours bellé:
Il redouble trop mes ennuis.
Je ne saurais me voir en se miroir fidelè,
Ni telle que j'etais, ni telle que je suis.

Я посвящаю его Венерѣ; ибо она всегда прекрасна.
Но оно слишкомъ много досаждаетъ мнѣ.
Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ не могу себя видѣть
Ни таковою, какова была прежде, ни таковою,
какова я теперь.

Марціалъ придалъ гораздо болѣе остроты эпиграммѣ на Латинскомъ языкѣ, нежели Греки на своемъ. Онъ старается всегда сдѣлать ее колкою; но не всегда успѣваетъ въ томъ. Величайшею его ошибкою почитается то, что онъ написалъ ихъ слишкомъ много. Собраніе его эпиграммъ составляютъ двѣнадцать книгъ, содержащихъ въ себѣ около тысячи двухъ сотъ эпиграммъ; это очень много: и по сей причинѣ можно бы было безъ сожалѣнія убавить изъ нихъ три четверти. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ обвиняетъ самаго себя въ семъ излишествѣ; но признаніе сіе не уменшаетъ ни сколько важности, которую онъ давалъ симъ многочисленнымъ бездѣлкамъ. Онѣ дошли до насъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ каковомъ имъ самимъ разположены были, и даже съ посвященіями, при началѣ каждой книги помѣщенными. Сіе конечно весьма приятно для людей, любящихъ древнюю словесность, но не довольно вознаграждаетъ потерю многихъ сочиненій Тита Ливія, Тацита и Салюстія, которыхъ время не столь много щадило, какъ сочиненія Марціаловы. Первая

книга состоитъ вся изъ похвалъ Домиціану. Потомство было бы ему благодарнѣе за одну хорошую эпиграмму на сего тиранна. Впрочемъ всѣ похвалы его относятся къ одному предмету: въ нихъ говорится только о зрѣлищахъ, каковыя императоръ Домиціанъ давалъ народу, и Марціалъ повторяетъ одно и тоже различными образами, что зрѣлища сіи были гораздо удивительнѣе всѣхъ дополѣ бывшихъ. Сіе служитъ доказательствомъ великаго уваженія, каковое Римляне имѣли къ сему роду великолѣпія, и сколь нетрудно было льстить самолюбію Домиціана.

Марціалъ столь же нескроменъ въ выборѣ своихъ предметовъ, какъ и Руссо; но искусство и достоинство ихъ въ стихотвореніи не имѣютъ никакого между собою сравненія. Руссо столь превосходенъ въ своихъ дерзкихъ эпиграммахъ, что дерзость его была бы простительна, естьли бы позволено было прощать противное благонравію. Марціалъ въ срамословіи не уступаетъ Руссо; и заслуживая охужденіе за несоблюденіе нравственности, не можетъ извиненъ быть и въ поэзіи: и потому мнѣ кажется, что гораздо было бы лучше, ежели бы онъ въ стихахъ своихъ соблюдалъ благопристойность. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что совѣсть стихотворца должна быть чиста, а стихи могутъ быть и неблагопристойны. На сіе можно отвѣчать, чтобы онѣ по крайней мѣрѣ не были безчинны. Малое число изъ его эпиграммъ, выученныхъ многими наизусть, къ счастію

суть таковы, что повсюду могутъ быть приводимы въ примѣръ. Я перевелъ изъ нихъ одну, которая можетъ служить наставленіемъ столько же полезнымъ для Парижа, сколько и для Рима, и которая впрочемъ не исправитъ ни того ни другаго: она написана къ одному стряпчему:

On m'a volé : j'en demande raison
A mon voisin, et je l'ai mis en cause
Pour trois chevreaux et non pour une chose.
Il ne s'agit de fer ni de poison.
Et toi tu viens, d'une voix emphatique,
Parler ici de la guere Punique ;
Et d'Annibal et de nos vieux héros
Des triumvirs, de leurs combats funestes.
Eh !.. laisse là tes grands mots, tes grands gestes:
Ami, de grace, un mot de mes chevreaux.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О Элегіи и поэзіи любовной у древнихъ.

Римляне въ элегіяхъ и въ поэзіи любовной также подражали Грекамъ; но образцы изтребились, а подражанія дошли до временъ нашихъ. Намъ извѣстны элегіи Калимаха, Θилета и Мимнерма только потому, что древніе оказывали къ нимъ уваженіе, и по великимъ похваламъ, каковыя приписываютъ имъ лучшіе критики древней словесности. Хотя слово *элегія* происходитъ отъ Греческаго ἔλεγος, означающаго жалобу или плачъ, однако же оная не всегда была жалобна; съ самаго начала въ элегіяхъ возпѣваемы были, какъ и нынѣ, различные предметы, какъ то, боги, возвращеніе друга, или день его рожденія; или, какъ говоритъ Буало, *она рыдала надъ гробомъ*. Лучшая въ семъ послѣднемъ родѣ есть элегія Овидіева на смерть Тибулла. Въ элегіяхъ нерѣдко возпѣваема была любовь счастливая или злополучная. По сей-то причинѣ все относящееся до элегіи и поэзіи любовной соединилъ я вмѣстѣ. Въ семъ родѣ стихотворства Катуллъ особенно отличился, и я начну съ него.

К а т у л л ъ.

Двѣнадцать отрывковъ, написанныхъ въ превосходномъ вкусѣ, наполненныхъ пріятностію и естественнымъ слогомъ, помѣстили

его въ число любезнѣйшихъ піитовъ. Отрывки сіи суть небольшія сочиненія, въ коихъ каждое слово драгоцѣнно, но ниединаго изъ нихъ не возможно ни изъяснить въ настоящей его силѣ, ни перевесть. Чѣмъ болѣе чувствуемъ пріятность, тѣмъ труднѣе опредѣлить ее. Тотъ, кто въ состояніи будетъ изъяснить прелестный взоръ, улыбку, походку любезной женщины, тотъ въ состояніи будетъ изъяснить и прелесть стиховъ Катулла. Любители его стиховъ знаютъ ихъ на память, и Расинъ часто говаривалъ объ нихъ съ удивленіемъ. Можно повѣрить, что сей нѣжный и благочестивый піитъ не говорилъ о неблагопристойныхъ и сатирическихъ эпиграммахъ сего сочинителя, которыя вообще не дѣлаютъ ему чести, онѣ даже не имѣютъ и хорошаго вкуса. Многія изъ нихъ написаны на Кесаря, который, вмѣсто всякаго отмщенія, пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. Не должно слишкомъ много удивляться Кесарю; ибо эпиграммы сіи нехороши; и я охотно думаю, что тонкій его вкусъ извинилъ недостатокъ епиграммъ за красоту мадригаловъ. Когда Катуллъ читалъ Кесарю стихи свои на смерть воробья Лезвійскаго, и брачную пѣснь Ѳетидѣ и Пелею, то конечно былъ весьма доволенъ симъ сочиненіемъ; Кесарь безъ сомнѣнія увидѣлъ въ Катуллѣ генія непринужденнаго, который наипаче отличался въ предметахъ пріятныхъ, и даже могъ изображать любовь слогомъ самымъ выспреннимъ.

Эпизодъ Аріадны, оставленной на островѣ Наксѣ, составляющій часть брачной

пѣсни, есть изъ числа тѣхъ немногихъ отрывковъ, въ коихъ древніе съ великимъ искуствомъ заставляли говорить любовь. Лучшею для Катулла похвалою служитъ то, что Виргилій въ четвертой книгѣ своей Энеиды заимствовалъ у него мысли, движенія, иногда выраженія, и даже цѣлые стихи. Аріадна Катуллова послужила украшеніемъ Дидонѣ Виргилія. Можно ли сомнѣваться, чтобы человѣкъ, оказавшій сію услугу творцу Энеиды, не сдѣлался великимъ пінтомъ, естьли бы онъ любилъ трудъ и славу. Но Катулль страстно прилѣпился только къ удовольствіямъ и путешествіямъ, которыя оставляютъ весьма мало свободнаго времени для словесности. Онъ родился въ бѣдности, а великодушные друзья обогатили его, между прочими Манлій, коему онъ написалъ брачную пѣснь; предметъ хотя весьма обыкновенный, но Катулль умѣлъ сдѣлать изъ него пріятное сочиненіе, по тому что дарованіе обновляетъ все. Онъ былъ также другомъ Цицерону и Корнелію Непоту: сему послѣднему посвятилъ онъ свою книгу. Оная дошла до насъ въ цѣлости; она не содержитъ въ себѣ и ста страницъ, а сочинителя своего содѣлала безсмертнымъ. Можно ли обвинять его, что онъ не написалъ больше? Всѣ писатели древняго Рима осыпали его похвалами, конечно потому, что онъ писалъ хорошо, а можетъ быть потому, что онъ писалъ мало. Онъ слѣдовалъ своему вкусу, удовлетворялъ вкусу другихъ, и не раздражалъ ненависти. Чегожъ ему не доставало?

ничего, какъ только наслаждаться долѣе жизнію, которую онъ умѣлъ весьма хорошо употреблять для самаго себя. Онъ умеръ пятидесяти лѣтъ.

Овидій.

Сочиненія и несчастія Овидія равно прославили его имя. Потомство наслаждается одними, но причины другихъ и по сіе время отыскать не можетъ. Ссылка его есть тайна, и любопытство, желая проникнуть оную, истощило всѣ свои силы, но безполезно. Очень вѣроятно, что поэма его подъ названіемъ *наука любить*, была только предлогомъ сего наказанія но скромность его, а можетъ быть и необходимость, скрыла отъ насъ настоящую причину. Овидій во многихъ мѣстахъ повторяетъ: „Все преступленіе мое состоитъ въ томъ, что „я имѣлъ глаза? Почто видѣлъ я то, чего бы „мнѣ не должно было видѣть?“ Чтожъ видѣлъ онъ? сіе-то намъ и неизвѣстно. Полагали и даже писали въ его время, что онъ засталъ Августа въ кровосмѣшеніи. Но нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ сіе мнѣніе. Онъ не былъ столько простъ, чтобы безпрестанно напоминать сему государю о томъ, что наносило ему безчестіе и чего надлежало стыдиться. Вѣроятнѣе, что имѣя свободный входъ къ Августу, уважавшему его дарованія, онъ былъ свидѣтелемъ какого нибудь произшествія постыднаго для семейства императорскаго: мнѣніе сіе утверждается еще болѣе тѣмъ, что послѣ смерти Августа и Тиверій

не возвратилъ Овидія; изъ чего заключить можно, что видѣнное имъ не одному Августу было оскорбительно. Какъ бы то ни было, однакожъ наказывать ссылкою дворянина Римскаго за чужія преступленія, есть не иное что, какъ злоупотребленіе власти, повелѣніе самой ненавистной тиранніи. Предлогъ сей жестокости былъ безразсуденъ. Какъ наказывать Овидія за такіе стихи, въ которыхъ Горацій гораздо былъ его вольнѣе? Сіи разсужденія не новы, но ихъ должно повторять по тому, что надлежитъ, сколько возможно чаще, охуждать несправедливость, особливо въ тѣхъ людяхъ, кои могутъ быть несправедливы не подвергаясь и не боясь наказанія.

Овидій, привыкшій къ пріятностямъ Рима, и переселенъ будучи на пятидесятомъ году отъ роду на край Римской имперіи, на берега Чернаго Моря, въ землю дикую и климатъ жестокій, былъ бы довольно наказанъ, ежели бы онъ сдѣлалъ и самое важное преступленіе. Каковожъ сіе наказаніе, естьли онъ былъ невиненъ? Онъ заслуживаетъ конечно сожалѣніе, и можно даже простить ему, что онъ также, какъ и Цицеронъ былъ, удрученъ своею ссылкою. Я знаю, что Грессетъ сказалъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Me chanter, pleureur insipide,
De longues lamentations.

Я перестаю уважать Овидія,
Когда слабымъ голосомъ
Возпѣваетъ онъ, какъ плакса,
Продолжительныя свои сѣтованія.

Но что Г. Грессетъ ни говорилъ бы объ Овидіи, однако должно вспомнить, что бываютъ такія ссылки, которыя покажутся хуже и самой смерти, а ссылка Овидія была точно сего рода. Не говоря о другихъ его печаляхъ, онъ былъ разлученъ съ обожаемою женою; и самая чувствительная изъ его элегій безъ всякаго сравненія есть та, въ коей онъ подробно описываетъ свой отъѣздъ, послѣднюю проведенную имъ въ Римѣ ночь, и нѣжное горестное прощаніе съ своею супругою. Не станемъ судить о несчастіи съ толикимъ равнодушіемъ, и не станемъ заключать, что чувствительность есть всегда слабость. За то, что Овидій сильно чувствуетъ свое несчастіе, я его не обвиняю: оно ужасно, но охуждаю его за то, что онъ обожаетъ виновника несчастія своего; что непрестанно и даже неумѣренно льститъ гонителю за ту низость, которая довела его до того, что послѣ смерти Августа воздвигъ ему жертвенникъ, на коемъ ежедневно приносилъ жертву. Сего поступка и самое несчастіе извинить не можетъ, ибо ничто не въ силахъ принудить быть подлымъ. Впрочемъ, низость и жертвоприношенія остались безполезны, и оба его идола, Августъ и Тиверій, были для него равно глухи и непреклонны.

Элегіи, сочиненныя во время его ссылки, которыя назвалъ онъ *Печаляли*, всѣ, изключая одну, мною теперь упомянутую, весьма посредственны. Овидій къ едино-

образію предмета присовокупляетъ единообразіе слога: чувствительности въ нихъ очень мало, а ума слишкомъ много. Видно, что снѣдавшая его печаль не могла перейти въ его слогъ, и легко подумать можно, что онъ забавляется и утѣшаетъ себя своими жалобами и стихами.

Овидій бывъ одаренъ отъ природы легкимъ и плодовитымъ геніемъ, веселымъ и сладострастнымъ воображеніемъ, и какъ говоритъ Мармонтель:

> Enfant gâté des Muses et des Graces,
> De leur trésors brillant dissipateur
> Et des plaisirs savant législateur.
>
> Избалованное дитя Музъ и Грацій,
> Разточитель прелестныхъ ихъ сокровищъ,
> И умный законодатель увеселеній.

имѣлъ гораздо болѣе способности къ живѣйшему изображенію сладострастій, нежели несчастія. Въ трехъ его книгахъ подъ названіемъ: *Любовныя Похожденія*, которыя сочинилъ онъ въ своей юности, видѣнъ весь жаръ и вся живость возраста, въ которомъ онъ сочинилъ оныя: не возможно имѣть болѣе ума и пріятности. Признаюсь, онъ не имѣетъ ни чувствительности, ни красоты, ни краткости Тибулла: онъ менѣе страстенъ, нежели Проперцій. Можно упрекнуть его въ излишнемъ употребленіи своей способности, въ частыхъ повтореніяхъ однихъ и тѣхъ же мыслей, а иногда и

вѣ худомѣ вкусѣ; но коль великое множество замысловатыхѣ мыслей и прекрасныхѣ описаній находимѣ мы вѣ его сочиненіяхѣ! Какая точность вѣ прелестныхѣ его изображеніяхѣ и вѣ душевныхѣ движеніяхѣ всегда любезныхѣ! Какѣ откровенно любитѣ онѣ удовольствіе и забавы! Вотѣ, чего не достаетѣ многимѣ сочинителямѣ, желавшимѣ подражать ему. Видно, что сіе имѣ несвойственно, и что они гораздо разумнѣе и скромнѣе, нежели каковыми хотятѣ намѣ казаться. Они не имѣютѣ того гласа истинны, безѣ котораго никогда убѣдить не можно. Они забываютѣ, что не льзя быть тѣмѣ, чѣмѣ не созданѣ природою. Боало очень хорошо сказалѣ:

Chacun pris dans son air, est agréable en soi,
Ce n'est que l'air d'autrui qui peut déplaire en moi.

И по несчастію качества заимствованныя бываютѣ тотчасѣ примѣтны. Сѣ сочиненіями бываетѣ тоже, что и сѣ обществомѣ: и вѣ томѣ и вѣ другомѣ, кромѣ собственнаго своего характера, никакого инаго имѣть не должно. Овидій не старался быть важнымѣ, и потому вѣ немѣ нѣтѣ важнаго слога. Вѣ третьей элегіи книги своей о *Любовныхѣ Похожденіяхѣ*, онѣ обѣщаетѣ любовницѣ своей любить ее всегда одну, и увѣряетѣ, что отѣ природы онѣ постояненѣ; однакожѣ многіе опыты доказали, что онѣ обѣщаетѣ болѣе, нежели сколько вѣ состояніи исполнить; что онѣ обманываетѣ не ее, но самаго себя. А потому онѣ и не замедливаетѣ

въ своемъ признаніи, что любитъ всѣхъ женщинъ, и что не отъ него зависитъ не любить ихъ всѣхъ. Онъ доказываетъ сіе очень основательными причинами, и сіе признаніе, хотя не очень поучительно, есть по крайней мѣрѣ одно изъ лучшихъ его твореній. Онъ негодуетъ на несчастное сіе разположеніе къ любви съ весьма забавною важностію. Легко видѣть можно, что онъ не желаетъ слишкомъ много занимать вниманіе читателя изображеніемъ прелестной страсти. Не льзя быть менѣе разборчивымъ въ любви. Онъ не лучше другихъ говоритъ о сей прекрасной женщинѣ, которую прославилъ подъ именемъ Коринны и которая первая возбудила въ немъ геній. Онъ изъ скромности употребилъ вымышленное имя, потому что она была благородная Римлянка; напротивъ того Делія, Неера, Немезиса и прочія, прославляемыя Тибулломъ и Проперціемъ, были женщины разпутныя. Нѣкоторые полагали, что сія Коринна была Юлія, дочь Августа, и что открытіе сей любви было настоящею причиною его ссылки. Осемъ думалъ и писалъ Сидоній Аполлинарій; но мнѣніе сіе не имѣетъ никакого вѣроятія. Естьли бы онъ и впалъ въ сей проступокъ, то осмѣлился ли бы говорить безпрестанно Августу, что онъ оскорбилъ его самымъ невольнымъ заблужденіемъ? Изъ сочиненій его видно, что Коринна сія любила его страстно, и что естьли она сдѣлалась ему невѣрною, то это по тому, что онъ самъ показалъ ей примѣръ невѣрности. Онъ горько жалуется на ея безпрестанную

ревность въ одной изъ своихъ элегій, а особливо на то, что она подозрѣваетъ его въ любви съ своею прислужницею. Должно видѣть, какую нѣжность употребляетъ онъ въ жалобахъ, сколько увѣреній, клятвъ: можно бы весьма легко повѣрить его обману. Но онъ сего не желаетъ; ибо вскорѣ потомъ послѣдовавшее его сочиненіе, которое можетъ быть отправлено было вмѣстѣ съ первымъ, посвящено сей самой горничной служанкѣ, которая была, какъ онъ говоритъ самъ, очень недурна собою. Онъ обвиняетъ ее, что она какою-нибудь неосторожностію подала своей госпожѣ причину къ подозрѣнію; упрекаетъ, что она покраснѣла, какъ дитя, когда госпожа на нее взглянула; приводитъ ей на память, съ какимъ хладнокровіемъ онъ лгалъ, съ какою неустрашимостію клялся, когда надлежало ему оправдаться, и наконецъ проситъ назначить ему время для свиданія. Сего довольно, дабы не вѣрить никогда клятвамъ стихотворцевъ. Вотъ *Любовныя Похожденія* того, который написалъ *науку любить*. Но не должно ошибаться въ ономъ: Латинское заглавіе несовершенно выражаетъ мысль, которую мы придаемъ слову любить. Сіе заглавіе *Artis amatoriae* значитъ само по себѣ *искусство заставлять любить*, и въ семъ случаѣ стихотворецъ совершенно правъ; ибо первому научиться не льзя, а изъ другаго безъ сомнѣнія можно составить искусство.

Изъ самаго раздѣленія поэмы ясно видѣть можно намѣреніе сочинителя; въ первой

книгѣ разсуждаетъ онъ о выборѣ любовницы, во второй о средствахъ ей нравиться и надолго сохранять ея любовь. Бернардъ отчасти послѣдовалъ сему начертанію; первая и величайшая, симъ двумъ сочиненіямъ общая, погрѣшность состоитъ въ томъ, что въ искуствѣ любить, какъ Латинскомъ такъ и Французскомъ, находится все, выключая любовь. Мнѣ скажутъ, что въ нихъ не могло быть любви; естьли такъ, то выборъ сего предмета весьма неудаченъ. Слушая столь продолжительные разговоры о любви, не льзя тому статься, чтобы сердце не имѣло участія въ оной. Воображеніе обмануто, и слѣдовательно охлаждено. Я ничего не скажу здѣсь о поэмѣ Бернарда, кромѣ того, что оная написана несравненно лучше поэмы Овидія, который въ семъ случаѣ гораздо ниже самаго себя. Сей піитъ, столь пріятный въ своихъ *Любовныхъ Похожденіяхъ*, вообще кажется посредственнымъ и холоднымъ въ искуствѣ любить. Итакъ несравненно легче достигнуть совершенства въ мѣлкихъ сочиненіяхъ, нежели въ настоящей поэмѣ, въ коей должно слѣдовать правильному чертежу и прямо идти къ предположенной цѣли. Съ первой книги читатель уже чувствуетъ, что сочиненіе ничего не будетъ заключать привлекательнаго. Къ чему служитъ тысяча стиховъ, научающихъ какъ выбрать любовницу? Сердце немедленно отвѣчаетъ, что оную находятъ не искавши, и что сіе произшествіе совершается совсѣмъ иначе, нежели какъ думаетъ стихотворецъ. Овидій за-

ставляетъ ходить по народнымъ площадямъ, храмамъ, зрѣлищамъ, по городу, по загороднымъ домамъ, къ водамъ Байскимъ, дабы найти ту, которой бы можно сказать: я тебя люблю. Она не спадетъ съ неба, говоритъ онъ, ее должно искать. Какое прекрасное открытіе! Потомъ слѣдуетъ множество подробностей, которыя надлежитъ отнести къ услужливости нѣжнаго любовника и нѣкоторыя изъ нихъ могли бы быть приятны въ какомъ либо шуточномъ сочиненіи, но не должны быть наставленіями, написанными важнымъ и поучительнымъ слогомъ! Сочинитель присовокупляетъ къ сему пять или шесть эпизодъ, изъ коихъ одна другой глупѣе. Говоря о зрѣлищахъ, онъ разсказываетъ о похищеніи Сабинокъ: желая доказать, что женщины имѣютъ сильную къ любви наклонность, онъ приводитъ баснь о Пазифаѣ. Словомъ, хотя въ стихотвореніи семъ и есть нѣсколько замысловатыхъ описаній и пріятныхъ стиховъ, однакожъ оно въ совокупности своей представляетъ только мѣрный наборъ словъ, и показываетъ удобность говорить вздоръ и пустаки слабыми и нерадивыми стихами.

Овидій сказавъ, что прежде всего надлежитъ выбрать женщину, которую хочешь любить, потомъ спрашиваетъ, и при томъ не шутя, надежно ли сіе средство войти къ ней въ любовь, ежели сперва сдѣлаешся любовникомъ горничной ея служанки? Онъ защищаетъ и опровергаетъ сіе средство, сравниваетъ выгоды и неудобства, и наконецъ

разрѣшаетъ тѣмъ, что горничная служанка должна слѣдовать послѣ госпожи; ибо надлежитъ отдавать каждому принадлежащее ему. Видѣли, что наставленіе сіе взято съ примѣра. Все сіе могло послужить предметомъ какой либо стихотворческой выдумки и острой шутки; но предписывать таковыя правила, есть смѣяться надъ всѣми людьми.

Первая пѣснь лучше, хотя начинается длиннымъ вводнымъ повѣствованіемъ о похожденіи Дедала и Икара, столь же не кстати помѣщеннымъ, какъ и предъидущія. Здѣсь Овидій говоритъ о средствахъ нравиться, и думать надобно, что онъ не былъ невѣжею въ семъ дѣлѣ, который столь много соотвѣтствовалъ образу его мыслей, и даже свойству его дарованія, въ коемъ примѣтно всегда, естьли можно сіе сказать, нѣкоторое волокитство. Есть мѣста хорошо обработанныя, замѣчанія хотя общія и всѣмъ извѣстныя, но выраженныя приятно, и показывающія, что Овидій весьма хорошо зналъ женщинъ; равнымъ образомъ и вводное произшествіе Венеры и Марса приведено здѣсь весьма кстати; но не взирая на сіи постороннія красоты, порокъ въ самомъ главномъ содержаніи поэмы остается всегда ощутительнымъ.

Кажется, что Овидій старался получить отъ женщинъ прощеніе за всѣ свои невѣрности; ибо въ наставленіе имъ написалъ онъ третью книгу искуства любить.

Онъ научаетъ ихъ, какимъ образомъ должно нравиться мущинамъ, имѣть любовниковъ, ихъ сохранять, какую изъ нихъ должно извлекать пользу, до какой степени надлежитъ ихъ томить, дабы болѣе привязать къ себѣ, сколь много должны они остерегаться, дабы не быть обманутыми, наконецъ онъ доходитъ до того, что научаетъ ихъ обманывать мужей, надзирателей и даже любовниковъ, но не такъ много, какъ другихъ. Онъ подозрѣвалъ, что найдутся и такіе, кои почтутъ поученія его безполезными; а потому и полагалъ главнымъ правиломъ, что женщины несравненно менѣе обманываютъ, нежели мущины, а потомъ присовокупляетъ, что снабдивъ насъ противу ихъ оружіемъ, справедливость требуетъ вооружить и женщинъ противъ мущинъ. Онъ говоритъ, что сама Венера ему сіе повелѣла, и выполняетъ сіе повелѣніе въ точности. Онъ входитъ въ самыя малыя обстоятельства всего того, что только относится до искуства нравиться. Означаетъ, какого цвѣта платье прилично черноволосымъ и бѣлокурымъ; изтощаетъ все искуство въ нарядахъ: предписываетъ мѣру въ смѣхѣ, судя по тому, у кого менѣе или болѣе красивы зубы: не возможно быть точнѣе и обстоятельнѣе въ бездѣлицахъ, какъ Овидій. Между тѣмъ онъ не забываетъ упомянуть о существенныхъ выгодахъ, каковыя любовницы получать могутъ. „Бога-
„тый, говоритъ онъ, будетъ васъ дарить;
„Юрисконсультъ, управлять вашими дѣлами;
„стряпчій защищать покровительствуемыхъ

„вами. Что же касается до насъ стихо-
„творцевъ, то, кромѣ стиховъ, ожидать отъ
„насъ нѣчего. “ При семъ случаѣ не упус-
каетъ онъ приписать великой похвалы кле-
вретамъ своимъ піитамъ, а болѣе всего у-
тверждаетъ, что стихотворцы бываются
самые нѣжные и самые постоянные любов-
ники. Вотъ три прекрасныя качества,
приписанныя отъ него мущинамъ; однакожъ,
можно сказать, что поступая съ ними
столь благосклонно, онъ немного подозри-
теленъ въ своихъ похвалахъ, и приводимыя
имъ доказательства нѣсколько ослабляются
собственнымъ его примѣромъ. Впрочемъ
можно сказать, что ежели Овидій при-
писываетъ мущинамъ слишкомъ много, то
сіе не даетъ еще права лишить ихъ всего.
Разсмотримъ безпристрастно, что намъ
останется отъ приписанныхъ похвалъ. Нѣ-
жны: въ этомъ, онъ правъ; ибо люди съ
пылкимъ воображеніемъ бываютъ страстнѣе
прочихъ, а любовь заключаетъ въ себѣ много
воображенія: тѣжъ, кои имѣютъ недоста-
токъ въ ономъ, должны быть любовниками ску-
чными и глупыми, и по сей то причинѣ сказано,
что глупые не могутъ любить. Постоянны: это
много; здѣсь Овидій нѣсколько намъ льститъ.
Воображеніе бываетъ въ непрестанномъ движе-
ніи; однакожъ можетъ статься, что раз-
влекаясь иногда многими другими предмета-
ми, обращается всегда къ предмету имъ
предпочитаемому, и естьли піиты не весь-
ма постоянны, то по крайней мѣрѣ посто-
янство ихъ въ любви бываетъ не менѣе дру-

гихъ. Вѣрны: о! здѣсь-то встрѣчаемъ великое затрудненіе. Вѣрность есть совершенство; извѣстно, что бренный нашъ составъ позволяетъ только болѣе или менѣе приближаться къ оной. Правда въ росписи дѣйствующихъ лицъ одной оперы Кипольна написано: общество вѣрныхъ любовниковъ; но извѣстно также и то, что цѣлые общества вѣрныхъ любовниковъ находятся только въ операхъ: это страна чудесъ. Впрочемъ надлежало бы сказать яснѣе, и знать, какую цѣну назначаютъ вѣрности, и сколько времени должно любить, дабы по всей справедливости можно получить имя вѣрнаго любовника. Всякій положитъ тому свою мѣру, здѣсь разумѣется- о мущинахъ; ибо всѣ женщины возопіютъ въ одинъ голосъ и скажутъ *всегда*, ни мало не подумавъ, въ состояніи ли они выполнить сказанное ими, не придутъ ли они иногда въ великое замѣшательство, когда потребуютъ отъ нихъ исполненія даннаго ими обѣщанія. *Всегда*, есть слово любви и мечты; однакожъ не должно принимать оное за ложь. Любовники произносятъ его чистосердечно. Свойство любви, что составляетъ одну изъ величайшихъ ея прелестей, состоитъ въ томъ, чтобы всегда быть правою, хотя бы она была безразсудна, и всегда истинною, хотя бы она занималася одною только мечтою. Страстному любовнику стольже трудно сумнѣваться въ любви безконечной, сколько человѣку хладнокровному понять, какимъ образомъ любовь можетъ продолжаться всегда.

Изъ сего явствуетъ, что главнѣйшее дѣло, даже и для женщинъ, состоитъ въ томъ, чтобы не всегда, но совершенно быть любиму, и притомъ такъ, чтобы любящіяся взаимно могли быть увѣрены въ непрестанной своей любви, подобно тому, что надлежитъ желать не продолжительнѣйшей, но благополучнѣйшей жизни. Въ такомъ случаѣ стихотворцы никому не уступятъ; ибо мы согласились недавно, что они любятъ совершенно, то есть какъ безумные: безуміе въ любви есть совершенство. Надѣюсь, что сіе небольшое замѣчаніе на Овидія не покажется чуждымъ нашему предмету, и что ни женщины, ни любовники, ни піиты не могутъ на то досадовать и жаловаться.

Овидій здѣсь еще не останавливается, но продолжаетъ далѣе свои наставленія; впрочемъ они такого свойства, что я принужденъ прекратить сіе разсмотрѣніе. Однако я не окончу сей статьи, не похваливъ еще плодовитаго разнообразія и любезнаго нрава сего писателя, который умѣлъ съ успѣхомъ принаравливаться къ толь различнымъ родамъ стихотвореній. О Превращеніяхъ его говорилъ я въ другомъ мѣстѣ: извѣстно, сколь знаменитое мѣсто занимаютъ онѣ между прекраснѣйшими произведеніями древности. Записки его, коихъ мы имѣемъ только шесть первыхъ книгъ, гораздо ниже оныхъ, однакожъ и онѣ имѣютъ достоинство: сіе сочиненіе въ сравненіи съ Превращеніями есть то, что рисунокъ съ кар-

тиною. Записки его имѣютъ мало стихотворческой живописи; но всюду видна ловкость и свободная кисть стихотворца. Его Ироиды, родъ любовныхъ посланій, кои можно сравнить съ его элегіями, имѣютъ тотъ недостатокъ, что всѣ онѣ одинаковаго содержанія, въ нихъ непрестанно описываются несчастныя и оставленныя любовницы. Филлида жалуется на Демоѳонта, Гипсила на Язона, Дѣянира на Геркулеса, Лаодамія на Протезилая, и проч. Всякой чувствуетъ, какое скучное единообразіе должно произойти отъ сихъ жалобъ, упрековъ, сожалѣній, непрестанно повторяемыхъ; но не всякой умѣетъ, съ такимъ искуствомъ и умомъ описать въ разныхъ оборотахъ предметъ, столь единообразный. Есть мѣста трогательныя, и чувствительныя, изъ коихъ удобно видѣть можно, почему трагедія его Медея имѣла великой успѣхъ. Мы не имѣемъ ее; не Квинтиліанъ говоритъ, что трагедія сія служитъ доказательствомъ, чего надлежало ожидать отъ стихотворца, естьли бы онъ, не предаваясь совершенно своему генію, умѣлъ управлять онымъ. И въ самомъ дѣлѣ надлежитъ согласиться со мнѣніемъ самыхъ просвѣщенныхъ критиковъ, что Овидій во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ болѣе или менѣе употреблялъ во зло способность всегда опасную, когда неосторожно предаются оной. Онъ весьма часто повторяетъ одну и туже мысль, и хотя все онѣ весьма приятны, однакожъ не рѣдко случается, что одна мысль портитъ другую. Его можно также упрекнуть

ложнымъ блескомъ, игрою словъ, неправильными мыслями, излишествомъ украшеній. И такимъ образомъ Овидій, занимая мѣсто послѣ Виргилія, Горація и Тибулла, сими образцами совершенства, ознаменовалъ первую степень паденія словесности у Римлянъ по тому, что не имѣлъ довольно строгаго вкуса; и недовольно обработывалъ свои сочиненія.

Разсматривая Овидія со стороны нравственной, видно, что хотя сочиненія его, какъ говоритъ одинъ изъ нашихъ стихотворцевъ,

Alarment un peu l'innocence,
Для невинности нѣсколько оскорбительны,

однакожъ онъ обнаруживалъ въ своихъ стихотвореніяхъ только тотъ родъ любви, въ которой не краснѣя признаваться можно, и одно только сіе достоинство оставалось въ порчѣ Греческихъ и Римскихъ нравовъ. Чрезмѣрная страсть къ женщинамъ предохранила его отъ общей заразы. Нравъ его былъ весьма кроткій; и онъ самъ говоритъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ своихъ печалей, что ценсура никогда не охуждала ни его самаго, ни его сочиненій. Онъ также былъ другъ и хвалитель всѣхъ дарованій. Всѣхъ современныхъ знаменитыхъ писателей хвалитъ онъ въ стихахъ своихъ чистосердечно; и въ числѣ сихъ сочинителей есть многіе, коихъ сочиненія потеряны, и которыя извѣстны намъ только по однимъ его похваламъ.

Проперцій.

Стихотворенія Проперціевы дышатъ, такъ сказать, пламенною любовію, а иногда сладострастіемъ. Овидій говоря объ элегіяхъ *Отца Проперціевы*, весьма хорошо изобразилъ его свойство въ слѣдующемъ стихѣ:

Saepe suos solitus recitare Propertius ignes.
Проперцій часто твердилъ мнѣ о своихъ огняхъ.

Онъ слишкомъ часто употребляетъ баснословіе, и приводимые имъ изъ онаго примѣры болѣе походятъ на мѣста общія, изъ коихъ стихотворецъ заимствуетъ свои мысли, нежели на страстные разговоры любовника. Отъ всѣхъ эротическихъ стихотворцевъ отличается онъ особенно тѣмъ, что возпѣвалъ одну только свою любовницу. Весьма часто повторяетъ онъ Киноіи, что она будетъ единственнымъ предметомъ стиховъ его, и въ точности сдержалъ свое слово. При всемъ томъ Проперцій не столько былъ постояненъ въ любви, какъ онъ увѣряетъ о томъ въ стихахъ; ибо одному изъ своихъ друзей дѣлаетъ онъ почти такое же въ слабости своей признаніе, какъ и Овидій. „Каждый человѣкъ, говоритъ онъ, имѣетъ „свою слабость: моя состоитъ въ томъ, „чтобы всегда кого нибудь любить.“ Онъ признается, что страсть сія наиболѣе дѣйствуетъ надъ нимъ въ театрѣ, гдѣ не можетъ удержаться, чтобы не желать всего того, что въ немъ видитъ; при-

знается даже самой Киѳеи, что былъ влюбленъ въ нѣкую Лицинну, но столь мало, что не стоитъ труда и говорить о томъ. Впрочемъ, ежели судить о Киѳеи по сдѣланному ей Проперціемъ описанію, то она не заслуживала большей вѣрности. Никогда и никакая женщина сполъ много не мучила и столько не приводила въ отчаяніе любовника, и никогда не было любовника сполъ несчастливаго, которой бы жаловался такъ много, какъ Проперцій. Сіе-то самое дѣлаетъ сочиненія его наиболѣе привлекательными; ибо извѣстно, что описаніе несчастій возбуждаетъ великое состраданіе. О Проперціи тѣмъ болѣе сожалѣютъ, что онъ упрекая свою любовницу въ ея жестокостяхъ, гордости, своенравіи, мститъ ей одною только совершенною покорностію: онъ негодуетъ на иго; но оно ему всегда драгоцѣнно, и желаетъ носить его во всю жизнь свою. Кажется, что Проперцій при всемъ своемъ непостоянствѣ въ любовной склонности былъ совершенно привязанъ къ Киѳеіи, и, какъ бы противъ своего желанія, обращался всегда къ ней. Похвалы, упреки и ругательства живо изображаютъ тѣ чувствованія, какія имѣлъ онъ къ ней поперемѣнно. То изображаетъ ее прекраснѣйшею изъ всѣхъ богинь; то даетъ ей чувствовать, чтобы она не вѣрила словамъ его, не почитала бы себя столь прекрасною, потому что ему вздумалось изобразить ее прелестною только въ стихахъ своихъ и похвалить красоту лица ея, хотя онъ и знаетъ, что красота ея была

заимствованная. Въ одномъ мѣстѣ приписываетъ ей всю свѣжесть юныхъ лѣтъ; въ другомъ говоритъ, что она уже устарѣла. Наконецъ, по прошествіи пяти лѣтъ, онъ лишается терпѣнія, разрываетъ узы, и прощанія его не иное что суть, какъ жестокія заклинанія, а сіе и заставляетъ сомнѣваться, точно ли были разторгнуты сіи узы; ибо равнодушіе не ожесточается толь сильно. Послѣ сихъ торжественныхъ прощаній, коими оканчивается третья книга, въ четвертой опять является Киѳія, которая всегда будучи увѣрена въ своей власти, находитъ невольника своего въ загородномъ домѣ за ужиномъ съ двумя своими соперницами. Она приходитъ въ столь ужасный гнѣвъ, что обѣ собесѣдницы Проперціевы обращаются въ бѣгство, и оставляютъ его одного раздѣлываться съ прежнею своею любовницею. Киѳія, побивъ его, соглашается простить съ условіемъ, что онъ вышлетъ изъ дому невольницу, которая была главною причиною сей сельской веселости; что онъ никогда не будетъ прогуливаться въ Помпеевомъ портикѣ, такъ какъ въ обыкновенномъ сборищѣ Римлянокъ; никогда не будетъ показываться на улицѣ въ открытыхъ носилкахъ; въ театрѣ будетъ сидѣть, потупя глаза. Видно, что она знала его очень хорошо, и увѣрена была въ его покорности. Проперцій соглашается на все, и влюбляется въ нее болѣе прежняго; послѣ сего можно ли вѣрить проклятіямъ и ссорамъ любовниковъ.

Тибуллъ.

Въ Тибуллѣ гораздо менѣе любовняго огня, нежели въ Проперціи, но зато онъ нѣжнѣе, разборчивѣе. Тибуллъ есть стихотворецъ самый чувствительный: особенноже, какъ писатель, онъ превосходнѣе всѣхъ своихъ соперниковъ. Слогъ его чрезмѣрно легокъ, вкусъ чистъ, сочиненіе безъ всякихъ погрѣшностей. Онъ имѣетъ такую пріятность въ выраженіяхъ, которой никакой переводъ изобразить не можетъ: его могутъ понимать только сердца чувствительныя. Пріятное сладкогласіе наполняетъ душу самыми сладостными ощущеніями: сочиненія его есть книга любовниковъ. Сверхъ того имѣетъ онъ пристрастіе къ сельской жизни, которое весьма благопріятствуетъ любви. Ибо природа всегда кажется прекраснѣе, когда видѣнъ въ ней только одинъ предметъ. Шолье, послѣдователь Овидія и пѣвецъ непостоянства въ любви, такъ говоритъ о Тибуллѣ въ посланіи къ Аббату Куртину.

Ovide que je pris pour maître,
M'apprit qu'il faut être fripon.
Abbé, s'est le seul moyen d'être
Autant aimé que fut Nason.
Catulle m'en fit la leçon.
Pour Tibulle il était si bon,
Que je crois qu'il aurait dut naître
Sur les rivages du Lignon,
Et qu'on l'eût placé là peut-être
Entre la Fare et Céladon. (*)

(*) Овидій, коего выбралъ я своимъ наставникомъ,
Научилъ меня, что надлежитъ быть уловчивымъ.

Впрочемъ несправедливо было бы требовать въ любовныхъ стихотвореніяхъ того единства предмета, которое необходимо нужно для соблюденія связи въ романѣ. Самъ Тибуллъ, хотя былъ вѣрнымъ и искреннимъ любовникомъ, воспѣвалъ многихъ любовницъ. Кажется, Делія первая возродила въ немъ любовь, и была причиною лучшихъ его сочиненій. Немезиса и Неера замѣняли ее попеременно, и кому извѣстно, кто изъ нихъ былъ виноватъ, Тибуллъ или Делія? по крайней мѣрѣ нималѣйшаго нѣтъ сомнѣнія, что любовницы его имѣли къ нему величайшую привязанность; его современники говорятъ, что Делія и Немезиса, оставшіяся въ живыхъ по его смерти, случившейся преждевременно, шли за гробомъ его въ глубочайшей печали. Впрочемъ онѣ были общія прелестницы; но извѣстно, что въ Римѣ и Аѳинахъ женщины изъ сего состоянія были и такія, которыя обращали на себя великое вниманіе своимъ умомъ, дарованіями и разборчивостію въ людяхъ; и безъ сомнѣнія любовницы такого человѣка, каковъ Тибуллъ, не были въ числѣ женщинъ обыкновенныхъ.

Одно только сіе служитъ средствомъ
Быть любиму столько, какъ Овидій.
Катуллъ учитъ меня тому же.
Но Тибуллъ былъ столь добръ,
Что надлежало бы ему родиться
На берегахъ Линьона,
Гдѣ, можетъ быть, помѣстили бы его
Между Фарою и Селадономъ.

Я ничего не скажу о Галлѣ, болѣе извѣстномъ по связямъ его съ остроумнѣйшими людьми своего времени и прекраснымъ стихамъ Виргилія, нежели по тѣмъ, кои онъ намъ оставилъ. Квинтиліанъ стихосложеніе его почитаетъ тяжелымъ, а дошедшіе до насъ изъ сочиненій его отрывки оправдываютъ сіе сужденіе. Любовники должны всегда обращаться къ Тибуллу: читать его стихи; ибо читая ихъ всякой скажетъ самъ себѣ: счастливъ человѣкъ, имѣющій нѣжное и пылкое воображеніе, соединяющій вкусъ нѣжныхъ наслажденій съ дарованіемъ изображать оныя, проводящій праздные часы свои въ изображеніи минутъ возхищенія, и достигающій славы, возпѣвая свои удовольствія! Трудъ сей превращается для него въ новое наслажденіе. Дабы убѣдительно говорить душѣ нашей, ему нужно только обнаружить свою собственную. Онъ приобщаетъ насъ къ своему благополучію, разсказывая намъ о своихъ мечтаніяхъ и о прошедшихъ услажденіяхъ, и пѣсни его, наполненныя пріятностями, коими наслаждался онъ въ своей жизни, пѣсни, которыя казалось были написаны только для покоющейся любви и для слуха искренней дружбы, съ удовольствіемъ внимаемы бываютъ отдаленнѣйшимъ потомствомъ.

Приведемъ здѣсь для примѣра первую его элегію, которая по мнѣнію моему есть лучшая изъ всѣхъ:

Divitias alius fulvo sibi congerat auro
Et teneat culti jugera multa soli:

Quem labor assiduus vicino terreat hoste,
Martia sui somnos classica pulsa fugent:
Me mea paupertas vitae traducat inerti,
Dùm meus exiguo luceat igne focus:
Nec spes destituat, sed frugum semper acervos
Praebeat, et pleno pinguia musta lacu.
Ipse seram teneras, maturo tempore, vites
Rusticus, et facili grandia poma manu.
Nec tamen interdum pudeat tenuisse bidentem,
Aut stimulo tardos increpuisse boves.
Non agnamve sinu pigeat, foetumve capellae
Desertum oblita matre referre domum.
Hic ego pastoremque meum lustrare quotannis,
Et placidam soleo spargere lacte Palem (*).
Nam veneror, seu stipes habet desertus in agris,
Seu vetus in trivio florea serta lapis.
Et quodcumque mihi pomum novus educat annus,
Libatum agricolae ponitur ante deo.
Flava Ceres, tibi sit nostro de rure corona
Spicea, quae templi pendeat ante fores;
Pomosique ruber custos ponatur in hortis,
Terreat ut saeva falce Priapus (**) aves;
Vos quoque felicis quondam, nunc pauperis agri
Custodes, fertis munera vestra, Lares (***).
Tunc vitula innumeros lustrabat caesa juvencos:
Nunc agna exigui est hostia magna soli.

(*) *Палеса.* Богиня стадъ и пастьвъ. Римскіе поселяне въ честь сей богини отправляли 19-го Апрѣля праздники, извѣстные подъ именемъ Palilia.

(**) Язычники почитали *Пріапа* богомъ садовъ; посему Римляне ставили въ садахъ своихъ статуи *Пріапа*, коего весьма чисто представляли во образѣ *Ѳерма* съ козлиными рогами, съ козьими ушми и съ вѣникомъ на головѣ изъ виноградныхъ лозъ или изъ лавровыхъ вѣтвей.

(***) Домашнія божества, которыя у Римлянъ почитались хранителями жизни, домовъ и каждаго семейства.

Agna cadet vobis, quam circum rustica pubes
Clamet: Jo messes et bona vina date.
Adsitis, divi; neu vos de paupere mensa
Dona, nec è puris spernite fictilibus.
Fictilia antiquus primum sibi fecit agrestis
Pocula, de facili composuitque luto.
At vos exiguo pecori furesque, lupique,
Parcite: de magno praeda petenda grege est.
Non ego divitias patrum, fructusque requiro,
Quos tulit antiquo condita messis avo.
Parva seges satis est: satis est, requiescere tecto
Si licet, et solito membra levare toro.
Quàm juvat immites ventos audire cubantem,
Et dominam tenero detinuisse sinu:
Aut, gelidas hibernus aquas cùm fuderit Auster,
Securum somnos imbre juvante sequi!
Hoc mihi contingat, sit dives jure, furorem
Qui maris, et tristes ferre potest hiadas.
Jam modo non possum contentus vivere parvo,
Nec semper longae deditus esse viae;
Sed canis aestivos ortus vitare sub umbra
Arboris, ad rivos praetereuntis aquae.
O quantum est auri potiùs, pereatque smaragdi,
Quam fleat ob nostras ulla puella vias!
Te bellare decet terrâ, Messala, marique,
Ut domus hostiles praeferat exuvias.
Me retinent vinctum formosae vincla puellae,
Et sedeo duras janitor ante fores.
Non ego laudari curo, mea Delia: tecum
Dummodò sim, quaeso, segnis inersque vocer.
Ipse boves modo, sim tecum, mea Delia, possim
Jungere, et in solo pascere monte pecus;
Et, te dùm liceat teneris retinere lacertis,
Mollis in inculta sit mihi somnus humo!
Quid Tyrio recubare toro sine amore secundo
Prodest, cum fletu nox vigilanda venit?
Nam neque tùm plumae, nec stragula picta soporem,
Nec sonitus placidae ducere possit aquae.
Ferreus ille fuit, qui te cum posset habere,
Maluerit praedas stultus, et arma sequi.
Ille licet Cilicum vinctas agat ante catervas,
Ponat et in capto Martia castra solo;
Totus et argento contextus, totus et auro
Insideat celeri conspiciendus equo.

Te spectem, suprema mihi cum venerit hora;
Te teneam moriens, deficiente manu.
Flebis et arsuro positum me, Delia, lecto;
Tristibus et lacrymis oscula mixta dabis.
Flebis: non tua sunt duro praecordia ferro
Vincta, nec in tenero stat tibi corde silex.
Illo non juvenis poterit de funere quisquam
Lumina, non virgo sicca referre domum.
Tu manes ne laede meos; sed parce solutis
Crinibus, et teneris, Delia, parce genis.
Intereà, dùm fata sinunt, jungamus amores.
Jam veniet tenebris mors adoperta caput.
Jam subrepet iners aetas; nec amare decebit,
Dicere nec cano blanditias capite.
Nunc levis est tractanda Venus, dùm frangere postes
Non pudet, et rixas inseruisse juvat.
Hîc ego dux, milesque bonus. Vos signa, tubaeque
Ite procul: cupidis vulnera ferte viris:
Ferte et opes. Ego composito securus acervo,
Despiciam dites, despiciamque famem.

¶

„Пусть иной умножаетъ сокровища свои „блестящимъ златомъ и обладаетъ многи„ми и плодоносными полями: онъ непре„станно страшится непріятельскаго наше„ствія, звукъ военныя трубы гонитъ сонъ „отъ очей его. Напротивъ того бѣдность „доставитъ мнѣ жизнь беззаботную, въ ма„лой хижинѣ, слабымъ огнемъ освѣщаемой, „лишь толькобы надежда моя не была тщетна, „лишь толькобы кошницы мои всегда наполне„были земными плодами, а сосуды пѣни„стымъ и густымъ виномъ. Въ благопо„требное время я самъ, подобно поселяни„ну, насаждать буду младыя лозы и возра„щать яблони. И даже не устыжусь, когда „время потребуетъ, управлять раломъ и

„медленныхъ воловъ побуждать къ работѣ. Не „полѣнюсь на рукахъ своихъ отнесть домой аг„ницу или козленка, котораго мать забыла и на „дорогѣ оставила. Каждый годъ окуриваю „мои хлѣвы и на жертвенникъ благотвори„тельной *Палесѣ* возливаю млеко. Ибо по„читаю сію богиню полей, хотя бы образъ „ея представлялъ въ уединенныхъ поляхъ „простой и необдѣланный пень, или древ„ній поставленный на разпутіи и цвѣта„ми украшенный камень; сколько бы но„вый годъ ни принесъ мнѣ плодовъ, я не пре„мину возблагодарить жертвою божество „земледѣлія. Тебѣ, русовласая Церера! изъ „класовъ нашихъ жатвъ сплетется вѣнецъ, „и повѣсится при дверяхъ твоего храма; „да поставится бдительный стражъ въ пло„доносныхъ садахъ и пустъ, Пріапъ ужасною „своею косою устрашаетъ птицъ; а вы, о Ла„ры, хранители нѣкогда богатыхъ, а нынѣ скуд„ныхъ полей моихъ, не лишите меня вашего „покровительства. Тогда приносилъ я вамъ „въ даръ самую лучшую изъ многочисленнаго „стада юницу: нынѣ единая агница состав„ляетъ всю жертву, отъ скуднаго имѣнія „вамъ приносимую. Предъ жертвенникомъ „вашимъ падетъ агница, сельскіе юноши и „дѣвы окруживъ ее возкликнутъ пѣсни и „будутъ просить васъ о низпосланіи обиль„ной жатвы и винограда. Внемлите ихъ „молепію: не отвергните даровъ отъ скуд„ной трапезы, и возліяній изъ сосудовъ ску„дѣльныхъ, но чистыхъ. Древніе сельскіе жи„тели составляли сосуды свои изъ простой

„и мягкой глины. А вы волки и тати!
„пощадите скудное мое стадо: ищите до-
„бычи своей въ стадахъ многочисленныхъ.
„Я не требую богатствъ моихъ предковъ, ни
„обилія плодовъ, коими пользовалися они дре-
„вле. Я малымъ доволенъ: доволенъ, и спокойно
„вкушаю сонъ въ скудной хижинѣ; удручен-
„ные члены мои покоятся на простомъ ложѣ.
„Свистъ неукротимыхъ вѣтровъ не трево-
„житъ спящаго и въ нѣжныхъ объятіяхъ
„держащаго возлюбленную супругу: съ ка-
„кою силою дождь, осеннимъ вѣтромъ на-
„носимый, преклоняетъ ко сну беззаботнаго
„поселяница! такимъ жребіемъ я былъ бы
„доволенъ. Пусть будетъ по всей справедли-
„вости богатъ тотъ, кто свирѣпость мо-
„рей и скучную непогоду сносить можетъ.
„Я доволенъ малымъ и никогда не предамся
„отдаленному путешествію; отъ зноя пѣ-
„сіихъ дней уклонюся подъ тѣнь густаго
„дерева, при источникѣ растущаго. Пусть
„лучше погибнетъ злато и смарагды, нежели
„отсутствіе мое заставитъ возлюбленную мою
„проливать слезы! Тебѣ Мессала прилично
„ратовать на моряхъ и на сушѣ, и укра-
„шать домъ отнятыми у непріятеля со-
„кровищами. Меня, какъ бы скованнаго удер-
„живаютъ узы прекрасной дѣвы, и подобно
„привратнику сижу при суровыхъ дверяхъ ея
„дома. Нѣтъ, любезная Делія, я не ищу славы:
„пусть называютъ меня лѣнивымъ, безпеч-
„нымъ, лишь только бы я былъ съ тобою.
„Охотно стану налагать яремъ на моихъ во-
„ловъ и паспи на горахъ стада, когда ты, лю-

„безная Делія, будешь со мною; въ нѣжныхъ объ-
„ятіяхъ твоихъ найду я сладчайшій сонъ и
„на самой голой землѣ. Какая приятность
„покоиться на ложѣ, Тирскими тканями
„украшенномъ, когда не имѣя при себѣ воз-
„любленной, надлежитъ проводить ночь безъ
„сна и въ слезахъ? Тогда ни мягкій пухъ,
„ни узорчатыя одѣяла, ни журчаніе тихо-
„текущей воды ко сну склонить не могутъ.
„Тотъ конечно будетъ имѣть желѣзное
„сердце, который, обладая тобою, пожелаетъ,
„о безумный! добычъ и военной славы. Пусть
„онъ влечетъ множество плѣнниковъ, цѣпями
„обремененныхъ; пусть поставитъ военный
„станъ свой въ странѣ имъ побѣжденной;
„пусть онъ какъ бы облитый златомъ и сре-
„бромъ и возсѣдъ на быстромъ конѣ, яв-
„ляется народу. Но я, когда придетъ по-
„слѣдній часъ моей жизни, стану взирать на
„одну тебя, любезная Делія, и умирая, буду
„держать тебя въ изнеможенныхъ объятіяхъ.
„Возложивъ тѣло мое на костеръ, ты воз-
„рыдаешь и печальныя слезы твои смѣ-
„шаешь съ лобызаніемъ: возрыдаешь; грудь
„твоя не изъ твердаго скована желѣза, и
„нѣжное твое сердце не изъ камня составлено.
„Ни юноши, ни дѣвы безъ пролитія слезъ
„не возвратятся домой съ погребенія Ти-
„буллова. Но ты, о Делія, не оскорби моей
„тѣни; побереги прекрасные разпущенные
„твои власы, побереги нѣжныя твои ла-
„ниты. Когда судьбамъ благоугодно будетъ,
„любовь соединитъ насъ паки. Когда ни-
„будь и внезапу смерть покроетъ меня

„своимъ мракомъ. Скоро постигнетъ меня „старость; уже неприлично будетъ любить „и изъявлять любовь свою, когда глава моя „сѣдыми покроется власами. Итакъ посвя- „шимъ юныя лѣта непостоянной Венерѣ, по- „ка силы наши еще въ состояніи преодолѣвать „препятствія, и съ удовольствіемъ вступимъ въ борьбу. Тутъ-то покажу, что я „искусный вождь и храбрый ратникъ. А „вы военныя знамена и трубы удалитесь „отсюда: раны и богатства несите людямъ „сребролюбивымъ. Будучи доволенъ умѣ- „реннымъ имуществомъ, я презираю изли- „шество и бѣдность.“

ДРЕВІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КРАСНОРѢЧІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Отъ поэзіи преходимъ теперь къ краснорѣчію: предметы важнѣйшіе, разсмотрѣнія строжайшія и требующія бо́льшаго размышленія, замѣнятъ игру воображенія и разнообразныя мечты плѣнительнѣйшаго искуства. Изъ сего однакожъ не слѣдуетъ, чтобы между ими не было необходимо нужныхъ отношеній и соприкосновенія, коими онѣ между собою соединяются. И потому воображеніе, хотя не изобрѣтательное, но такое, которое все живописуетъ и приводитъ страсти въ сильное движеніе, столь же свойственно и потребно оратору, какъ и пїитту; а пїитъ и въ самомъ сильномъ восторгѣ своемъ не долженъ уклоняться отъ разсудка. Впрочемъ разсудокъ гораздо болѣе господствуетъ въ краснорѣчіи, а восторгъ въ поэзіи. Переходя отъ стихотворства къ витійству, мы должны представить себѣ, что переходимъ отъ забавъ юношества къ подвигамъ совершеннаго возраста. Ибо поэзія служитъ для удовольствія, а краснорѣчіе при дѣлоотправленіи. Стихи кажутся важнымъ дѣломъ только для

того, кто ихъ сочиняетъ; и то, что составляетъ его упражненїе, служитъ только отдохновенїемъ его читателямъ. Но когда служитель Божїя престола проповѣдуетъ съ каѳедры важныя истины нравственности, коимъ единая мысль о Верховномъ Существѣ, награждающемъ и наказующемъ, придаетъ нужное и освященное подтвержденїе; когда въ судилищахъ защитникъ невинности возвышаетъ гласъ свой; когда человѣкъ государственный разсуждаетъ въ совѣтахъ о участи народовъ; когда гражданинъ защищаетъ предъ лицемъ законодательнаго собранїя вольность и свободу; когда достойный витїя, прославляющїй дарованїе и добродѣтель, приписуетъ имъ похвалы, кои служатъ для однихъ одобренїемъ, для другихъ укоризною, а для всѣхъ вообще поученїемъ; наконецъ когда любомудрствующїй словесникъ приготовляетъ въ безмолвномъ убѣжищѣ тѣ мужественныя опроверженїя, которыми на судъ всеобщаго мнѣнїя предаются злоупотребленїя, заблужденїя и преступленїя: тогда краснорѣчїе бываетъ не только искуствомъ, но еще и важнѣйшею должностїю, освященною по-

чтенїемъ всѣхъ гражданъ, коея важность есть такова, что искусство говорить хорошо есть самое малѣйшее достойнство въ ораторѣ; и что мы, будучи заняты собственными нашими выгодами болѣе, нежели прелестїю его слова, забываемъ человѣка краснорѣчиваго, дабы видѣть въ немъ только мужа добродѣтельнаго и благодѣтеля человѣчества.

Такимъ-то образомъ возраждается удивительное соотвѣтсвїе между важнѣйшими въ человѣкѣ качествами, т. е. добродѣтелїю и генїемъ; такимъ-то образомъ, посредствомъ счастливаго соединенїя, драгоцѣннѣйшїя выгоды наши зависятъ отъ пріятнѣйшихъ ощущенїй нашихъ; такимъ-то образомъ открываются всякому размышляющему человѣку существенная сила и истинное достоинство искусствъ, также и то, что наставленїя, преподаваемыя исторїею, и произшествїя нашего времени, какъ то: прошедшее, которое насъ научаетъ; настоящее, которое причиняетъ намъ печаль или утѣшенїе; будущее, которое намъ угрожаетъ или насъ обезпечиваетъ; словомъ все совокупными силами приводятъ намъ на память то

непреложное правило, которое суетные умы не довольно понимаютъ, чтобы могли ему вѣрить, которое люди развращенные и могущественные слишкомъ хорошо разумѣютъ, и потому страшатся его, а разумъ весьма сильно ощущаетъ истинную его цѣну, и поэтому твердитъ о немъ непрестанно: кратко сказать, невѣжество, предразсудокъ и заблужденіе суть во всякое время наижесточайшіе враги народовъ; а познанія, науки, дарованія суть дѣйствительно единственные ихъ покровители, надежныя и истинныя средства къ ихъ спасенію и благополучію.

Представляя искуства и дарованія умъ въ толь важномъ видѣ, я не намѣренъ скрывать, сколь много удалились онѣ отъ благороднаго ихъ назначенія. Всѣ произведенія человѣческія имѣютъ два вида, но справедливость требуетъ, чтобы одинъ изъ нихъ не скрывалъ отъ насъ другаго. Искуства и дарованія подобны всѣмъ прочимъ способностямъ души: они, будучи почтеннѣйшими сами по себѣ, могутъ быть ненавистнѣйшими и пагубнѣйшими или по небреженію, или по употребленію ихъ во зло.

Краснорѣчїе Кардинала Ретца было бичемъ государства; но въ Лопиталѣ, въ Матье Молѐ (говоря здѣсь только о прошедшихъ столѣтїяхъ) оно было защитою народа. Сдѣлаемъ таковоежъ различїе въ вещахъ менѣе важныхъ, и тогда не будемъ умалять цѣны, принадлежащей искусству писать, за то, что оное по несчастїю нынѣ сдѣлалось для весьма многихъ дѣломъ слишкомъ легкимъ. Сїе-то самое, (ибо должно въ томъ признаться), служитъ главнымъ источникомъ всего уничиженїя и благовидною причиною, каковою надменность и зависть пользуются къ посрамленїю того, что должно быть почтенно. Риторы и декламаторы Римскихъ училищъ были общенародными наставниками; но одинъ только Квинтилїанъ удостоенъ былъ той чести, что въ теченїе двадцати лѣтъ содержалъ онъ въ Римѣ на иждивенїи правительства общенародное училище краснорѣчїя и вкуса: одинъ только Квинтилїанъ, коего риторическїя наставленїя дошли до позднѣйшаго потомства, заслужилъ достодолжное уваженїе и благодарность. Холодный панегирикъ, сочиненный въ похвалу человѣку посредственному

писателемъ также посредственнымъ, не инымъ чѣмъ быть можетъ, какъ ученическимъ разпространенїемъ заданнаго предложенїя; но надгробное слово пастырю добродѣтельному (*), произнесенное Епископомъ, достойнымъ его ученикомъ; похвальное слово Марку Аврелїю, сочиненное ораторомъ философомъ; прекрасная защитительная рѣчь, въ коей главный адвокатъ Сервanъ соединилъ дѣло всего притѣсняемаго народа съ дѣломъ одного пропестанта, и возторжествовалъ надъ соперникомъ; но нѣсколько сочиненїй нашего времени, въ коихъ обильнѣйшее краснорѣчїе послужило только къ убѣдительному изложенїю важнѣйшихъ предметовъ законодательства и правленїя; сїи великїя и прекрасныя умопроизведенїя, смѣю сказать, не суть сами по себѣ книги, но законы, благотворенїя, примѣры, памятники; и естьли въ семъ родѣ, какъ и во всякомъ другомъ, слишкомъ часто упрекали

(*) Похвальное слово Г. Легеру, приходскому священнику de Saint-André des-Arts, сочиненное возпитанникомъ его и другомъ, Епископомъ Сенезкимъ.

людей въ медленной справедливости, то я надѣюсь обрѣсти честь какъ себѣ самому, такъ и вамъ, доставивъ случай предупредить благодарность нашихъ потомковъ и гласъ будущихъ временъ.

Естьли краснорѣчіе столь важно по своему предмету, благородно по своимъ причинамъ, полезно своими подвигами; то не будемъ пренебрегать наукою, служащею къ достиженію онаго надежнымъ путемъ и руководительницею, т.е. риторикою. Обратимся на минуту къ симъ первоначалнымъ познаніямъ, кои юношеству служатъ болѣе забавою, нежели наукою, и кои нынѣ могутъ быть полезнѣйшими для умовъ болѣе образованныхъ. Познаніе начальныхъ правилъ, объясненныхъ надлежащимъ образомъ, удобно можетъ показать намъ истинное достоинство тѣхъ, кои умѣли ими пользоваться и употреблять ихъ на самомъ дѣлѣ. Вспомнимъ, (здѣсь употребляю я сравненіе Квинтиліана,) что гласъ величайшаго оратора вначалѣ былъ не иное что, какъ невнятное дѣтское лѣпетаніе, и тогда мы не будемъ презирать первые слѣды, означающіе путь, по коему шествовалъ геній. Когда волшебство театральныхъ укра-

шенїй представляетъ намъ величествен-
ность храма, великолѣпїе дворца, зелен-
ющїя рощи, но взоры наши прельщаются
симъ зрѣлищемъ; но дабы доставить
имъ сїю пріятную мечту, надлежало
сначала научиться перспективѣ, раз-
нообразнымъ измѣненїямъ свѣта и тѣ-
ней, и очарованїю красокъ.

Сперва я былъ намѣренъ разобрать
съ вами риторику Аристотеля, но
многїя причины меня отъ сего отвра-
тили. Впрочемъ четыре книги, имъ
сочиненныя о семъ пространномъ пред-
метѣ, изъ коихъ послѣдняя посвящена
ученику его Александру, есть не что
иное, какъ извлеченїе изъ трехъ преды-
дущихъ, кои болѣе походятъ на разсу-
жденїе о философїи, нежели о искуствѣ
краснорѣчїя. Аристотель полагая, что
предшествовавшїе ему риторы не доволь-
но обращали вниманїя на часть нрав-
ственную, говоритъ объ ней весьма
пространно и тѣмъ болѣе, что оная
соотвѣтствовала способу его разсма-
триванїя вещей. Приобыкнувъ дѣлать
всѣ идеи свои повсемственными, онъ
и въ риторикѣ употребляетъ поня-
тїя общїя. Такимъ образомъ, говоря

о совѣщательномъ родѣ краснорѣчія, которое особенно занимается разсужденіемъ о томъ, что полезно и честно, онъ разбираетъ всѣ отношенія, по коимъ дѣянія человѣческія могутъ быть или честны или полезны. Говоря о родѣ судебномъ, онъ разсматриваетъ свойство доказательствъ, вѣроятность или невѣроятность, дѣйствительно существующее или возможное, способъ обвинять или защищать, возбуждать въ сердцѣ судей различныя страсти, могущія ихъ преклонить къ желаемому приговору, какъ то ненависть или любовь, негодованіе или сожалѣніе; но онъ разсуждаетъ о всѣхъ сихъ предметахъ со строгостію такого философа, который требуетъ, чтобы желающій быть ораторомъ прежде всего старался сдѣлаться нравоучителемъ. Сіе ученіе конечно весьма полезно и нужно для того, кто предопредѣляя себя къ сей должности, хочетъ положить искуство свое на семъ твердомъ основаніи, и совершенно знать всѣ способы, кои онъ употреблять долженъ. Но, какъ вамъ извѣстно, сіе не должно быть предметомъ нашихъ разсужденій. Здѣсь дѣло состоитъ не въ томъ,

чтобы образовать ораторовъ или пїитовъ, но чтобы приобрѣсть истинное понятїе о плѣняющей поэзїи и основательномъ краснорѣчїи. Мы не научаемъ приготовлять красокъ, ни управлять кистїю; но видѣть, чувствовать дѣйствїе и выраженїе картины, и достоинство живописца. Что касается до средствъ, употребляемыхъ художникомъ, и до правилъ, коимъ онъ долженъ слѣдовать, то довольно и того, ежели они не будутъ намъ чужды; ему одному принадлежитъ углубляться въ оныя, дабы производить ихъ въ дѣйство. Самъ Квинтилїанъ въ риторическихъ своихъ наставленїяхъ ограничиваетъ себя только означенїемъ различныхъ частей искуства, и присовокупленїемъ къ онымъ правилъ вкуса. Желающихъ знать болѣе и подробнѣе отсылаетъ онъ въ училища. Сочиненїе его, преисполненное ума и приятности, совершенно прилично нашему намѣренїю, и подъ его руководствомъ обратимся мы къ правиламъ искуства краснорѣчїя, изъ коихъ займемъ только то, что намъ нужно будетъ въ послѣдствїи времени для чтенїя ораторовъ съ большимъ удо-

вольствїемъ и пользою, и короче познакомиться съ тою частїю поучительнаго языка, о коемъ не знать получившему нѣкоторое возпитанїе былобы стыдно и непростительно.

ДРЕВНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КРАСНОРѢЧІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разсмотрѣніе риторическихъ наставленій Квинтиліана.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Общія понятія о первоначальномъ ученіи, о преподаваніи, о правилахъ краснорѣчія.

Самое время, въ которое писано было сіе безсмертное сочиненіе, придаетъ ему сугубую цѣну. Время сіе было временемъ вкуса совершенно испорченнаго, и подвигъ, предпріятый Квинтиліаномъ доставляетъ равную честь и его мужеству и его дарованіямъ. Онъ родился въ царствованіе Клавдія, и видѣлъ совершенный упадокъ краснорѣчія, которое доведено было до высочайшей степени Цицерономъ и Гортенсіемъ, и которое потóмъ поддерживаемо было Мессалою и Полліономъ, но вскорѣ послѣ сего изкажено вели-

кимъ множествомъ риторовъ, заводившихъ повсюду училища, въ которыхъ преподавали они правила уничиженнаго ими искуства. Должно признаться, что съ паденіемъ республики надлежало возпослѣдовать и паденіе искуствъ. Краснорѣчіе, называемое совѣщательнымъ, занимавшееся разсужденіемъ о важнѣйшихъ предметахъ, въ сенатѣ или предъ народомъ, содѣлалось неминуемо безгласнымъ, когда свободѣ возпрещено было возходить на каѳедру, и когда порабощенный сенатъ старался только съ бо́льшимъ или меньшимъ искуствомъ давать благовидность подлымъ ласкательствамъ, каковыя оказывалъ онъ деспоту, коего воля была первѣйшимъ закономъ, или поддерживать съ бо́льшимъ или меньшимъ искуствомъ подлыя обвиненія, взводимыя наемными доносщиками на нѣкоторыхъ добродѣтельныхъ гражданъ, которыхъ тираннъ мановеніемъ или молчаніемъ своимъ назначалъ въ жертву своему гнѣву. Судилища существовали, но онѣ, какъ и все прочее, были заражены общимъ развратомъ. Въ оныхъ уже не было разсуждаемо о дѣлахъ важныхъ; уже никто не подвергалъ всеобщему негодованію ни Верреса, ни Клавдія. Въ нихъ произходили маловажныя прѣнія, въ коихъ судіи помышляли болѣе о корысти, нежели о славѣ. Уже прошло то время, въ которое судебное мѣсто было первымъ и обширнымъ поприщемъ для человѣка, желающаго блеснуть своими дарованіями; въ которое защищенія и обвиненія судебныя были единымъ изъ величайшихъ

средствъ къ достиженію славы, и въ которое мужи въ республикѣ знаменитѣйшіе еще въ юныхъ лѣтахъ своихъ нетерпѣливо желали прославить себя, обнаруживая замыслы важныхъ преступниковъ, или защищая обвиненныхъ отъ могущественныхъ противниковъ; въ которое похвальное честолюбіе искало себѣ знаменитыхъ соперниковъ. Витійство обратилося въ ремесло юрисконсультовъ и стряпчихъ. Краснорѣчіе высится или упадаетъ по свойству предметовъ своего упражненія, или позорища, на которомъ оно подвизается. Итакъ, дабы отличиться въ семъ малозначущемъ поприщѣ, прибѣгали къ самымъ маловажнымъ способамъ. Пустое или мнимое остроуміе, дѣтское пристрастіе къ противуположеніямъ, безплодная разточительность общихъ риторическихъ мѣстъ, нелѣпое злоупотребленіе словопзвитій (риторическихъ фигуръ), однимъ словомъ сказать, все жеманство изкаженнаго искуства, желающаго возвыситься въ малыхъ вещахъ, обращали на себя удивленіе того Рима, который былъ нѣкогда достойнымъ соперникомъ Аѳинъ. Школьныя декламаціи (*) наконецъ совершенно изказили краснорѣчіе. Такъ назывались рѣчи, коихъ содержаніе было вымышленное, и составляли ежедневное

(*) Рѣчи сіи назывались декламаціями по тому, что онѣ были произносимы или провозглашаемы въ школахъ громко съ величайшимъ изступленіемъ: и упражняться у себя на дому въ произношеніи рѣчей и въ тѣлодвиженіяхъ ораторскихъ называлось декламировать, declamare.

упражненіе молодыхъ учениковъ. Таковыя рѣчи, произносимыя учителями или ихъ учениками, имѣли невѣроятную славу. На таковое зрѣлище народъ стекался толпами; ибо оно показывало по крайней мѣрѣ призракъ краснорѣчія тѣмъ самымъ Римлянамъ, которыхъ оно уже не могло призывать въ судилища, ни въ собранія народныя. Поелику обыкновенные предметы судебныхъ споровъ казались риторамъ не довольно привлекательными, и въ которыхъ они не надѣялись показать умъ свой во всемъ его великолѣпіи и возбудить любопытство, то на досугѣ и вымышляли они самые странные вопросы, необыкновеннѣйшіе случаи, и такіе, которые очень рѣдко могли встрѣтиться въ судилищахъ. Мы имѣемъ примѣры сихъ вымышленныхъ прѣній; одни принадлежатъ Сенекѣ, отцу философа сего же имени, а другія весьма ложно и безразсудно приписываются Квинтиліану. Здѣсь привелъ я нѣсколько вопросовъ, принадлежащихъ Сенекѣ, по которымъ можно судить и о прочихъ: 1-е. Законъ повелѣваетъ, чтобы сдѣлавшій насиліе какой либо свободной дѣвицѣ, осужденъ былъ на смерть, или бы женился на ней безъ приданаго. Одинъ молодой человѣкъ сдѣлалъ насиліе двумъ дѣвицамъ въ одну ночь. Одна хочетъ за него выдти за мужъ, другая требуетъ его смерти. Надлежитъ сочинить рѣчи въ пользу и той и другой. 2-е. Законъ повелѣваетъ Весталку, уличенную въ любодѣяніи, низвергнуть стремглавъ съ горы. Весталка, обвиненная въ таковомъ преступленіи,

призываетъ Весту, бросается съ горы и не умираетъ. Хотятъ заставить ее подвергнуться сему же самому наказанію въ другой разъ. Сочинить рѣчь въ пользу сей Весталки и вопреки. 3-е. Законъ дозволяетъ заставшему жену свою съ другимъ въ прелюбодѣяніи убить ихъ обоихъ. Воинъ, лишившійся на сраженіи обѣихъ рукъ, застаетъ свою жену въ прелюбодѣяніи, и, не въ состояніи будучи наказать ихъ собственными руками, повелѣваетъ сыну своему заколоть обоихъ преступниковъ. Сынъ ему не повинуется; а отецъ лишаетъ его наслѣдства. Дѣло поступаетъ въ судъ: надлежитъ защищать и отца и сына.

Вотъ самая дѣтская игра ума, въ которой риторы и ихъ ученики изтощали всѣ тонкости Діалектики и всю хитрость своего искуства. Чтожъ изъ сего произходило? То, что молодые люди, проведя цѣлые годы въ напыщеніи своего воображенія и набивая себѣ голову химерами, являлись въ судебныя мѣста почти совершенными невѣждами въ тѣхъ дѣлахъ, о коихъ было въ оныхъ разсуждаемо, и въ образѣ сужденія, какого они трѣбовали. Они были холодные и спорливые софисты, а неискусные и свѣдущіе стряпчіе. Ибо легко вообразить можно, что слогъ сихъ странныхъ сочиненій отзывался пороками описываемыхъ предметовъ: въ нихъ не было ничего справедливаго, ничего чувствительнаго, ничего основательнаго; обманчивыя разсужденія, остроуміе, пустый

блескъ, принужденныя словоизвитія; вотъ все, что примѣчается въ рѣчахъ, оставшихся намъ послѣ сихъ нелѣпыхъ риторовъ. Весь на сіи сочиненія ими потраченный умъ не стóитъ ниодной страницы Цицерона или Димосѳена.

Отъ сего вошло между нами въ обыкновѣніе называть декламаціею въ стихахъ и прозѣ почти всеобщую погрѣшность, состоящую въ томъ, чтобы съ надменностію увеличивать предметы, говорить съ жаромъ, гдѣ не должно, и безъ мѣры разточать всѣ пособія, общими риторическими мѣстами доставляемыя, хотя бы онѣ и неприличны были содержанію сочиненія.

Во всѣхъ сихъ случаяхъ, чѣмъ болѣе хотятъ возвысить и одушевить свой слогъ, тѣмъ болѣе дѣлается онъ надутымъ; потому что вмѣсто того, чтобы показать ритора, устремившаго всѣ свои мысли въ предметъ своего сочиненія, или человѣка, совершенно чувствующаго свое положеніе, показываютъ намъ почти ту же самую игру ума, которая была свойственна древнимъ декламаторамъ.

Къ несчастію краснорѣчія явился въ сіе время знаменитый писатель, который въ сочиненіяхъ своихъ мѣшая пріятность съ погрѣшностями, способствовалъ много къ изтребленію хорошаго вкуса; это былъ Сенека, снабженный гораздо бóльшимъ умомъ,

нежели истиннымъ дарованіемъ; онъ находилъ для себя великую выгоду думать, что остроуміе замѣняетъ все, и чувствовалъ, что охуждать древнее краснорѣчіе гораздо легче, нежели достигнуть до онаго. Онъ непрестанно, говоритъ Квинтиліанъ, ожесточался противъ сихъ великихъ образцевъ краснорѣчія, потому что чувствовалъ всю разность между ихъ слогомъ и своимъ и не надѣялся сравниться съ ними. Отрывистый, замысловатый, неровный слогъ Сенеки прельщалъ Римлянъ своею новостію, и сочиненія его имѣли чрезвычайную славу, которая, по причинѣ оказанныхъ ему Нерономъ милостей и неизчетнаго богатства, увеличивалась ещё болѣе. Сочинитель, желавшій приобрѣсть похвалу отъ публики, долженъ былъ непремѣнно подражать слогу Сенеки. ,,Ничто такъ не опасно, говоритъ весьма основательно Аббатъ Гедоинъ, какъ остроуміе въ писателѣ, не имѣющемъ вкуса. Лучи свѣта, которыми онъ блистаетъ, поражаютъ глаза всѣхъ, а погрѣшности его примѣтны только малому числу людей умныхъ. ,,Они не скрылись отъ Квинтиліана; сей знаменитый учитель витійства отважился воскресить истинное краснорѣчіе, бывшее уже въ совершенномъ упадкѣ, и паки ввести оное во всѣ его права. Онъ началъ самымъ сильнѣйшимъ, но притомъ и самымъ трудным наставленіемъ, то есть примѣромъ. Въ судилищахъ приобрѣлъ онъ достойную славу, и рѣчи его, коихъ мы не имѣемъ, приводили на память вѣкъ Августовъ. Слушатели съ крайнимъ удоволь, ствіемъ нашли и узнали що благородное

естественное и плѣнительное витійство, которое толь долгое время погружено было въ совершенное забвеніе. Книга его о причинахъ порчи краснорѣчія, которая также до насъ не дошла, наконецъ открыла глаза Римлянамъ; ибо всегда бываетъ великое число людей безпристрастныхъ, кои впадаютъ въ заблужденіе нимало не прилѣпляясь къ оному, и охотно пользуются просвѣщеніемъ, какъ скоро оное имъ представляется.

Въ Квинтиліанѣ увидѣли возстановителя словесности. Граждане общими силами и прозьбами убѣдили его открыть училище краснорѣчія, въ которомъ онъ былъ весьма искусенъ; ему опредѣлено было жалованье изъ общественной казны, каковой чести еще никто не былъ удостоенъ. Императоръ поручилъ ему воспитаніе своихъ племянниковъ, и возложилъ на него консульскіе знаки отличія. Квинтиліанъ, дабы болѣе соотвѣтствовать довѣренности и уваженію, ему являемымъ, отказался отъ судебныхъ дѣлъ, не взирая на то, что поприще сіе было для него и славно и выгодно; двадцать лѣтъ преподавалъ онъ наставленія Римскому юношеству. Сложивъ съ себя сіи многотрудныя упражненія, и пользуясь спокойнымъ уединеніемъ, сочинилъ онъ наставленія въ краснорѣчіи: тогда было ему около шестидесяти лѣтъ. Древность оставила намъ имя его съ великими похвалами: Марціалъ называетъ его славою Римскаго дворянства:

Gloria Romanae, Quintiliane, togae.

Но самую большую честь и похвалу приносятъ ему сочиненныя имъ риторическія наставленія.

Сіе твореніе раздѣлено на двѣнадцать книгъ. Воспитаніе ритора начинаетъ онъ съ самыхъ юныхъ его лѣтъ и предписываетъ, въ чемъ должно состоять первоначальное его ученіе. Общія понятія, занимающія собою двѣ первыя книги, содержатъ, кромѣ особеннаго намѣренія сочинителя, провозходныя правила для родителей и наставниковъ. Онъ сильно опровергаетъ мнѣніе утверждавшихъ, что до семилѣтняго возраста учить дѣтей не должно. „Я лучше хочу послѣдовать, говоритъ онъ, мнѣнію тѣхъ, кои согласно „съ Хризиппомъ думаютъ, что въ жизни „человѣческой нѣтъ времени, которое нетре„бовало бы ни старанія, ни образованія. По„чемужъ не можно съ самыхъ первыхъ лѣтъ „заниматься просвѣщеніемъ разума юныхъ „дѣтей, когда въ сіежъ самое время можно „образовать ихъ нравы? Я знаю, что въ по„слѣдствіи въ одинъ годъ сдѣлаютъ гораздо „болѣе, нежели во все предыдущее время; но „не менѣе того справедливымъ кажется мнѣ „и то, что родители, сполько много старавшіеся „не безпокоить дѣтей своихъ ученіемъ, еще бо„лѣе пеклися о избавленіи учителей отъ заботъ „и попеченій. При семъ замѣтить нужно „и то, чѣмъ должно занимать дитя съ то„го времени, какъ оно только что на„чинаетъ говорить? Ибо ему по не„обходимости надлежитъ чѣмъ нибудь

„заниматься; а естьли можно извлечь какую
„нибудь пользу изъ первыхъ его лѣтъ, сколь
„бы она мала ни была, то для чегожъ пренебре-
„гать ею? Приобрѣтенное въ юности бы-
„ваетъ весьма полезно въ слѣдующемъ за о-
„ною возрастѣ. Сіе относится равномѣрно
„ко всѣмъ временамъ жизни. Всякому необхо-
„димо нужному познанію учиться надлежитъ
„заблаговременно: не попустимъ, чтобы дитя
„съ первыхъ лѣтъ своея жизни привыкало къ
„праздности. Его первоначальное ученіе тре-
„буетъ только памяти; дѣти имѣютъ гораз-
„до бо́льшую память, нежели взрослые. Мнѣ
„также извѣстны способности каждаго воз-
„раста, и потому полагаю, что дѣтей над-
„лежитъ принуждать къ ученію и требовать
„отъ нихъ гораздо болѣе, нежели что они
„сдѣлать могутъ. Наипаче всего остерегать-
„ся должно, чтобы не возродить въ нихъ
„ненависти къ ученію въ то время, въ ко-
„торое они не въ состояніи еще любить онаго,
„опасаясь, дабы отвращеніе единожды въ нихъ
„поселившееся, не осталося навсегда. Ученіе
„должно быть для нихъ игрою. Я желаю, чтобы
„ихъ просили, хвалили, ласкали имъ: нужно,
„чтобы дитя всегда было довольно, выучивъ
„то, что ему было задано. Иногда чему оно
„не захочетъ учиться, будутъ учить тому
„другаго; средство сіе возродитъ соревнованіе.
„Оно захочетъ превзойти его; и пусть о-
„стается въ тѣхъ мысляхъ, что совершенно
„успѣло въ своемъ предпріятіи. Дѣти весьма
„чувствительны и къ самымъ малымъ награжде-
„ніямъ; почему и сіе средство также употреб-

„лять должно. Вотъ самыя краткія настав-
„нія для исполненія толь великаго намѣре-
„нія, каковое я предпрiялъ. Но и самыя
„крѣпкія и сильныя тѣла имѣли слабыя на-
„чала, т. е. млеко и колыбель, такъ равно и
„ученіе имѣетъ свое младенчество. “

Читавшіе Эмиля подумаютъ, что они слышатъ Руссо: здѣсь только означены тѣ мысли, которыя онъ съ великимъ успѣхомъ разпространилъ и объяснилъ. Мнѣніе о памяти, поелику она составляетъ дѣло весьма важное, обращаетъ на себя особенное мое вниманіе, и я нѣсколько займуся онымъ. То, что говоритъ Квинтиліанъ о памяти дѣтей, болѣе касается памяти молодыхъ людей; по несчастію познаемъ мы уже слишкомъ поздо, какимъ сокровищемъ мы тогда обладаемъ, и коль полезно употреблять оное въ свое время. Будемъ увѣрены, что во всемъ относящемся до памяти и разумѣнія нѣтъ такой науки, къ коей бы не льзя быть способнымъ отъ десяти до тринадцати лѣтъ: въ сіе время можно всему научиться и все запомнить. Тѣлесныя орудія будучи еще новы, имѣютъ въ себѣ великую гибкость и силу; голова ничѣмъ не обремена, тѣло весьма крѣпко, мысли свѣжи, впечатлѣнія сильны, всѣ предметы весьма ясны, и по сей-то причинѣ, можетъ быть, время въ семъ возрастѣ кажется намъ столь долгимъ; все оставляетъ слѣды свои въ умѣ нашемъ, и прошедшее еще пребываетъ всегда въ свѣжей памяти. Сіе множество ощущеній,

означившихъ всѣ минуты продолженія времени, оставило въ насъ, какъ бы нѣкую продолжительную исторію, которая кажется намъ должна быть безконечною. Но, по мѣрѣ ослабленія нашихъ органовъ, умноженіе предметовъ раждаетъ въ оныхъ смѣсь и сбивчивость; напряженное вниманіе и продолжительные труды становятся обременительными; тогда чаще предаемся разсѣянію, и отдохновеніе становится нужнѣе. Ежели позволено роптать ка порядокъ вещей, который конечно, съ какой бы стороны ни стали разсматривать его, не могъ быть инаковъ; то можно бы нѣсколько пороптать на природу, что она гораздо бо́льшее желаніе возбуждаетъ въ насъ учиться и познавать, нежели сколько имѣемъ удобнѣйшихъ къ тому способовъ. Кажется, что въ молодости она ослѣпляетъ насъ собственными нашими способностями, и попускаетъ страстямъ изпреблять въ насъ даже сожалѣніе о семъ ослѣпленіи. Умъ, достигнувъ зрѣлости, хотя имѣетъ всю силу къ дѣйствованію и къ произведенію чего либо; но онъ имѣетъ несравненно менѣе оной къ изученію. Человѣкъ, одаренный твердою памятію, дивится, что достигнувъ сорока лѣтъ, онъ принужденъ прочитывать два и три раза то, что въ двацатилѣтнемъ возрастѣ прочитавъ одинъ разъ, весьма легко напечатлѣлъ бы въ своей памяти. Сіе измѣненіе умственныхъ способностей тѣмъ болѣе для насъчувствительно, чѣмъ менѣе его ожидаемъ. Все предувѣдомляетъ насъ заранѣе въ слабо-

сти чувствъ нашихъ; но мы ужѣ съ давняго времени приобыкли дѣлать почти то, чего желаемъ отъ нашего ума. Мы имѣемъ въ себѣ, не знаю какое то чувствованіе, заставляющее насъ думать, что способности, посредствомъ которыхъ получаемъ о вещахъ понятія, не должны быть подвержены никакому ослабленію; и какъ скоро примѣчаемъ оное, то дивимся, негодуемъ, что лишаемся силы, которую мы почитали неразрушимою. Она однакожъ не есть такова; даже тѣ самые, кои одарены были отъ природы наклонностію къ познаніямъ, которую юность, предаваясь обольстительнымъ забавамъ, часто оставляетъ въ небреженіи и отлагаетъ удовлетвореніе оной до другаго времени, непрестанно твердятъ, что неоцѣненный даръ памяти принадлежитъ особенно первой половинѣ жизни нашей, и что въ сіе только время надлежитъ ползоваться опымъ, естьли не хотимъ провесть другую ея половину въ разкаяніи и тщетномъ сожалѣніи, что не употребляли его въ свою пользу.

Квинтиліанъ рачительно разсматриваетъ другой вопросъ, о которомъ еще и нынѣ разсуждаютъ ежедневно, и о которомъ мыслятъ различно: гдѣ лучше могутъ быть воспитаны дѣти, дома или въ общественныхъ училищахъ? Въ сочиненіи Квинтиліана находятся тѣжъ самыя возраженія и отвѣты, каковые дѣлаются и нынѣ. Воспитаніе въ общественныхъ училищахъ предпо-

читаетъ онъ воспитанію домашнему: и главнѣйшею тому причиною, которая довольно основательна, полагаетъ то, что молодыхъ людей надлежитъ заблагоременно пріучать къ общежитію. Сія причина, ежели разсмотрѣть ее со вниманіемъ, можетъ относиться ко всѣмъ состояніямъ людей, а собливо, къ тѣмъ, кои приготовляются къ отправленію дѣлъ судебныхъ. „Тому, говоритъ онъ, „кто долженъ жить между великаго множе„ства людей и занимать видное мѣсто на „общественномъ позорищѣ, необходимо ну„жно заблаговременно привыкать къ людямъ „и присутствія ихъ не бояться: не должно „допускать его до робости, къ которой въ „уединеніи живущіе удобно привыкаютъ. „Пусть умъ его одушевляется и возвышает„ся; находясь въ уединеніи, приходитъ онъ „въ нѣкое ослабленіе, портится или лучше „сказать надмевается ложною довѣренностію „къ самому себѣ. Ибо человѣкъ, несравни„вающій себя съ другими, всегда имѣетъ о „себѣ слишкомъ высокое мнѣніе; но какъ „скоро открывается случай показать плоды „своего ученія въ обществѣ, оное приво„дитъ его въ робость; для него все кажет„ся новымъ, потому что одинъ и въ совер„шенномъ уединеніи учился онъ тому, что „долженствовало производиться въ присут„ствіи могихъ.“

Къ сему разсужденію, касающемуся до ученика, Квинтиліанъ приобщаетъ другое, которое относится уже къ учителю. Онъ

думаетъ, что учитель съ большимъ успѣхомъ можетъ преподавать наставленія свои въ училищѣ, гдѣ находится множество слушателей, нежели въ частномъ домѣ. „Учи„тель, занимающійся однимъ только воспи„танникомъ, не имѣетъ нужды придавать „словамъ своимъ полной силы, и того огня, „каковые надлежалобы имъ имѣть, естьли бы „онъ былъ къ тому побуждаемъ присут„ствіемъ слушателей многочисленныхъ. Ибо „краснорѣчіе обитаетъ особливо въ душѣ; ибо „для приведенія души нашей въ сильнѣйшее „движеніе необходимо нужно заставить ее, „чтобы она живо представляла изображенія „вещей, и даже преобращалась бы, такъ „сказать, въ тѣ самыя вещи, о которыхъ „ей говорятъ. Слѣдственно чѣмъ болѣе она „сама по себѣ есть благородна и возвышенна, „тѣмъ болѣе надлежитъ поражаться зрѣли„щемъ величественнымъ. Тогда-то похвала „возкрыляетъ ее къ высочайшему паренію; „тогда-то дѣлаемое ею напряженіе придаетъ ей „сильнѣйшее стремленіе и наполняется по„нятіями возвышенными. Напрошивъ того „употребить предъ однимъ слущателемъ „высокій даръ, требующій многихъ трудовъ „и реченія, и выдти для одного его изъ „предѣловъ обыкновеннаго разговора; почи„тается за нѣчто неприличное. И въ самомъ „дѣлѣ кто не почтетъ безразсуднымъ та„кого человѣка, который предъ однимъ слу„шателемъ произноситъ будетъ рѣчь голо„сомъ возвышеннымъ, съ тѣлодвиженіями и съ „жаромъ оратору приличными? Естьли бы

„всегда надлежало говорить съ однимъ тол-
„ко человѣкомъ, тогда между людьми не
„было бы никакаго краснорѣчія. “

Все сказанное здѣсь о человѣкѣ говоря-
щемъ относится также и къ слушателю. Въ
обоихъ сихъ случаяхъ гораздо лучше быть
въ обществѣ, нежели одному; и сіе замѣча-
ніе, по мнѣнію моему, помѣщено здѣсь
весьма кстати, тѣмъ наипаче, что оно
можетъ служить отвѣтомъ на возраженіе,
каковое нѣкоторые дѣлали противу сего
столь славнаго для наукъ учрежденія, кое-
му одобреніе ваше, весьма лестными дока-
зательствами ознаменованное, обѣщаетъ
ту прочность, которая единая можетъ со-
дѣлать его общественнымъ. Говорили, что
все слышимое въ ликеѣ можно читать съ
таковою же пользою и въ своемъ кабинетѣ.
Я осмѣливаюсь думать совсѣмъ тому про-
тивное, (и мнѣніе сіе основано на самой при-
родѣ и на опытности); ежели мы можемъ при-
нести какую либо пользу, то оная должна
быть гораздо вѣрнѣйшею и бо́льшею здѣсь,
нежели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ. Мнѣ
извѣстна выгода уединеннаго чтенія, а
особливо о предметахъ отвлеченныхъ и вели-
каго размышленія требующихъ; но что ка-
сается до познаній, здѣсь нами преподавае-
мыхъ, которыя требуютъ не долговремен-
наго глубокомыслія, но сильнаго впечатлѣ-
нія, которыя должны болѣе приводить умъ
въ движеніе, нежели побуждать его къ тру-
дамъ, то сей образъ общественныхъ собраній

и сей навыкъ къ упражненіямъ кажется мнѣ гораздо выгоднѣе всѣхъ прочихъ. Въ таковомъ занятіи слухъ дѣйствуетъ больше, нежели зрѣніе, для впечатлѣнія и удержанія мыслей. Ощущенія бываютъ гораздо сильнѣе, когда приобрѣтаются не въ уединеніи; онѣ бываютъ вѣрнѣе, когда подтверждаются всемъ, насъ окружающимъ; вниманіе каждаго слушателя подкрѣпляется вниманіемъ прочихъ: ощущенія, приобрѣтенныя въ обществѣ, впечатлѣваются весьма глубоко. Всякой слушатель возвращается къ себѣ съ новыми понятіями и въ свободное время сравниваетъ ихъ съ своими, а отъ сего происходитъ общій многихъ умовъ трудъ, обращающійся въ пользу разума и истинны.

Квинтиліанъ заставляетъ воспитанника своего проходить всѣ роды ученія, первымъ годамъ приличные и долженствующіе предшествовать наукѣ краснорѣчія. Сперва поручаетъ его учителю грамматики, который долженъ научить его правильно говорить и писать на языкѣ отечественномъ, занимать его чтеніемъ Греческихъ и Латинскихъ стихотворцевъ, преподать ему правила стихосложенія, показать въ чемъ состоятъ истинныя красоты поэзіи и дать общее понятіе о бытописаніи. Сверхъ того желаетъ, чтобы онъ не былъ невѣждою въ музыкѣ и геометріи, первая направитъ его слухъ и покажетъ истинное согласіе звуковъ, а вторая приучитъ къ соразмѣрности и къ правильному порядку. Квинтиліанъ чувствуетъ,

что требованіе его отъ воспитанника, приготовляемаго къ слушанію правилъ краснорѣчія, покажется страннымъ; но требованіе сіе не его; онъ только повторяетъ предписанное Цицерономъ въ книгѣ *объОраторѣ*, и подобно ему оправдывается тѣмъ, что онъ при начертаніи риторическихъ наставленій не беретъ въ примѣръ ниединаго изъ извѣстныхъ ему ораторовъ, но желаетъ только показать мысленный онаго образецъ: хотя бы таковому оратору и никогда существовать не должно было, по крайней мѣрѣ каждый можетъ заимствовать то, къ чему онъ будетъ способенъ и достигнетъ, до чего можетъ. Само собою разумѣется, что онъ не забываетъ включить въ число сихъ наукъ ни политики, ни правовѣденія, безъ которыхъ не можно разсуждать ни о дѣлахъ государственныхъ, ни о дѣлахъ, касающихся до людей частныхъ. Квинтиліанъ предвидѣлъ, что сильно возопіютъ противу множества познаній, коихъ требуетъ онъ отъ оратора: Причины и примѣры, на коихъ основываетъ онъ справедливость своего требованія, можно видѣть въ *риторическихъ его наставленіяхъ*, о коихъ подробное разсмотрѣніе слишкомъ далеко уклонило бы насъ отъ главнаго нашего предмета. Но при всемъ томъ не можно прейти молчаніемъ заключенія, которымъ оканчиваетъ онъ свое размышленіе и первую книгу своихъ наставленій: оно тѣмъ большее доставитъ читателю удовольствіе, что покажетъ ясно ту безпредѣльную любовь сочинителя къ искуствамъ, и по

благородное рвеніе, безъ которыхъ никакъ не можно успѣть въ искуствахъ, ни заставить другихъ любить оныя.

„Признаемся чистосердечно, что мы са-
„ми увеличиваемъ трудности, дабы нерадѣ-
„ніе свое сдѣлать извинительнымъ. Мы не
„любимъ трудовъ; естьли и желаемъ достиг-
„нуть краснорѣчія, то это не по тому, что
„оно само по себѣ есть искуство досто-
„хвальное и честное, но для удовлетворенія
„постыднаго своего корыстолюбія. И такъ
„пусть многіе, не будучи обогащены помяну-
„тыми познаніями, говорятъ рѣчи свои въ
„судилищахъ, и собираютъ великія богатства;
„но человѣкъ, имѣющій истинное понятіе о
„томъ высокомъ краснорѣчіи, которое Эври-
„пидъ называетъ царицею сердецъ, обрѣ-
„таетъ достойную награду за труды свои
„не въ постыдномъ мздоимствѣ, но въ воз-
„вышеніи своихъ мыслей, въ душевныхъ, не-
„престанныхъ и отъ богатства нимало
„независящихъ удовольствіяхъ. Съ великою
„охотою посвятитъ онъ искуствамъ и нау-
„камъ то время, которое другіе тратятъ въ
„праздности, въ играхъ, на зрѣлищахъ, въ
„пустословіи, во снѣ или пиршествахъ; онъ
„найдетъ бо́льшее удовольствіе въ упражне-
„ніяхъ человѣка, преданнаго наукамъ, нежели
„во всѣхъ прилтностяхъ, каковыми услаж-
„дается невѣжество.“

Разрѣшеніе вопроса, какихъ писателей надлежитъ давать юнымъ воспитанникамъ

для чтенія, кажется ему нетруднымъ, хотя и въ его время были люди, утверждавшіе, что съ самаго начала надлежитъ заставлять дѣтей читать сочинителей посредственныхъ; мнѣніе сіе возобновлено и во времена наши (*). Ложное сіе положеніе стараются подкрѣпить тѣмъ, будтобы человѣкъ въ юныхъ лѣтахъ своихъ не въ состояніи чувствовать всѣхъ красотъ писателей превосходныхъ. Но они также весьма удобно привыкаютъ къ худому вкусу гораздо прежде, нежели почувствуютъ настоящія красоты въ писателѣ; и для чегожъ приучать ихъ къ обманчивымъ ощущеніямъ, которыя или никогда, или съ великимъ трудомъ изтребляются? Правило Квинтиліана весьма просто и полезно. „По мнѣнію моему, говоритъ „онъ, надлежитъ читать лучшихъ писателей „не только съ самаго начала, но и всегда.“ Впрочемъ онъ отдаетъ преимущество писавшимъ съ бо́льшею чистотою и исправностію. Напримѣръ Тита Ливія предпочитаетъ онъ Саллюстію; первоеже мѣсто отдаетъ онъ Цицерону; а по немъ совѣтуетъ читать писателей, ближе всего къ Цицеронову слогу подходящихъ. Онъ присовокупляетъ: „Есть двѣ крайности, одна другой „противныя, которыхъ равно остерегаться „должно. Не позволяйте, чтобы наставникъ, „по слѣпому своему пристрастію къ нашимъ

(*) Въ книгѣ подъ названіемъ: *Адель и Ѳеодоро́*, или *Письма о воспитаніи*.

„древностямъ, занималъ юныхъ дѣтей чте-
„ніемъ древнихъ нашихъ писателей, какъ то
„Гракховъ, Катона и другихъ, въ тѣ вре-
„мена жившихъ; изъ сего чтенія они мо-
„гутъ приучиться къ слогу грубому, сухо-
„му и варварскому. По юнымъ лѣтамъ сво-
„имъ не будучи въ состояніи подражать силь-
„нымъ мыслямъ и благороднымъ чувствова-
„ямъ, они прилѣпятся къ выраженіямъ, кото-
„рыя конечно хороши были тогда, а не въ наше
„время; и послѣдуя ошибкамъ и недостаткамъ
„сихъ великихъ людей, они по глупости своей
„возмечтаютъ, что уже сдѣлались имъ по-
„добными. Съ другой стороны надлежитъ,
„тщательно предостерегать ихъ, чтобы
„пристрастясь къ новѣйшимъ писателямъ
„не начали презирать древнихъ, а въ сочи-
„нителяхъ намъ современныхъ любить да-
„же ихъ погрѣшности и ту неумѣренную
„разточительность украшеній, отъ которой
„слогъ дѣлается весьма слабымъ. Не допу-
„стимъ ихъ прельщаться роскошнымъ, такъ
„сказать, и изнѣженнымъ краснорѣчіемъ,
„которое тѣмъ болѣе для нихъ пріятно,
„что весьма много соотвѣтствуетъ слабо-
„сти ихъ возраста и разсудка. Но когда
„разумъ ихъ укрѣпится истинными позна-
„ніями, и когда въ состояніи будутъ слѣ-
„довать лучшему, тогда могутъ они читать
„и древнихъ и новѣйшихъ писателей безъ
„различія; отъ первыхъ могутъ они заим-
„ствовать силу и основательность мыслей,
„очистивъ ихъ отъ грубости древняго вѣ-
„ка, а отъ другихъ пріятность и плавность,

„составляющія существенное достоинство
„слога, когда они неизкажены надутостію.
„Ибо природа произвела насъ не хуждшими
„нашихъ предковъ; но со временемъ мы из-
„мѣнили нашъ вкусъ, и предавшись слищ-
„комъ много тому, что намъ льститъ, до-
„вели мы разборчивость и нѣжность далѣе
„надлежащаго. Итакъ древніе не сполько
„превзошли насъ способностями, сколько
„правильностію и строгостію въ разсужде-
„ніяхъ.“

Изъ сего видно, сколь основательны и обдуманы правила Квинтиліана, и сколь много былъ онъ достоинъ того мѣста, которое занималъ. Слѣдуя симъ правиламъ въ наше время, заключить должно, что молодому человѣку не прежде надлежитъ читать Корнеля, какъ по довольномъ укрѣпленіи вкуса своего чтеніемъ твореній Депрео и Расина. Я очень хорошо помню, что многіе изъ моихъ соучениковъ въ риторическомъ классѣ, читали наизусть и съ великимъ возхищеніемъ ролю *Роделинды*, почитая нелѣпую надутость слога за благородство, и ролю *Аттилы*, коего звѣрская люотость показалась имъ величіемъ души. Ежели бы они въ ученіи своемъ руководимы были наставникомъ просвѣщеннымъ, то онъ мало по малу заставилъ бы ихъ чувствовать, что искомое ими величіе души находится въ *Цинѣ* и въ *Горацiяхъ*. Есть еще другой родъ недостатка въ слогѣ, который также можетъ имъ понравиться въ такомъ писателѣ,

каковъ Фонтенель; и ежели они посредствомъ чтенія классическихъ писателей не приучились ощущать основательныхъ разсужденій; то дѣлаемое Фонтенелемъ изъ ума своего злоупотребленіе и съ крайнимъ тщаніемъ выисканныя украшенія удобно покажутся имъ прелестнѣйшими и совершеннѣйшими.

Поелику однѣ и тѣже заблужденія при одинаковыхъ обстоятельствахъ обыкновенно возобновляются; то и неудивительно, что во время Квинтиліана, такъ какъ и нынѣ, были такіе люди, которые съ нелѣпою и смѣха достойною, но по ихъ мнѣнію выспреннею и остроумною надменностію утверждали, что всякое искуство, правила, основанія суть не иное что, какъ мечта или излишество; и что все единою природою производится. Квинтиліанъ въ опроверженіе сего мнѣнія написалъ двѣ главы не для того, будтобы онъ не зналъ, что толь глупое разсужденіе не достойно было надлежащаго опроверженія предъ людьми умными; но ему извѣстно было, что таковое ученіе весьма скоро можетъ понравиться многимъ; ибо для людей лѣнивыхъ и самолюбивыхъ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ удобность почитать невѣжество свое за геній. Впрочемъ нелѣпыя лжеумствованія, каковыми мнѣніе сіе подкрѣпить стараются, и при самомъ легчайшемъ разсмотрѣніи тотчасъ изчезаютъ. Ибо онѣ не иное что суть, какъ ложныя доказательства, къ самому дѣлу ни мало не-

принадлежащія, и несправедливость, каковую слабоуміе обыкновенно призываетъ къ себѣ на помощь. Они смѣются надъ правилами писателей, и притворяются забывшими, что не писатель какой либо выдумываетъ правила, но разумъ и опытность были наставниками и правилами, во всякое время послѣдованія достойными.

Я помню, что одинъ изъ сихъ проповѣдователей невѣжества, опровергнувъ съ презрѣніемъ всѣ правила піитра, допускалъ однакожъ, не знаю по какому-то безмѣрному снизхожденію, единство дѣйствія и завязки, *не такъ какъ правило Аристотеля*, говорилъ онъ, *но какъ правило здраваго разсудка.* Ахъ! другъ мой, когда и кто болѣе сего отъ тебя требовалъ? Кому входила въ голову столь глупая мысль, будто бы имя Аристотеля придавало достоинство такому или другому правилу, и что весьма было полезно наблюдать оное по тому только, что предписалъ его Аристотель? И хотя бы Ликофронъ прежде всѣхъ сказалъ, что трагическій стихотворецъ въ драмѣ своей, а живописецъ въ картинѣ долженъ изображать только одинъ предметъ; то надлежало бы ему непремѣнно вѣрить не изъ почтенія къ Ликофрону, но изъ уваженія къ здравому разсудку.

Итакъ станемъ внимать гласу здраваго смысла; онъ намъ скажетъ, что люди имѣютъ понятія токмо приобрѣтенныя, и что

сіи понятія разпространяются, становятся яснѣе, и утверждаются взаимнымъ сообщеніемъ умовъ; что всѣ человѣческія дѣла идутъ не вдругъ, но мало по малу; люди не иначе достигаютъ до познаній, какого бы онѣ рода ни были, какъ съ меншею или бо́льшею постепенностію; что во́ всякомъ родѣ познанія, по многократнымъ и недостаточнымъ опытамъ, научаемся наконецъ посредствомъ сравненія отличать хорошее отъ худаго; что такъ называемое искуство или наука, не иное что есть, какъ приведенное въ порядокъ слѣдствіе умствованія и опытности; что цѣль сего искуства состоитъ единственно въ томъ, дабы послѣдующихъ за нами избавить отъ всего продолжительнаго пути, который совершили наши предшественники, и который надлежало бы имъ, не имѣя руководителей, самимъ отыскивать и проходить съ великимъ трудомъ. Что сего простѣе и яснѣе? Кто можетъ опровергнуть, что трудъ сей ни къ чему доброму не служитъ? Но иногда случалось, что нѣкоторые люди производили дѣла похвальныя, не зная никакихъ правилъ. — Хорошо! но въ такомъ случаѣ поступали они подобно первымъ изобрѣтателямъ; и потому большихъ успѣховъ никогда не имѣли. — Шакспиръ, не слѣдуя никакому правилу, самъ собою изобрѣлъ сильныя драматическія дѣйствія, и произвелъ великія красоты. — Вы ошибаетесь. Въ лучшихъ мѣстахъ своихъ сочиненій слѣдовалъ онъ природѣ, вѣроятности и разсудку, яко единымъ основаніямъ всѣхъ правилъ; и естьли бы

онъ, по примѣру Корнеля, зналъ правила Аристотеля; ежели бы онъ, какъ нашъ Расинъ, слѣдовалъ образцамъ, древними Греками намъ оставленнымъ; то, не могу точно сказать, сравнялся ли бы съ ними, (ибо сіе болѣе или менѣе зависитъ отъ генія); но утвердительно сказать можно, что трагедіи его были бы тогда гораздо лучше.

Есть люди, которые ариѳметику почитаютъ наукою безполезною; ибо умственно дѣлая счисленія случалось имъ, такъ какъ и многимъ другимъ, по единой токмо врожденной способности, показывавшей имъ кратчайшій путь, отдѣлять единицы, десятки и сотни. Очень хорошо: симъ средствомъ вы только знаете, какъ дѣлается сложеніе. Но я вамъ покажу, какимъ образомъ одно число помножается другимъ, одно число дѣлится на другое; научу васъ знакамъ условнымъ, посредствомъ коихъ вы будете сравнивать количества всякаго рода, точно такъ, какъ обыкновенно вычисляются посредствомъ цифровъ количества, изображаемыя числами; словомъ сказать, вы узнаете тогда алгебру, и удивитесь, что въ нѣсколько дней выучились вы тому, чему бы во всю вашу жизнь не могли научиться.

Но обратимся къ краснорѣчію. Квинтиліанъ показываетъ разные предразсудки, могущіе увѣрить невѣждъ, будто бы человѣкъ тѣмъ сильнѣе говоритъ или пишетъ, чѣмъ менѣе слѣдуетъ правиламъ искуства. „Нѣтъ „порока, говоритъ онъ, которой бы не былъ

„соединенъ съ какимъ либо достоинствомъ.
„И потому весьма удобно дерзость прием-
„лется за смѣлость, пустословіе за плодо-
„витость, безстыдство за благородную воль-
„ность. Безстыдный стряпчій (адвокатъ)
„гораздо болѣе, нежели кто либо другой,
„употребляетъ наглости и ругательства;
„однакожъ иногда обращаетъ на себя вни-
„маніе слушателей по тому, что люди до-
„вольно охотно слушаютъ то, чего они не
„согласились бы сказать сами. Не наблюдаю-
„щій въ слогѣ никакой мѣры и непрестанно
„стремящійся къ чрезвычайному иногда ска-
„жетъ что нибудь и великое; сіе однакожъ слу-
„чается весьма рѣдко, и не вознаграждаетъ
„недостатковъ и пороковъ въ сочинителѣ.
„Статься можетъ, что говорящій все, что
„ему ни придетъ на умъ, покажется ораторомъ
„изобильнымъ; но искусный человѣкъ гово-
„ритъ только то, что должно. Сочинитель
„уклонясь отъ настоящаго предмета и
„отъ доказательствъ, избѣгаетъ всего, мо-
„гущаго показаться непріятнымъ для лю-
„дей испорченнаго вкуса, но не имѣетъ того,
„что почли бы необходимо нужнымъ люди
„умные и разборчивые. Естьли таковымъ со-
„чинителямъ, при величайшемъ однакожъ уси-
„ліи, удастся найти острыя мысли, то оныя
„тѣмъ бо́льшее производятъ дѣйствіе, чѣмъ
„все прочее сочиненіе бываетъ хуже: онѣ
„подобны молніи, сверкающей во время тем-
„ной ночи. Позволимъ называть таковыхъ
„сочинителей людьми умными; но они дол-
„жны согласиться со мною, что человѣкъ

„истинно краснорѣчивый сею одною похва-
„лою оскорбится. Должно признаться, что
„искуство нѣчто отнимаетъ у сочиненія,
„но въ семъ случаѣ оно поступаетъ подобно
„пилѣ, дѣлающей желѣзо свѣтлымъ и глад-
„кимъ; брусу, изощряющему ножницы; вре-
„мени, которое вину придаетъ бо́льшую
„доброту.“

Мнѣ кажется нѣтъ возможности спра-
ведливѣе мысли́ть, яснѣе учить и основа-
тельнѣе разсуждать, какъ то дѣлаетъ Квин-
тиліанъ.

Онъ не забываетъ сихъ высокомѣрныхъ
и пылкихъ декламаторовъ, которые всегда
и безъ всякой причины выходятъ изъ са-
михъ себя. „Они, говоритъ Квинтиліанъ,
„писателямъ, дѣлающимъ великую честь сло-
„весности, даютъ имена самыя оскорбитель-
„ныя, какія только выдумать могутъ;
„называютъ ихъ писателями *слабыми*, *хо-*
„*лодными*, *сухими*, *скупыми*, *робкими*
„и проч.“ Не льзя ли сказать, что Квин-
тиліанъ лишь только вчера читалъ наши
листки, сатиры и журналы? Онъ заклю-
чаетъ: „Итакъ поздравимъ ихъ, что они
„столь удобно могутъ быть краснорѣчивы
„безъ всякаго искуства, безъ труда и безъ
„ученія. Яжъ съ своей стороны употреблю
„свободное время на собираніе въ сію книгу
„всего того, что благомыслящему юноше-
„ству можетъ быть полезно. Оставивъ су-
„дебныя дѣла и публичное преподаваніе нау-
„ки краснорѣчія въ такое время, когда по

„видимому весьма многіе желали, чтобы я „еще продолжалъ мою должность, нынѣ по„лагаю единственное мое удовольствіе въ „семъ трудѣ, на пользу юношества мною „предпріятомъ.“

Настоящимъ литтераторамъ весьма часто и несправедливо поставляютъ въ вину, будто бы они съ неосновательною и непреодолимою упорностію желаютъ подвесть все подъ одинакія правила. Мы тотчасъ увидимъ, умѣетъ ли Квинтиліанъ назначать пристойные предѣлы, и разумъ его принимаетъ ли на себя видъ педантства и непреклонной строгости.

„Я не буду слѣдовать примѣру тѣхъ, „которые желаютъ заключить искусство „краснорѣчія въ предѣлахъ извѣстныхъ и „непремѣнныхъ. Таковыхъ предѣловъ я не „знаю. Риторика сдѣлалась бы наукою весь„ма легкою, ежели бы можно было привесть „ее въ систему. Свойство дѣлъ и обстоя„тельствъ, предметъ сочиненія, случай, не„обходимость перемѣняютъ и ограничиваютъ „все...“ Здѣсь сравниваетъ онъ оратора съ полководцемъ, который военными движеніями разпоряжаетъ соотвѣтственно мѣстоположенію, числу и свойству какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ войскъ. Сравненіе сіе весьма справедливо и плодовито. „Спра„шиваете меня, продолжаетъ Квинтиліанъ, „приступъ есть ли нуженъ или полезенъ, надлежитъ ли ему быть продолжи„тельну или кратку, долженъ ли быть раз-

„сказъ сжать или разтянуть, надлежитъ ли „слѣдовать въ немъ порядку произшествій, „или можно прерывать оный? Отвѣтствую: „совѣтуйтесь со свойствомъ самаго дѣла, о „которомъ вы говорить намѣрены....Надле„житъ сообразоваться съ обстоятельства„ми дѣла, и потому-то разсудокъ есть глав„нѣйшее и необходимое свойство въ ора„торѣ. Я совѣтую ему, чтобы онъ до при„ступленія къ сочиненію никогда не выпу„скалъ изъ виду двухъ вещей, пристойности „и пользы. Главную цѣль его попеченія со„ставляетъ польза того дѣла, о которомъ „онъ говоритъ. Не требую, чтобы онъ „рабски слѣдовалъ слишкомъ единообразнымъ „и общимъ правиламъ: мало находится та„кихъ правилъ, которыхъ иногда престу„пить было бы не можно или не должно. „Молодые люди, прочитавъ какую либо со„кращенную риторику, не должны о себѣ „высокоумствовать, что они уже все зна„ютъ. Искуство говорить краснорѣчиво „требуетъ труда великаго, ученія непре„станнаго, опытности долговременной, упра„жненія непрерывнаго, ума здраваго и все„объемлющаго: въ такомъ только случаѣ „правила, надлежащимъ образомъ употреб„ленныя въ дѣйство, бываютъ полезны; въ „такомъ только случаѣ научаются пользо„ваться ими, а не слѣпо или слишкомъ „много порабощаться онымъ. Итакъ мы „будемъ ходить то тою, то другою доро„гою; ежели стремительный потокъ сор„ветъ мостъ, тогда пойдемъ дорогою около-

„ною; ежели у дома загорятся двери, мы „выскочимъ въ окно. Я занимаюсь предме„томъ чрезвычайно обширнымъ и разнообра„знымъ; онъ никогда не изтощится. Я по„кушусь собрать все, что прежними учи„телями сказано о семъ искуствѣ, выбрать „самыя лучшія предписанныя ими правила; „и ежели найду въ нихъ что нибудь тре„бующее перемѣны, или что нибудь къ нимъ „прибавить, или и совсѣмъ уничтожить, я „все сіе учинить не премину.“

Желающему объять единымъ взоромъ всю безмѣрную обширность какого либо предмета, надлежитъ взирать на оный съ весьма возвышеннаго мѣста; и однимъ только великимъ умамъ прилично говорить вмѣстѣ съ Попе:

Сколь обширны науки! сколь разумъ ограниченъ!

Я бы могъ выписать гораздо бо́льшее число сихъ весьма полезныхъ и основательныхъ мыслей, коими объ первыя книги сочиненія Квинтиліанова преисполнены, или лучше сказать, я бы перевелъ ихъ всѣ безъ остатка, естьли бы предался удовольствію переводить оныя. Но надлежитъ идти прямо къ предположенной нами цѣли, и преодолѣвать прелести, могущія остановить насъ на пути. На каждой строкѣ находятся сіи простыя, но ясныя и поучительныя замѣчанія, которыя сама опытность сильными примѣрами утвердила. Сочинитель совѣтуя воспитанникамъ обогащать и украшать память свою лучшими мѣстами изъ сочи-

ненiй, замѣчаетъ, что чужія къ статьи приведенныя изрѣченія, приносятъ намъ гораздо болѣе чести, и производятъ сильнѣйшее дѣйствіе, нежели собственныя наши мысли. Наставленіе сіе показалось весьма полезнымъ одному извѣстному Парижскому Коадъютору, которой въ одномъ важномъ случаѣ, о коемъ онъ самъ въ запискахъ своихъ упоминаетъ, послѣдовалъ оному съ великимъ успѣхомъ. Въ собраніи Парламента читано было письмо, врученное Канцлеромъ Депутатамъ градоправленія, въ которомъ Коадъюторъ обвинялся, что для собственныхъ своихъ выгодъ разсѣвалъ сѣмена раздора и жертвовалъ пользою государства своему честолюбію быть Кардиналомъ. Ожидали оправданія; оное могло быть затруднительно, а при томъ отвлекло бы отъ предмета настоящаго разсужденія. По счастію не ему слѣдовало подавать голосъ, и онъ имѣлъ довольно времени приготовиться къ отвѣту. Почувствовалъ, что надлежало вооружиться смѣлостію, найти какое нибудь средство избавиться отъ необходимости оправдывать себя, и что непремѣнно нужно было какъ можно достигнуть рѣшительнаго конца, отъ котораго присутствовавшіе желали уклониться. Когда дошла до него очередь говорить, онъ всталъ и важнымъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова: „Я не могу и „не долженъ при настоящемъ обстоятель„ствѣ отвѣтствовать на клевету иначе, „какъ повторивъ предъ вами, [милостивые „государи, тоже самое, что нѣкогда сказалъ „Римскій ораторъ: in difficillimis Reipublicae

„temporibus vrbem nunquam deserui, in pros-
„peris nihil de publico delibavi, in desperatis
„nihil timui.“ То есть: въ бурныя времена республики я никогда не оставлялъ отечества, въ благополучныя ничего себѣ не требовалъ, а въ самыя отчаянныя времена ничего не страшился. „Коадъюторъ самъ замѣчаетъ, что выраженіе сіе на Латинскомъ языкѣ имѣетъ такую пріятность и силу, которыхъ на Французскомъ языкѣ выразить никакъ не можно. Какъ бы то ни было, слова сіи имѣли желаемое дѣйствіе; они придали ему смѣлость перейти тотчасъ къ главному предмету разсужденія, и избавить себя отъ всякаго защищенія, подобно Сципіону. Въ сей день онъ вершилъ дѣла по своему произволенію. Судьи, пришедшіе изъ собранія домой, бросились искать въ Цицеронѣ вышесказанное изрѣченіе, которое показалось имъ прекраснымъ: но трудъ ихъ былъ напрасенъ; сколько бы они ни искали, никогда бы не нашли сего мѣста, ибо въ Цицеронѣ совсѣмъ его нѣтъ. Всѣ сіи Латинскія слова принадлежатъ Коадъютору, и сіе забавное произшествіе подало случай къ слѣдующей поговоркѣ: il ne perdit pas son latin. (*) *Его Латинской языкъ не пропалъ.*

(*) Perdre son latin. Французская пословица, употребляемая въ случаѣ неудачнаго оправданія или доказательства.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О трехъ родахъ краснорѣчія: изобразительномъ, совѣщательномъ и судебномъ.

Квинтиліанъ разсматриваетъ предметъ, разсужденію его предлежащій, подъ главными тремя отношеніями, радѣляющими оный на искуство, искусника и произведеніе. Послѣдующія за симъ главнымъ подраздѣленія составлены изъ разныхъ частей каждому изъ помянутыхъ трехъ отношеній свойственныхъ. Онъ разсматриваетъ (и можетъ быть дѣлаетъ сіе изъ чрезмѣрнаго снизхожденія къ риторамъ и софистамъ того времени), должно ли риторику называть искуствомъ, наукою, силою, могуществомъ, добродѣтелію. Всѣ сіи вопросы, почти столь же нелѣпые, какъ и мѣлочные, были въ великомъ употребленіи въ Греческихъ и Римскихъ училищахъ; не знать ихъ было бы тогда стыдно. Къ счастію мы избавлены отъ сего толь многаго знанія; мы и безъ него довольно другъ друга разумѣемъ, когда говоримъ, что краснорѣчіе есть искуство преклонять другаго къ своему мнѣнію, а риторика есть наука, содержащая въ себѣ правила сего искуства. Безъ всякаго тщеславія, что и мы умѣемъ дѣлать точныя и строгія опредѣленія, которыя впрочемъ бываютъ только въ предметахъ философскихъ можно положить слѣдующее общее между наукою и искуствомъ различіе, что одна

ограничивается умственнымъ предмета разсматриваніемъ, а другое производитъ какое либо сочиненіе. Итакъ можно быть астрономомъ, физикомъ, химикомъ, не дѣлая ничего другаго, кромѣ наблюденій надъ природою; напротивъ того не льзя быть піитомъ, не сочинивъ стиховъ, ораторомъ не сочинивъ рѣчи, живописцемъ не написавъ картины и проч.

Квинтиліанъ даетъ риторикѣ слѣдующее опредѣленіе: *наука хорошо говорить*. Сіе опредѣленіе можетъ быть лучше на Латинскомъ, нежели на Французскомъ языкѣ; во первыхъ потому, что слово dicere имѣетъ совсѣмъ другую силу на одномъ, нежели на другомъ изъ сихъ двухъ языковъ; во вторыхъ потому, что Квинтиліанъ подъ словами *говорить хорошо* разумѣетъ не только *говорить краснорѣчиво*, но говорить токмо то, что есть честно и непротивно нравственности; соотвѣтствующіяжъ имъ слова Французскія не содержатъ въ себѣ толь обширнаго смысла. Впрочемъ Квинтиліанъ весьма осмотрителенъ; ибо имя ритора даетъ онъ только такому человѣку, который и краснорѣчивъ и добродѣтеленъ. Желательно, чтобы сіе было на самомъ дѣлѣ справедливо; но я думаю, что онъ уже слишкомъ привязанъ былъ къ своему искуству, и смотрѣлъ на него только съ выгоднѣйшей стороны. Кесарь, по мнѣнію Цицерона, былъ великій ораторъ, не бывъ человѣкомъ добродѣтельнымъ.

Я еще менѣе одобряю Квинтиліана за то, что по довольно неосновательнымъ причинамъ охуждаетъ онъ сіе почти всѣми вообще принятое опредѣленіе краснорѣчію, что оно есть искуство убѣждать. По мнѣнію его не одно краснорѣчіе убѣждаетъ; красота, слезы, безмолвныя прозьбы такоежъ производятъ дѣйствіе. Но сіе кажется мнѣ происходитъ отъ того, что слово persuader (убѣждать), берется слишкомъ въ обширномъ смыслѣ; оно какъ на Латинскомъ, такъ и на Французскомъ языкѣ собственно представляетъ только понятіе о убѣжденіи, силою слова произведенномъ. Правильно же и собственно говорится: красота плѣняетъ, слезы приводятъ въ умиленіе, но краснорѣчіе убѣждаетъ. Даже самый приводимый Квинтиліаномъ примѣръ оправдываетъ сіе основательное знаменованій отличіе. „Когда „ораторъ Антоній, говоря защитительную рѣчь за Аквилія, вдругъ разодралъ „одежду на обвиняемомъ, и такимъ образомъ обнажилъ раны, полученныя имъ „на сраженіи за отечество; то можно „ли сказать, что онъ надѣялся на свои „доказательства? Нѣтъ; но онъ извлекъ „слезы изъ очей Римлянъ, которые безъ „сердечнаго умиленія не могли взирать на „сіе толь сильно тронувшее ихъ зрѣлище, и „оправдали виновнаго.“ Я отвѣчаю Квинтиліану: итакъ, по твоему же мнѣнію, Римскій народъ былъ не убѣжденъ, но разтроганъ.

Напротивъ того всякой согласится съ его мнѣніемъ, когда онъ, стараясь превознесть похвалами преимущество искуства слова, говоритъ намъ: „Создатель міра отличилъ насъ „отъ всѣхъ прочихъ животныхъ особенно да„ромъ слова. Онѣ превозходятъ насъ силою, „терпѣніемъ, величиною тѣла, долголѣтіемъ, „проворствомъ, и многими другими выгода„ми, а особенно тѣмъ, что гораздо удобнѣе, „нежели мы, могутъ обойтися безъ всякой „постороннеи помощи. Будучи руководимы „единою токмо природою, они скоро и „сами собою научаются ходить, питаться „и плавать. Защиту отъ холода носятъ „онѣ на себѣ всегда; онѣ одарены природ„ными оружіями; пищу себѣ находятъ подъ „своими ногами: но человѣкъ всѣ сіи потреб„ности съ великимъ трудомъ снискиваетъ. „Мы одарены разумомъ, который, кажется, „приобщаетъ насъ къ числу безсмертныхъ; „но сколь былъ бы онъ слабъ безъ способ„ности изъяснять мысли свои посредст„вомъ слова, которое есть вѣрное оныхъ „изображеніе! сего-то не достаетъ живот„нымъ..... Итакъ, ежели мы ничего лучша„го не получили отъ природы, какъ только „употребленіе слова; то чтожъ болѣе все„го должны мы приводить въ совершенство? „О чемъ же болѣе всего надлежитъ чело„вѣку стараться, какъ не о томъ, чтобы „прочихъ людей превзойти тою способностію, „которая поставляетъ ихъ превыше всѣхъ „безсловесныхъ животныхъ?“

Квинтиліанъ, такъ какъ Аристотель и древнѣйшіе риторы, раздѣляетъ всякое витійственное сочиненіе на три рода: *изобразительный*, *совѣщательный* и *судебный*. Первый главнымъ предметомъ своимъ имѣетъ похвалу или хулу; и къ сему роду принадлежатъ Панегирики и надгробныя слова, бывшія въ употребленіи у народовъ древнихъ, также какъ и у насъ съ тою разностію, каковая неминуемо должна происходить отъ нравовъ и вѣры. На примѣръ наши надгробныя слова суть не иное что, какъ сочиненія духовныя; онѣ произносятся только въ церквахъ, и входятъ въ составъ обряда погребенія. Витія непремѣнно долженъ быть служитель Божія престола, и похвала добродѣтелей и отмѣнныхъ дарованій, нерѣдко приписуемая только высокому сану и рожденію, произносится на той самой каѳедрѣ, на которой ежедневно проповѣдуется, что всякое человѣческое величіе есть ничтожно. Напротивъ того у древнихъ таковыя Слова нимало не принадлежали къ сочиненіямъ духовнымъ, но свѣтскимъ: не жрецы, но родственники умершаго говорили ему похвальное слово предъ собраніемъ народа. При семъ выставляемы были изображенія предковъ, что и подавало Римскимъ вельможамъ удобный случай вперять въ народъ благородство, знаменитость и преимущество своего рода. Бытописатели замѣтили, что Юлій Кесарь, будучи еще въ юныхъ лѣтахъ, говорилъ при погребеніи тетки своей Юліи надгробное слово, въ коемъ пре-

возносилъ похвалами общее рода своего произхожденіе, которое по словамъ его имѣло начало съ одной стороны отъ Венеры, а съ другой отъ одного изъ древнихъ Римскихъ Царей Анка Марція: „Итакъ, говорилъ онъ, „родъ мой ведетъ начало свое отъ Царей, „кои суть владыки человѣковъ, и отъ боговъ, „кои почитаются владыками Царей.“

Между сочиненіями *изобразительнаго* рода краснорѣчія у древнихъ народовъ, первое занимаетъ мѣсто Панегирикъ Эвагору, Царю Саламинскому, который при малыхъ пособіяхъ великія совершилъ дѣянія. Похвальное Слово Аѳинской Республикѣ того же сочинителя не можетъ быть причислено къ роду помянутаго нами Панегирика; ибо ораторъ, стараясь наиболѣе всего преклонить Аѳинянъ къ принятію главнаго начальства надъ всѣми Греческими войсками, назначенными противу варваровъ, въ сей рѣчи своей употребляетъ совѣщательный родъ краснорѣчія. За симъ слѣдуетъ похвальное Слово Тралну, превозходное произведеніе втораго вѣка краснорѣчія Римскаго, т. е. того времени, когда витійство, лишась прежняго своего величія, замѣняло еще по крайней мѣрѣ всѣми приятностями ума простыя и истинныя красоты слова, означавшія эпоху совершенства. Сочиненіе Плинія младшаго, не взирая на свои недостатки, приноситъ ему великую честь и въ потомствѣ, а наипаче тѣмъ, что сочинитель въ похвалѣ своей Государю превозноситъ одну только добродѣтель.

Укоряли Траяна, что онъ терпѣливо слушалъ цѣлые два часа рѣчь, публично въ похвалу ему произнесенную. Но Плиній въ письмахъ своихъ оправдываетъ Императора въ семъ несправедливомъ обвиненіи. Изъ оныхъ видно, что Плиній Панегирика своего въ такомъ видѣ, въ каковомъ дошелъ онъ до нашихъ временъ, никогда не говорилъ; что оный былъ сперва не иное что, какъ обыкновенное благодареніе, приносимое въ Сенатѣ Консуломъ Императору, избравшему его въ сіе высокое достоинство. Консулъ, при изъявленіи своей благодарности, разпространился нѣсколько болѣе обыкновеннаго въ похвалѣ своей Траяну, и всѣ вообще слушатели столь были довольны ею, что убѣдили Плинія изобразить всѣ дѣянія Траяновы, отъ чего произошла наконецъ нарочитой величины книга. Вотъ настоящее произхожденіе Плиніева Панегирика, который Траянъ безъ сомнѣнія читалъ, но сочинитель никогда не произносилъ его въ Сенатѣ. За счастіе почитать должно, что еще можно таковыя заблужденія уничтожать, а отъ добродѣтели отвращать взводимыя на нее обвиненія въ недостаткѣ скромности.

Рѣчь Цицеронова, несправедливо названная pro Marcello *за Марцелла*, какъ будтобы она походитъ на тѣ рѣчи, которыя говорилъ Цицеронъ въ защиту Лигарія и царя Деіотара, причисляется къ сему же роду краснорѣчія, хотя она писана совсѣмъ инымъ слогомъ, нежели Плиніевъ Панегирикъ. Въ

сей рѣчи приносится благодареніе Цесарю; ея превосходство и красоты тѣмъ удивительнѣе, что ораторъ говорилъ не приготовясь. Марцелль былъ одинъ изъ величайшихъ непріятелей Цесаря; послѣ несчастной Фарсальской битвы удалился онъ въ Митилену; тамъ, ведя уединенную жизнь, упражнялся онъ въ словеныхъ наукахъ, которыя весьма любилъ. Во время одного Сенатскаго собранія, Пизонъ говоря о другихъ предметахъ, упомянулъ какъ бы мимоходомъ о Марцеллѣ; при семъ случаѣ братъ его Каій тотчасъ повергся къ ногамъ Диктатора и просилъ о возвращеніи Марцелла. Цесарь, который по видимому искалъ только случая прощать виновныхъ, жаловался съ великою кротостію, что Марцелль, какъ кажется, рѣшился быть вѣчнымъ ему непріятелемъ, и присовокупилъ, что ежели Сенатъ желаетъ его возвращенія, онъ съ своей стороны столь сильному ходатайству нимало противиться не станетъ. Всѣ Сенаторы отвѣтствовали ему радостными возклицаніями, и подошли къ Цесарю для принесенія благодарности за милость, которая была тѣмъ болѣе для нихъ ощутительна, что Марцелль былъ изъ лучшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ Рима, и которой они совсѣмъ не ожидали. Цесарь, хотя и не могъ уже сомнѣваться въ желаніи Сената, столь явно обнаруженномъ, приказалъ однакожъ для соблюденія введеннаго порядка, собирать голоса. Думаютъ, что симъ желалъ онъ подать поводъ Цицерону прервать молчаніе. Сей великій граж-

данинѣ Римскій съ того времени, какъ Цесарь самовластно началъ управлять Римомъ, при всѣхъ собраніяхъ Сената наблюдалъ глубокое безмолвіе, не желая ни оскорбить чѣмъ либо Диктатора, оказывавшаго ему особенное уваженіе и благоволеніе, ни принимать участія въ правленіи, которое уже не было основано на законахъ. Онъ былъ искренній другъ Марцеллу, а Цесарь, которому было сіе очень извѣстно, не сумнѣвался, что Цицеронъ по отмѣнной своей чувствительности не премолчитъ сего благодѣянія. Онъ и не ошибся. Цицеронъ, какъ скоро дошла до него очередь подавать голосъ, всталъ съ своего мѣста, и вмѣсто обыкновеннаго и простаго изъявленія благодарности, которую приносили прочіе Сенаторы, произнесъ герою рѣчь, преисполненную благородства, чувствительности и любви къ отечеству; рѣчь, каковую только признательность, дружество и добродѣтель могутъ внушить въ человѣка духа возвышеннаго и чувствительнаго. Не льзя читать ее безъ умиленія. Всѣ словесники согласны, что нѣтъ другаго сочиненія сего рода краснорѣчія, которое могло бы сравниться съ сею рѣчію; и принявъ въ разсужденіе, что надлежитъ или опровергнуть несомнѣнныя доказательства, или вѣрить, что рѣчь сія говорена безъ всякаго приготовленія; потомъ приведя себѣ на память, сколько нынѣ потребно времени, размышленія и труда, дабы сочинить что нибудь могущее сравниться съ сими, такъ сказать,

мгновенными, но никогда не умирающими умопроизведеніями, можно подумать, что древніе люди одарены были отъ природы превосходнѣйшими, нежели каковы наши, способностями, а особливо ежели не примемъ въ разсужденіе, что въ древнихъ республикахъ краснорѣчіе питалось свойственнымъ или природнымъ ему воздухомъ, у насъ же оно есть подобно дереву, пересаженному изъ одного климата въ другой; что въ народныхъ правленіяхъ навыкъ говорить публично, и необходимая нужда говорить хорошо придавали оратору силу и способность, о которыхъ мы долгое время не имѣли понятія; что всѣ окружавшіе оратора предметы приводили въ сильное движеніе его душу, яко главную пружину краснорѣчія: она подстрѣкаема была самыми сильными причинами, воспламеняема величайшими выгодами, приводима даже въ изступленіе важнѣйшими предметами, взору ея предстоявшими. Тогда-то и при толь многомъ стеченіи ободреній и пособій, человѣкъ, такъ сказать, возносится превыше самаго себя.

Дарованіе является весьма рѣдко; но еще гораздо рѣже случается, чтобы оно занимало такое мѣсто, на которомъ бы въ состояніи было производить все, что можетъ. Всю силу свою познаетъ оно только тогда, когда позволяется ему употреблять оную. Никто не находитъ всего въ самомъ себѣ; и геній, подобно всему прочему, хочетъ быть на своемъ мѣстѣ, чтобы

дѣйствовать всею своею силою. Откройте ему обширное поприще: пусть онъ видитъ далѣе предлежащаго ему пути, и пареніе его будетъ безпредѣльно. Силы его, будучи въ непрестанномъ упражненіи, будутъ умножаться соразмѣрно пространству, по которому имъ шествовать надлежитъ; и въ семъ-то упражненіи имѣли мы до сего времени недостатокъ. Мы не чувствуемъ въ себѣ удивительной силы древнихъ аплетовъ; но такъ ли мы воспитаны и одинакую ли употребляемъ пищу, какъ они? И кто изъ насъ можетъ понять, какимъ образомъ Цицеронъ могъ въ одну минуту сочинить столь прекрасную рѣчь, когда не имѣемъ нималѣйшаго навыка говорить рѣчи въ присутствіи Сената?

Первая рѣчь противъ Катилины служитъ также убѣдительнымъ примѣромъ сей способности, которая кажется намъ почти невѣроятною, но которой древніе никогда не дивились, потому что они подобные сему опыты видѣли ежедневно. Сія поразительная рѣчь, сокрушившая дерзость ужаснаго злодѣя, каковъ былъ Катилина, когда осмѣлился онъ притти въ Римскій Сенатъ въ то самое время, когда Цицеронъ разсказывалъ Сенаторамъ о всѣхъ обстоятельствахъ открытаго имъ заговора. Она принадлежитъ къ другому роду изобразительнаго краснорѣчія, который совершенно противуположенъ первому. Въ сей рѣчи изображены дѣла, заслуживающія хулу и осужденіе, а во второй

содержатся дѣла похвальныя. Она внушена негодованіемъ, ненавистію, презрѣніемъ, а другая напротивъ того удивленіемъ, благодарностію и дружествомъ. Рѣчи таковаго рода почитаются легчайшими потому, что въ семъ случаѣ управляютъ нами самыя сильныя страсти и влекутъ насъ за собою съ величайшимъ стремленіемъ, и что люди вообще гораздо охотнѣе слушаютъ хулу, нежели похвалу: чтобъ похвалить кого либо предъ ними, потребно имѣть большое искуство, а на хулу и ругательство пуститься можно съ меньшею осторожностію. По сей-то причинѣ замѣчаетъ Квинтиліанъ, что въ судебномъ родѣ краснорѣчія гораздо легче обвинять, нежели защищать обвиняемаго. „Мнѣ случалось видѣть, говоритъ онъ, что „посредственные стряпчіе довольно хорошо „успѣвали въ первомъ; но въ другомъ одинъ „только искусный ораторъ можетъ имѣть „желаемый успѣхъ.“

Вторая Цицеронова рѣчь противу Антонія почитается удивительнымъ памятникомъ сего рода краснорѣчія. Она есть не иное что, какъ ужасными красками начертанная картина всѣхъ пороковъ, всѣхъ мерзостей, всѣхъ злодѣяній Марка Антонія. Извѣстно, что сочинителю ея стоила она жизни. Цицеронъ не говорилъ ее, но она находилась въ рукахъ у всѣхъ Римлянъ и читана была повсюду. Антоній, сдѣлавшись Тріумвиромъ, отмстилъ Цицерону, осудивъ его на смерть, т. е. въ семъ случаѣ поступилъ онъ,

какъ разбойникъ, который непремѣнно отмстилъ бы своему судьѣ, естьли бы палачей имѣлъ въ своей власти.

Въ новѣйшія времена изобразительный родъ краснорѣчія содержитъ въ себѣ, кромѣ надгробныхъ словъ, проповѣди, коихъ главная цѣль состоитъ въ уклоненіи отъ порока и во внушеніи любви къ добродѣтели, рѣчи, произносимыя въ Академіяхъ, и наконецъ около тридцати лѣтъ вошедшія въ употребленіе похвальныя слова великимъ мужамъ. Сія новая Французскаго краснорѣчія вѣтвь цвѣла съ великимъ успѣхомъ и приносила полезные плоды.

Въ собственно такъ называемомъ *совѣщательномъ* родѣ краснорѣчія, въ которомъ обыкновенно разсуждается о дѣлахъ общественныхъ, о войнѣ, о мирѣ, о переговорахъ, о пользахъ государства, о всякихъ предметахъ, до законодательства и правленія касающихся, мы не имѣемъ ниодного сочиненія, которое можно бы было противупоставить Грекамъ и Римлянамъ. У насъ есть такія сочиненія, въ коихъ содержится частію родъ *совѣщательный*, и частію родъ *изобразительный*. Таковы суть творенія, въ коихъ особенно разсуждается о какомъ либо важномъ предметѣ, касающемся до нравственности, или политики, или законодательства, какова есть *Книга о мнѣніяхъ духовныхъ*, (le Livre sur les opinions religieuses), рѣчь *о предразсужденіи о позорныхъ наказаніяхъ*, (Sur le préjugé des peines infamantes) и небольшое

число другихъ сочиненій, въ коихъ разсматривается, чему слѣдовать и что отвергать надлежитъ.

Совѣщательный родъ краснорѣчія въ великомъ былъ употребленіи у древнихъ историковъ, и составлялъ главнѣйшее украшеніе ихъ твореній; въ новѣйшихъ бытописаніяхъ родъ сей почти нигдѣ не имѣетъ мѣста; а разность сія есть неминуемымъ слѣдствіемъ разности нравовъ и правленій. Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, Титъ Ливій, Саллюстій, Тацитъ, влагая въ уста прекраснѣйшія рѣчи государственнымъ особамъ, почитаемымъ мужами краснорѣчивыми, изъ коихъ многіе оставили послѣ себя множество рукописныхъ рѣчей, говоренныхъ ими при разныхъ случаяхъ въ Сенатѣ, или предъ народомъ, когда разсуждаемо было о дѣлахъ республики, историки сіи говорю, чрезъ то нимало не нарушили вѣроятности. Но какъ у насъ разсужденія, имѣющія вліяніе въ участь народовъ, производились иначе, нежели у древнихъ, и человѣкъ государственный не былъ да и не имѣлъ обязанности быть ораторомъ; то историкъ равнымъ образомъ не имѣлъ нужды быть онымъ, и сіе обстоятельство есть одно изъ причинъ сухости нашихъ бытописаній.

Самые совершенные образцы сего рода краснорѣчія, самаго величественнаго и важнѣйшаго, находятся въ твореніяхъ Димосѳена и Цицерона. Рѣчи, говоренныя Гре-

ческимъ ораторомъ противу Филиппа, Царя Македонскаго, приводятся въ примѣръ весьма часто и всегда съ достойною похвалою, которой никто съ такою охотою не подтверждаетъ какъ я; но мнѣ кажется, что Димосѳенъ превышаетъ уже всякую похвалу, когда говоритъ за себя. Что касается до Цицерона, то, кромѣ многихъ другихъ, можно особенно привесть въ образецъ сего рода рѣчь его за *законъ Манліевъ*, и тѣ рѣчи, въ коихъ опровергаетъ онъ *законъ о раздѣлѣ земель*. Трибунъ Манлій предлагалъ дать Помпею, по особенному порученію, начальство надъ Азіятскими легіонами, назначенными противу Митридата. Сіе порученіе не иначе могло быть сдѣлано, какъ отъ самаго народа и сопряжено было тѣмъ съ бо́льшими затрудненіями, что таковоежъ препорученіе недавно дано было тому же самому Помпею, когда онъ посланъ былъ противу Киликійскихъ морскихъ разбойниковъ. Главнѣйшія изъ Сенаторовъ, подкрѣпляемые Гортенсіемъ и Катуломъ, противились всѣми силами обнародованію закона, почитая оный, да и не безъ причины, примѣромъ для республики опаснѣйшимъ, потому что онымъ предоставлялись одному человѣку многія и чрезвычайныя начальства. Въ семъ-то случаѣ Катуллъ, человѣкъ великихъ достоинствъ и рѣдкой добродѣтели, спрашивалъ у Римскаго народа, комужъ можетъ онъ поручить начальство при опаснѣйшихъ войнахъ и важнѣйшихъ предпріятіяхъ, ежели какимъ либо несчастнымъ случаемъ лишится

того самаго Помпея, коего непрестанно подвергаетъ новымъ опасностямъ: тогда весь народъ единогласно опѣвалъ: *тебѣ, Катулъ! тебѣ!* похвала сія есть величайшая, каковую только гражданинъ получалъ когда либо отъ своего отечества. Цицеронъ, другъ Помпеевъ, почитая первымъ закономъ спасеніе республики, въ первый разъ взошелъ на каѳедру. Тогда было ему сорокъ одинъ годъ отъ роду, и до сего времени витійство его торжествовало только въ судилищахъ. Поелику никому не позволялось говорить рѣчей въ народномъ собраніи, кто не имѣлъ какого либо судейскаго званія, то Цицеронъ наименованъ былъ Преторомъ. Народъ, уже пріобыкшій превозносить похвалами судебное краснорѣчіе Цицерона, съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ явившагося предъ нимъ сего знаменитѣйшаго изъ ораторовъ Римскихъ. Не взирая на краснорѣчіе Гортенсія, и довѣренность Катула, Цицеронъ возторжествовалъ; законъ былъ изданъ, и Помпей получилъ главное начальство надъ войсками, противу Митридата назначенными.

Впрочемъ Цицерону нетрудно было получить успѣхъ въ защищеніи такого человѣка, который уже и самъ собою снискалъ любовь у народа; напротивъ того предстояла ему величайшая трудность склонить народъ къ уничтоженію закона о раздѣлѣ земель. Сіе постановленіе было пристрастіемъ предметомъ желанія Римскихъ гражъ, ежедневнаго

приманкою простаго народа, знакомъ несогласія между двумя состояніями Римлянъ, и обыкновеннымъ оружіемъ Трибуновъ. Но здѣсь надлежитъ увѣдомить, ибо нынѣ имѣю удобный къ тому случай, (*) что главная цѣль сихъ законовъ, подававшихъ поводъ къ весьма частымъ и многимъ раздорамъ, единственно состояла въ томъ, чтобы нѣкоторому числу бѣдныхъ гражданъ раздаваема была часть завоеванныхъ и республикѣ принадлежащихъ земель, которыя она отдавала на откупъ, и съ которыхъ собираемые большіе доходы избавляли отъ необходимости налагать подать на народъ. Изъ сего явствуетъ, почему благомыслящіе граждане всегда противились симъ законамъ; а особливо изъ сего видѣть можно, что они не даютъ нималѣйшаго права къ отнятію собственности, которая у Римлянъ, такъ какъ и у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, почиталася священною и неприкосновенною; и что они также не позволяли дѣлить земли на равныя части между всѣми гражданами, каковое раздѣленіе учинить было бы можно развѣ въ какомъ либо вновь заводимомъ селеніи, въ странѣ недавно открытой, или каковое сдѣлано было нѣкогда Сѣверными народами, когда они покорили Европу. Мысль о таковомъ раздѣлѣ между двадцатью пятью милліонами жителей, уже нѣсколько вѣковъ

(*) Лагарпъ статью сію прибавилъ и читалъ ее въ 1794 году.

цѣлый народъ составлявшихъ, никогда не приходила въ голову ни самымъ явнымъ разбойникамъ, о коихъ упоминаетъ намъ исторія, ни самимъ злоумышленникамъ Катилины: каждый, кто бы только вздумалъ говорить объ ономъ, конечно былъ бы почтенъ сумасшедшимъ. Сія неслыханная нелѣпость, равно какъ и многія другія, предоставлена была ужаснѣйшему звѣрству злодѣевъ, въ наши времена Францію опустошавшихъ. Въ исполненіи сего, хотя для нихъ и ничего не было невозможнаго, встрѣтились имъ столь многочисленныя и столь разнообразныя препятствія, что принуждены были отказаться отъ сего намѣренія, и признали гораздо удобнѣйшимъ и кратчайшимъ не раздѣлить землю, но обагрить ее кровію; не уравнять все, но все отнять; не раздѣлить ее на малые участки, но обратить въ обширныя степи; не положить предѣлы, но покрыть пепломъ и трупами; и вмѣсто сажени и уровня взять въ руки косу смерти, назвавъ ее *косою равенства*.

Руллъ, народный Трибунъ, рѣшился возобновить законъ о раздѣлѣ земель, который уже многократно былъ предлагаемъ и опроверженъ. Цицеронъ, бывшій нѣкогда Консуломъ, обязанный возвышеніемъ своимъ народу, и по чрезвычайной къ нему любви и приверженности не могшій ему ласкательствовать, и его обманывать, сперва напалъ на Трибуновъ въ Сенатѣ; сіи тотчасъ позвали его предъ народное собра-

ніе, въ присутствіи котораго надлежало судить и рѣшить сіе дѣло. Цицеронъ не убоялся отдать на судъ народа собственное его дѣло, доказалъ ему, какими пустыми мечтами обольщали его корыстолюбивые и алчные граждане, умѣвшіе прикрывать благовидными причинами личныя свои выгоды; и наконецъ самъ просилъ Трибуновъ, чтобы они немедленно взошли на каѳедру, и о дѣлѣ семъ состязались бы съ нимъ въ присутствіи всѣхъ гражданъ. Чтобы сдѣлать такой вызовъ, надлежало имѣть твердую надежду какъ на собственную свою силу, такъ и на силу истинны. Трибуны, сколь ни выгодно было для нихъ сражаться на собственной своей, такъ сказать, землѣ, не смѣли однакожъ бороться съ такимъ человѣкомъ, который умами другихъ управлялъ по своему произволу; и такимъ образомъ бывъ побѣждены предъ народомъ, какъ и въ Сенатѣ, постыдному предалися молчанію. Съ того времени уже никто не смѣлъ говорить о семъ законѣ; Цицеронъ совершенно разрушилъ сіе гнусное страшилище, которымъ Трибуны, по своему произволу, пугали Сенатъ.

Судебный родъ краснорѣчія заключаетъ въ себѣ дѣла, подлежащія разсмотрѣнію судей. Сей родъ, такъ какъ и два другіе, употребляемъ былъ древними совсѣмъ отлично, нежели у насъ; ибо, хотя съ одной стороны справедливо, что *нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ*, однакожъ съ другой стороны не оспоримо и то, что со временемъ все пере-

мѣнилось, и все перемѣнишься можетъ. Наши суды не походятъ на суды древнихъ Грековъ и Римлянъ: у насъ частные люди не бываютъ обвинителями: нѣтъ такихъ спорныхъ дѣлъ, которыя вносились бы на рѣшеніе народа. Самое достопамятное дѣло, до сего послѣдняго рода касающееся, о которомъ я тотчасъ говорить буду, есть распря Эсхина съ Димосѳеномъ; защитительная рѣчь Димосѳенова почитается превозходнѣйшимъ произведеніемъ судебнаго рода краснорѣчія. Но здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе, какія были успѣху сему причины, какой человѣкъ и когда представлялъ столь важное лице на столь обширнѣйшемъ и величественномъ позорищѣ; надлежитъ слѣдовать за Квинтиліаномъ.

Хотя всѣ сіи три рода должны имѣть различныя свойства, судя по различію ихъ предмета, однакожъ замѣчаетъ онъ весьма справедливо, что есть качества всѣмъ имъ общія; есть даже и такія, по которымъ они весьма часто между собою сближаются, и входятъ отчасти одинъ въ другой. На примѣръ, не рѣдко случается, что ораторъ, разсуждающій о какомъ либо государственномъ дѣлѣ, долженъ бываетъ употреблять тѣже къ преклоненію слушателей способы, къ каковымъ прибѣгаетъ и тотъ ораторъ, который защищаетъ другаго въ судѣ. Оба они должны употреблять доводы и возбуждать страсти, хотя сіе послѣднее средство принадлежало особенно судебному роду,

въ которомъ ораторъ всячески старался преклонить на жалость или судей или народъ. Въ семъ-то родѣ краснорѣчія, по мнѣнію Квинтиліана, Цицеронъ наипаче прославился и даже превзошелъ Демосѳена. Въ Аѳинахъ даръ двигать сердца почитался даже опаснымъ, и потому запрещено было употреблять оный въ дѣлахъ, предлагаемыхъ на судъ Ареопагу. Стрянчимъ предписано было закономъ говорить о дѣлѣ судимомъ просто и кратко, а въ случаѣ уклоненія отъ сего закона, чиновникъ нарочно для сего приставленный имѣлъ право прервать его рѣчь и заставить, чтобы онъ обратился къ существенному предмету своего дѣла. Ежели бы таковые чиновники приставлены были къ адвокатамъ Парижскихъ судебныхъ мѣстъ (palais), то они имѣли бы много дѣла. Впрочемъ таковое запрещеніе дѣйствовало только въ Ареопагѣ; ибо судилище сіе было самое строгое, и самое непреклонное: во всѣхъ же прочихъ мѣстахъ оратору дозволялось употреблять всякое оружіе краснорѣчія.

Весьма любопытно знать, въ самомъ ли дѣлѣ ораторъ въ защитительной рѣчи своей не долженъ возбуждать страсти въ судіяхъ, но обязанъ излагать о дѣлѣ просто и спокойно? Ежели судить о семъ по всей строгости, то требованіе Ареопага справедливо; ибо, вникнувъ въ настоящій смыслъ слова *законъ*, которое человѣкъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ произносить долженъ, уви-

димъ ясно, что судія, яко орудіе закона, обязанный быть, подобно ему, безстрастнымъ, т. е. не предаваться ни гнѣву, ни сожалѣнію, долженъ бы почитать за великое себѣ оскорбленіе, ежели бы кто покусился подвигнуть его на жалость, т. е. обмануть его. Таковое покушеніе означало бы, что ораторъ почитаетъ судію способнымъ судить о дѣлѣ по собственнымъ своимъ чувствованіямъ, а не по закону, который обязанъ со всею строгостію разсматривать предлежащее сужденію его дѣло, все жъ прочее должно быть для него чуждо. Но надлежитъ признаться, что приспособлять строгость теоріи къ практикѣ есть дѣло весьма трудное. Въ такомъ случаѣ надлежало бы довесть законы до высочайшей степени совершенства, чтобы судія только приспособлялъ оные къ судимому дѣлу, не бралъ бы на себя ничего, не толковалъ бы ихъ по своему произволу, и ничего бы не убавлялъ, словомъ, былъ бы только гласомъ власти, которая сама по себѣ нѣма. Но можетъ ли существовать такое совершенство? Оно; по мнѣнію моему, быть можетъ въ судопроизводствѣ дѣлъ уголовныхъ, а особливо при хорошемъ учрежденіи *Жюри* или присяжныхъ; *)

---

*) *Жюри*, Jury. Такъ называются присяжные, избираемые изъ гражданъ, которые при сужденіи уголовнаго дѣла рѣшатъ, точно ли подсудимый учинилъ то преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ.

но не надѣюсь, чтобы оно существовать могло въ производствѣ дѣлъ гражданскихъ, которыя подвержены бываютъ гораздо большей запутанности. Извѣстно только то, что не достигнувъ никогда до сего совершенства, надлежитъ по крайней мѣрѣ стараться сколько можно приближиться къ оному; а поелику мы отстояли отъ онаго весьма далеко, и судія, по свойству судебныхъ нашихъ постановленій, имѣлъ болѣе силы, нежели законъ; то и надлежало позволить оратору исполнять главную его обязанность, которая, безъ сомнѣнія состоитъ въ защищеніи, всѣми позволенными ему средствами, ввѣренныхъ попеченію его выгодъ.

Что касается до главнѣйшихъ свойствъ, отличающихъ вообще всѣ три рода краснорѣчія; то, по мнѣнію Квинтиліана, витійство можетъ употреблять всѣ свои сокровища и всю силу въ словахъ похвальныхъ, надгробныхъ, и во всѣхъ украшенныхъ рѣчахъ; потому чтоораторъ въ таковыхъ сочиненіяхъ не имѣетъ никакой другой цѣли, какъ только говорить краснорѣчиво. Въ нихъ-то слогъ можетъ принимать всѣ витійственныя украшенія; въ нихъ-то могутъ имѣть мѣсто великолѣпіе общихъ мѣстъ риторическихъ, фигуры и острота мыслей и выраженій. Совѣщательное краснорѣчіе должно быть не столь украшенно; ему надлежитъ быть строже и степеннѣе: оно должно имѣть важность соразмѣрную предметамъ, о коихъ разсуждаетъ. Ора-

тору уже никакъ не позволяется тогда думать о самомъ себѣ, но о дѣлѣ, о коемъ идетъ совѣщаніе. Онъ обязанъ скрывать свое искуство, но совершенно обнаруживать истинну. Краснорѣчіе судебное должно особенно быть сильно въ доказательствахъ, убѣдительно въ разсужденіяхъ, уловчиво и тонко въ изслѣдованіяхъ, стремительно и пылко въ движеніяхъ, и сильно возбуждать страсти въ сердцахъ судей.

Опредѣливъ сіи свойства, онъ говоритъ, что каждый изъ трехъ родовъ краснорѣчія, смотря по случаю и обстоятельствамъ, иногда одинъ отъ другаго заимствуетъ. Бываютъ такія судебныя дѣла, въ коихъ можетъ быть употребленъ слогъ украшенный; бываютъ совѣщанія, въ коихъ оратору позволяется возбуждать жалость и умиленіе. Въ наши времена сей послѣдній слогъ съ великимъ успѣхомъ употребляется въ совѣщательномъ родѣ краснорѣчія; примѣромъ сего служить могутъ нагробныя слова Боссюета и Флешье, проповѣди Массилльона, Аббата Пулле и другихъ проповѣдниковъ, явившихъ себя достойными ихъ подражателями.

Квинтиліанъ болѣе всего разсуждаетъ о судебномъ родѣ краснорѣчія, потому что оный во время его былъ въ величайшемъ употребленіи. Рѣчи, къ сему роду принадлежащія, дѣлитъ онъ на пять частей, кои суть: приступъ, изслѣдованіе или изложеніе,

утвержденіе, опроверженіе, и заключеніе. Части сіи суть тѣже, изъ коихъ состоятъ обыкновенно и защитительныя рѣчи, въ наши времена употребляемыя. Главный предметъ приступа состоитъ въ томъ, чтобы слушателя или судію сдѣлать благосклоннымъ, внимательнымъ и снизходительнымъ; въ изложеніи излагается самое дѣло; утвержденіе состоитъ изъ доводовъ; опроверженіе уничтожаетъ приводимыя соперникомъ доказательства; заключеніе содержитъ въ себѣ весьма сокращенное изложеніе всей сущности рѣчи; оно должно напечатлѣвать въ умѣ и въ душѣ судіи такія чувствованія, которыя ораторъ за нужное почитаетъ въ немъ произвесть.

Я не буду входить въ подробное разсматриваніе всѣхъ вообще правилъ; сіе принадлежитъ къ ученію адвоката. Напротивъ того покажу только тѣ предписанія, кои ко всему приспособлены быть могутъ, и бо́льшую или меньшую пользу доставятъ тѣмъ, кои со вниманіемъ читаютъ или читаемое слушаютъ.

Квинтиліанъ требуетъ, чтобы приступъ былъ простъ и скроменъ, чтобы въ немъ не было ничего смѣлаго въ выраженіи, сильныхъ и пышныхъ фигуръ, и ничего такого, почему бы искуство оратора оказывалось слишкомъ явственно. Таковое требованіе подтверждаетъ онъ основательною причиною. „Ораторъ, говоритъ онъ, еще не

„овладѣлъ душею своихъ слушателей; вни-
„маніе ихъ лишь только начинаетъ раждать-
„ся, и потому слушаютъ его еще равно-
„душно. Потомъ онъ можетъ говорить сво-
„боднѣе, когда уже умы разгорячатся.“

„Изложеніе должно быть кратко,
„ясно и вѣроятно. Оно бываетъ кратко,
„когда нѣтъ въ немъ ничего безполезнаго;
„ибо хотя оратору должно будетъ говорить
„о многихъ предметахъ, но естьли онъ ска-
„жетъ объ нихъ только нужное и не
„станетъ слишкомъ разпложать рѣчь свою,
„то изложеніе его не покажется длин-
„нымъ. Оно будетъ ясно, ежели каждое
„понятіе выражено будетъ собственнымъ
„ему словомъ и соблюдется различіе временъ,
„мѣстъ и слушателей. Ему должно произ-
„носить слова такъ внятно и явственно,
„чтобы ничего не могло укрыться отъ слуха
„судьи. Наконецъ оно будетъ вѣроятно,
„ежели каждому предмету дастся основа-
„тельная причина и покажутся обстоятель-
„ства естественныя.“

Онъ упрекаетъ стряпчихъ, жившихъ въ одно съ нимъ время, что они не довольно хорошо чувствовали необходимость въ обращеніи вниманія на изложеніе. „По-
„ставляя себѣ за великую славу рукоплеска-
„нія собравшейся не взначай, или подкуплен-
„ной черни, они досадуютъ на безмолвное
„вниманіе. Они тогда почитаютъ себя крас-
„норѣчивыми, когда или сами производятъ

„шумъ, или возбуждаютъ оный между другими.
„Надлежащее изъясненіе дѣла почитаютъ
„они вещію обыкновенною и вниманія ихъ
„не заслуживающею. Но не происходитъ ли
„сіе болѣе отъ недостатка въ искуствѣ, не-
„жели отъ желанія? Ибо опытъ научаетъ
„насъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ го-
„ворить такимъ образомъ, чтобъ каждый
„выслушавъ насъ подумалъ, что и онъ
„сказалъ бы ничѣмъ не хуже. То, что произ-
„водитъ надъ слушателемъ сіе дѣйствіе, ка-
„жется ему не прекраснымъ, но справедли-
„вымъ. Слѣдовательно ораторъ тогда толь-
„ко говоритъ хорошо, когда рѣчь его испол-
„нена доказательствами справедливыми, ибо
„главная и единственная цѣль его есть убѣ-
„жденіе. Напротивъ того стряпчіе наши
„изложеніе объясняемаго ими дѣла почина-
„ютъ отверзтымъ полемъ для ихъ красно-
„рѣчія: тутъ-то изъ всѣхъ силъ стараютъ-
„ся они блистать своими дарованіями; тутъ-
„то употребляютъ они слогъ, голосъ, тѣло-
„движенія, которыя выступаютъ изъ мѣры.
„Что жъ отъ сего происходитъ? то, что
„слушатели хвалятъ дѣйствованіе стряпчаго;
„а самаго дѣла ни мало не разумѣютъ.“

Квинтиліанъ присовокупляетъ, что изложеніе или изслѣдованіе судебнаго дѣла требуетъ величайшаго искуства. „Въ изложе-
„ніи, говоритъ онъ, нужно употреблять ри-
„торическія украшенія, дабы слишкомъ об-
„наженный разсказъ не показался нелѣпымъ
„и скучнымъ; но сіе украшеніе должно осо-

„бенно состоять въ выборѣ словъ, въ изя-
„щности слога, въ пріятныхъ и разнообраз-
„ныхъ оборотахъ. Оно походитъ на путь,
„который, для его сокращенія, надлежитъ сдѣ-
„лать пріятнымъ, ни мало не уклоняя
„путешественника отъ предположенной цѣли.
„Поелику изложеніе не терпитъ прочихъ
„красотъ витійственнаго искуства, то и нуж-
„но, чтобы оно имѣло обственно ему принад-
„лежащее и приличное украшеніе. Въ сіе-то
„время судія бываетъ гораздо внимательнѣе,
„и ничего не теряетъ. Не знаю, отъ чего
„произходитъ, что люди гораздо удобнѣе
„вѣрятъ тому, что слушали они съ удо-
„вольствіемъ.“

Въ примѣръ приводитъ онъ Цицероновъ разсказъ о убіеніи Клодія, содержащійся въ защитительной рѣчи за Милона; и въ самомъ дѣлѣ оный есть превозходнѣйшее изъ произведеній сего рода, древностію намъ оставленныхъ.

Въ изложеніи доводовъ раздѣленіе главныхъ статей почитаетъ онъ весьма нужнымъ. „Оно, говоритъ Квинтиліанъ, осно-
„вано на самой природѣ, требующей, чтобы
„человѣкъ при разсужденіяхъ своихъ пере-
„ходилъ отъ одной вещи къ другой: оно
„весьма много помогаетъ памяти говорящаго
„и питаетъ вниманіе слушателя.“ Однакожъ онъ не одобряетъ употребленія многихъ подраздѣленій, „которыя, сдѣлавшись
„слишкомъ утонченными и мѣлочными,

„отъемлютъ у рѣчи всю важность, рубятъ „ее, а не раздѣляютъ, разсѣкаютъ то, что „должно быть соединеннымъ и производятъ „замѣшательство и темноту тѣми же са„мыми средствами, кои изобрѣтены един„ственно къ отвращенію оныхъ.“

Всѣ сіи правила, какъ видно, касаются и до Французскихъ писателей по многимъ отношеніямъ; на примѣръ великая привычка къ подраздѣленіямъ есть одинъ изъ пороковъ проповѣдничества: подраздѣленія въ проповѣдяхъ Бурдалу бываютъ иногда весьма утомительны. Что жъ касается до важнаго правила, предписывающаго наблюдать порядокъ и методъ, то можно сказать, что оно самое существенное, самое необходимое во всѣхъ родахъ сочиненій, а особливо такихъ, въ коихъ преподаются наставленія какой либо науки. Размышленіе, упражненіе и опытъ показываютъ все неудобство и всѣ выгоды хорошаго метода и яснаго расположенія. Сіе составляетъ одну изъ частей искуства, коея пружины сокрыты; мы видимъ только одно ея дѣйствіе совсѣмъ не зная, какихъ трудовъ оно стóило. Для возбужденія вниманія въ читателѣ или въ слушателѣ необходимо нужно непрестанно показывать ему цѣль и дать ему въ руки, такъ сказать, нить, которою онъ руководствоваться долженъ; ибо человѣческій умъ отъ природы склоненъ къ лѣности, и хочетъ, чтобъ имъ всегда руководствовали: онъ также отъ природы любопытенъ, и слѣдовательно же-

лаетъ всегда что нибудь слышать: сіе дѣйствіе произходитъ отъ метода, исоставленъ все его достоинство. По сей же причинѣ желающій научать другихъ долженъ знать много; не прежде надлежитъ сообщать другимъ часть своихъ познаній, какъ по долговременномъ и здравомъ объ оныхъ размышленіи. Желающій ввести другаго въ какое либо обширное поприще долженъ не только имѣть о немъ общее познаніе, но обнять его такъ сказать единымъ взоромъ, знать всѣ спези, къ прохожденію предлежащія, гдѣ и сколько времени можно останавливаться на пути, и все могущее встрѣтиться на ономъ. Ибо можно ли съ довѣренностію и съ удовольствіемъ слѣдовать за такимъ путеводителемъ, который самъ идетъ на угадъ и не зная точно куда? Нѣтъ ничего скучнѣе, утомительнѣе, какъ писатель, желающій сообщать мысли свои о какомъ либо предметѣ, не имѣя о немъ понятія, который съ величайшимъ трудомъ старается озарить умы другихъ, когда собственный его умъ покрытъ мракомъ невѣденія, и вмѣсто того, чтобы доставить вамъ зрѣлые плоды и слѣдствія своихъ размышленій, онъ только заставляетъ вмѣстѣ съ собою трудиться надъ своими понятіями?

Утвержденіе и опроверженіе ведутъ насъ къ доказательствамъ: однѣ изъ нихъ зависятъ отъ стрянчаго, а другія отъ него совсѣмъ не зависятъ. Къ первымъ относятся свидѣтели, письменныя бумаги и

присяга; ко вторымъ доводы и примѣры. Доводы раздѣляются на предложенія общія и частныя, слѣдовательно ораторъ долженъ быть хорошій логикъ. Но подробное разсмотрѣніе сего предмета до насъ не принадлежитъ, да и самъ Квинтиліанъ, разобравъ его до самаго основанія, наконецъ говоритъ, что должно знать логику, какъ философу, а употреблять оную какъ оратору.

Заключеніе, которое Греки называли сокращеннымъ повтореніемъ всего сказаннаго оратором, ἀνακεφαλαίωσις, есть часть рѣчи, въ которой витія собираетъ всѣ свои силы для нанесенія послѣдняго удара. Тутъ то торжествуетъ краснорѣчіе судебное, а особливо у древнихъ народовъ, коихъ судилища были наполнены безчисленнымъ множествомъ народа, и даже самыя каѳедры, съ коихъ ораторы произносили рѣчи, когда дѣло предлагалося на судъ всего народа, представляли обширное позорище дѣйствію краснорѣчія. Тутъ-то употребляемы были всѣ способы, къ возбужденію состраданія и умиленія служащіе. Но Квинтиліанъ совѣтуетъ оратору не долго останавливаться при возбужденіи жалости: въ примѣръ приводитъ онъ слѣдующее одного древняго писателя изрѣченіе, которое также и Цицеронъ повторилъ: „*ничто такъ скоро не высыхаетъ, какъ слезы.*“ Nil citius arescit lacrymâ. „Время скоро утоляетъ непритворныя и самыя сильныя печали; то по чемужъ оно должно съ бо́льшею трудностію разсѣвать печа-

„тельныя впечатлѣнія, дѣйствующія не на „душу, но на одно только воображеніе? „Жалоба не должна быть слишкомъ продолжи„тельна; иначе слушатель упомится, стано„вится по прежнему спокоенъ, и переставъ „предаваться временному сожалѣнію, къ кото„рому успѣлъ подвигнуть ораторъ, обращает„ся къ разсудку. Итакъ будемъ стараться, „чтобы возбужденное чувствованіе не осла„бѣвало, и доведя оное до возможной и на„длежащей степени, остановимся, будучи въ „томъ увѣреніи, что душа чуждыя ей печа„ли ощущаетъ не долго. При таковомъ „особенно случаѣ ораторъ долженъ рѣчь „свою не только поддерживать, но и уси„ливать непрестанно; все, чего не прива„вляетъ онъ къ сказанному имъ, служитъ „только къ ослабленію рѣчи, и чувствова„ніе погасаетъ; какъ скоро оно ослабѣвать „начинаетъ. “

Другое его наставленіе состоитъ въ томъ, чтобъ ораторъ не принимался возбуждать въ слушателяхъ жалость, ежели не имѣетъ дарованія возбужденное состраданіе поддерживать и питать. „Какъ впечатлѣніе „бываетъ въ высочайшей степени силы, коль „скоро ораторъ успѣлъ произвести оное, „такъ равномѣрно ничто столько не охла„ждаетъ слушателя, какъ неудачное поку„шеніе оратора возбудить въ немъ состра„даніе. Въ такомъ случаѣ гораздо лучше „оставить судей собственному ихъ разпо„ложенію; поелику въ дѣлахъ сего рода силь-

„ныя движенія и чрезвычайныя усилія бы-
„ваютъ почти странны и смѣшны; и то,
„что не можетъ извлечь слезъ, заставляетъ
„смѣяться.“

Предметы, возбуждающіе жалость, также производятъ сильное дѣйствіе въ семъ родѣ краснорѣчія: таковы предметы суть: раны или оставшіеся послѣ оныхъ знаки, одежда кровію обагренная, плачущія дѣти, жены въ печальномъ одѣяніи, старцы сѣдиною украшенные. Убѣдительнымъ тому примѣромъ служитъ поступокъ Антонія, когда представилъ онъ взору собравшагося Римскаго народа окровавленную одежду Цесаря. „О убіеніи его всякой зналъ; уже тѣло его
„возложено было на костеръ; однакоже сія
„окровавленная одежда столь живо изобра-
„зила убійство, что народъ подумалъ, буд-
„тобы въ сію самую минуту поражаютъ
„Цесаря.“

По свидѣтельству Квинтиліана, современные ему стряпчіе средства сіи употребляли тѣмъ охотнѣе, что въ тогдашнихъ судилищахъ производили онѣ желаемый успѣхъ, а притомъ и не требовали сильнаго воображенія. Но онъ показываетъ также и опасность, каковой ораторъ можетъ подвергнуться, ежели при употребленіи сихъ средствъ не обратитъ надлежащаго внимания на всѣ настоящія обстоятельства и не предъусмотритъ всѣхъ неудобствъ. „Часто
„случается, говоритъ онъ, что невѣжество

„и грубость защищаемыхъ противурѣчатъ „явно словамъ и движеніямъ оратора. Они „показываются нечувствительными, когда „защитникъ изображаетъ ихъ преогорчен„ными, и даже иногда смѣются въ то са„мое время, когда онъ представляетъ ихъ „плачущими.“ По сему случаю Квинтиліанъ разсказываетъ о довольно забавной шуткѣ, сдѣланной имъ самимъ надъ однимъ стряпчимъ, защищавшимъ противу его одну молодую дѣвицу, которую братъ ея, какъ она говорила, не хотѣлъ признавать за свою сестру. При заключеніи рѣчи стряпчій взялъ дѣвицу на руки и сошедъ съ своего мѣста, понесъ ее прямо къ той скамьѣ, гдѣ, какъ онъ примѣтилъ, сидѣлъ ея братъ, желая насильно вручить ему сестру его. Но Квинтиліанъ, предвидѣвшій заблаговременно сію риторическую фигуру, напередъ научилъ своего кліента скрыться въ толпѣ слушателей, и стряпчій, несшій дѣвицу произнося рѣчь свою съ великимъ крикомъ и дѣлая сильныя тѣлодвиженія, не нашелъ ея брата, и со стыдомъ принужденъ былъ воротиться назадъ и посадить дѣвицу на прежнее мѣсто, откуда ее взялъ.

„Другой ораторъ, говоря за одну моло„дую женщину, лишившуюся супруга, на„дѣялся произвесть въ судьяхъ величайшую „жалость, показавъ имъ портретъ убіеннаго „ея мужа. Но тѣ, которымъ поручилъ онъ „представить портретъ, какъ скоро дойдетъ „онъ до заключенія рѣчи, не зная, что та-

„кое заключеніе, подвигались впередъ всякой „разъ, какъ онъ обращалъ взоры свои въ ту „сторону, гдѣ они стояли, и подошли къ судь„ямъ весьма близко, которые разсмотрѣвъ „портретъ и примѣтивъ, что тотъ, ко„тораго оплакивала вдова, былъ дряхлой „старикъ, столь много смѣялись, что забы„ли и думать объ ораторѣ.“

„Случившееся съ Гликономъ всякому „извѣстно. Въ судилище привелъ онъ съ „собою мальчика, полагая, что вопль и сле„зы его могутъ подвигнуть судей на жа„лость. Подлѣ мальчика сидѣлъ его учитель, „дабы сказывать, когда ему должно плакать. „Гликонъ, будучи въ полномъ надѣяніи, спро„силъ мальчика, для чего онъ плачетъ: *учитель „меня щиплетъ*,“ отвѣчалъ мальчикъ. О семъ произшествіи часто разсказываютъ, какъ бы случившемся въ наше время, но теперь видимъ, что оно, подобно многимъ другимъ, принадлежитъ временамъ древнимъ.

Квинтиліанъ, желая яснѣе показать весь порокъ сихъ нелѣпыхъ способовъ, заимствованныхъ молодыми людьми въ училищахъ риторовъ, упоминаетъ о колкомъ и остроумномъ наставленіи, каковое дано было Кассіемъ Северомъ, однимъ изъ лучшихъ стряпчихъ того времени, молодому оратору, который вдругъ обративъ рѣчь свою къ нему сказалъ: *за чемъ смотришь на меня такъ сердито? Я и не думалъ объ этомъ*, отвѣчалъ Кассій. *Видно сіе напи-*

сано въ твоей тетради, и я посмотрю на тебя такъ, какъ ты хочешь; и въ тоже самое время бросилъ на него суровой взглядъ.

Впрочемъ Квинтиліанъ показываетъ опасности и неудобства трогательнаго краснорѣчія единственно для того, чтобы чрезъ то возвысить достоинство и силу его, когда оное употребляемо бываетъ искусно и удачно. „Многіе умѣютъ находить причины и выводить „доказательства; но заставить судей забыть самихъ себя, располагать ими по своему произволу, подвигнуть ихъ на гнѣвъ, „или на жалость, есть дѣло рѣдкое, и означаетъ владычество краснорѣчія надъ сердцами. Доводы обыкновенно раждаются изъ „существа самаго дѣла, которое, ежели только оно право, не имѣетъ въ нихъ недостатка, и „потому человѣкъ, посредствомъ оныхъ получившій успѣхъ въ своей тяжбѣ, можетъ „думать, что ему нуженъ былъ только стряпчій, а не доказательства. Но когда надлежитъ возобладать умами судей, то защищаемые ораторомъ не могутъ подать „ему ни малѣйшаго къ тому способа. Судьи изъ „доказательствъ видятъ, что дѣло наше „право; но возбуждаемыя въ нихъ чувствованія заставляютъ ихъ желать, чтобы „оно таковымъ было, и тогда дѣло наше почитаютъ они уже за свое собственное: а потому дѣйствіе доводовъ и „свидѣтельствъ обнаруживается тогда только, когда судіи полагаютъ свое рѣшеніе.

„Но успѣвшій привесть ихъ въ состраданіе „видитъ ихъ сужденіе прежде, нежели съ „мѣстъ своихъ они встанутъ. Видя судей про„ливающихъ слезы, какъ то случается „иногда при тѣхъ прекрасныхъ заключе„ніяхъ рѣчи, которыя и самыхъ нечувст„вительныхъ людей могли бы разтрогать, „кто не подумаетъ, что они уже дали свое „рѣшеніе? Итакъ позволимъ оратору устрем„лять на сей предметъ всѣ свои усилія, позво„лимъ ему прилѣпиться къ сей части иску„ства, безъ которой все прочее слабо и „безплодно: искуство возбуждать жалость „есть душа рѣчей судебныхъ. “

Крайности бываютъ между собою прикосновенны, и Квинтиліанъ вдругъ переходитъ къ средству совершенно пропивуположному, т.е. къ смѣху и шуткамъ. Онъ чувствуетъ, сколь трудно управлять сею пружиною. Тутъ требуется весьма тонкій вкусъ и умѣніе употреблять ихъ кстати. Кажется, что средство сіе не принадлежитъ краснорѣчію; но опытъ доказываетъ пропивное, и нерѣдко случается, что шутка кстати помѣщенная побѣждаетъ самое пышное краснорѣчіе. „Замѣчено, говоритъ онъ, что таковаго рода „дарованія не было въ Димосѳенѣ, а Цице„ронъ употреблялъ его во зло. “ Квинтиліанъ, при всемъ своемъ почитаніи къ сему великому человѣку, признаётся, что онъ слишкомъ много употреблялъ шутку какъ въ судилищахъ, такъ и въ разговорахъ. Но притомъ утверждаетъ, что шутка Цицеро-

нова есть шутка человѣка благороднаго, честнаго и имѣющаго изящный вкусъ; что онъ обыкновенно употреблялъ ее при допросахъ свидѣтелей, и въ той части защитительныхъ рѣчей, въ которой вводятся двое стряпчихъ между собою спорящихся. Желающій увѣриться, съ какимъ благоразумiемъ и съ какою умѣренностiю, когда было нужно, употреблялъ онъ шутку, можетъ только прочесть его рѣчь за Мурену, въ которой говорилъ онъ противу Катона. Надлежало ослабить власть сего страшнаго Цензора, нимало не уменшая уваженiя, каковое онъ заслуживалъ, а притомъ и ему самому должно было сохранить важность своего сана, ибо тогда былъ онъ Консуломъ. Странность строгихъ стоическихъ правилъ Катона представилъ онъ съ такимъ искуствомъ, что всѣхъ слушателей и судей заставилъ смѣяться, однакожъ такъ, что Катонъ нималаго не имѣлъ права на то сердиться.

Впрочемъ отвѣты его были иногда весьма поразительны. Сiе можно видѣть изъ отвѣта, сдѣланнаго имъ Гортенсiю, который защищая Верреса, сказалъ Цицерону, предложившему вопросъ одному свидѣтелю: *я не понимаю загадокъ.* — *Удивляюсь*, отвѣчалъ Цицеронъ, *кажется у васъ есть Сфинксъ.* Замѣтьте, что Верресъ подарилъ Гортенсiю бронзовый Сфинксъ, почитавшiйся тогда за вещь весьма рѣдкую и дорогую. Слѣдовательно отвѣтъ сей не льзя назвать обыкновенною игрою словъ.

Здѣсь еще упомяну объ одномъ отвѣтѣ, сдѣланномъ Цицерономъ нѣкоей женщинѣ, утверждавшей, что ей было только тридцать лѣтъ, *я этому вѣрю*; *ибо уже за тридцать лѣтъ предъ сими она говорила тожде.* Отвѣтъ сей несправедливо почитаютъ за сдѣланный въ новѣйшія времена; онъ точно принадлежитъ Цицерону.

Квинтиліанъ витійственную рѣчь раздѣлилъ на три рода, и оные разсмотрѣлъ подробно. Каждая рѣчь составляется изъ мыслей и словъ. Мысли относятся къ изобрѣтенію и разположенію частей; о сихъ предметахъ онъ уже разсуждалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорено было о всѣхъ средствахъ, каковыя ораторъ употреблять можетъ, и о способѣ располагать оныя. Слова принадлежатъ къ витійственному выраженію мыслей, и симъ-то предметомъ остается ему заняться. Ибо ораторъ долженъ исполнить три обязанности, кои суть: *научать*, *трогать* и *нравиться*. Онъ научаетъ доказательствами; трогаетъ возбужденіемъ страстей; нравится краснорѣчивымъ слововыраженіемъ (élocution). „Изъ сихъ трехъ обязанностей, говоритъ „Квинтиліанъ, послѣдняя есть труднѣйшая, „въ чемъ и сами ораторы сознаются. И въ „самомъ дѣлѣ, Антоній прадѣдъ тріумвира „говаривалъ, что онъ видалъ много людей „велерѣчивыхъ, но ниодного человѣка крас„норѣчиваго. Велерѣчивымъ называлъ того, „кто о предлагаемомъ предметѣ сказалъ все,

„что сказать надлежало; а краснорѣчивымъ, „кто говоритъ объ ономъ, какъ должно. „Также и Цицеронъ, искуство изобрѣтать „и разполагать называетъ дѣломъ человѣка „умнаго, но умѣть выразить искусно свои мы„сли принадлежитъ оратору. По сей-то при„чинѣ онъ особенное прилагалъ раченіе къ „сей части риторики. Самое слово *красно„рѣчіе* ужѐ довольно доказываетъ основа„тельность его мнѣнія. Ибо быть красно„рѣчивымъ есть не иное что, какъ умѣть „выразить всѣ свои мысли, понятія, чув„ствованія, и внушить оныя другимъ; а „безъ таковой способности все то, чему „мы до сего времени ни учились, будетъ без„полезно. Ежели выраженіе не даетъ мысли „всей той силы, каковую она имѣть можетъ, „то трудъ вашъ совершится только въ по„ловину. Итакъ сему-то наипаче надлежитъ „учиться, и въ семъ-то случаѣ искуство „бываетъ необходимо нужно: вотъ пред„метъ всѣхъ нашихъ попеченій, нашихъ „упражненій, нашего подражанія; вотъ, чему „надлежитъ учиться во всю жизнь; вотъ, „чѣмъ одинъ ораторъ имѣетъ преимущество „предъ другимъ, и чѣмъ одинъ слогъ совершен„нѣе другаго. Ибо писатели Азіатическіе и пи„сатели Римскіе испорченнаго вкуса не всегда „ошибалися въ изобрѣтеніи или разположеніи; „но одни будучи слишкомъ напыщены, вы„ходятъ ужѐ изъ мѣры, слововыраженію „предписанной; а другіе, будучи сухи или „принужденны, ослабили свой слогъ.“

„Однакожъ изъ сего еще не слѣдуетъ, „что мы одними только словами должны „заниматься. Я поспѣшаю предупредить „сіе злоупотребленіе, каковое нѣкоторые „могли бы сдѣлать изъ всего мною здѣсь „сказаннаго. Ихъ надлежитъ остановить, „какъ можно скорѣе, и потому объ- „являю, что никакъ не хвалю тѣхъ людей, „кои напрасно истощаютъ силы свои на „разположеніе словъ, нимало не помышляя о „самихъ вещахъ, безъ которыхъ никакая „рѣчь существовать не можетъ. Они по- „мышляютъ только о чистотѣ слога, ко- „торая приятна только тогда, когда бы- „ваетъ естественна и непринужденна.“

Квинтиліанъ употребляетъ здѣсь сравненіе весьма справедливое, и ясно показывающее, почему какое либо качество необходимо нужное къ усовершенствованію прочихъ качествъ не производитъ ничего само по себѣ, какъ скоро бываетъ одно. „Не видимъ „ли, что сильное тѣло, укрѣпляемое упра- „жненіемъ и имѣющее видъ здоровый, полу- „чаетъ красоту свою отъ тѣхъ же самыхъ „вещей, которыя доставляютъ ему силу? „Всѣ члены его соразмѣрны, оно ни слишкомъ „тучно, ни сухо, цвѣтъ имѣетъ свѣ- „жій и румяный; но какъ скоро прикрасятъ „его румянами и бѣлилами, то вдругъ по- „теряетъ всю красоту, каковую придавала „ему сила и крѣпость. Итакъ пусть сочи- „нитель обращаетъ вниманіе свое на выборъ „словъ, но онъ долженъ имѣть еще бо́льшее

„попеченіе о вещахъ. Ибо лучшія выраженія „обыкновенно произходятъ отъ мыслей; „но по несчастію мы болѣе гоняемся за сло- „вами, какъ будто бы онѣ бѣгутъ отъ насъ. „Мы никогда не вѣримъ, что слова нахо- „дятся, такъ сказать, у насъ подъ руками; „мы хотимъ, чтобы они приходили къ намъ „издалека; дѣлаемъ насиліе своему генію. „Таковое выискиваніе словъ много вредитъ „рѣчи; ибо слова и выраженія, приносящія „удовольствіе людямъ умнымъ, бываютъ „просты какъ языкъ истинны; напротивъ „того слова, съ крайнимъ трудомъ выискан- „ныя, не имѣютъ той пріятности, каковую „въ слушателѣ произвести желаютъ, и не „только не дѣлаютъ ни какого въ умѣ впе- „чатлѣнія, но даже затмѣваютъ мысли. „Цицеронъ весьма ясно говоритъ, что из- „лишнее уклоненіе отъ обыкновеннаго раз- „говора есть величайшій порокъ въ рѣчи. Но „намъ кажется, что Цицеронъ не разумѣлъ „искуства краснорѣчія: предъ нами онъ сущій „невѣжда. Мы совсѣмъ не любимъ того, что „внушаетъ сама природа; мы желаемъ не „украшеній, но утонченія, какъ будто „бы слова становятся гораздо красивѣе, ко- „гда онѣ не сходствуютъ съ вещами, ими „выражаемыми. .... Я заключаю, что конечно „надлежитъ стараться о выборѣ словъ, но „не должно имѣть къ нимъ пристрастія; „ибо не вещи для словъ, но слова для изо- „браженія вещей изобрѣтены.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О *слововыраженіи и фигурахъ.*

Квинтиліанъ полагаетъ три главныхъ качества въ ораторскомъ слововыраженіи: *ясность*, *исправность*, *украшеніе*. Ясность наипаче зависитъ отъ точности и естественнаго разположенія словъ; исправность произходитъ отъ правильнаго словосочиненія; украшеніе раждается отъ приличнаго употребленія риторическихъ фигуръ. Онъ желаетъ, дабы слово оратора было столь ясно, чтобъ изображаемая имъ мысль поражала разумъ, какъ свѣтъ поражаетъ глаза. Разсужденіе его весьма справедливо; ибо произносимая предъ слушателями рѣчь должна въ умахъ ихъ начертаваться скоро и ясно; но хотя вообще главное качество слога есть ясность, однакожъ требовать, чтобъ оная во всѣхъ родахъ сочиненій простиралась до одинакой степени, былобы слишкомъ строго. Есть отвлеченные предметы, требующіе только такой ясности, которая была бы соразмѣрна обширности и глубинѣ мыслей сочинителя, и также вниманію читателя; въ такомъ случаѣ развѣ одна лѣность можетъ пожелать, чтобъ писатель при первомъ взглядѣ сдѣлалъ ощупительнымъ то, о чемъ, для разумѣнія онаго, надлежитъ подумать. Сочиненіе, каково есть *договоръ*

обществъ *), *или разумъ законовъ* **), не можно читать подобно витійственнымъ сочиненіямъ. Причина тому весьма ощутительна, и именно, что философъ и ораторъ предполагаютъ себѣ различныя цѣли: одинъ непремѣнно хочетъ принудить читателя размышлять; а другой не долженъ даже и давать намъ времени на размышленіе.

Что касается до собственнаго и точнаго означенія рѣченій, Квинтиліанъ примѣчаетъ, что слова сего не должно принимать въ буквенномъ смыслѣ: ибо нѣтъ ни одного языка, которой для выраженія каждой мысли имѣлъ бы прямое или собственное ей слово, и въ которомъ бы не были принуждены тожъ самое рѣченіе употреблять для означенія разныхъ вещей. Тотъ изъ нихъ богатѣе, который менѣе имѣетъ надобности въ таковыхъ заимствованіяхъ, показующихъ всегда скудость языка. Мы, напримѣръ, одно и тоже самое слово употребляемъ, когда говоримъ любить игру и любить женщину. Греки имѣютъ особое слово ἔρος для означенія любви одного пола къ другому; и сіе различіе справедливо. Латинское слово pietas, выражая дѣтскую къ родителямъ любовь, изъявляло священное чувствованіе, и сіе понятіе было правиломъ нравоученія.

---

*) Contrat social, par Rousseau.

**) L'Esprit des Lois, par Montesquieu.

Квинтиліанъ примѣчаетъ еще, что точность словъ столь необходима въ рѣчи, что она есть паче долгъ, нежели достоинство. Я не знаю, какъ было въ его времена: можно полагать, что древніе вообще учились съ бо́льшимъ тщаніемъ, а потому и на́выкъ объясняться приличными словами, и въ писаніяхъ употреблять точныя выраженія, былъ не такъ рѣдокъ. Нынѣ, естьли почитается это обязанностію, какъ говоритъ Квинтиліанъ, тіо обязанность сія такъ рѣдко исполняется, что безъ всякаго прекословія можно ее назвать достоинствомъ. Мы такъ привыкли все узнавать по догадкамъ, а ничего по наукѣ, и у насъ такъ мало людей, поставляющихъ обязанностію учиться языку своему, что не льзя удивляться, когда находимъ между писателями нашими множество такихъ, для которыхъ знать прямый и точный смыслъ рѣченій есть почти чуждая наука. Одни только наши хорошіе писатели умѣютъ разбирать силу и свойство слова. Когда дойдемъ до новой нашей словесности, то можетъ быть удивимся чрезвычайности постыднаго невѣжества, какovымъ можемъ укорять многихъ писателей, приобрѣтшихъ славу, или еще и понынѣ сохраняющихъ оную. Нѣтъ, конечно, ниодного писателя, который не сдѣлалъ бы ниодной погрѣшности противу правилъ языка, и тотъ самый, кому бы пришло въ голову и одной изъ нихъ не сдѣлать, потерялъ бы много времени на мѣлочное и несто́ющее того дѣло. Но нѣкоторыя неточности, нѣкоторыя небреженія

весьма далеко отстоятъ отъ множества нелѣпыхъ и правиламъ языка противныхъ выраженій, попадающихся повсюду. Въ числѣ золъ, причиненныхъ словесности потопомъ ежемѣсячныхъ сочиненій, двадцать пять лѣтъ наводняющихъ всю Францію, должно полагать и сію заразительную порчу языка, которая есть необходимое оныхъ слѣдствіе. Естьли мы хотя немного о семъ подумаемъ, то легко въ томъ убѣдимся. Но я предоставляю себѣ открыть сію истинну, когда особенно буду говорить о журналахъ, начиная отъ рожденія ихъ до нашихъ дней. Признаемся, что болѣе всего читаемъ мы журналы. Въ нихъ содержатся всякаго рода ежедневныя новости, и потому большая часть людей занимается чтеніемъ оныхъ, и почти ничего другаго не читаетъ. Но кто ихъ сочиняетъ? (Я оставляю изключенія, кои всякой также хорошо, какъ и я, сдѣлать можетъ, и говорю вообще). Сочиняютъ ихъ такіе люди, которые конечно для того только и выбрали сіе легкое, обыкновенное и простое ремесло, что ни къ чему лучшему они неспособны, мало знаютъ, и не имѣютъ ни охоты, ни времени научиться чему нибудь больше. А притомъ какъ читаютъ сіи журналы? Съ такоюжъ легкомысленностію, съ каковою они писаны. Всякой ищетъ въ нихъ то, что ему надобно, и никто не смотритъ на ихъ слогъ: это бы еще ничего. Но что изъ того выходитъ? Сіи повседневные листки, кропаемые съ поспѣшностію, могущею сдѣлаться опасною не только для про

стыхъ умовъ, но даже и для людей съ дарованіями, преисполнены всякаго рода погрѣшностями: искусному въ словесности человѣку невозможно прочитать двадцати строкъ безъ того, чтобъ онъ почти при каждомъ словѣ не нашелъ въ нихъ невѣжества или нелѣпости. Но люди малоопытные и менѣе искусные нечувствительно привыкаютъ къ сему худому слогу, и употребляютъ его въ своихъ писаніяхъ или разговорахъ; ибо ничто такъ неприлипчиво, какъ порча языка: мы, даже и не думая о томъ, бываемъ весьма наклонны подражать тому, что всякой день читаемъ и слышимъ. Здѣсь не мѣсто доказывать то, въ чемъ каждый долженъ быть довольно убѣжденъ, кто хотя нѣсколько о томъ размышлялъ. Я бы весьма далеко уклонился отъ моего предмета; а при томъ дѣло сіе, по важности своей, требуетъ особеннаго разсмотрѣнія. Тогда-то можно будетъ почувствовать, что любители словесности (подъ симъ названіемъ разумѣю только достойныхъ сего имени людей), не должны быть обвиняемы ни брюзгливостію, ни излишнимъ увеличиваніемъ вещей, когда изъявляютъ они великое презрѣніе къ симъ нелѣпымъ собраніямъ стиховъ и прозы, содѣлавшимся пищею безчисленнаго множества людей. Увидимъ, что изобрѣтатели оныхъ часто не разумѣютъ знаменованія употребляемыхъ ими словъ, не знаютъ, какъ составить рѣченія, не то говорятъ, что сказать намѣрены, разточаютъ на удачу искуственныя названія, не понимая смысла оныхъ;

безъ мѣры употребляютъ риторическія фигуры, не имѣя объ нихъ ни малѣйшаго понятія. Въ сихъ журналахъ найдете combats polémiques (полемическія сраженія), то есть combats combattans (сраженія сражающихся). Отъ чегожъ? отъ того, что журналистъ не зналъ, что polémique (полемическій) происходитъ отъ Греческаго слова *πόλεμος*, значащаго *войну*, и что въ собственномъ смыслѣ разумѣется подъ онымъ все относящееся къ войнѣ, а въ переносномъ означаетъ все то, что принадлежитъ къ спору: такимъ образомъ говорится: *полемическія сочиненія, полемическій родъ, полемическое разсужденіе.* Онъ читалъ всѣ сіи слова, не вѣдая знаменованія оныхъ, и написалъ на удачу *полемическія сраженія.* Въ другомъ мѣстѣ найдете вы, что сію актрису надобно видѣть въ ролѣ plus conséquent (болѣе степенной) вмѣсто, чтобы сказать въ ролѣ plus important (болѣе важной). Можно проспить торгующимъ въ улицѣ *Сенъ-Денн* мальчикамъ, когда они, показывая вамъ товары, говорятъ: ceci est plus conséquent, (вотъ этотъ степеннѣе), думая, что conséquent (степеннѣе) значитъ тоже, что de conséquence (лучше или превосходнѣе). Но столь грубая ошибка въ словѣ весьма извѣстномъ, сдѣланная человѣкомъ, упражняющимся въ словесности, есть поспыдное невѣжество. Кто изъ благовоспитанныхъ не знаетъ, что conséquent значитъ то, что само съ собою во всѣхъ частяхъ согласно? Когда одно предложеніе непремѣнно выво-

дится изъ другаго, оно conséquente (неизмѣнно). Человѣкъ conséquent (постояненъ, степененъ), когда поведеніе его согласно съ его правилами, дѣянія сходны съ его словами, поступки сообразны съ его пользами; въ противномъ же случаѣ онъ inconséquent (легкомысленъ, вѣтренъ, непостояненъ). Просполюдины, портящіе всегда языкъ, потому что не знаютъ правилъ онаго, начали короче говорить conséquent вмѣсто de conséquence; писатели невѣжды стали оное повторять, а за ними, по безмѣрной страсти къ подражанію, какъ я выше о томъ говорилъ, ежедневно дѣлаютъ туже самую погрѣшность и тѣ люди, которымъ надлежало бы говорить хорошо и правильно.

Кромѣ несвойственности словъ, Квинтиліанъ показываетъ нѣкоторыя другія темноты, которыхъ въ слогѣ избѣгать должно, какъ то: употребленіе рѣченій обветшалыхъ или иностранныхъ, или особенно какой либо области свойственныхъ; также запутанныя словоразположенія, длинныя выраженія, въ которыхъ при концѣ забыть можно то, что въ началѣ сказано, непомѣрныя и принужденыя сокращенія, изъ коихъ желая отнять излишнее, часто отнято бываетъ самое нужное. Что принадлежитъ до исправности слога, Квинтиліанъ разумно совѣтуетъ не вдаваться въ то до чрезвычайной строгости, которую на нашемъ языкѣ называемъ мы *пуризмомъ*. Сія строгость, возпрещающая и самыя малыя

неисправности, которыя простой разговорной языкъ ввелъ даже и въ важный слогъ, не у мѣста въ краснорѣчіи, и смѣшна въ разговорахъ. Въ подобныя странности впадаютъ пришѣзжіе изъ уѣздныхъ городовъ: они желая показать себя искусными въ языкѣ, обнаруживаютъ токмо незнаніе свое въ легкости и естественности выраженій, свойственныхъ избраннымъ обществамъ въ столичныхъ городахъ, которыя составляютъ существенную вѣжливость языка, подобно какъ нѣкогда было Аттическое нарѣчіе въ Аѳинахъ. Въ доказательство сему Квинтиліанъ разсказываетъ, что одна торгующая въ семъ городѣ пряными кореньями женщина сочла Ѳеофраста иностранцемъ, и когда у ней спросили, почему она такъ думаетъ, то отвѣчала: *по тому, что онъ говоритъ очень отборно.* Онъ заключаетъ, что языкъ краснослова долженъ быть таковъ, чтобъ просвѣщеннымъ людямъ нравился, а невѣждамъ былъ понятенъ.

Наконецъ говоритъ онъ о украшеніяхъ рѣчи, о риторическихъ фигурахъ, о семъ важномъ для риторовъ предметѣ, который по мнѣнію его надлежитъ съ подробностію описать въ особливомъ сочиненіи, а здѣсь токмо нѣкоторыя сдѣлать примѣчанія о ихъ началѣ и о добромъ и худомъ употребленіи оныхъ. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь не мѣсто начинать снова науку краснорѣчія, и притомъ надобно признаться, что сія часть ея есть самая пустословная. Объясненіе сихъ много-

численныхъ названій весьма много походитъ на уроки Журденя, котораго съ важностію учатъ, какимъ образомъ отворять ротъ для произнесенія буквы О. Всѣ сіи *Катахрезисы, Гипербаты, Антономазіи, Синекдохи*, суть чудовища училищъ, пугалища дѣтскія, похожія на ихъ куклы, которыя, когда изломаютъ, находятъ они пустыми. Великая польза узнать, что сказавъ, *ораторъ Римскій* вмѣсто *Цицерона*, я употребляю *Антономазію*, т. е. вмѣсто собственнаго имени ставлю присвоенное ему прозвище; или сказавъ *смертные* вмѣсто *людей*, дѣлаю *Синекдоху*, потому что бо́льшее беру за меншее; или сказавъ *листъ бумаги* дѣлаю *Катахрезисъ*, потому что чрезъ разпространеніе смысла прилагаю къ бумагѣ названіе листа, свойственное однимъ растеніямъ! Всѣ сіи ученыя имена, данныя различнымъ измѣненіямъ въ знаменованіи словъ, не научатъ насъ ни говорить, ни писать лучше, и развѣ токмо для тѣхъ могутъ быть нужны, которые хотятъ углубиться въ причины сихъ въ языкѣ вымысловъ, нужда ли, удобство ли, пріятность ли произвели оныя, или умъ и страсти употребляли ихъ, дабы увеличить силу выраженія. Напримѣръ, когда мы скажемъ листъ бумаги, то ясно, что дѣлаемъ оное отъ нужды; ибо не имѣя прямаго слова, которое выражало бы сію вещь, прибѣгаемъ къ тому, что всего ближе къ оному подходитъ, и какъ листъ у дерева обыкновенно бываетъ плоскъ, тонокъ и легокъ, того ради говоримъ листъ бумаги,

хотя бумага не имѣетъ у себя листьевъ. Другія фигуры изобрѣтены были для пріятности и разнообразія: такимъ образомъ стали брать часть за цѣлое, содержащее за содержимое, причину за дѣйствіе, признакъ вещи за самую вещь, и проч. Воображеніе устремлялось тогда на часть для него примѣтнѣйшую, какъ то, когда говорятъ парусъ вмѣсто судна, престолъ вмѣсто царской власти, острое перо вмѣсто искуснаго или колкаго писателя: такимъ образомъ составляются тропы или извращенія словъ, то есть, фигуры рѣченій, посредствомъ которыхъ слово измѣняетъ собственное свое знаменованіе на другое. Сіе-то надлежало бы преподавать начинающимъ учиться, дабы они могли навыкнуть давать самимъ себѣ отчетъ въ употребленныхъ ими выраженіяхъ и пріобрѣсть первоначальныя познанія о составѣ языковъ. Но имъ напротивъ того твердятъ токмо однѣ названія, которыя лишь только ихъ пугаютъ, и которыя они выучиваютъ, не понимая, что онѣ значатъ. У нихъ съ важностію спрашиваютъ, что такое метонимія, слово, при первомъ произнесеніи наводящее имъ смертельной страхъ; ибо каждому изъ нихъ простительно быть Прадономъ, *которой сіи важныя слова принималъ за химическія названія* (*). И когда напослѣдокъ скажутъ они, что это такое, то и тогда не-

(*) Qui croyait ces grands mots des termes de Chimie.

много подвинутся впередъ: они скоро забываютъ имя, для того, что вещь имъ не разтолкована и представлена въ видѣ сухомъ и учебномъ. Напротивъ того надлежало бы говорить имъ: не бойтесь, Греческія названія ничего не значатъ; ихъ должно было по необходимости принять для того, что языкъ нашъ не имѣетъ составныхъ словъ, и что *метонимія* (иноименіе) короче, нежели *преложеніе имени* или объясненіе многими словами; но впрочемъ вещь сія есть самая простая. Мы говоримъ une flotte de cent voiles, флотъ состоитъ изо ста парусовъ, вмѣсто флотъ состоитъ изо ста кораблей: для чего? Для того, что въ великомъ числѣ судовъ первыя представляющіяся глазамъ нашимъ вещи суть паруса, и что для сочтенія флота скорѣе всего можно перещитать паруса. Такимъ образомъ сія метонимія, или постановленіе одного имени вмѣсто другаго, вошло въ употребленіе по причинѣ весьма естественной, а именно по первому появленію предмета въ зрѣніи нашемъ. Симъ средствомъ пріучились бы дѣти разсуждать, и самое слово запвердилось бы удобнѣе въ ихъ памяти, когда бы оно объяснено было вмѣстъ съ самимъ понятіемъ.

Сія фигура такъ обыкновенна, что нѣтъ человѣка, которой бы ежечасно не употреблялъ ея, совсѣмъ о томъ не думая. Въ краснорѣчіи и стихотворствѣ есть тысячи средствъ измѣнять оную и извлекать изъ нея новыя дѣйствія; но степень смѣлости,

съ каковою фигура сія употребляется, и которая составляетъ всю ея цѣну, долженствуетъ быть измѣряема обстоятельствами и родомъ сочиненія. Метонимія дѣлаетъ всю красоту сихъ двухъ стиховъ, взятыхъ изъ трагедіи, *Китайскій Сирота* (*):

Les vainqueurs ont parlé: *l'esclavage en silence*
Obéit á leur voix dans cette ville immense.

Побѣдители рекли: *рабство въ молчаніи*
Повинуется гласу ихъ во градѣ семъ обширномъ.

Выраженіе новое: еще въ первый разъ употреблено слово рабство, означающее состояніе рабовъ, за самихъ рабовъ, вкупѣ взятыхъ: въ семъ-то состоитъ фигура: напишемъ вмѣсто онаго *рабы въ молчаніи*, тогда вся сила сего выраженія пропадетъ. Отъ чегожъ произходитъ сія разность? не отъ того только, что *рабы въ молчаніи* не превышало бы прозы, но и по тому, что стихотворецъ, давъ *рабству* лице, увеличиваетъ картину, и пространнымъ выраженіемъ показываетъ намъ весь городъ *обширный*, населяемый *единымъ рабствомъ*, и при томъ *рабствомъ безмолствующимъ*. Вотъ выраженіе искуснаго писателя; но выставь фигуру сію изъ мѣста, гдѣ она поставлена; отними ее отъ сочиненія, въ которомъ воображеніе возвышено великолѣпнымъ описаніемъ Чингисхановыхъ подвиговъ, мнѣніемъ о

(*) L'orphelin de la Chine. Traged. de Voltaire.

о народѣ, побѣдившемъ вселенную, пышностію восточнаго слога, который видѣнъ уже съ первыхъ стиховъ трагедіи; перенеси ее въ *Меропу* или въ *Ореста*, она покажется тамъ слишкомъ стихотворческою, сдѣлается холодною пухлостію и ничего не представитъ уму читателя. Положимъ, что въ Орестѣ, сочинитель, желая изобразить уныние жителей Аргоса подъ жестокимъ правительствомъ Эгистовымъ, вложилъ бы въ уста Памменовы сей стихъ:

L'esclavage en silence obéit á sa voix.

Рабство въ молчаніи повинуется гласу его.

оный былъ бы не иное что: какъ пышность стихотворческая, неприличная въ устахъ печальнаго старца, оплакивающаго своего государя, и никто изъ искусныхъ словесниковъ не похвалилъ бы сего стиха. Однакожъ, ежели прилѣжно разсмотримъ, то найдемъ въ нихъ одну и туже мысль: въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о томъ, чтобы представить страхъ народа, подъ чуждымъ правительствомъ безмолствующаго. Но колико обстоятельства должны перемѣнять свойство слога! Посмотримъ, какъ сочинитель Ореста заставляетъ говорить Памména, когда сей жалуется на подлость Аргосскаго народа.

Hélas! le citoyen, timidement fidele,
N'oserait en ces lieux imiter ce saint zèle.
Dès qu'Egysthe paràit, la piété, Seigneur,
Tremble de se montrer, et rentre au fond du coeur.

Ахъ! гражданинъ вѣрный, но вѣрный съ опасеніемъ,
Не дерзнетъ въ сихъ мѣстахъ подражать сему доспочтимому усердію.
Какъ скоро Эгистъ появляется, благочестіе, Государь,
Не смѣетъ казаться, и паки скрывается во глубину сердца.

Вотъ двѣ картины, одно и тоже изображающія, но въ которыхъ краски весьма различны: въ одной изъ нихъ стихотворецъ, описуя ужасъ, распространяющійся отъ нашествія Татаръ на самую величайшую въ свѣтѣ имперію, стараешся поразить одно только воображеніе околичными, не принадлежащими къ дѣлу сказаніями: итакъ весьма кстати употребляетъ блистательное и смѣлое выраженіе. Но въ другомъ онъ хочетъ тронуть сердце для того, что съ сею робкою слабостію Аргосскаго народа сопряжено промедленіе законнаго мщенія, составляющаго подлинную сущность сего творенія: а потому и употребляетъ онъ не великолѣпныя, но чувствительныя выраженія, дабы произвесть состраданіе, жалость и негодованіе:

La piété, Seigneur!
Tremble de se montrer, et rentre au fond du coeur.

Благочестіе, Государь,
Не смѣетъ казаться, и паки скрывается во глубину сердца.

Сіе безпрерывное соображеніе слога съ содержаніемъ есть столь важно, а особливо въ

драматическихъ сочиненіяхъ, гдѣ всему надлежитъ клониться къ произведенію одинакаго дѣйствія, что каждое выраженіе, отъ одного конца сочиненія до другаго, долженствуетъ нѣкоторымъ образомъ быть подчинено главному виду и намѣренію. Но такое истинное чувствованіе приличій, производящее совершенство слога, есть родъ волшебства, каковымъ не токмо не многіе люди одарены, но даже и судить о томъ рѣдкіе могутъ: дабы примѣтить сіе, потребно много размышлять, а мы любимъ наслаждаться своими утѣхами, не ища тому причинъ. Имѣть нѣкоторую смѣтливость ума есть не такая рѣдкость, какъ думаютъ; доказательство тому, что всякая истинна всегда производитъ дѣйствіе свое надъ людьми въ одно мѣсто собравшимися; но не такъ легко изострить умъ свой и умѣть читать съ разсужденіемъ. Отъ сего-то происходитъ, что великимъ писателямъ чаще удивляются, нежели совершенно чувствуютъ красоты ихъ твореній; но сіежъ самое служитъ и причиною, извиняющею тѣхъ, которые, постигнувъ разсудкомъ своимъ совершенство, дѣлаюпся пристрастнѣе ко всему, что къ оному приближается, и строже къ тому, что отъ него удаляется. Надлежитъ знать, что сіи два впечатлѣнія не могутъ возбуждаться одно безъ другаго. Когда мы безпрестанно съ услажденіемъ перечитываемъ тѣхъ, кои обладаютъ рѣдкимъ и великимъ дарованіемъ каждую строку подбираютъ, такъ сказать, подъ цвѣтъ содержанія; то

какимъ образомъ можемъ терпѣть сію толпу писателей, которые не имѣютъ о семъ ни малѣйшаго понятія, и изъ всякихъ на удачу собранныхъ красотъ составляютъ чудовищную пестроту? Сего уже довольно, чтобы читателю хотя нѣсколько искусному съ первой страницы узнать человѣка не за свое дѣло принявшагося? Для чего въ такомъ множествѣ неапральныхъ сочиненій столь мало такихъ, которыя могли бы выдержать чтеніе? Иной причины искать не должно. Но съ другой стороны для чего видимъ любителя словесности весьма часто читающаго Расина и Вольтера, которыхъ творенія почти всякой знаетъ наизусть? Для того, что каждый разъ, когда онъ читаетъ ихъ, находитъ множество особенныхъ удовольствій, въ которыхъ не должно завидовать чувствительному человѣку, посвятившему жизнь свою изящнымъ наукамъ; поелику сіи удовольствія суть самыя чистѣйшія, самыя сладчайшія, и, можно сказать, единственныя, вознаграждающія его за всѣ принесенныя имъ жертвы и претерпѣнныя огорченія.

Боало справедливо смѣялся надъ Прадономъ, не знавшимъ, что такое метонимія; но въ томъ же самомъ мѣстѣ онъ весьма неосновательно оправдываетъ одно употребленное имъ вмѣсто другаго имя, которое по всей справедливости было охуждаемо. Въ посланіи къ стихамъ своимъ пишетъ онъ слѣдующее:

Vous verrez mille auteurs pointilleux,
Pièce à pièce épluchant vos sons et vos paroles,
Interdire chez vous l'entrée aux hyperboles.
Traiter tout noble mot de terme hasardeux,
Et dans tous vos discours, comme monstres hideux,
Huer la métaphore et la métonymie,
Grands mots que Pradon croit des termes de chymie.
Vous soutenir qu'un lit ne peut être *effronté*, &c.

Вы увидите тысячу привящивыхъ писателей,
Чистящихъ въ каждой строкѣ ваши слова и звуки.
Они не позволяютъ вамъ употреблять гипербол.
Всякое благородное слово называютъ дерзкимъ,
И во всѣхъ вашихъ сочиненіяхъ, подобно какъ
на ужасныхъ чудовищъ,
Вопіютъ на метафору и на метонимію,
На сіи важныя слова, которыя Прадонъ почиталъ
химическими названіями,
И смѣло утверждаютъ, что постелю не льзя
назвать *безстыдною*.

Сіе выраженіе употребилъ онъ въ сатирѣ на женщинъ.

T'accommodes-tu mieux de ces douces Ménades,
Qui dans leurs vains chagrins, sans mal toujours
malades,
Se font des mois entiers, sur un lit effronté,
Traiter d'une visible et parfaite santé?

Или лучше понравятся тебѣ сіи кроткія
Менады,
Которыя, въ пустой печали своей, безъ бо-
лѣзни больныя,
Цѣлые мѣсяцы на постелѣ своей *безстыдной*,
Лѣчатся отъ явнаго и совершеннаго здоровья?

Я охотно похвалю послѣдній стихъ. Въ самомъ дѣлѣ есть нѣкоторое искуство въ семъ мнимомъ противурѣчіи: *лѣчиться отъ совершеннаго здоровья*, подобно какъ лѣчатся отъ болѣзни. Оно выражаетъ весьма хорошо неосновательность притворно больной, которая не имѣя въ себѣ никакой болѣзни, хочетъ, чтобы ее лѣчили; но я нахожу злоупотребленіе и натяжку въ фигурѣ, приписующей постелѣ *безстыдство* больной женщины. Дюмарсе въ прекрасномъ своемъ разсужденіи о пропахъ весьма основательно примѣчаетъ, что во всякой фигурѣ воображеніе должно всегда видѣть ясное и близкое сходство. Итакъ весьма хорошо сказать un lit adultere, (прелюбодѣйственный одръ), un lit criminel (преступное ложе); хотя въ самомъ дѣлѣ одръ или ложе столько же не можетъ быть прелюбодѣйственнымъ или преступнымъ, сколько и *безстыднымъ*; однакожъ умъ тотчасъ ощущаетъ сходство мыслей и видитъ въ одрѣ орудіе прелюбодѣянія и позорище преступленія; но какъ видѣть въ одрѣ *безстыдство*? Впрочемъ сія погрѣшность есть одна сего рода во всѣхъ сочиненіяхъ у Боало, и тѣмъ больше сожалѣнія достойно, что умъ сего писателя столь строгій и справедливый, который, сколь ни мало было дѣльнаго во всемъ противу него писанномъ, но и тѣмъ неоднократно съ благоразумiемъ умѣлъ пользоваться, вздумалъ упорно защищать ощутительнѣйшую изъ сдѣланныхъ имъ погрѣшностей.

Желающимъ подробно вникнуть въ свойство фигуръ совѣтую читать помянутое мною разсужденіе Дюмарсе о тропахъ, и другія таковагожъ рода сочиненія; ибо не должно нигдѣ, а особливо здѣсь, повторять того, что можно находить въ другихъ книгахъ; однакожъ надобно остановиться нѣсколько на метафорѣ, которая почитается самою главною, разнообразною и самою прекраснѣйшею фигурою рѣченій? Имя ея столь уже извѣстно и столь часто употребляется, что потеряло всю школьную свою важность. Опредѣленіе ея нѣсколько отвлеченно; однакоже оно, такъ какъ и всѣ прочія опредѣленія, удобно объясняется примѣрами. Метафору можно опредѣлить такъ: фигура, въ которой прямое или собственное значеніе слова перемѣняется въ другое, принадлежащее сему слову токмо по сходству, въ умѣ представляемому. Такимъ образомъ, ежели кто скажетъ, *ложь облекается въ одежду истины*, слово *одежда* будетъ уже не въ собственномъ своемъ смыслѣ; ибо ни ложь, ни истинна не имѣютъ у себя одежды; слѣдовательно *одежда* значитъ здѣсь наружность; но умъ тотчасъ постигаетъ сходство, существующее между одеждою и наружностію, и потому фигура ясна и удобопонятна. Метафора, говоритъ справедливо Квинтиліанъ, приноситъ ту пользу, что помощію оныя можемъ выразить все; но ни онъ, ни Дюмарсе, ниже другой какой извѣстный мнѣ о наукѣ краснорѣчія писатель, не доходилъ до истиннаго начала метафоры,

хотя и не трудно до онаго добраться. Метафора почти всегда переходитъ отъ нравственнаго къ естественному; ибо какъ всѣ наши понятія первоначально отъ чувствъ произходятъ, того ради мы почти всегда стараемся умственныя свои мечтанія дѣлать ощутительнѣйшими чрезъ сходство ихъ съ физическими предметами: отсюда происходитъ, что почти всѣ метафоры не иное что суть, какъ образы или роды сравненій и подобій. Когда скажу о человѣкѣ разгнѣванномъ: *онъ какъ левъ*, то сіе будетъ уподобленіе: я выражаю общее сходство между разгнѣваннымъ человѣкомъ и львомъ. Ежели пойду далѣе и скажу: *подобно какъ левъ со сверкающими очами, и хвостомъ по ребрамъ себя біющій, кидается съ ужаснымъревомъ; такъ онъ* и проч. тогда вхожу въ изчисленіе обстоятельствъ подобія, и дѣлаю сравненіе. Когда жъ просто скажу о человѣкѣ разгнѣванномъ: *онъ левъ*, тогда употребляю метафору, которая, какъ изъ всего нами сказаннаго видно, есть не иное что, какъ сокращенное сравненіе, дополняемое воображеніемъ.

Итакъ сія фигура раждается отъ сроднаго намъ разположенія сравнивать нравственныя наши понятія съ нашими чувствованіями и употреблять однѣ изъ нихъ для сильнѣйшаго изображенія другихъ. Говорятъ: *человѣкъ кипитъ гнѣвомъ*; ибо почувствовали, что страсть сія приводитъ кровь въ великое волненіе и движеніе, подобное кипѣ-

нію воды на огнѣ, такимъ же образомъ человѣкъ бываетъ *утоенъ*, *снѣдаемъ*, *возталенъ*, *очерствъ*, *леденѣетъ*, и проч. Изполкованіе одной изъ сихъ метафоръ объясняетъ уже свойство всѣхъ прочихъ. Но есть изъ нихъ и такія, въ которыхъ вещественные предметы уподобляются между собою. Говорится *цвѣтъ возраста* для того, что блескъ и свѣжесть первой юности напоминаетъ о растеніяхъ, когда онѣ цвѣтутъ.

Сія фигура и метонимія, которая также есть видъ метафоры чаще всѣхъ употребляются въ рѣчахъ. Онѣ весьма понятны какъ простому народу, такъ оратору и стихотворцу. Всѣ люди больше или меньше объясняются фигурами, смотря по степени своего восторга и по силѣ своего воображенія. Метафора есть прекраснѣйшая изъ всѣхъ фигуръ, потому что заключаетъ два понятія въ одномъ словѣ, и что сіи два понятія чрезъ соединеніе свое дѣлаются болѣе поразительными. Когда скажутъ: *красота вянетъ*, то слово красота относится равно къ женщинамъ и цвѣтамъ, и сіе естественное и пріятное соединеніе нравится воображенію. Но поелику метафора весьма обыкновенна и всѣмъ извѣстна, то выборъ долженъ составлять достоинство оной. Она должна быть точна, то есть, чтобы выражала соотвѣтствіе, основанное на свойствѣ вещей. Нѣтъ ничего противнѣе, какъ несвязная фигура: ежели ме-

тафора, коея главная должность состоитъ въ сильнѣйшемъ выраженіи понятія, не успѣетъ въ своемъ дѣйствій; то она сиановится гораздо слабѣе, нежели слово, въ собственномъ смыслѣ взятое. Справедливо смѣялись надъ сими Руссовыми стихами:

Et les jeunes Zéphires, de leurs chaudes halcines,
Ont *fondu l'écorce* des eaux.

И юные Зефиры теплыми дыханіями своими
Разтопили кору водъ.

Изображеніе сіе ложно; ибо кору разтаять или разтопить не можно. Сверхъ сего метафоры безъ нужды употреблять не должно; ей надлежитъ имѣть болѣе силы, нежели собственное слово, безъ чего сіе послѣднее будетъ предпочтительнѣе. Метафора, говоритъ Квинтиліанъ, выдумана для того, чтобы замѣнять ею порожнее мѣсто, и поелику она изгоняетъ обыкновенное и собственное слово, того ради ей непремѣнно надлежитъ быть изящнѣе и сильнѣе онаго. Должно также прінаравливать оную къ предмету, и чтобы въ ней не было ничего чрезмѣрнаго въ отношеній понятій, между коими она есть постигаемое догадкою сравненіе. По сему справедливо охуждаютъ сей стихъ, въ которомъ, говоря о возницѣ, впрягающемъ коней въ колесницу, сказано:

Il soumet l'attelage *á l'empire* du mords;

Онъ покоряетъ коней своихъ владычеству удила:

Слово *владычество* слишкомъ важно для слова удило. Надлежитъ также опасаться, не заимствовать метафоры отъ вещей низкихъ и отвратительныхъ. Корнель погрѣшилъ противу сего правила, когда говоря о ратникахъ Помпеевыхъ, сказалъ:

Dont plus de la moitié *piteusement* étale
Une indigne *curée* aux vautours de Pharsale.

Изъ коихъ большая половина *жалко* выставляетъ
Позорную *притравц* вранамъ Фарсальскимъ.

Слово curée (притрава, привада, прикормка) представляетъ изображеніе отвратительное и въ важномъ слогѣ употреблено быть не можетъ. Piteusement (жалко) не есть фигура, и также не должно входить въ трагедію, и важному слогу неприлично. Наконецъ, хотя бы метафора имѣла всѣ потребныя качества, однакожъ и тогда не должно быть въ оной разточительну; ибо въ такомъ случаѣ впадешь въ жеманство и единообразіе, двѣ пренесносныя погрѣшности во всякомъ родѣ сочиненій.

Иносказаніе (allégorie), собственно есть не иное что, какъ продолженная метафора; ибо оно состоитъ въ томъ, что говорится о вещи, подъ которою разумѣется другая. Когда смыслъ совершенно ясенъ, и подобія не чрезмѣрно плодовиты, ниже весьма издалека взяты; тогда фигура сія можетъ производить прекрасное дѣйствіе въ красно-

рѣчіи и стихотворствѣ. Въ трагедіи *Rome sauvée* (Спасенный Римъ) Катилина говоритъ о Цицеронѣ:

Sur le vaisseau public, ce pilote égaré,
Présente à tous les vents un flanc mal assuré;
Il s'agite au hasard; à l'orage il s'apprête,
Sans savoir seulement d'où viendra la tempête.

Управляя кораблемъ государства, сей смятенный кормчій,
Подставляетъ всѣмъ вѣтрамъ ненадежный его бокъ;
Плыветъ на удачу; приготовляется къ бурѣ,
Не зная даже и того, откуда она возшумитъ.

Здѣсь нѣтъ ни одного слова, котораго бы смыслъ не былъ иносказательный. Корабль означаетъ республику, кормчій Цицерона, вѣтры враговъ отечества, буря заговоръ. Сіи по порядку слѣдующія метафоры составляютъ то, что риторы называютъ *иносказаніемъ*. Легко видѣть можно, сколь необходимо нужно, чтобы всѣ онѣ были одинакаго рода; одно изъ нихъ уклонившееся отъ первосказаннаго понятія все испортитъ. Погрѣшность сія часто встрѣчается у Руссо въ посланіяхъ:

Incontinent vous l'allez voir s'enfler
De tout le vent que peut faire souffler
Dans le fourneaux d'une téte échauffée,
Fatuité sur *sottise greffée*.

Тотчасъ увидите его надувающагося
Всемъ тѣмъ вѣтромъ, какимъ можетъ заставить душ

Въ горнилѣ разгоряченной головы
Глупость *привитая* къ *дурачеству*.

Въ первыхъ трехъ стихахъ иносказаніе хотя и натянуто, но по крайней мѣрѣ предметы одинъ за другимъ слѣдуютъ. *Горнило головы* есть слишкомъ удаленная отъ естественности фигура; равнымъ образомъ никакъ себѣ представить не можно, чтобы *глупость привитая къ дурачеству заставляла вѣтръ дуть*. Здѣсь нарушена справедливость естественныхъ соотвѣтствій. Таковая погрѣшность еще ощутительнѣе въ слѣдующихъ тогожъ посланія стихахъ:

C'est l'emphatique et burlesque étalage
D'un faux sublime, *enté* sur l'assemblage
De ces grands mots, *clinquant* de l'oraison,
Enflés de vent et vides de raison.

Это есть пышное и смѣшное скопище
Ложныхъ превыспренностей, *привитыхъ* къ сборищу
Сихъ великихъ словъ, *мишуръ* краснословія,
Надутыхъ вѣтромъ и неимѣющихъ смысла.

Метафора здѣсь дурна по тремъ причинамъ, потому что въ ней три раза перемѣняется предметъ. Превыспреннее *привито* къ великимъ словамъ, кои суть *мишура*; какъ можно *привить* къ *мишурѣ*? первое относится только къ деревьямъ; второе къ металлическимъ составамъ; и притомъ какъ *мишура* можетъ быть *надута вѣтромъ*? сіе принадлежитъ уже къ третьему порядку

вещей. Нѣтъ никакой возможности скрыть нелѣпость сего слога; оный тѣмъ менѣе извинителенъ, что сочинитель въ самомъ семъ мѣстѣ хочетъ научать хорошему вкусу, и впадаетъ точно въ тѣжъ погрѣшности, за которыя укоряетъ другихъ. Здѣсь не то утверждается, что для употребленія права уличать въ ошибкахъ непремѣнно уже должно самому ни одной изъ нихъ не сдѣлать; ибо въ такомъ случаѣ кто осмѣлится бросить *первый камень* въ худой вкусъ? но весьма неосторожно и не ксипапи, говоря о стихахъ:

Надутыхъ вѣтромъ и неимѣющихъ смысла,

въ тоже самое время подавать тому примѣръ. Возмемъ противное тому въ великомъ стихотворцѣ, на котораго Руссо, ослѣпленный ненавистію, нападалъ въ семъ посланіи, желая особенно выставить его въ ономъ. Генріада снабдитъ насъ примѣрами сихъ непрерывныхъ метафоръ, изъ коихъ составляется иносказаніе (allégorie): въ ней находится метафора, продолжающаяся чрезъ десять стиховъ безъ всякой натяжки, безъ малѣйшаго нарушенія справедливости и потому паче прочихъ кажется намъ здѣсь примѣчанія достойною. Надлежало описать Генриха III въ тотъ самой часъ, когда народъ противъ его возмутился: онъ на краткое время покушается выдти изъ своей безпечности, но худо провидитъ свои пользы, едва постигаетъ опасности, и вскорѣ забывъ все предается паки нѣгѣ и утѣхамъ. Вотъ прямой смыслъ, и вотъ иносказательной:

Henri se réveilla du sein de son ivresse:
Ce bruit, cet appareil, ce danger qui le presse
Ouvrirent un moment ses yeux appesantis.
Mais du jour importun ses regads éblouis
Ne distinguerent point, au fort de la tempête,
Les foudres menaçans qui grondaient sur sa téte;
Et bientôt fatigué d'un moment de réveil,
Las et se rejettant dans le bras du sommeil,
Entre ses favoris et parmi les délices,
Tranquille, il s'endormit au bord des précipices.

Генрихъ пробуждается отъ своего упоенія:
Сей шумъ, сіе приготовленіе, сія угрожающая ему опасность
Открыли на время дремлющія его зѣницы.
Но взоры его, досаднымъ блескомъ преомраченные,
Не могли, по средѣ бури, разсмотрѣть
Висящихъ надъ главою его громовыхъ тучъ;
И вскорѣ утомленный минутою пробужденія своего,
Усталый и паки обѣятію сна предающійся,
Между любимцами своими и въ нѣдрахъ утѣхъ,
Спокоенъ, засыпаетъ онъ на краю пропасти.

Картина сія совершенна: какъ искусно краски въ ней подобраны! какъ живо подведены тѣни! Сіе пресѣченіе, раздѣляющее стихъ на первомъ слогѣ, las — et se rejettant, совершенно изображаетъ томную, падающую слабость. А въ послѣднемъ стихѣ таковоежъ пресѣченіе сдѣлано на третьемъ слогѣ, tranquille, — il s'endormit, живо изображаетъ засыпающую безпечность. Вотъ, какъ надлежитъ употреблять иносказаніе въ рѣчахъ. Чтожъ касается до злоупотребленія онаго,

то примѣтимъ, что больше достоинства дать сей фигурѣ пристойное пространство, нежели худымъ и неприличнымъ образомъ разпространить ее далѣе предѣловъ. Въ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ есть примѣры, что одна и таже метафора занимаетъ четыре страницы; тогда она есть не иное что, какъ игра ума стольже странная, сколь и несносная, которую глупые принимаютъ за воображеніе.

Иносказанію даемъ мы смыслъ болѣе обширный, когда называемъ симъ именемъ стихотворческій вымыслъ, въ которомъ нравственнымъ существамъ приписуются человѣческія лица, каковы суть храмъ Любьви въ Генріадѣ, эпизодъ Нѣги въ Лютренѣ и многія другія. Бываютъ также иносказанія крапчайшія сихъ, въ маломъ числѣ стиховъ заключающіяся и составляющія пріятное разнообразіе въ стихотворствѣ нравственномъ или поучительномъ. Таковы суть слѣдующіе Вольтеровы стихи въ рѣчи о умѣренности:

Jadis trop caressé des mains de la Mollesse,
Le plaisir s'endormit au sein de la Paresse.
La langueur l'accablait; plus de chant, plus de vers,
Plus d'amour, et l'Ennui détruisait l'univers.
Un dieu qui prit pitié de la nature humaine
Mit auprès du Plaisir le Travail et le Peine.
La Crainte l'éveilla, l'Espoir guida ses pas;
Ce cortège aujourd'hui l'accompagne ici bas.

Нѣкогда услажденная ласками Нѣги
Упѣха заснула на лонѣ Лѣности.

Спитъ крѣпко: не слышно болѣе ни пѣсенъ, ни стиховъ,
Молчитъ Любовь, Скука крушитъ вселенную.
Нѣкій богъ, сжалясь надъ природою человѣческою,
Посадилъ подлѣ Утѣхи Трудъ и Работу.
Страхъ разбудилъ ее, Надежда повела,
И нынѣ сіи сопровождатели вездѣ ходятъ съ нею по землѣ.

Леміеръ весьма хорошо изобразилъ свойство иносказанія въ семъ стихѣ поэмы своей, называемой *Живопись*:

L'Allégorie habite un palais diaphane.

Иносказаніе обитаетъ въ чертогѣ прозрачномъ.

И въ той же поэмѣ онъ весьма хорошо употребилъ оное къ изображенію иносказательнаго описанія Невѣжества.

Il est une stupide et lourde déité:
Le Tmolus autrefois fut par elle habité,
L'Ignorance est son nom: la Paresse pesante
L'enfenta sans douleur aux bords d'une eau dormante.
Le Hasard l'accompagne, et l'Erreur la conduit:
De faux pas en faux pas, la Sottise la suit.

Есть глупое и грубое божество:
Оно нѣкогда обитало въ Тмолѣ;
Имя ему Невѣжество: тяжелая Лѣность,
Не чувствуя боли родила ее на брегахъ дремлющихъ водъ.
Сопровождаемое Случайностію, водимое Заблужденіемъ
Непрестанно препинается, и Глупость ему послѣдуетъ.

Древніе гіероглифы Египетскіе, Скивскіе и другихъ Азіятскихъ народовъ были не иное что, какъ видъ иносказаній, говорящихъ очамъ, но судя по тому, что намъ извѣстно,

меньше ясныя и меньше остроумныя, нежели Греческія басни, которыми новѣйшее наше стихотворство украсилось. Когда Царь Персидскій Дарій I. въ походѣ своемъ противу Скиѳовъ дерзновенно зашелъ въ пространныя ихъ пустыни, гдѣ онъ главную часть войскъ своихъ потерялъ; тогда Скиѳы прислали къ нему посла, который не сказавъ ни слова, отдалъ ему отъ нихъ пять стрѣлъ, птицу, мышь, лягушку, и ушелъ отъ него. Вопрошаемо было, что значитъ сіе, нѣкую загадку заключающее въ себѣ посольство? Одинъ Персіянинъ, знавшій свойство и языкъ сего народа, изтолковалъ симъ образомъ ихъ дары: „ежели вы не умѣете „летать по воздуху какъ птицы, или пря„таться въ норахъ какъ мыши, или уходить „въ воду какъ лягушки, то вамъ не убѣжать „отъ стрѣлъ Скиѳскихъ.“ Послѣ оказалось, что онъ сказалъ правду, но Дарій протолковалъ иначе сію загадку, и также довольно вѣроятно. Онъ утверждалъ, что сіе служитъ знакомъ покорности Скиѳовъ, которые принесли ему дань животными отъ трехъ стихій питающимися, и повергли предъ нимъ свои оружія. Слѣдовательно иносказаніе, которе, имѣя по намѣренію одинъ смыслъ, представляетъ ихъ два, не льзя назвать хорошимъ. По той же причинѣ краткія нравоучительныя басни, называемыя *апологами*, которыя суть также родъ иносказанія, долженствуютъ имѣть смыслъ единственный и ясный. Во всемъ томъ, гдѣ хотимъ дать примѣтить прикровенную истинну, надлежитъ дѣлать такъ,

чтобы она не совсѣмъ скрыта была подъ симъ покрываломъ, но чтобъ приносила токмо удовольствіе быть видимою сквозь оное. Личинѣ игрища прилично похожей быть безъ исковерканья и юродливости, а покрывало иносказанія долженствуетъ быть соткано хитро, но прозрачно.

Извѣстенъ поступокъ Тарквинія гордаго, когда сынъ его, будучи полновластнымъ повелителемъ города Габіи, прислалъ къ нему спросить, что ему дѣлать. Тарквиній, прогуливаяся тогда въ саду своемъ, началъ бывшею у него въ рукахъ палкою сбивать головки съ маку, и отпустилъ посланнаго безъ всякаго другаго отвѣта: это было безмолвное иносказаніе. Сынъ, какъ должно злосердаго человѣка воспитаннику, понялъ его, и нашелъ средство, погубя первосановныхъ Габіянъ, вручить городъ отцу.

Мы далеко уклонились отъ фигуръ риторическихъ; но всѣ сіи различныя сказанія служатъ доказательствомъ, что начала искуствъ покорены тому же умословію, и тому жъ закону соотвѣтствій, которымъ объясняются дѣйствія человѣческія, и открываются побудительныя ихъ причины. Сего-то ради наука краснорѣчія глубокомысленнаго Аристотеля, который писалъ для людей уже довольно въ словесности обращавщихся, а не для учениковъ, есть отчасти нравоучительное разсужденіе.

Иронія (насмѣшка), *Эллипсисъ* (опущеніе), *Ипербола* (увеличіе), столь извѣстны, что ихъ названія, хотя онѣ Греческія и учебныя, по-

чти во всякомъ языкѣ употребительны. Иронія сливается знаменованіемъ своимъ съ другою фигурою, которая извѣстна подъ именемъ *Антифразисо* или *противуистинна;* поелику она всегда показываетъ противное тому, что говоритъ. Она, смотря по обстоятельствамъ, равно приличествуетъ шуткѣ, гнѣву и презрѣнію; а потому сіи двѣ послѣднія страсти могутъ вводить оную фигуру въ слогъ важный и въ самыя высокія содержанія, однакоже рѣдко; ибо надлежитъ остерегаться, чтобы не дать почувствовать смѣжность онаго съ издѣвкою. Насмѣшка бываетъ иногда самымъ крайнимъ средствомъ омерзѣнія и отчаянія, когда важное изрѣченіе кажется для нихъ слабо; подобно тому, какъ въ великихъ печаляхъ, лишающихъ на нѣкоторое время разсудка, страшный хохотъ заступаетъ иногда мѣсто слезъ, которыя уже течь не могутъ. Таковы суть сіи удивительныя слова Ореста въ трагедіи *Андромахѣ*, когда по убіеніи Пирра въ угодность Герміонѣ, узнаетъ онъ, что она не могла перенести смерть его и саму себя убила:

Grâce au ciel, mon malheur passe mon espérance.
Oui, je te loue, ô ciel! de ta persévérence, &c.

Благодарю тебя, небо! несчастіе мое превзошло мою надежду.
Такъ! благодарю тебя за твою непреклонность, и проч.

Онъ окончиваетъ симъ страшнымъ стихомъ:

Eh bien! je suis content; et mon sort est rempli.

Теперь я доволенъ, жребій мой свершился.

Сіе слово *я доволенъ*, въ положеніи Ореста, есть верхъ отчаянія, и тѣ, которые вспомнятъ, какъ неподражаемый Лекень, имѣя уста дрожащія, зубы стиснутые, съ злобною усмѣшкою произносилъ сей стихъ, удобно себѣ вообразятъ, что такое трагедія, когда душа лицедѣя можетъ чувствовать подобно душѣ стихотворца.

Опущеніе есть фигура самая употребительная въ обыкновенныхъ разговорахъ: она состоитъ въ томъ, что одно или нѣсколько словъ выпускаются для сокращенія рѣчи, не отъемля ничего отъ ясности оной. Главная часть сего рода опущеній состоитъ въ рѣчахъ введенныхъ уже или принятыхъ; но тѣ, которыя научаетъ изобрѣтать искусство слога, дабы придать оному больше быстроты или силы, должны быть въ краснорѣчіи рѣже, нежели въ стихотворствѣ. Извѣстно, что сему послѣднему предоставлено больше свободы, поелику въ немъ встрѣчается болѣе затрудненій, и сверхъ того вообще стихотворцу смѣлость приличнѣе, нежели оратору. Можно еще примѣтить, что слогъ дѣписателей способнѣе къ симъ сократительнымъ опущеніямъ, нежели слогъ ораторскій. Первые предоставляютъ больше разсужденію, другіежъ отъ настоящаго мгновенія ожидаютъ бо́льшаго дѣйствія.

Изъ Латинскихъ писателей чаще всѣхъ употребляли фигуру *опущеніе* Саллюстій и Тацитъ. Краткой и нерѣдко требующій дополненій слогъ сихъ бытописателей весьма отличенъ отъ Цицеронова слога, и таковымъ быть долженъ. Кто хочетъ двигать сердца, тому нужно наблюдать сладкогласіе, раждающееся отъ круглости рѣчи и стройнаго словопаденія, яко сильное средство къ поколебанію народныхъ собраній: но два помянутые писателя хотѣли наипаче понудить читателя къ размышленію, ибо краткость требуетъ вниманія.

Ипербола не меньше, какъ и опущеніе, употребительна въ простомъ языкѣ: но какъ уже мы привыкли приводить ее въ настоящую мѣру, то ежечасное злоупотребленіе оныя не мѣшаетъ иногда счастливо пользоваться ею даже и въ важномъ слогѣ, а особливо въ такихъ сочиненіяхъ, въ коихъ разумъ возносится къ великимъ вещамъ, какъ то въ одахъ и поэмахъ. Тогда, поелику разгоряченному воображенію всегда естественно представлять себѣ вещи въ нѣкоторомъ увеличеніи, можно въ семъ родѣ употребить оную по произволенію; но не должно предлагать уму ничего болѣе, какъ токмо то, что онъ естественно вообразить можетъ; ибо стараться Иперболу сдѣлать еще бо́льшею, есть тоже, что преувеличенное еще увеличивать. Справедливо похваляютъ сіи стихи, коими оканчивается изображеніе Варѳоломеева праздника и вторая пѣснь Генріады:

Et des fleuves Français les eaux ensanglantées
Ne portaient que des morts aux mers épouvantées.

И рѣкъ Французскихъ окровавленныя воды
Однихъ токмо мертвыхъ несутъ въ моря устрашенныя.

Извѣстно, что это неправда; но правда сама собою здѣсь такъ ужасна, что прибавка сдѣланная стихотворцемъ непримѣтна. Напротивъ того, когда Ѳеофилъ, удаленный въ полуденную Францію говоритъ Королю Людовику XIII.

On m'a mis loin de votre empire,
Dans un désert où les serpens
Boivent les pleurs que je répands,
Et soufflent l'air que je respire.

Меня увезли далеко отъ твоей столицы,
Въ пустыню, гдѣ змеи
Пьютъ проливаемыя мною слезы,
И изрыгаютъ изъ себя воздухъ, которымъ дышу.

Тогда чувствуемъ, что сія Ипербола была бы даже и въ то время неумѣренна, когда бы онъ находился въ степяхъ Африканскихъ.

Противуположная сей фигура называется *преуменьшеніемъ*, и состоитъ въ искуствѣ чрезъ ослабленіе выраженія давать чувствовать всю силу того, что сказать желаешь. Таковая хитрость скрывается въ словахъ Ифигеніи, когда она по изъявленіи повиновенія къ волѣ отца своего, говоритъ ему:

Si pourtant ce respect, si cette obéissance
Parait digne à vos yeux d'une autre récompense,
Si d'une mère en pleurs vous plaignez les ennuis,
J'ose dire, Seigneur, qu'en l'état où je suis,
Peut-être assez d'honneurs environnaient ma vie
Pour *ne pas souhaiter* qu'elle me fût ravie.

Но естьли сіе почтеніе, сіе повиновеніе
Достойно въ глазахъ твоихъ иной награды,
Естьли грусть рыдающей матери приводитъ
тебя въ жалость,
Смѣю сказать, о родитель мой, что въ состоя-
ніи моемъ,
При толикихъ окружающихъ жизнь мою по-
честяхъ,
Не пожелала бы я лишиться оной.

Не пожелала бы, выраженіе весьма слабо; но самая скромность сія, послѣ обѣщанія повиноваться, даетъ родительскому сердцу разумѣть гораздо больше, нежели она словами своими изъявляетъ. Подобнымъ образомъ Шимена, въ Корнелевой трагедіи *Сидъ*, вся въ слезахъ сказала Родригу:

Va, je ne te hais point.

Поди, я тебя не ненавижу.

Кто повѣритъ, что она *его только что не ненавидитъ!* Сія съ умомъ употребленная хитрость въ словахъ производитъ такое же дѣйствіе, какъ скромная и чувствительная женщина, потупляющая глаза, когда боится показать выраженіе своихъ взоровъ.

Кромѣ фигуръ рѣченій, служащихъ къ украшенію слога, въ наукѣ краснорѣчія упоминается еще о фигурахъ мыслей. Фигуры сіи суть не иное что, какъ виды, какіе страсть или искуство ораторовъ даютъ сложенію рѣчи. Большая часть изъ оныхъ показываетъ только склонность учителей краснорѣчія называть пышными именами самые простые обороты рѣченій, по изтолкованіи которыхъ хочется сказать: какъ? и все тутъ! Нѣкоторые изъ нихъ однакожъ производятъ подлинно великое дѣйствіе и принадлежатъ къ истинному краснорѣчію. Таково есть *обращеніе:* оно должно состоять въ движеніи сильно поколебаннаго воображенія или весьма разтроганной души, какъ въ Боссюэтовомъ возклицаніи: *Мечъ Господень! какой ударъ совершилъ ты! вся земля поражена изумленіемъ!* Или въ сихъ Андромахиныхъ стихахъ:

Non, nous n'espérons plus de vous revoir encor,
Sacrés murs, que n'a pu conserver mon Hector.

Нѣтъ, мы уже не увидимъ васъ болѣе,
Священныя стѣны, которыхъ Гекторъ мой
сохранить не могъ.

Тотчасъ почувствовать можно, что сіе обращеніе къ стѣнамъ Троянскимъ есть весьма естественный гласъ печали и сожалѣнія, и таковыя-то фигуры бываютъ хороши и у мѣста.

Заимословіе, то есть вѣщаніе отъ лица уже не существующаго, или отъ бездушной вещи употребляется гораздо рѣже. Чѣмъ смѣлѣе сія фигура, тѣмъ лучше. Флешьеръ весьма пристойно помѣстилъ ее въ надгробномъ словѣ Монтасьеру: „Дерзну ли я „рѣчь мою украсить вымысломъ и ложью? „Гробъ сей отворится, кости сіи соединят„ся и возставъ скажутъ мнѣ: почто ты „лжешь за меня, не умѣвшаго ни за кого „лгать? Не воздавай мнѣ чести мною не заслу„женной, мнѣ, которой кромѣ истиннаго „достоинства никому ее не воздавалъ. Оставь „меня покоиться въ нѣдрахъ правды и не „возмущай тишины моея гнусною лестію.

Задержаніе и *прехожденіе* часто употребляются въ краснорѣчіи и стихотворствѣ, и когда хорошо помѣщены бываютъ, то имѣютъ великую силу. *Задержаніе* состоитъ въ предуготовленіи къ тому, что сказать хочешь, въ предъизвѣщеніи онаго издалека, дабы принудить умъ съ вящшимъ вниманіемъ на томъ остановиться. Ясно, что сказуемая вещь должна быть того достойна, иначе хитрость сія обратится во вредъ тому, кто употребилъ ее неискусно; но когда увѣренъ, что изрѣченіе твое долженствуетъ быть удачно, то искуство задержанія онаго безъ сомнѣнія силу его увеличитъ. Ораторъ уподобляется тогда бойцу, подъемлющему высоко мечъ свой, дабы ударъ казался ужаснѣе; или подобенъ скакуну, который отходитъ далече, чтобъ разбѣжавшись быстрѣе

скакнуть. Великій Корнель умѣлъ весьма хорошо воспользоваться сею фигурою въ безсмертномъ явленіи Августа съ Цинною, когда по изчисленіи благодѣяній своихъ государь сей продолжалъ такъ:

Tu t'en souviens, Cinna; tant d'heur et tant de gloire,
Ne peuvent pas sitôt sortir de ta mémoire.
Mais ce qui ne pourrait jamais s'imaginer,
Cinna, tu t'en souviens, et veux m'assasiner.

Ты помнишь то, Цинна: толикая честь и слава
Не могутъ такъ скоро выдти изъ памяти.
Но, чегобы никто и вообразить себѣ не могъ,
Цинна, ты помнишь то, и хочешь меня убить.

Естьли бы оставя первые три стиха, онъ сказалъ только послѣдній, котораго для смысла довольно, дѣйствіе было бы гораздо меньше. Но задержаніе только увеличиваетъ оное, что въ то время, когда мы слышимъ послѣднее полустишіе, почти не возможно удержаться, чтобъ вмѣстѣ съ Цинною не взкрикнуть отъ ужаса.

Прехожденіе есть другой родъ искуства; оное состоитъ въ образѣ отрицательнаго рѣченія, показующаго будто бы преходимъ молчаніемъ, или не хотимъ говорить о томъ, о чемъ дѣствительно говоримъ: *я не скажу вамъ, я не хочу вамъ напоминать, я не буду васъ упрекать за то и за то, однакожъ.....* и проч. тогда уже одно только предложеніе положительно утверждается. Фигура сія приноситъ двоякую

пользу: она нимало не уменшаетъ достоинства того, о чемъ мы будто мимоходомъ говоримъ, и придаетъ много силы тому, къ чему рѣчь наша клонится, какъ то изъ примѣровъ яснѣе видѣть можно. Альзира принуждена признаться Замору, что она совокупилась бракомъ съ Гусманомъ, и что оставя законъ свой, сдѣлалась христіанкою. Она такъ много любитъ, что не ищетъ оправдаться, однакожъ не хочетъ, чтобъ любовникъ ея не вѣдалъ того, что къ извиненію ея служить можетъ. Она не говоритъ ему: „войди въ мое состояніе: я почитала тебя мертвымъ; отецъ приказалъ мнѣ; я принесла себя въ жертву спасенію отечества.“ Все сіе есть совершенная правда, но совсѣмъ тѣмъ была бы правда сія весьма холодна въ устахъ любовницы. Итакъ должно, чтобъ она оправдалась, отнюдь не показывая желанія оправдаться. Сіе-то называется *прехожденіемъ*.

Je *pourrais* t'alléguer pour affaiblir mon crime
De mon père sur moi le pouvoir légitime,
L'erreur où nous étions, mes regrets, mes combats,
Les pleurs que j'ai trois ans donnés à ton trépas;
Que des chrétiens vainqueurs esclave infortunée,
La douleur de ta perte à leur Dieu m'a donnée;
Que je t'aimai toujours, que mon coeur éperdu
A détesté tes dieux qui t'ont mal défendu.
Mais je ne cherche point, je ne veux point d'excuse;
Il n'en est point pour moi, lorsque l'amour m'accuse.
Tu vis: il me suffit: je t'ai manqué de foi:
Tranche mes jours affreux, qui ne sont plus pour toi, &c.

Я къ уменшенію преступленія моего *могла бы тебѣ представить*
Законную надо мною отца моего власть,
Заблужденіе наше, мою печаль, мое сопротивленіе,
Слезы три года проливаемыя мною о твоей смерши,
И то, что горесть о твоей погибели несчастную меня,
Побѣдоносныхъ христіанъ невольницу, предала ихъ Богу;
Что я не переставала тебя любить, что сердце мое удрученное
Возненавидѣло боговъ твоихъ, защищить тебя не могшихъ.
Но я не ищу никакихъ извиненій;
Нѣтъ мнѣ оправданія, когда любовь меня винитъ.
Ты живъ: сего довольно: я нарушила вѣрность:
Прерви плачевную жизнь мою, когда не для тебя живу и проч.

Вотъ настоящее краснорѣчіе, которое всегда не иное что есть, какъ истинныхъ чувствованій истинное выраженіе. Безспорно, что лучшихъ причинъ не возможно привесть; однакожъ онѣ по тому только хороши въ глазахъ Замора, что сама она съ тѣхъ поръ, какъ его увидѣла, находитъ ихъ недостаточными. Сего ради на слова ея тотчасъ послѣ сего сказанныя:

Quoi! tu ne me vois point d'un oeil impitoyable!
Какъ! глаза твои безъ гнѣва на меня взираютъ!

Отвѣтствуетъ онъ, какъ бы и всякой на его мѣстѣ отвѣтствовалъ:

Non, si je suis aimé, non, tu n'es point coupable.

Нѣтъ, когда я любимъ, нѣтъ, ты невиновна.

Конечно не для того мѣсто сіе такъ прекрасно, что сей образъ рѣчи называется *прехожденіемъ*; однакожъ не безполезно, чтобъ въ наукѣ краснорѣчія объяснено было искуство сея фигуры: таковое объясненіе послужитъ напоминаніемъ употреблять ее, гдѣ нужно, и тѣ, которые прямо въ нее войдутъ, будутъ умѣть пользоваться оною, особливо же полезно сіе для молодыхъ людей; ибо надобно, чтобъ наставленія вспомоществовали слабости, и заступали мѣсто опытности; надобно, чтобъ подражаніе способствовало дарованію, и пролагало ему путь къ успѣхамъ.

Я приведу еще другой примѣръ *прехожденія*, взятый изъ второй пѣсни Генріады, гдѣ Генрихъ IV повѣствуетъ Елисаветѣ о преисполненномъ ужаса днѣ Св. Варѳоломея:

Je ne vous peindrai point le tumulte et les cris,
Le sang de tous côtés ruisselant dans Paris,
Le fils assassiné sur le corps de son père,
Le frére avec la soeur, la fille avec la mère,
Les époux expirans sous leurs toits embrâsés,
Les enfans au berceau sur la pierre écrasés.
De fureurs, des humains c'est ce qu'on doit attendre.

Я не буду вамъ описывать смятенія и вопля,
Ни крови отовсюду ліющейся въ Парижѣ,
Ни дѣтей на тѣлахъ отцевъ ихъ убіенныхъ,
Ни братій и сестръ, ни дщерей и матерей,

Ни супруговъ, умирающихъ въ горящихъ домахъ своихъ,
Ни младенцевъ изъ колыбели о камень раздробленныхъ:
Отъ яросши человѣческой чего ожидать не должно?

Чтожъ будетъ слѣдовать за симъ, когда изображающій сіе ужасное зрѣлище, кажется, не удивляется оному! Такова есть хитрость *прехожденія*: не ослабляя страшнаго описанія сего, оно послѣдующимъ еще болѣе поражаетъ.

Mais ce que l'avenir aura peine à comprendre,
Ce que vous-même encore à peine vous croirez;
Ces monstres furieux de carnage altérés,
Excités par la voix des prêtres sanguinaires,
Invoquaient le Seigneur en égorgeant leurs fréres,
Et le bras tout souillé du sang des innocens
Osaient offrir à Dieu cet exécrable encens.

Но что потомкамъ нашимъ будетъ непостижимо,
Чему ты сама едва ли повѣрить можешь:
Сіи дыщущія убійствомъ лютыя чудовища,
Ободряемыя гласомъ кровожаждущихъ монаховъ,
Призывая имя Божіе пронзали своихъ братій
И руками, кровію невинныхъ обагренными,
Дерзали приносить Богу сіи гнусныя жертвоприношенія.

Здѣсь можно также упомянуть о *умолчаніи*. Сія фигура заключаетъ въ себѣ великое искуство; ибо не токмо то, что ска-

зать не хочешь, даетъ разумѣть, но часто еще и больше, нежели бы что сказано было. Такова есть фигура въ сихъ словахъ Агриппины:

J'appellai de l'exil, je tirai de l'armée
Et ce même Séneque, et ce même Burrhus,
Qui depuis ..... Rome alors estimait leus vertus.

Я возвратила изъ ссылки, я призвала изъ войска,
И сего самаго Сенеку, и сего самаго Бурра,
Которые потомъ ..... Римъ почиталъ тогда ихъ добродѣтельными.

Вольтеръ, подражая сему, сказалъ въ Генріадѣ:

Et Biron jeune encore, ardent, impétueux,
Qui depuis ..... mais alors il était vertueux.

И Бironъ еще юный, пылкій, стремительный,
Который потомъ ..... но тогда онъ былъ добродѣтеленъ.

Подражаніе столь явственное, что можетъ почесться за нѣкоторый родъ кражи. Но Вольтеръ былъ такъ богатъ собственнымъ умомъ своимъ, что не опасался обвиненія въ такомъ заимствованіи.

Есть другой примѣръ *умолчанія* еще лучше для того, что болѣе пришелся къ мѣсту. Арисія въ трагедіи Федръ говоритъ:

Prenez garde, Seigneur, vos invincibles mains
Ont de monstres sans nombre affranchi les humains.

Mais tous n'est pas déstruit, et vous en laissez vivre
Un ..... votre fils, Seigneur, me défend de poursuivre.

Брегися, Государь! непобѣдимая десница твоя
Освободила смертныхъ отъ неизчетнаго числа
чудовищъ.
Но не всѣ они изтреблены: ты оставляешь
жить
Одно ..... сынъ твой, Государь, претитъ мнѣ
продолжать.

Сей незапный прерывъ рѣчи, сіе умолчаніе, должно было устрашить Тезея, почему и начинаетъ онъ съ сей минуты сильно безпокоиться и укорять себя за поспѣшность.

Ненависть и злоба вызнали, сколь сильное дѣйствіе производитъ фигура *умолчанія*, заставляя воображеніе работать: посему нѣтъ у нихъ оружія остръе, ни стрѣлъ ядовитѣе. Самая хитрая ухватка злости состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть удерживать свои удары, и наносить ихъ рукою другаго: и по несчастію сей способъ нетруденъ: поелику ничего нѣтъ легче и обыкновеннѣе, какъ клеветать въ полъ-слова; и напротивъ нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ отвергать сей родъ клеветы. Ибо какъ отвѣтствовать на то, чего не было сказано? Угадать обвиненіе есть нѣкоторымъ образомъ признать, что оно не безъ основанія: итакъ остается одно только средство не вѣрить клеветнику робкому и подлому; тогда невинность, видя главу его во мракѣ скры-

ваюцуюся, подниметъ и возвыситъ свою главу.

Сего довольно о фигурахъ, изъ коихъ показалъ я главнѣйшія и болѣе извѣстныя. Я не слѣдовалъ шагъ за шагомъ Квинтиліану: въ сей части, какъ и во многихъ другихъ, онъ яко учитель говоритъ ученикамъ, и намѣреніе его съ моимъ несходно. Я нарочно взялъ многіе примѣры изъ стихотворцевъ, дабы показать, что тѣже самыя фигуры принадлежатъ какъ стихотворству, такъ и краснорѣчію; что сверхъ того мѣста изъ стихотворцевъ легче припомнить можно, всѣмъ вообще гораздо извѣстнѣе, долѣе остаются въ памяти, и что наконецъ хорошіе стихи подобны мѣстамъ отдохновенія и покоя, гдѣ разумъ съ удовольствіемъ останавливается, идучи по трудному и колючему пути ученія.

Квинтиліанъ написалъ цѣлую главу о томъ, что называется *мыслями*, поелику имя сіе дается преимущественно тѣмъ мыслямъ, кои выражены ясно, кратко и остроумно. Они весьма украшаютъ рѣчь; но таковой родъ украшенія сопряженъ съ великими неудобствами и опасностію, ежели употребляется безъ мѣры. Мысли, нравственныя правила, изрѣченія привлекая къ себѣ нѣкоторой родъ довѣренности, могутъ конечно придать слову великую важность и силу, естьли только употребляются онѣ съ умѣренностію и осторожностію: но

въ противномъ случаѣ онѣ слишкомъ много обнаруживаютъ искуство, и то, что оратору великаго стоило труда найти оныя. Слѣдственно онѣ бываютъ уже близки къ холодности, потому что обыкновенно означаютъ спокойной духъ; а посему и нужно, чтобы ораторъ, а особливо стихотворецъ, придавалъ имъ, сколько возможно, болѣе чувствительности. Легче сообщать чувствуемое нами, нежели убѣждать другаго въ справедливости своихъ чувствованій. А притомъ сей родъ мыслей имѣетъ свойственный имъ блескъ, и частое ихъ употребленіе весьма много уклоняетъ вниманіе отъ главнѣйшаго предмета, и дѣлаетъ ихъ какъ бы непринадлежащими къ самому сочиненію. Слѣдовательно ораторъ и стихотворецъ должны стараться, чтобы сочиненія ихъ производили полное дѣйствіе. О семъ весьма мало заботятся тѣ, которые имѣютъ опасное пристрастіе превращать всякой періодъ въ поучительное изрѣченіе. Чѣмъ важнѣе бываетъ сей образъ выраженія мыслей, тѣмъ болѣе ораторъ обязанъ употреблять его рѣже и давать его только тому, что онаго достойно. Слишкомъ много пекущійся о мысляхъ принужденъ бываетъ употреблять изъ нихъ самыя обыкновенныя, натянутыя и даже ложныя; ибо ничто столько не близко къ заблужденію, какъ понятія чрезмѣру общія. Впрочемъ не льзя имѣть, говоритъ весьма благоразумно Квинтиліанъ, острыхъ мыслей столько, сколько бываетъ въ рѣчи предложеній или періодовъ, и желающій,

чтобы всѣ онѣ оканчивались какою либо острою мыслію, подвергается дѣтскимъ паденіямъ. Скажемъ еще, что сей родъ сочиненія прерываетъ и раздѣляетъ на мѣлкія части слово, въ которомъ, а особливо въ краснорѣчіи, всѣ мысли должны болѣе или менѣе между собою быть связаны; что весьма часто повторяемыя острыя изрѣченія болѣе ослѣпляютъ, нежели свѣтятъ; ибо онѣ болѣе походятъ на искры, нежели на свѣтъ, и наконецъ чѣмъ онѣ сами по себѣ пріятнѣе, тѣмъ излишнее ихъ употребленіе опаснѣе; ибо сильныя выраженія гораздо скорѣе, нежели другія, такъ сказать, пресыщаютъ вниманіе.

Потомъ Квинтиліанъ разсуждаетъ о расположеніи словъ, о числѣ и согласіи періодовъ; но все сказанное имъ о семъ предметѣ относится болшею частію до языка Латинскаго. Чтожъ касается до разсужденій его о приличности слога, о благопристойностяхъ ораторскихъ, о необходимой нуждѣ укрѣплять память свою упрежненіемъ и образовать произношеніе, о сей весьма важной для оратора части краснорѣчія, которая называется дѣйствованіемъ, о навыкѣ писать, о средствахъ произносить рѣчи не готовясь, какъ скоро нужда того требуетъ, о пользѣ, каковую приноситъ внимательное чтеніе знаменитыхъ писателей; всѣ сіи различные предметы входятъ особенно въ общее намѣреніе сочиненія, т. е. чтобы совершенно образовать оратора судебнаго, и

даже по многимъ отношеніямъ, гораздо болѣе принадлежатъ къ судилищамъ Римскимъ, нежели къ нашимъ, хотя впрочемъ всякой готовящійся къ отправленію должности Адвоката можетъ изъ размышленій Квинтиліановыхъ заимствовать весьма полезныя для себя наста́вленія.

Время уже́ кончить сію можетъ быть уже́ слишкомъ продолжительную выписку; я всегда опасаюсь останавливаться долго на сочиненіяхъ учебныхъ. Намъ должно еще разсмотрѣть творенія Цицероновы о семъ же самомъ предметѣ, а пото́мъ приступимъ къ разсмотрѣнію Греческихъ и Римскихъ ораторовъ тѣмъ съ бо́льшею охотою, что образцы бываютъ всегда пріятнѣе и привлекательнѣе, нежели пра́вила.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсмотрѣніе сочиненій Цицерона о искуствѣ краснорѣчія.

Кажется, нѣтъ ничего любопытнѣе и полезнѣе, какъ слышать Цицерона, когда разсуждаетъ онъ о краснорѣчіи, и всякой легко повѣрить можетъ, что разсмотрѣніе его твореній о семъ искуствѣ должно быть наиприятнѣйшее. Однакожъ не должно въ томъ обманываться: Цицеронъ говоритъ Римлянамъ, а Римлянъ уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Чѣмъ болѣе риторическія его разсужденія приноровлены къ ученію его сограждан, тѣмъ болѣе онъ удаляются отъ насъ, не потому, чтобы общія правила, первоначальныя основанія не были во всякое время и во всѣхъ мѣстахъ одинаковы: мы видѣли сіе изъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій Квинтиліана. Но всѣ средства, всѣ тонкости, всѣ источники искуства, все принадлежащее къ приличію слога, мѣстнымъ благопристойностямъ, всѣ сіи подробности весьма изобильныя подъ перомъ толь искуснаго учителя, каковъ Цицеронъ, такъ приспособлены къ понятіямъ, образцамъ, ко нравамъ для насъ совершенно чуждымъ, что ежели бы кто вздумалъ отдѣлить то, что намъ прилично, долженъ употребить особенный трудъ, и непрестанное въ томъ упражненіе, чего до сего времени ни отъ кого болѣе не тре-

бовали, какъ только отъ посвятившихъ себя судебнымъ дѣламъ; и сего-то важнаго предмета Цицеронъ въ риторическихъ своихъ сочиненіяхъ нигдѣ не выпускаетъ изъ виду. Поелику всю жизнь свою провелъ въ судебныхъ пріяхъ; поелику судилища служили поприщемъ, на которомъ ораторы ежедневно оказывали свое искуство, посему обвиненіе и защищеніе почитаетъ онъ дѣломъ самымъ труднымъ и превосходнѣйшимъ торжествомъ краснорѣчія. Непрестанно показываетъ онъ въ ораторѣ ратника, который долженъ имѣть при себѣ всякаго рода оружіе, и коему надлежитъ ежеминутно быть готову ко всякому сраженію. Сколь ни хвалитъ онъ краснорѣчіе совѣщательное, и то, въ которомъ обыкновенно хвалятся или охуждаются какія либо дѣянія, сколь много ни уважаетъ оныя, однакожъ всегда отдаетъ преимущество краснорѣчію судебному, поелику оно требуетъ множайшихъ и притомъ вмѣстѣ соединенныхъ качествъ. Таковое мнѣніе основано, какъ кажется, на свойствѣ Римскихъ судилищъ, въ чемъ мы тотчасъ можемъ увѣриться, какъ скоро представимъ себѣ множество различныхъ особъ, коихъ дѣла ораторъ долженъ былъ защищать. Теперь еще не время сравнивать Французскія судопроизводства съ Римскими; онымъ займемся мы, когда говорить будемъ о краснорѣчіи новѣйшемъ.

Напротивъ того здѣсь весьма нужно показать то, чему чтеніе древнихъ писа-

телей научаетъ насъ почти на каждой страницѣ ихъ твореній, и что по причинѣ великой разности во нравахъ мы долгое время забывали, и именно, что въ Римѣ, можетъ быть гораздо болѣе, нежели въ Аѳинахъ, оказываемо было высокое уваженіе краснорѣчію. Надлежитъ вспомнить., что у Римлянъ было только два пути къ достиженію знатности, и именно: военныя дарованія и краснорѣчіе. Надлежитъ привести себѣ на память, что Крассъ, Антоній, Гортенсій, Цицеронъ возведены были на высочайшіе степени достоинства въ республикѣ единственно за ихъ краснорѣчіе. Причина сему находится въ самомъ свойствѣ правительства. Когда какое либо дарованіе есть необходимо для человѣка, приемлющаго участіе въ управленіи государственными дѣлами, то самая справедливость требуетъ, чтобы особа, украшенная таковымъ дарованіемъ въ вышшемъ степени, была въ почтеніи и уваженіи. Повсюду великою почитается славою дѣлать лучше другихъ то, что всѣ имѣютъ желаніе и нужду дѣлать хорошо, и чѣмъ соревнованіе бываетъ многочисленнѣе, тѣмъ преимущество знаменитѣе. Въ Римѣ дѣла не такъ шли, какъ то бываетъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ правительствахъ, гдѣ чиновники, занимающіе важныя мѣста не всегда исполняютъ должность свою въ точности, гдѣ, какъ бы по раздѣлу, власть, почести и прибытки принадлежатъ начальникамъ, а труды подчиненнымъ; гдѣ каждый, кто только бываетъ въ состояніи имѣть у себя секретаря, можетъ

безъ малѣйшаго затрудненія обойтися безъ того, чтобы умѣть написать письмо. Въ Римѣ не льзя было скрывать своихъ недостатковъ, и способности другаго выдавать за свои. Тамъ надлежало дѣйствовать самому и собственными своими дарованіями снискивать себѣ славу. Надлежало умѣть говорить въ Сенатѣ, предъ народнымъ собраніемъ, и даже иногда не приготовясь къ тому; и ежели говоря такимъ образомъ, они и не были обязаны ожидать великаго отъ рѣчей своихъ успѣха, то по крайней мѣрѣ стыдно было показывать свою неспособность. Посему-то Римское юношество, начиная съ дѣтей Консульскихъ до сыновъ отпущенничьихъ, занималося изученіемъ краснорѣчія долгое время и съ великимъ раченіемъ; посему-то нужно было показываться въ настоящемъ своемъ видѣ предъ множествомъ судей, кои видя ежедневно способности каждаго, назначали ему приличное мѣсто; посему-то люди, не имѣвшіе никакого другаго покровительства, кромѣ своихъ дарованій, возводимы были на тѣ высокія достоинства, до которыхъ знаменитость рода не всегда доводитъ; посему-то Цицеронъ, родившійся въ одномъ Италійскомъ селеніи, получилъ Консульство, въ которомъ отказано было Катилинѣ, Цетегу, Лентулу, произходившимъ изъ знаменитыхъ Римскихъ домовъ, и украшеннымъ тѣми славными именами, кои съ самаго основанія республики были въ великомъ почтеніи. Тотъже самый Цицеронъ, живя между нами, былъ

бы, можетъ статься, не иное что, какъ только знаменитый литтераторъ, или превосходный адвокатъ.

Посему никто не удивится именамъ и достоинству разглагольствующихъ собъ, которыхъ Цицеронъ заставилъ бесѣдовать въ сочиненныхъ имъ разговорахъ, составляющихъ три книги подъ названіемъ: *объ ораторѣ*; ибо, по примѣру Платона, почти всѣ сочиненія свои, касающіяся до философіи и краснорѣчія, писалъ онъ въ видѣ разговоровъ. Сей образъ писанія имѣетъ великія выгоды: вмѣсто одного наставника разсуждаютъ многіе, и чрезъ то у поучительныхъ сочиненій отнимаютъ повелительный голосъ; перемѣняя слогъ по свойству разговаривающихъ лицъ, избавляетъ насъ отъ скучнаго единообразія; пріятностію разговора умѣряетъ сухость и строгость правилъ; открываетъ согласное или противное мнѣніе каждаго съ тою живостію и плодовитостію, съ каковою каждый изъ насъ защищаетъ собственныя свои мысли; показываетъ предметы во всѣхъ видахъ и съ величайшею ясностію. Нѣкоторые находятъ въ семъ родѣ писанія то неудобство, что сочинитель иногда не объявляетъ собственнаго своего мнѣнія. Въ семъ недостаткѣ упрекали болѣе Платона, нежели Цицерона; но при всемъ томъ, думаю, оба они не заслуживаютъ сего упрека. Изъ самой сущности разговора удобно видѣть можно, которое изъ разговаривающихъ лицъ защищаетъ мнѣніе сочинителя. Напримѣръ,

когда Платонъ въ разговорахъ своихъ заставляетъ бесѣдовать Сократа, то всякой подумаетъ, что онъ голосомъ сего философа изъясняетъ собственныя свои мысли; ибо Платонъ былъ ученикъ Сократа, и потому все то, что влагаетъ онъ въ уста своего учителя, должно быть непремѣнно сходно съ его мыслями. Когда въ разговорахъ Цицероновыхъ, бесѣдуютъ Антоній и Крассъ, одинъ о средствахъ, каковыя ораторъ употреблять можетъ въ дѣлахъ судебныхъ, а другой о слогѣ и украшеніяхъ судебному краснорѣчію приличныхъ, то ясно видѣть можно, что правила ихъ совершенно принадлежатъ Цицерону, который во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій называетъ ихъ мужами краснорѣчивѣйшими, каковыми Римъ хвалиться можетъ. Но коль великая разность между обыкновенною учебною риторикою и тѣмъ благороднымъ и важнымъ разговоромъ, въ которомъ Цицеронъ учитъ краснорѣчію! Какимъ другимъ способомъ могъ бы онъ съ толикимъ успѣхомъ преподать великое понятіе о своемъ искуствѣ, какъ не тѣмъ, въ которомъ онъ представляетъ первыхъ мужей въ республикѣ, бывшихъ Консулами, каковы были Антоній и Крассъ, и зять его Сцевола, великій жрецъ и свѣтило Римскаго правоискуства, которые пользуясь праздникъ временемъ и сельскимъ спокойствіемъ въ продолженіе немногихъ дней, посвященныхъ торжественнымъ общенароднымъ играмъ, провели оное въ собесѣдованіи о краснорѣчіи при двухъ юношахъ,

подававшихъ великую надежду, Люціи Коттѣ и Сервіи Сулиціи, неотступно просившихъ открыть имъ свои мысли и замѣчанія о томъ искуствѣ, въ которомъ уже съ давняго времени были они образцами? Разговоръ сей, по мнѣнію Цицерона, произходилъ, когда онъ только что вышелъ изъ юныхъ лѣтъ, почти за пятьдесять лѣтъ до того времени, когда онъ написалъ его, и о которомъ разсказалъ ему Котта. Цицеронъ вспомнилъ о немъ, какъ онъ увѣряетъ, потому только, что братъ его Квинтъ просилъ его сообщить ему свои мысли о краснорѣчіи. Вѣроятно, что разговоръ сей въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ былъ вымышленъ; что Котта сообщилъ Цицерону нѣкоторыя главныя понятія объ ономъ; что сей наконецъ нашелъ случай раздпространиться о семъ предметѣ, который показался ему полезнымъ и весьма плодовитымъ; и что глава Римскихъ ораторовъ, не смотря на всѣ права, старостію и славою ему доставленныя (тогда было ему шестьдесятъ одинъ годъ), преподавать наставленія своея опытности и законы своего генія, не захотѣлъ быть законодателемъ въ краснорѣчіи; но правила свои вложилъ въ уста двухъ древнихъ и великую довѣренность снискавшихъ учителей, которые до него были первыми орудіями Римскаго витійства.

Разговоръ сей произходитъ въ Тускулѣ, въ одномъ изъ пріятнѣйшихъ округовъ Италіи, въ которомъ Крассъ и Цице-

ронъ имѣли домы. На другой день послѣ важнаго и даже печальнаго разговора о положеніи общественныхъ дѣлъ; Крассъ, какъ будтобы для развлеченія себя и друзей своихъ, началъ бесѣдовать о пользѣ краснорѣчія, не для того, говорилъ онъ, что бы преклонить къ оному Сульпиція и Котту, но похвалить ихъ, что въ толь юныхъ лѣтахъ оказали они довольные успѣхи, такъ, что не только превозходили своихъ сверстниковъ, но и могли уже равняться съ такими людьми, которые превышали ихъ и лѣтами и опытностію. „Признаюсь, про„должалъ онъ, нѣтъ ничего лучше, какъ „имѣть способность силою слова обращать „вниманіе собравшихся людей, плѣнять умы, „управлять волею другихъ, побуждать или „удерживать оную по своему произволу. Сей „даръ всегда процвѣталъ у народовъ свобод„ныхъ, а особливо въ государствахъ, насла„ждающихся глубокимъ спокойствіемъ. Что „можетъ быть удивительнѣе, какъ видѣть „одного человѣка или по крайней мѣрѣ нѣ„сколькихъ людей, которые изъ способно„сти вообще каждому человѣку врожденной „приобрѣтаютъ себѣ особенную силу? Что „можетъ быть пріятнѣе уму и уху, какъ рѣчь „плавная, чистая, украшенная, исполненная „мыслей разумныхъ и благородныхъ выра„женій? Какое могущество можетъ быть „столь величественно, какъ то, которое „подвергаетъ гласу единаго человѣка жела„нія цѣлаго народа, непреклонность судей и „строгость Сената? Что есть велико-

„лушнѣе, величественнѣе какъ вспомощест-
„вовать просящимъ, поднять упадшихъ,
„отвратить бѣдствія, сохранить человѣку
„жизнь, свободу и отечество? Наконецъ,
„коль драгоцѣнна выгода имѣть непрестан-
„но въ рукѣ своей мечъ на защищеніе са-
„маго себя или другихъ, на сокрушеніе вра-
„говъ или на отраженіе ихъ ударовъ.“

Крассъ не останавливается на сихъ об-
щихъ опличительныхъ качествахъ красно-
рѣчія, которыя всѣми признаны за неоспо-
римыя. Сей родъ вступленія доводитъ его
до любимаго правила Цицеронова, уже въ са-
момъ предисловіи разговора утвержденнаго,
о которомъ Крассъ изъясняется сими
словами: „Ежели бы кто захотѣлъ изчислить
„въ полномъ опредѣленіи всѣ способности свой-
„ственныя оратору; то, по мнѣнію моему,
„самая важнѣйшая способность есть та, ко-
„гда ораторъ, о какомъ бы предметѣ въ рѣ-
„чи разсуждаемо ни было, можетъ говорить
„объ ономъ не приготовясь, разумно, съ надле-
„жащимъ порядкомъ, сильнымъ слогомъ, съ
„важнымъ и приличнымъ дѣйствованіемъ.“

Таковое опредѣленіе толико же обшир-
ное, колико и важное, можетъ быть почтено
будетъ неисправнымъ. Крассъ самъ чув-
ствовалъ сіе; ибо вскорѣ потомъ прибав-
ляетъ онъ для большаго объясненія своихъ мы-
слей и для предупрежденія возраженій: „Ежели
„кому покажется, что я сими словами: *о ка-*
„*колъ бы предметъ разсуждало ни было*,

„ сказалъ весьма много, то можетъ въ нихъ „убавить, сколько ему угодно; но я почи- „таю за непреложное правило, что когда „ораторъ, хотя бы и не имѣлъ другихъ „познаній, кромѣ относящихся до совѣща- „ній и судопроизводства, долженъ будетъ „говорить о такихъ предметахъ, коими онъ „никогда не занимался; то, какъ скоро „онъ узнаетъ объ нихъ отъ тѣхъ людей, „кои непремѣнно должны знать оные, бу- „детъ объ нихъ говорить гораздо лучше, „нежели они сами.“

Вотъ точный и ясный смыслъ положенія, утвержденнаго Крассомъ и Цицерономъ: вотъ одно приятія достойное заключеніе изъ многихъ первую сію книгу наполняющихъ разсужденій о свойствѣ и обширности познаній, приличныхъ оратору. Въ оправданіе Красса можно сказать еще и то, о чемъ онъ и самъ говоритъ часто, что онъ разумѣетъ здѣсь не такого оратора, каковый въ самомъ дѣлѣ существуетъ, но каковымъ ему быть должно и возможно. А посему мнѣніе его, что для пріобрѣтенія истиннаго и полнаго понятія о витійственномъ искуствѣ, надлежитъ разсматривать оное во всемъ совершенствѣ, каковое оно имѣть можетъ, есть весьма справедливо. Сцевола, по нѣкоторомъ спорѣ, обращается къ его мнѣнію съ тѣмъ условіемъ, каковое сдѣлано самимъ Крассомъ. Антоній, изложивъ нѣкоторыя при немъ происходившія прѣнія о семъ же предметѣ Аѳин-

скихъ философовъ и риторовъ, признаётся, что искуство краснорѣчія должно быть вспомоществуемо обширнѣйшими познаніями. Слѣдуя сему правилу, требующему столь многихъ обязанностей и способностей отъ оратора, Антоній въ небольшомъ разсужденіи, которое сочинилъ онъ по возвращеніи своемъ изъ Греціи, говоритъ: *Вежерѣчивыхъ людей знаю я весьма много, но истинно краснорѣчиваго человѣка ни одного.* Подъ словомъ *краснорѣчиваго человѣка* разумѣетъ онъ того, кто посредствомъ слова бываетъ въ состояніи украситъ и возвеличитъ все, и кто въ воображеніи и въ памяти своей находитъ неизсякаемый словоизраженія источникъ. То, что онъ къ сему присовокупляетъ, весьма замѣчательно. „Сіе конечно „для насъ трудно, для насъ, которыхъ лю„бочестіе подстрекаетъ говорить рѣчи предъ „собравшимся народомъ, хотя разумъ нашъ „еще не довольно образованъ и просвѣщенъ; „но дѣло сіе тѣмъ не менѣе естественно и „возможно; и ежели современемъ уда„стся мнѣ привесть въ порядокъ мои замѣча„нія о силѣ генія, видимаго въ моихъ согра„жданахъ, то не отчаяваюсь доказать, что, „посредствомъ прилѣжнѣйшаго ученія, чего „въ насъ не было и нѣтъ, имѣя болѣе сво„боднаго времени, способности приобрѣтать „обширныя и основательныя познанія, при „большемъ соревнованіи и дѣятельности, „явится наконецъ такойораторъ, каковаго мы „ищемъ; и ежели должно мнѣ объявить свои „мысли, тоораторъ сей есть или Крассъ, или

„содѣлается таковымъ потъ, кто будучи „одаренъ отъ природы равными съ нимъ спосо„бностями, станетъ больше читать, учить„ся и сочинять, и который можетъ еще „прибавить нѣчто къ тому, что нынѣ „имѣетъ Крассъ.“

Не льзя ли подумать, что Цицеронъ предсказываетъ о самомъ себѣ. Впрочемъ неоспоримо и то, что все сказанное имъ доселѣ принадлежитъ ему, и притомъ ему только одному. Онъ былъ не только краснорѣчивѣйшій, но и ученнѣйшій изъ всѣхъ Римлянъ; онъ заставилъ говорить Антонія, что только обширныя познанія могутъ питать и укрѣплять даръ витійства. И хотя познанія, каковыя тогда можно было приобрѣсть, были гораздо ограниченнѣе, нежели нынѣ; однакожъ онъ не хотѣлъ сказать, въ чемъ и самъ признаётся, что оратору надлежало все знать, а требовалъ только, что витійственному искуству свойственно украшать всѣ предметы, поколику оное имъ прилично, что самъ Цицеронъ и исполнялъ во всей точности; ибо всѣ его сочиненія философскія, политическія и словесныя преисполнены пріятности и изобилія. Онъ также искусенъ былъ и въ историческомъ слогѣ, ибо написалъ исторію своего Консульства; упражнялся и въ стихотворствѣ, ибо сочинилъ поэму, въ которой славилъ дѣянія Маріевы. Итакъ, съ помощію прилѣжанія и трудовъ, которыя равнялись съ его дарованіями, Цицеронъ былъ точно

тотъ самый человѣкъ, каковаго онъ требуетъ. Ораторъ сей не только упаржнялся въ судебномъ и совѣщательномъ родѣ краснорѣчія, но и могъ писать краснорѣчиво о всѣхъ предметахъ, о каковыхъ бы только разсуждать пожелалъ.

Антоній требуетъ, чтобы ораторъ былъ основателенъ какъ діалектикъ, мыслилъ какъ философъ, выражалъ понятія свои почти какъ стихотворецъ, имѣлъ память какъ правовѣдецъ, голосъ и тѣлодвиженія, приличныя великому лицедѣю. Но требованія его еще нестоль велики, какъ желанія Красса; сей риторъ, къ большему усовершенствованія оратора, желаетъ, чтобы онъ, кромѣ природныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ дарованій, непрестанно упражнялся, имѣлъ навыкъ писать, и притомъ съ великимъ раченіемъ, память свою укрѣплялъ бы вниманіемъ, въ театрахъ замѣчалъ бы тщательно недостатки въ произношеніи, всѣ непріятныя тѣлодвиженія, коихъ всячески избѣгать должно; онъ совѣтуетъ, какъ дѣло весьма полезное, переводить Греческихъ ораторовъ, и читать съ крайнимъ вниманіемъ исторію, ибо знаніе оныя для оратора необходимо нужно; совѣтуетъ читать стихотворцевъ; а особливо, читая философовъ и историковъ, приучаться дѣлать на нихъ замѣчанія, опровергать ихъ мнѣнія, разсматривать въ каждомъ важномъ произшествіи или въ мысляхъ то, что справедливо, и судить о томъ со всѣхъ сторонъ; наконецъ желаетъ, чтобы ораторъ имѣлъ глубо-

кое познаніе древнихъ законовъ, обыкновеній, республиканскихъ постановленій, союзническихъ правъ, наблюдаемаго въ Сенатѣ порядка, и къ сему множеству толь обширныхъ знаній присовокупляетъ еще ту тонкую и веселую обороливость ума, которая научаетъ къ стати употреблять осторожную шутку, какъ нужную рѣчамъ прикрасу. Антоній проходилъ званіе свое, никогда не учась правовѣдству; не много уважалъ философію Грековъ, но съ отмѣннымъ искуствомъ дѣйствовалъ оружіемъ логики, и бывъ особенно искусенъ и страшенъ въ опроверженіяхъ, поддерживаетъ здѣсь приличное ему свойство. Поприще, отверзаемое Крассомъ витійству, ограничиваетъ и сокращаетъ онъ весьма много, хотя оное, даже и по начертанію Антонія, остается еще довольно обширнымъ; ибо во власти своей заключаетъ судилища, сенатъ и народныя собранія. Весьма справедливо, что мѣста сіи составляютъ аки бы собственныя владѣнія оратора; но хотя, какъ замѣчаетъ справедливо Антоній, между симъ родомъ дарованія и способностію писать краснорѣчиво о предметахъ, до философіи, политики и вкуса касающихся, есть великая разность; однакожъ не менѣе справедливо и то, что всѣ сіи предметы относятся до краснорѣчія, долженствующаго заключать въ себѣ всѣ роды слóговъ, и потому Крассъ не безъ причины разсматриваетъ сіе искуство во всѣхъ его принадлежностяхъ. Слѣдственно разсужденія Антонія по сей части болѣе правдоподобны, нежели

основательны, а особливо когда полагаетъ, что адвокату не нужно быть правовѣдцемъ, а довольно и того, ежели онъ умѣетъ къ судимому дѣлу подвести приличные законы. Всякой чувствуетъ, что сіе временное и для человѣка великихъ дарованій иногда достаточное пособіе никакъ не можетъ сравниться съ глубокими и основательными познаніями. На опроверженіе Антоніево отвѣтствуетъ Крассъ только нѣсколькими учтивыми и забавными словами, и находитъ благопріятный случай присоединиться къ Сульпицію и Коттѣ, и уговоритъ его, что бы онъ симъ двумъ воспитанникамъ объяснилъ то, чему онъ самъ научился отъ столь продолжительнаго навыка говорить рѣчи на площади предъ народомъ; ибо мѣсто сіе полагаетъ онъ поприщемъ и почти предѣломъ должности оратора. Антоній не могъ на сіе не согласиться; но разговоръ отложенъ былъ до другаго дня, потому что по причинѣ наступившаго дневнаго жара надлежало взять отдыхъ. Сцевола, правоискусникъ, изъявляетъ свое сожалѣніе, что онъ не будетъ имѣть случая слышать Антонія, ибо отозванъ къ Лелію. „Хотя Антоній не „хвалитъ правовѣдѣнія, сказалъ онъ шутя, „но я не только не сержусь, но и благодарю „его за искреннее признаніе, что онъ не „имѣетъ объ ономъ понятія.“

Вспомня о пристрастіи Цицерона къ сектѣ Академической философіи, которая поставила себѣ за правило много разсуж-

дать, а мало утверждать, и признавать гораздо болѣе вещей вѣроятными, нежели доказанными, мы никакъ не удивимся тому, что Антоній во второмъ разговорѣ, въ которомъ представляетъ онъ первое лице, почти совершенно соглашается со мнѣніемъ Красса, и въ шуткахъ признаётся, что въ опроверженіи своемъ хотѣлъ онъ испытать, не отвлекутъ ли отъ его ученія сихъ двухъ юношей Сульпиція и Котту; но теперь при новыхъ къ нимъ пришедшихъ слушателяхъ, постарается искреннѣ объяснить свои мысли. Сіи слушатели суть старый Катулъ и Цесарь, дядя Диктатора; оба они почитались за лучшихъ ораторовъ; Катулъ отличался особенно чистотою, плавностію и выборомъ словъ, Цесарь имѣлъ отмѣнное искуство шутить. Сихъ-то новыхъ слушателей Цицеронъ приводитъ въ Тускулъ слушать Антонія, и весьма удобно замѣтить можно, что преподаваемое имъ здѣсь ученіе совершенно согласно со мнѣніемъ того, который заставилъ его говорить, и что въ самомъ дѣлѣ мысли сіи принадлежатъ самому Цицерону. Антоній, выключая правовѣдство, изъ коего онъ, какъ уже извѣстно, учился только тому, что нужно было для его дѣлъ, разсматриваетъ разные роды онаго, коими краснорѣчіе можетъ заниматися. Здѣсь приведемъ мы заключеніе, которое кажется совершенно согласнымъ съ мыслями Цицерона. „Я сообщу тебѣ о слѣдствіи „не того, чему я научился, но (и сіе гораздо „важнѣе) того, что я самъ собою испыталъ.

„Во всѣхъ случаяхъ, подробно мною теперь „разсмотрѣнныхъ, искуство хорошо гово- „рить есть сущая бездѣлица для человѣка, „одареннаго природнымъ остроуміемъ и „подкрѣпленнаго навыкомъ и ученіемъ: на- „противъ того судебное краснорѣчіе тре- „буетъ отъ оратора труда величайшаго, и „я не знаю, есть ли что сего труднѣе во „всѣхъ произведеніяхъ человѣческаго ума. „Тутъ невѣжественная чернь весьма часто „судитъ о дарованіи адвоката только по „успѣху, какой имѣетъ защищаемое имъ „дѣло; тутъ имѣешь предъ собою непрія- „теля, на коего непрестанно надлежитъ на- „падать или отражать его; тутъ не рѣдко „случается, что судія, долженствующій рѣ- „шить дѣло, есть или другъ твоему сопернику, „или собственный твой непріятель, но его „должно вразумить, или вывести изъ „заблужденія, или возбудить, или укротить, „наконецъ принять всевозможныя средства „къ преклоненію его къ тому, чего требу- „ютъ обстоятельства и польза твоего дѣла; „надлежитъ обращать его отъ доброжелатель- „ства къ ненависти, и отъ ненависти къ „доброжелательству, и имѣть въ готовности, „такъ сказать, сильныя пружины, которыя „могли бы тотчасъ возбудить въ немъ, „смотря по обстоятельствамъ, строгость „или снизхожденіе, печаль или радость; „надлежитъ употреблять важность изрѣче- „ній и сильныя выраженія, должно одуше- „влять все дѣйствованіемъ разнообразнымъ, „сильнымъ, исполненнымъ огня, живости, „истинны и чувствительности. “

По симъ словамъ легко узнать человѣка, приобыкшаго торжествовать въ судилищахъ, изпытавшаго все, что въ нихъ находится самаго труднаго, и чувствовавшаго всю славу, каковую онѣ могли доставить. Не льзя также опровергнуть и того, что древнее судебное краснорѣчіе произвело великія дѣла, и что Димосѳенъ и Цицеронъ оставили намъ превозходнѣйшія въ семъ родѣ творенія. При всемъ томъ не должно принимать въ строжайшемъ буквенномъ смыслѣ сказанное выше, будто бы все прочее есть *сущая бездѣлица*. Сіе сказанное Антоніемъ выраженіе вылетѣло такъ сказать изъ души Цицерона. Таковыя слова изображаютъ болѣе человѣка, нежели самую вещь; онѣ болѣе обнаруживаютъ хранимое во глубинѣ сердца предпочтеніе и привязанность, нежели означаютъ настоящую мѣру его сужденій. Вольтеръ, который на все покушался, и при томъ почти всегда съ успѣхомъ, часто говаривалъ: *нѣтъ ничего въ свѣтѣ труднѣе, какъ сочинить хорошую трагедію.* Сіе говорилъ онъ отъ чистаго сердца; но что слова сіи доказываютъ? Что изъ нихъ заключить можно? То ли, что все прочее легко? Но онъ и самъ тому не вѣрилъ. Изъ сего преувеличеннаго и пристрастнаго выраженія слѣдуетъ только то, что трагедія стóила ему бóльшаго труда и доставила бóльшую славу, нежели всѣ прочія его сочиненія.

Кажется, тожъ самое можно сказать и о Цицеронѣ. Двѣ рѣчи его противу Верреса

и рѣчь за Милона конечно суть превозходнѣйшія изъ его сочиненій и требовавшія бо́льшаго предъ прочими труда; но изъ сего можно ли заключить, что онъ считалъ за дѣло легкое написать рѣчи противу *Катилины*, вторую рѣчь на *Марка Антонія*, защитительную рѣчь за *Манилиевъ законъ*, благодареніе Юлію Цесарю за возвращеніе Марцелла изъ ссылки? Всѣ сіи сочиненія удивительны, и не принадлежатъ къ судебному краснорѣчію. Можно ли не удивляться пѣмъ рѣчамъ, которыя служатъ главнымъ украшеніемъ Греческихъ, а особливо Латинскихъ бытописателей, въ родѣ семъ весьма превозходныхъ? Въ наши времена онѣ почитаются излишними, неумѣстными. Въ статьѣ о бытописателяхъ я не премину разсмотрѣть, справедливо ли сіе мнѣніе, и хулители сего обыкновенія не забыли ли различія древнихъ нравовъ отъ новѣйшихъ. Въ доказательство, сколь много древніе въ семъ случаѣ различествовали отъ насъ, послужитъ мнѣніе Антонія, изтолкователя Цицероновыхъ мыслей, который между сочиненіями, требующими краснорѣчія, именно полагаетъ и исторію; онъ говоритъ: *что въ толъ историкъ, который не есть въ тоже время иораторъ?*

Антоній, подобно Крассу, занимается особенно краснорѣчіемъ судебнымъ. Онъ желаетъ, чтобы оказывающій природныя дарованія въ семъ краснорѣчіи и уже кончившій всѣ потребныя для сего науки, избралъ

какой либо одинъ превозходный образецъ для подражанія; сему благоразумному совѣту послѣдовали въ наше время многіе молодые адвокаты, охотно подражая примѣру другихъ уже достойную славу приобрѣтшихъ адвокатовъ. Онъ требуетъ, чтобы принимающій на себя защищать какое либо дѣло долженъ напередъ разсмотрѣть оное обстоятельно и узнать его сколько возможно совершеннѣе. Осторожность сія, весьма часто пренебрегаемая, кажется ему по справедливости важнѣйшею и для нравственности и для успѣха въ дѣлѣ. Антоній разсказываетъ, какимъ образомъ онъ самъ въ подобныхъ случаяхъ поступаетъ, и не льзя дать лучшаго наставленія упражняющимся въ краснорѣчіи судебномъ. „Какъ „скоро явится ко мнѣ какой либо человѣкъ „съ прозьбою защитить его дѣло, я тот„часъ принимаю на себя лице соперника его, „дѣлаю ему возраженія, дабы онъ удобнѣе „могъ объяснить всѣ свои причины. Оста„вшись одинъ, я поперемѣнно принимаю на „себя три лица, т. е. своего кліента, сопер„ника и судіи, и каждое изъ нихъ стараюсь „представить съ равною справедливостію. „Замѣчаю разныя обстоятельства дѣла; о „нѣхъ изъ нихъ, кои кажутся мнѣ болѣе „выгодными, нежели запрудниительными, „принимаюсь говорить; напротивъ того тѣ, „кои, какимъ бы то образомъ ни было, нахо„жу я гораздо болѣе для себя неблагопріят„ными, нежели выгодными, совсѣмъ оста„вляю. И такимъ образомъ пособія мои къ „достиженію цѣли дѣлаются вѣрными, и съ

„великимъ раченіемъ раздѣляю двѣ между „собою совершенно различныя вещи, которыя многими людьми, по излишней надѣянности, смѣшиваются во едино, то есть, „время, когда надлежитъ подробно войти „въ защищаемое дѣло, и время, когда должно защищать оное. “

Потомъ разсуждаетъ онъ обстоятельно о различныхъ судебныхъ дѣлахъ, о искуствѣ преклонять судей къ своему мнѣнію, о лучшемъ способѣ размѣщать доказательства, о уваженіи и силѣ, каковый ораторъ можетъ приобрѣсть своими честными нравами и справедливостію. Что касается до искуства возбуждать страсти, то онъ предписываетъ оратору тоже самое правило, каковое преподаетъ Горацій стихотворцу. „Надлежитъ, говоритъ онъ, тебѣ самому сильно „чувствовать тѣ страсти, каковыя желаешь возбудить въ другихъ. Я не знаю, какъ „случается съ другими; но я никогда не „старался возбуждать въ судіяхъ печали, „сожалѣнія, негодованія, ежели не былъ „самъ преисполненъ тѣми чувствіями, каковыя желалъ внушить другимъ. Надлежитъ, ежели позволено будетъ такъ сказать, чтобы самъ ораторъ былъ весь въ „огнѣ, когда хочетъ произвести пожаръ.“

Вся сія статья о возбужденіи страстей въ судіяхъ написана остроумно, плавнымъ и обильнымъ слогомъ, столь великому учителю свойственнымъ. Антоній доходитъ до употребле-

нія шутокъ въ краснорѣчіи; говоритъ объ нихъ предоставляетъ Цесарю, который почитался въ оныхъ весьма искуснымъ; а продолжительное о предметѣ семъ бесѣдованіе служитъ доказательствомъ, что шутки занимали не послѣднее мѣсто въ ораторскомъ искуствѣ. Кромѣ собственно такъ называемыхъ защитительныхъ рѣчей, въ которыхъ шутка болѣе или менѣе была употребляема, адвокату надлежало еще непремѣнно дѣлать допросъ свидѣтелямъ, и имѣть съ ними прѣнія. Прѣніями называлося спорное разглагольствіе о произшествіяхъ, свидѣтельствахъ, доказательствахъ, слѣдовавшее послѣ непрерывной и приготовленной рѣчи, и требовавшее присутствія духа и великаго навыка говорить.

Нужно замѣтить, что Сцевола, одинъ изъ разглагольствующихъ особъ въ первомъ разговорѣ, не имѣетъ уже никакого участія въ семъ второмъ, и кажется Цицеронъ не ввелъ его съ намѣреніемъ; ибо при толь важной особѣ, каковъ былъ первый жрецъ, было бы неприлично говорить о шуткахъ. Таковый родъ благопристойности строго наблюдался древними писателями, а особливо Цицерономъ, который совѣтуя оратору непремѣнно сохранять всякую благопристойность, по особенной своей разборчивости и вкусу никакъ не могъ нарушить сего правила.

Поелику по большей части внезапныя и непредвидѣнныя обстоятельства подаютъ случай къ выраженіямъ шуточнымъ; то весьма нужно умѣть употреблять ихъ къ

статии, и сія счастливая пылкость ума приводитъ на памятьЦесарю поступокъ Красса въ родѣ совершенно противуположномъ шуткѣ, но весьма замѣчательномъ по искусству, съ каковымъораторъ умѣлъ воспользоваться непредвидимымъ случаемъ, и по тому важному послѣдствію, каковое отъ того произошло. Крассъ говорилъ рѣчь противу Брута, человѣка молодаго, наносившаго безчестіе своему имени, разточившаго все свое имѣніе и продавшаго всѣ земли, доставшіяся ему въ наслѣдство, не имѣвшаго никакого достоинства, которое могло бы загладить развращенный его нравъ, и сверхъ того, какъ бы въ отмщеніе за приобрѣтенное имъ безславіе, вздумалъ обвинять и клеветать самыхъ лучшихъ гражданъ. Между прочими напалъ онъ и на Красса; и въ то время, когда сей говорилъ защитительную рѣчь, везенъ былъ мимо народной площади (Forum) гробъ Юніи, женщины почтенной и родственницы Брутовой, за гробомъ по обыкновенію несли изображенія ея предковъ. Ибо у Римлянъ, такъ какъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, даже и у самыхъ дикихъ, умершимъ оказываемо было почтеніе изъ уваженія къ живымъ: они воздавали честь человѣческой природѣ даже и въ бездушныхъ трупахъ. Во всѣхъ странахъ міра почитались священными тѣ подземныя убѣжища, гдѣ самое превозходное изъ твореній въ безмолвіи ожидаетъ пробужденія своего для вѣчной жизни; почитались священными обряды погребенія, которые предувѣдомляютъ насъ, что человѣкъ не

совѣмъ умираетъ; почитали священнымъ тотъ камень, который покрываетъ драгоцѣнный и любезный прахъ, дабы печаль могла проливать слезы надъ сокровенными подъ онымъ остатками родителя, матери, супруги. Въ одной только Франціи, въ осьмнадцатомъ вѣкѣ, люди, которые подобно дикимъ и лютымъ звѣрямъ, не полагали никакого различія между трупами человѣка и безсловеснаго животнаго. О поношеніе и мерзость! (да будетъ услышанъ гласъ мой, въ оправданіе наше, въ отдаленнѣйшихъ краяхъ міра и позднѣйшими поколѣніями.) Да покроются поношеніемъ и проклятіемъ изверги, разграбившіе гробы умершихъ, и лишившіе погребенія жертвъ, ими заклannыхъ! Знаю, что я отступилъ отъ предлежащаго намъ предмета; но ничто не можетъ быть не умѣстнымъ, ничто не можетъ быть потеряннымъ, какъ скоро надлежитъ возносить гласъ мщенія нѣмъ чудовищамъ, которыя долгое время и безъ всякаго наказанія воздвигали войну противу всего человѣческаго рода.

Крассъ остановился, и обратясь къ Бруту, сказалъ ему: „что скажетъ сія почтенная „жена отцу твоему о сынѣ, котораго онъ „намъ оставилъ? Что скажетъ она всѣмъ „великимъ мужамъ, твоимъ предкамъ, коихъ „изображенія мы теперь видимъ? Бруту, „виновнику нашей свободы? Естьли онъ „спроситъ, что ты дѣлаешь, какое состоя-

„ніе имѣешь, какую пріобрѣлъ славу, какою „украшаешся добродѣтелію, что она будетъ „отвѣчать ему? Приумножаешь ли имуще- „ство твое? Но какъ тебѣ сіе дѣлать; у тебя „ничего не осталось; разпутствомъ своимъ „ты всего лишился. Занимаешся ли ты по- „знаніемъ права Гражданскаго? Родитель „твой славился онымъ; онъ оставилъ намъ „убѣдительныя тому доказательства; но „ты, скажутъ ему, разточивъ все получен- „ное отъ него наслѣдство, не оставилъ себѣ „даже и того стула, на коемъ писывалъ „отецъ твой. Въ военномъ ли искуствѣ „упражняешся? но ты никогда не видывалъ „и лагеря. Или въ краснорѣчіи? но ты не „имѣешь о немъ нималѣйшаго понятія, и „весь голосъ твой и всѣ способности упо- „требляешь на постыдную клевету, какъ на „послѣднюю твою подпору. И ты смѣешь „еще взирать на свѣтъ! Ты смѣешь взи- „рать на судей твоихъ! Ты смѣешь являть- „ся на сію площадь (Forum), въ семъ городѣ, „предъ твоими согражданами! Ты не со- „дрогаешся отъ стыда и ужаса при воззрѣніи „на сіе печальное шестзіе; на сіи достопо- „чтенныя изображенія, тебя изобличающія; „ты не стыдишся предковъ своихъ, коимъ „подражать не тщился, у тебя нѣтъ даже „и крова, гдѣ бы могъ ихъ поставить!“

По пылкости и силѣ сего поразитель- наго обращенія судить можно, имѣлъ ли Крассъ душу и воображеніе, приличныя ора- тору. Цицеронъ конечно не могъ хорошо

помнитъ самаго Красса, потому что онъ лишь только входилъ въ юношескій возрастъ, какъ ораторъ сей скончался; но къ особеннымъ его дарованіямъ имѣлъ онъ любовь врожденную душамъ великимъ и умамъ превозходнымъ, и потому почтилъ память его искреннимъ и чувствительнѣйшимъ сожалѣніемъ; и начало третьей книги разсматриваемаго нами сочиненія составляетъ эпизодъ весьма любопытный и къ стати употребленный; оно также съ немалымъ приличіемъ можетъ послужить эпизодомъ и въ семъ разсмотрѣніи, дабы на короткое время отклонить слухъ вашъ отъ строгости поучительнаго гласа.

„Приступая, любезный мой братъ, къ „изложенію въ сей третьей книгѣ наставленій Красса, который послѣ Антонія на„мѣренъ говорить о риторическомъ украше„ніи (élocution oratoire), я пораженъ былъ пе„чальнымъ воспоминаніемъ. Сей высокій геній, „заслуживавшій безсмертіе, сія кротость нра„вовъ, сія чистѣйшая добродѣтель, словомъ „все истреблено было внезапною смертію, спу„стя десять дней послѣ разговоровъ, которые „ты теперь читалъ. Крассъ возвратясь въ „Римъ въ послѣдній день народныхъ игръ, „кои тогда отправляемы были, столь силь„но былъ тронутъ рѣчію Консула Филиппа, „въ которой объявилъ онъ народу, что „при тогдашнемъ состояніи Сената не мо„жетъ ручаться за успѣшное управленіе „дѣлъ республики. Когда великое множе-

„ство Сенаторовъ собралось по утру пята-
„гонадесять Сентября, то Трибунъ Друзъ,
„созвавшій оныхъ, жаловался на Консула, и
„предложилъ на судъ обиду, нанесенную
„Сенату первымъ чиновникомъ республики,
„оклеветавъ его предъ народомъ. Весьма
„часто слыхалъ я отъ людей просвѣщеннѣй-
„шихъ, что никогда и никто не говаривалъ
„лучше Красса; а въ сей день они единогла-
„сно утверждали, что Крассъ доселѣ рѣча-
„ми своими обыкновенно превозходилъ дру-
„гихъ, но при семъ случаѣ онъ превзошелъ са-
„маго себя: Онъ оплакивалъ несчастіе Сената,
„который подобно сиротѣ, ограбленному
„безсовѣстнымъ опекуномъ, или дитяти отъ
„родителей своихъ брошенному, попустилъ
„похитить наслѣдственное свое достоинство
„разбойнику, подъ именемъ Консула скры-
„вавшемуся, который раззоривъ сколько отъ
„него зависѣло республику, не могъ ничего
„сдѣлать лучшаго, какъ лишить ее помощи
„и благоразумія Сената. Филиппъ былъ
„человѣкъ насильственный, искусенъ въ сло-
„вѣ и умѣлъ отразить противившихся ему.
„Онъ сильно чувствовалъ удары, нанесен-
„ные ему Крассомъ, и потому рѣшился
„обезсилить столь опаснаго противника;
„Филиппъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, на
„Красса наложена пеня, и по тогдашнему
„въ Римѣ обыкновенію приказано ему
„было дать поручительство, что онъ въ
„состояніи заплатить пеню. Тогда-то
„Крассъ, доведенный до крайности, произ-
„несъ рѣчь, которую называютъ божест-

„венною: *не уже ли думаешь*, говорилъ онъ „ему, *что я буду почитать тебя Консу-* „*ломъ, когда ты не почитаешь меня* „*Сенаторомъ? Не ужели ты, когда уже* „*власть сего Сословія считаешь какъ* „*бы описьмомъ имѣніемъ, когда уже по-* „*тираешь ее ногами предъ лицемъ Римска-* „*го народа, думаешь устрашить меня на-* „*ложенною пенею? Нѣтъ, ежели хочешь* „*принудить Красса къ молчанію, то не* „*пеню налагать должно, но изторгнуть у* „*него сей языкъ, котораго ты страшим-* „*ся, превъ сей гласъ, который не иначе* „*былъ произносимъ, какъ только въ защи-* „*щеніе, и хотя бы осталось у меня одно* „*токмо дыханіе, то и оное употреблю,* „*сколько силъ моихъ будетъ, на пораже-* „*ніе тиранніи.* Онъ говорилъ очень долго „съ чрезмѣрнымъ жаромъ и силою. При-„ступлено было, согласно поданному имъ „мнѣнію, къ сочиненію Сенатскаго опредѣ-„ленія, въ которомъ сказано, что при всякомъ „случаѣ, какъ скоро дѣло касалось до поль-„зы Римскаго народа, Сенатъ оказывалъ „благоразуміе и вѣрность. Самъ Крассъ „участвовалъ въ сочиненіи опредѣленія. Но „рѣчь сія была для сего божественнаго чело-„вѣка гласомъ лебедя: она была послѣднимъ „его гласомъ; по его смерти мы ходили въ „Сенатъ, чтобы еще посмотрѣть на то „мѣсто, гдѣ онъ говорилъ въ послѣдній „разъ. Во время самаго собранія онъ по-„чувствовалъ боль въ боку, сопровождаемую „сильнымъ пóтомъ и ознобомъ; въ домъ

„свой возвратился онъ, бывъ одержимъ лихо-
„радкою, и въ седьмый день умеръ. О сколь обма-
„нчива человѣческая надежда! о сколь бренна
„жизнь наша! сколь суетны намѣренія и помы-
„шленія наши! они весьма часто низпроверга-
„ются посреди самаго подвига, или разби-
„ваются и потопляются прежде, нежели
„усмотримъ пристанище! (*) Во все время,
„которое Крассъ посвятилъ судебному кра-
„снорѣчію, онъ отличался не выгодами и
„почестями, каковыя сопряжены бываютъ съ
„большими должностями, но услугами ча-
„стнымъ людямъ и преимуществомъ своего ге-
„нія; а въ слѣдующій послѣ его Консульства
„годъ, въ который былъ онъ Цензоромъ, и когда,
„по общему всѣхъ гражданъ согласію, предна-
„значалось ему высшее и первое достоин-
„ство въ республикѣ, внезапная смерть уни-
„чтожила надежду и всѣ его преднамѣренія!
„Потеря сія была велика для его семейства,
„для отечества и для честныхъ людей; но жре-
„бій, постигшій послѣ кончины его респу-
„блику, заставляетъ сказать, что боги не
„лишили его жизни, но даровали ему смерть.
„Крассъ не имѣлъ уже несчастія видѣть
„Италію объятою пламенемъ междоусоб-
„ныхъ браней; онъ не видѣлъ печали дочери
„своей, изгнанія зятя своего, несчастнаго
„побѣга Марія, кровопролитія послѣдовавша-
„го по его возвращеніи; наконецъ онъ не
„видѣлъ совершеннаго упадка и уничиженія

(*) Боссюэтъ подражалъ сему мѣсту въ надгроб-
номъ своемъ словѣ Королевѣ Англинской.

„республики, которая содѣлала его первымъ „гражданиномъ, когда сама была первою изъ „всѣхъ республикъ. “

„Сильнѣйшимъ доказательствомъ, сколь „счастіе могущественно и коловратно, слу„жить могутъ тѣ самыя особы, которыхъ „я ввожу разглагольствующими въ трехъ раз„говорахъ, мною теперь вамъ предлагаемыхъ. „Хотя смерть Крассова возбуждаетъ вели„кое прискорбіе, однакожъ кто не почтетъ „ее за счастіе, представивъ себѣ жребій всѣхъ „тѣхъ, которые въ Тускулѣ бесѣдовали съ „нимъ въ послѣдній разъ? Кому изъ насъ „не извѣстно, что Катулъ, сей гражданинъ „рѣдкими достоинствами знаменитый, ко„торый у прежняго своего сотоварища Ма„рія просилъ себѣ, какъ бы нѣкоей милости, „изгнанія, принужденъ былъ самаго себя „лишить жизни? Какой конецъ имѣлъ „Маркъ Антоній? Обагренная кровію глава „сего мужа, коему великое множество граж„данъ облзаны своимъ спасеніемъ, была при„гвождена къ той самой каѳедрѣ, на кото„рой онъ во время своего Консульства съ „неодолимою твердостію защищалъ респу„блику, и которую, бывъ Ценсоромъ, украсилъ „добычами нашихъ непріятелей. Вмѣстѣ съ „сею главою пала и глава Каія Цесаря, предан„наго своимъ гостепріимцемъ, и глава брата „его Луція; естьли кто не былъ свидѣтелемъ „сихъ ужасовъ, то кажется онъ жилъ съ рес„публикою и вмѣстѣ съ нею умеръ. Счаст„ливъ Крассъ, что не былъ печальнымъ сви-

„дѣтелемъ кончины ближняго своего род-
„ственника Публія, гражданина мужествен-
„нѣйшаго, который собственною своею ру-
„кою лишилъ себя жизни; счастливъ Крассъ,
„что не видѣлъ статуи Весты, обагрен-
„ной кровію его сотоварища, великаго жре-
„ца Сцеволы; ни ужасной участи сихъ двухъ
„юношей, къ нему приверженныхъ, Кот-
„ты, коего онъ оставилъ въ цвѣтущемъ со-
„стояніи, и который нѣсколько дней спу-
„стя лишась надежды пронырствомъ своихъ
„непріятелей быть Трибуномъ, принужденъ
„былъ удалиться изъ Рима; Сульпиція, гоними-
„го тѣмиже врагами; Сульпиція, возраставша-
„го для возведенія краснорѣчія Римскаго
„на высочайшій степень славы, дерзновенно
„нападавшаго на тѣхъ самыхъ, съ которыми
„онъ былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ, умирающаго
„бѣдственною смертію, содѣлавшагося жерт-
„вою своей неосторожности и погибшаго за
„республику. Итакъ, о Крассъ! разсуждая
„о знаменитой твоей жизни и о времени
„твоея смерти, убѣждаюсь, что въ обоихъ
„сихъ случаяхъ провидѣніе боговъ особливое
„принимало въ тебѣ участіе. Твердость и до-
„бродѣтель твоя заставила бы тебя пасть
„подъ мечемъ междоусобной брани, или, естьли
„бы счастіе спасло тебя отъ ужасной смер-
„ти, тогда былъ бы ты свидѣтелемъ кон-
„чины отечества, тогда не только душа
„твоя страдала бы, видя тираннію людей не-
„честивыхъ, но и проливалъ бы слезы при
„побѣдѣ людей добродѣтельныхъ, обагрен-
„ныхъ кровію сограждан̀ъ своихъ.“

Когда Цицеронъ писалъ сію статью, то настоящія злоключенія должны были заставить его живо чувствовать прошедшее. Сіе писано было во время междоусобной войны Цесаря съ Помпеемъ, и когда сочинитель представляетъ намъ окровавленную главу оратора Антонія, пригвожденную къ каѳедрѣ, то не приходитъ ли на память глава и самаго Цицерона, положенная спустя четыре года послѣ сего на туже самую каѳедру другимъ Антоніемъ, который бывъ совершенно отличенъ отъ знаменитаго своего предка, столькоже ознаменовался преступленіями и тиранствомъ, сколько ораторъ прославилъ себя краснорѣчіемъ и добродѣтелями?

Въ сей послѣдней книгѣ особенно разсуждается о украшеніи, а паче о дѣйствованіи ораторскомъ. О семъ говоритъ Крассъ, поелику въ семъ родѣ витійства онъ всѣхъ былъ превозходнѣе. Здѣсь-то наипаче, нежели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, примѣтно, съ какими обширными познаніями сопрягаетъ Цицеронъ искуство ораторское. Онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ согласиться отдѣлить оратора отъ философа и государственнаго человѣка. Онъ сильно негодуетъ на предразсудокъ людей, которые умаляя все по своей мѣрѣ, отдѣлили то, что по свойству и естеству своему есть неотдѣлимо. Сильно упрекаетъ риторовъ, по небреженію и лѣности своей отказавшихся отъ собственно имъ принадлежащаго, оставляя при себѣ одно только даро-

ваніе говоритъ хорошо, какъ будто бы до сего достигнуть можно безъ здраваго разсужденія, и предоставляя философамъ изключительное право заниматься нравственностію, а такимъ образомъ ясно отнимаютъ у краснорѣчія принадлежащее ему. Онъ требуетъ, чтобы ораторъ обогащенъ былъ всѣми познаніями человѣческаго ума, которыя всѣ, какъ бы неразрывною цѣпію, между собою связаны; ему представляются онѣ сопряженными вмѣстѣ и одно отъ другаго зависящими: мысль сія, колико важная, иолико и справедливая, послужившая въ наши времена основаніемъ Энциклопедіи, и гораздо лучше объясненная въ предисловіи, нежели приведенная въ исполненіе въ самой книгѣ, мысль сія говорю, изъ всѣхъ древнихъ писателей, кажется, извѣстна была одному токмо Цицерону.

Въ другомъ сочиненіи подъ названіемъ *Ораторъ*, Цицеронъ обращая рѣчь свою къ Бруту, говоритъ уже отъ своего имени, и разсуждаетъ о свойствахъ совершеннѣйшаго краснорѣчія. Философію полагаетъ онъ также главнымъ основаніемъ. Занимается разсужденіемъ о трехъ родахъ слова, простомъ, высокомъ и умѣренномъ или среднемъ; сіе раздѣленіе, (со временъ Цицерона и почти во всемъ подражавшаго ему Квинтиліана) вошло во всеобщее употребленіе, хотя по существу своей не весьма важно, и котораго оба они не слишкомъ строго держались. Цицеронъ весьма забавно

шутитъ надъ тѣми Римлянами, которые, прикрывая пышнымъ именемъ посредственное свое дарованіе, изключительно называли *Аттицизмомъ* голую и никакого украшенія не имѣющую простоту, а себя, какъ бы по преимуществу, именовали единственными Аттическими писателями, подобно тому французскому историку, который будучи увѣренъ, что ставитъ ни во что умъ почитается хорошимъ вкусомъ, потому только, что оный нерѣдко былъ употребляемъ во зло, говорилъ одному ученому изъ своихъ сотоварищей съ гордостію, почитаемою имъ весьма благоразумною, подавая ему книгу своего сочиненія: *прочтите сіе, государь мой, тутъ нѣтъ ума*; и должно признаться, что онъ сказалъ правду.

Аттицизмъ состоялъ въ величайшей чистотѣ, въ крайней разборчивости вкуса, которой отвергалъ все принужденное, натянутое и напыщенное, но не отметалъ ни одного приличнаго сему слогу украшенія и сильныхъ выраженій краснорѣчія. Цицеронъ доказываетъ сіе самимъ Димосѳеномъ, который безъ сомнѣнія былъ Аттикомъ не менѣе другаго, коего сочиненія преисполнены фигурами самыми отважными, хотя правда и то, что онъ употребляетъ гораздо менѣе фигуръ рѣченій, нежели фигуръ предложеній. Сего-то не знали, или не хотѣли знать худые Римскіе писатели, чувствовавшіе, что гораздо легче избѣгнуть надутости Азіятскихъ риторовъ, нежели достигнуть

до простаго краснорѣчія Димосѳенова; но имъ хотѣлось, чтобы одно казалось послѣдствіемъ другаго.

Преступивъ настоящіе предѣлы истиннаго правила подвергнешся заблужденію. Есть другая крайность противуположная сей робкой слабости, надъ коею смѣется Цицеронъ: то есть, непомѣрное желаніе писать всегда важнымъ и выспреннимъ слогомъ. Полагающіе, что въ семъ порокѣ слога находится нѣчто благородное, называемое обыкновенно хорошимъ недостаткомъ, нѣсколько удивятся слѣдующимъ словамъ Цицерона, которыя можетъ быть покажутся нѣсколько строгими, но онѣ справедливы; послушаемъ сего учителя. Окончивъ разсужденіе свое о простомъ и среднемъ слогѣ, переходитъ онъ къ слогу высокому. „Между „симъ послѣднимъ, говоритъ онъ, и двумя „другими родами слоговъ есть существенная „разность. Пишущій простымъ слогомъ, „лишь только бы въ сочиненіяхъ его былъ „умъ, тонкость и разборчивость, можетъ „и безъ всего прочаго почесться хорошимъ „ораторомъ. Занимающійся слогомъ среднимъ, ежели онъ достаточно обогащаетъ „его приличными украшеніями, не можетъ „подвергнуться большому несчастію; ибо „даже и въ такомъ случаѣ, когда бы онъ „былъ и ниже самаго себя, упадетъ такъ „сказать, не слишкомъ съ высокаго мѣста. „Но естьли стремящійся къ высочайшей „степени слога, о коей здѣсь говоримъ,

„хочетъ быть всегда живъ, пылокъ, необу-
„зданъ; естьли геній его паритъ всегда къ
„великому; естьли сіе составляетъ единст-
„венный предметъ его попеченій; естьли зани-
„мается только симъ единымъ родомъ слога, и
„не умѣетъ умѣрять его смѣшеніемъ про-
„чихъ двухъ родовъ краснорѣчія: то онъ
„достоинъ презрѣнія. “

Осужденіе сіе можетъ показаться строгимъ: но Цицеронъ говоритъ точно сими словами; а вспомнивъ, что въ краснорѣчіи, такъ какъ и въ поэзіи, приличіе слога съ предлагаемымъ предметомъ есть такое свойство, безъ котораго всѣ прочія ничего не значатъ, а притомъ говорится здѣсь объ ораторѣ судебномъ, то мы удобно поймемъ мысль Цицерона, и строгости его не удивимся. Вотъ, какимъ образомъ объясняетъ оную, доказывая, что тотъ, кто всегда чрезмѣренъ, ни къ чему не годится, и слѣдовательно не заслуживаетъ никакого почтенія. „Ораторъ, говоритъ онъ, соединяющій съ „простотою словоизраженія остроуміе, нра-„вился по своему разуму и мудрости; ора-„торъ, коего слогъ украшенъ, нравится при-„ятностію; но желающій быть непрестанно „выспреннимъ, не показываетъ въ себѣ даже „человѣка ума обыкновеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, „что заключить можно о человѣкѣ, не мо-„гущемъ разсуждать ни о какомъ предметѣ „спокойно, равнодушно, не умѣющемъ въ со-„чиненіи своемъ соблюсти ни порядка, ни „опредѣленія, ни разнообразія, ни кротости,

„ни веселости, когда дѣло его требуетъ; что „бы онъ или во всемъ или въ нѣкоторой „только части онаго употребилъ сіи ка- „чества слога? Что должно заключить о „немъ, когда, не предуготовивъ слушателей „къ предлагаемому имъ предмету, онъ воз- „пламенится въ самомъ началѣ своего слова? „Таковый ораторъ почтется за сумасшед- „шаго между людьми въ полномъ умѣ на- „ходящимися; онъ походитъ на человѣка упо- „еннаго между людьми трезвыми и равно- „душными.“

Впрочемъ не должно удивляться сей Цицероновой строгости и по слѣдующей причинѣ: „Меня, продолжаетъ онъ, такъ трудно „удовлятворить, что даже и самимъ Димос- „ѳеномъ не всегда бываю доволенъ. Такъ, „сей Димосѳенъ, затмившій всѣхъ прочихъ „ораторовъ, не всегда удовлетворяетъ мое- „му ожиданію и моему желанію; съ толикою- „то безпредѣльностію и ненасытимостію же- „лаю я видѣть совершенство въ красно- „рѣчіи.“

Цицеронъ даже не щадитъ и самаго себя за сочиненія, въ юныхъ лѣтахъ имъ написанныя, и строгость сія тѣмъ болѣе похвальна, что погрѣшности, въ коихъ онъ признаётся, могутъ быть оправданы успѣхомъ. Но Цицеронъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которые почитаютъ себя уже неподверженными никакому охужденію, ежели скажатъ могутъ: *сочиненіе мое одобрено, слѣ-*

дователъно оно хорошо. Цицеронъ напротивъ того говоритъ намъ, какъ человѣкъ, любящій болѣе самое искуство краснорѣчія, нежели свои способности: *меня одобрили, однакожъ я не правъ.* Онъ приводитъ въ примѣръ одно мѣсто изъ рѣчи, говоренной имъ на двадцать четвертомъ году своего возраста за Росція Америна. Сія рѣчь, хотя гораздо слабѣе прочихъ послѣдующихъ за оною сочиненій его, открывала въ немъ будущія его способности: Цицерона хвалили тогда не столько за то, какъ онъ самъ говоритъ, каковымъ онъ былъ тогда, но за то, чего впредь отъ него ожидали. Въ ней находится одно мѣсто, которое всѣ вообще слушатели особенно хвалили, но Цицеронъ охуждаетъ оное какъ сочиненіе человѣка молодаго, за которое не простили бы человѣку зрѣлыхъ лѣтъ. Въ семъ мѣстѣ упоминается объ отцеубійцахъ, которые, какъ извѣстно, зашиваемы были въ мѣшокъ и живые бросаемы въ море. „Ибо что можетъ быть „столь обще, говоритъ юный ораторъ, какъ „воздухъ живымъ, земля мертвымъ, море „утопшимъ, берегъ изверженнымъ на оный? „А отцебійцы живутъ, и не пользуются „воздухомъ; умираютъ, а въ землѣ не имѣ„ютъ себѣ мѣста; носятся среди волнъ, а „не орошаются ими; прибиваются къ ска„ламъ, а немогутъ успокоиться на оныхъ.“

Мнимая красота сего мѣста увеличивается въ Латинскомъ подлинникѣ расположеніемъ словъ и сладкозвучною мѣрою, Ла-

тинскому языку свойственными *). Но при самомъ краткомъ размышленіи видѣть можно, что сіе плѣнительное описаніе есть не иное что, какъ пустой звукъ и наборъ мыслей нелѣпыхъ или ложныхъ. Что здѣсь значитъ раздѣленіе воздуха и земли, сказавъ, что первый принадлежитъ вообще живымъ, а вторая мертвымъ? Не ужели земля не принадлежитъ живымъ? Сверхъ сего мысль, будтобы человѣкъ брошенный въ мѣшкѣ въ море не можетъ быть омоченъ водою, и выброшенъ на скалу, совсѣмъ несправедливо. Но хотя бы это и было справедливо, чтожъ изъ того слѣдуетъ? Таковая ошибка покажется еще важнѣйшею, ежели приведемъ себѣ на память, что Цицеронъ въ рѣчи сей долженъ былъ защищать сына, въ отцеубійствѣ обвиняемаго. Время ли тутъ заниматься шутками, пустою игрою словъ, и размѣрять риторическія противуположности?

Во всѣхъ прочихъ сочиненіяхъ Цицерона нигдѣ нѣтъ подобной погрѣшности; но онъ былъ тогда въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ простительно заблуждаться, естьли только

---

*) Quid enim tam commune, quàm spiritus vivis, terra mortuis, mare fluctuantibus, littus ejectis? Ita vivunt, dum possunt, ut ducere animam de coelo non queant: ita moriuntur, ut eorum ossa terra non tangat: ita jactantur fluctibus, ut nunquam alluantur: ita postrema eiciuntur, ut ne ad saxa quidem mortui conquiescant.

заблужденіе сіе показываетъ уже обширное воображеніе. Въ помянутомъ нами мѣстѣ Цицеронъ предался своему воображенію: въ другомъ мѣстѣ сказалъ онъ весьма хорошо: „Пусть молодой человѣкъ позволяетъ уму „своему имѣть быстрое паренiе; пусть съ „пера его лiется изобилiе словa. Я желаю, „чтобы изъ сочиненій его можно было что „нибудь убавить.“

Въ заключеніи сей книги Цицеронъ почитаетъ совершеннымъ ораторомъ того, кто лучше умѣетъ соразмѣрять сочиненіе свое съ содержаніемъ предлагаемаго имъ предмета, кто умѣетъ говорить о вещахъ маловажныхъ просто, о средственныхъ пріятно, о великихъ благородно. Таковоежъ заключеніе находится въ предыдущемъ разсужденіи, также у Квинтиліана, и въ сочиненіяхъ всѣхъ прочихъ основательныхъ критиковъ.

Другія сочиненія Цицероновы о искуствѣ ораторскомъ суть: 1. Двѣ книги о *изобрѣтеніи*, кои по словамъ его не иное что суть, какъ сокращенная выписка изъ наставленій, полученныхъ имъ въ училищахъ, и изъ риторическихъ его записокъ. Когда онъ уже довольно прославился, то сотоварищи его, по чрезмѣрному своему усердію, записки его выдали въ свѣтъ, однакожъ поступокъ сей счелъ онъ нескромностію и былъ не доволенъ. 2. Краткое разсужденіе о *Топикахъ*. Слово сіе Греческое, и между

прочимъ означало у древнихъ риторовъ общія мѣста доказательствъ, или главные источники, изъ коихъ ораторы при всякомъ случаѣ почерпали свои доводы. Сочиненіе сіе заимствовано у Аристотеля, и есть совершенно схоластическое.

3. Разсужденіе о *разпредѣленіи частей ораторской рѣчи* (Oratoriae partitiones). Оно также взято изъ Аристотеля, который во всемъ касающемся до первоначальныхъ правилъ словесности служилъ руководителемъ всѣмъ риторамъ, послѣ его жившимъ. Книга сія одинакаго содержанія съ предыдущею и написана единственно для посвятившихъ себя ораторскому искуству.

Наконецъ книга подъ названіемъ: *Брутъ*, или о *знаменитыхъ ораторахъ*. Она содержитъ въ себѣ историческое разсужденіе о краснорѣчіи Греческомъ и Латинскомъ. Сокращеніе, каковое я сдѣлаю изъ сего сочиненія, послужитъ вступленіемъ разсужденія моего объ ораторахъ Аѳинскихъ и Римскихъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ,

ИЛИ

ЗАМѢЧАНІЯ

НА ОБЪ ПРЕДШЕСТВУЮЩІЯ ГЛАВЫ.

Раздѣленій и подраздѣленій, содержащихся въ риторическихъ сочиненіяхъ Квинтиліана и Цицерона, не должно почитать болѣе важными, нежели сколько онѣ заслуживаютъ. Конечно можно ихъ не знать и даже смѣяться надъ ними; однакожъ полезно имѣть объ нихъ понятіе и приписывать имъ настоящую цѣну. Во первыхъ замѣтимъ, по чему древніе слишкомъ много прилѣплялися къ сему роду опредѣленій и подраздѣленій: по тому, что первыми учителями краснорѣчія, первыми риторами были софисты; что они ввели даже и въ искуства воображенія схоластическія слова и названія, коихъ строгая точность, кажется, таковымъ искуствамъ совсѣмъ неприлична. Великая слава Аристотеля, превзошедшаго всѣхъ прочихъ риторовъ, собравшаго и приведшаго въ совершенство всѣ ихъ правила въ своей риторикѣ, также и примѣръ Цицерона и Квинтиліана, по единому пути шествовавшихъ, усѣявъ оный пріятнѣйшими цвѣтами отличнаго своего дарованія, утвердили сей порядокъ преподаванія риторическихъ пра-

вилѣ, коего недостатки и неудобства умѣли сокрыть сіи великіе мужи. Впрочемъ порядокъ сей не совсѣмъ безполезенъ; ибо все, служащее къ раздѣленію предметовъ на статьи, служитъ также и къ объясненію оныхъ; но нѣтъ ни одного разпорядка дидактическихъ правилъ, которой бы удобнѣе подвергался злоупотребленію, какъ сей. Естьли таковыя по статьямъ разпредѣленія даже и въ самыхъ наукахъ бываютъ неудовлетворительны и неисправны, то еще болѣе онѣ становятся таковыми въ искуствахъ воображенія. Примѣромъ сего возмемъ раздѣленіе краснорѣчія на три рода: *изобразительный, совѣщательный и судебный.*

Родомъ *изобразительнымъ* древніе называли такія сочиненія, въ коихъ содержится или похвала или хула. *) Въ семъ-то

---

*) На Французскомъ языкѣ сей родъ краснорѣчія называется genie démonstratif, и потому Г. Лагарпъ говоритъ, что человѣкъ, никакихъ другихъ языковъ, кромѣ Французскаго, не знающій едва повѣритъ, чтобы слово démonstratif точно означало родъ сочиненія, заключающаго въ себѣ похвалу или хулу; ибо у насъ глаголъ démontrer означаетъ доказывать, объяснять; но у Римлянъ и у Грековъ соотвѣтствующія оному слова означаютъ также и то, что на Французскомъ expositif: онѣ относились ко всему тому, что излагаетъ, изображаетъ какой либо предметъ съ хорошей или съ худой стороны, со всѣми его выгодами или невыгодами, во всей славѣ или въ посрамленіи, и пр.

опредѣленіи заключали они похвалу или сатиру какому либо городу, государству, герою, похвальное слово или надгробную рѣчь умершимъ, также рѣчи въ похвалу боговъ, и проч.

Къ роду *совѣщательному* относили они дѣла, о коихъ разсуждаемо было въ собраніяхъ политическихъ; къ *судебному* причисляли дѣла, производившіяся въ судилищахъ.

Но кто не видитъ съ перваго взгляда, что всѣ сіи три рода краснорѣчія по необходимости и весьма часто входятъ одинъ въ другой? нѣтъ никакой возможности, чтобы обвинитель и обвиняемый, говоря о какомъ либо судебномъ дѣлѣ, не былъ принужденъ что либо хвалить или охуждать, а въ такомъ случаѣ они должны будутъ непремѣнно употребить *изобразительный* родъ краснорѣчія.

Равнымъ образомъ и судебныя дѣла большею частію входятъ въ родъ совѣщательный. Здѣсь судьи должны рѣшить, что такой-то человѣкъ виновенъ или нѣтъ, такое-то преступленіе, такое-то дѣло учинено или нѣтъ; должно ли судить объ нихъ по сему или по другому закону; въ томъ ли, или въ другомъ видѣ оно должно быть принято; а все сіе служитъ предметомъ краснорѣчія *совѣщательнаго*.

Должно однакожъ отдать справедливость древнимъ, и знать, почему раздѣленіе сіе

было у нихъ извинительно. Они особенное прилагали стараніе о возвышеніи краснорѣчія судебнаго; они тщились показывать преимущество онаго предъ всѣми прочими, по причинѣ великой сопряженной съ нимъ трудности; предписаніемъ правилъ сего рода краснорѣчія занималися величайшіе мужи, знаменитѣйшіе въ древности ораторы: здѣсь довольно упомянуть имена Цицерона и Квинтиліана. Сіе преимущество всегда зависѣло отъ нравовъ, обыкновеній, навыка и отъ образа правленія. У нихъ было самое важное постановленіе, которое по мнѣнію моему въ республикѣ необходимо нужно, то есть: *частное обвиненіе*, удобность, каковую имѣлъ каждый гражданинъ обвинять другаго, однакоже всегда законно, а не иначе.

Посему видите, сколь великое уваженіе имѣли Римляне и Аѳиняне къ дарованію обвинять и защищать, и что судебное краснорѣчіе было превыше прочихъ. Сей родъ витійства былъ весьма тѣсно сопряженъ съ великими выгодами республики. Обвиненія раздѣлялись на всеобщія и на частныя; ибо иныя преступленія относились къ республикѣ, а другія къ частнымъ людямъ. Всѣ принимали великое участіе, то въ обвиненіи, то въ защищеніи. Часто случалось, что даже жребій всей республики зависѣлъ отъ выигрыша тяжбы.

Отсюда судить можно, сколь чрезвычайную важность народы сіи полагали въ со-

вершенномъ познаніи искуства обвинять и защищать, и слѣдственно въ познаніи всѣхъ тайнъ того краснорѣчія, которое называли они *судебнымъ*.

Цицеронъ и Квинтиліанъ въ сочиненіяхъ своихъ почти ни о чемъ болѣе не разсуждаютъ, какъ только о семъ предметѣ: а сіе обстоятельство служитъ еще новымъ подтвержденіемъ сказаннаго мною выше, что всѣ три рода краснорѣчія входятъ одинъ въ другой; ибо, ежели люди, предпринявшіе изложить и объяснить всѣ части искуства, почитаютъ себя доспигшими своей цѣли, примѣнивъ оныя къ одному изъ трехъ родовъ витійства; то необходимо слѣдуетъ, что правила приличныя и полезныя одному роду могутъ быть приличны и полезны для другихъ родовъ, и что помянутое раздѣленіе есть не нужно и безполезно.

Другое слѣдующее за симъ раздѣленіе витійства кажется мнѣ еще менѣе основательно: древніе раздѣляли его на витійство *простое*, *умѣренное* или *среднее и высокое* или *выспреннее*. Простымъ родомъ краснорѣчія называли они тотъ, который бываетъ приличенъ предметамъ общимъ, обыкновеннымъ и простымъ; родомъ умѣреннымъ назывался тотъ, въ которомъ можно употреблять простоту и украшеніе. Здѣсь опять встрѣчается разность между двумя языками. Родъ *умѣренный* (Genre tempéré) *genere temperato*, у Римлянъ не означаетъ того, что тихо

спокойно, постоянно; но нѣчто смѣшанное изъ простоты и украшенія; родъ сей собственно назвать можно *слѣшаннымъ* или *средпимъ*.

Родъ высокій предоставленъ предметамъ великимъ. Легко замѣтить можно, что сіе раздѣленіе не ведетъ ни къ какому существенному заключенію. По сему раздѣленію сочиненіе можетъ быть такъ просто, что не потерпитъ въ себѣ ни высокаго, ни даже никакого украшенія; и въ такомъ случаѣ было ли бы оно витійственно? Равнымъ образомъ родъ рѣчи, приемлющій украшеніе, можетъ ли быть украшеннымъ до такой степени, чтобы въ немъ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ простоты, которая во всякомъ родѣ витійства имѣетъ свою цѣну?

Что касается до рода высокаго, то нѣтъ предмета, которой бы требовалъ, или позволялъ бы оратору быть непрестанно возвышеннымъ. Человѣкъ, желающій быть всегда выспреннимъ, дѣлается только страннымъ и безразсуднымъ.

Итакъ сіе опредѣленіе есть необстоятельно и даже пустое, а потому и должно обратиться къ сему важному правилу, что въ краснорѣчіи наблюдать должно приличность, которую называетъ Квинтиліанъ *aptè dicere*, говорить прилично: реченіе сіе все заключаетъ въ себѣ. Главное дѣло состоитъ въ точномъ познаніи естественнаго

отношенія между предметомъ и приличнымъ ему слогомъ, между порядкомъ мыслей и выборомъ словъ: правило сіе пространно и плодовито, подробности его почти безпредѣльны: мы разсмотримъ оныя, сколько намъ будетъ возможно.

Третіе раздѣленіе относится къ частямъ сочиненія. Онѣ раздѣлены на *изобрѣтеніе*, *расположеніе* и *украшеніе*. Сіе раздѣленіе сдѣлано справедливо и основательно; оно полезно во всякомъ дѣлѣ, о коемъ ораторъ говорить желаетъ. Сперва надлежитъ пріобрѣсть совершенное познаніе о предметѣ рѣчи и о приличныхъ ей матеріалахъ: сіе-то самое называется изобрѣтеніемъ. Потомъ надлежитъ разположить части оныя естественнымъ и благоприличнымъ порядкомъ: вотъ разположеніе.

Наконецъ надлежитъ говорить о предлагаемомъ предметѣ слогомъ ему пристойнымъ, что и составляетъ украшеніе: и сія послѣдняя часть, по мнѣнію Квинтиліана и Цицерона, была самая трудная изъ всѣхъ: она не легка и нынѣ; ибо не иначе, какъ токмо прельщая ухо и воображеніе, ораторъ проникаетъ до сердца слушателей, доказываетъ и убѣждаетъ.

Древніе къ изобрѣтенію причисляли выборъ доказательствъ, мысли, примѣры, страсти, каковыя возбуждать должно, общія мѣста, и проч. Въ разположеніи заключали

они все, существенно принадлежащее рѣчи, какъ то, приступъ, предложеніе, т. е. самое дѣло, подтвержденіе, опроверженіе, естьли оному быть должно, и наконецъ заключеніе.

Чувствуете, что разсмотрѣніе сихъ пяти предметовъ полезно, и требуетъ большаго объясненія, а особливо, когда говорится о рѣчахъ обширнѣйшихъ; ибо конечно не всегда надлежало въ собраніи совѣщательномъ непремѣнно заниматься вступленіемъ собственно такъ называемымъ, разпространеніемъ подтвержденія, а потомъ опроверженія и наконецъ заключенія. Многаго бы требовалось, чтобы всякой родъ совѣщанія заключалъ въ себѣ непремѣнно всѣ сіи части во всей ихъ обширности, каковую имъ дать можно.

Не менѣе также справедливо и то, что о какомъ бы предметѣ разсуждаемо ни было, оратору необходимо нужно начинать предвареніемъ слушателей или въ пользу свою, ежели дѣло лично до него касается, или въ пользу защищаемаго дѣла, или даже противъ мнѣнія, которое желаетъ онъ ослабить или изтребить совершенно.

Итакъ вступленіе, которое просто назвать можно началомъ рѣчи, требуетъ размышленія и выбора. Потомъ нужно прежде, нежели ораторъ приступитъ къ подтвержденію предлагаемаго дѣла (что также можетъ приличествовать и краснорѣчію совѣщательному), хорошо опредѣлить сущность

сего дѣла, и положитъ приличное ему основаніе. Съ таковою помощію логики каждый умный человѣкъ найдетъ вѣрныя доказательства.

За утвержденіемъ слѣдуетъ опроверженіе противнаго мнѣнія; а заключеніе состоитъ въ сокращенномъ изложеніи самыхъ существенныхъ и рѣшительныхъ мыслей, долженствующихъ возбудить въ слушателѣ одинаковыя съ ораторомъ чувствованія.

Разсматривая каждую изъ сихъ частей, увидимъ, что приступъ обыкновенно долженъ быть весьма ясенъ, весьма простъ, написанъ самымъ чистымъ и плавнымъ слогомъ, изключая только тотъ случай, когда какое либо происшествіе возбудитъ въ васъ сильное движеніе; таковый приступъ древніе называли *ex abrupto*, въ которомъ вы начинаете сильно вопіять или противу какого либо несноснаго лжеумствованія, или противу совершенно беззаконнаго и нелѣпаго предложенія. Имѣя таковое предъ соперникомъ своимъ преимущество, коего поразить желаете, вы можете напасть на него прямо безъ всякаго приготовленія, безъ всякой пощады, и даже не давая себѣ времени, такъ сказать, для изощренія своего оружія. Безъ сегожъ обстоятельства бываетъ всегда полезно употреблять вступленіе, которое могло бы васъ, такъ сказать, познакомить съ слушателемъ и обратить его вниманіе.

Оратору позволяется въ приступѣ своемъ употреблять размышленія, лично до него касающіяся: нѣтъ ничего естественнѣе сего въ краснорѣчіи судебномъ, нѣтъ ничего нѣжнѣе въ краснорѣчіи совѣщательномъ. Вообще сказать можно, что таковыя о самомъ себѣ напоминанія показываютъ нѣкоторымъ образомъ самолюбіе; и ежели ораторъ не имѣетъ крайней нужды оправдывать себя (ибо человѣку принужденному оправдываться все простительно), то онъ не долженъ употреблять сего личнаго приступа: гораздо лучше употреблять общіе приступы, представляющіе нѣкоторыя истинны предлагаемому предмету приличныя. Польза таковыхъ приступовъ состоитъ въ томъ, что они произведутъ въ слушателяхъ выгодное для васъ предубѣжденіе. Они увидятъ, что вы способны обѣять тѣ всеобщія истинны, тѣ ясныя правила, въ которыхъ всѣ частные случаи какъ бы сливаются. Вообще замѣтить должно, что при всякомъ предметѣ, совѣщанію подлежащемъ, надлежитъ, какъ можно скорѣе, приступать къ самому дѣлу: и потому для составленія приступа довольно бываетъ двухъ или трехъ періодовъ.

Вопросы бываютъ или общіе или частные. Въ общихъ вопросахъ должна торжествовать логика; въ частныхъ же, то есть, когда дѣло идетъ о какомъ либо одномъ человѣкѣ, должна быть употребляема похвала или укоризна, все, что древніе называли сущно-

стію изобразительнаго краснорѣчія. Примѣръ сему видимъ мы въ Цицероновыхъ рѣчахъ противу Пизона, Ватинія; въ Димосѳеновой рѣчи противъ Эсхина, и проч.

Заключенія, довольно обширныя или продолжительныя, могутъ быть употребляемы въ рѣчахъ, многими и глубокими размышленіями наполненныхъ; вообщежъ онѣ бываютъ всегда нужны; потому что самая польза требуетъ впечатлѣть въ душѣ слушателей ясное понятіе и живое ощущеніе того, въ чемъораторъ убѣдить ихъ желаетъ.

Краткое повтореніе предложенныхъ въ рѣчи предметовъ должно наипаче всего со всевозможною силою представить тѣ различныя мѣста рѣчи, которыя могутъ произвесть сильное дѣйствіе. Надлежитъ только дать имъ новый видъ, дабы гораздо живѣе изобразить свойства того, что въ продолженіи рѣчи представлено было просто.

Послѣднія выраженія и періоды, ежели они хорошо приноровлены къ самому дѣлу, бываютъ всегда самыя рѣшительныя.

Первыя и общія познанія въ искусствахъ бываютъ весьма отвлеченны, а по тому и сухи. Но какъ скоро къ умозрѣнію правилъ приложены будутъ примѣры, то искуства и оныхъ изученіе приносятъ ожидаемую отъ нихъ пользу и возбуждаютъ вниманіе; тогда-то являются онѣ во всей своей об-

ширности, а наипаче въ древнихъ или новѣйшихъ классическихъ твореніяхъ. Вы конечно одобрите, что въ послѣдующихъ нашихъ собраніяхъ я иногда буду прилагать къ повторяемымъ мною правиламъ нѣкоторыя отборныя статьи изъ ораторовъ Греческихъ и Латинскихъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Объясненіе разныхъ способовъ витійственнаго искусства, а особливо тѣхъ, каковые находятся въ сочиненіяхъ Дилосѳена.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ Ораторахъ прежде Дилосѳена живших, и о свойствѣ его краснорѣчія.

Въ исторіи ума человѣческаго достойно замѣчанія то, что двѣ республики всему свѣту оставили вѣчные образцы поэзіи и краснорѣчія. Изъ нѣдръ вольности двукратно распространялся по землѣ свѣтъ изящнаго вкуса, который еще и въ наши времена озаряетъ благоустроенные народы. Несправедливо называли вѣкомъ Александра царя Македонскаго тотъ вѣкъ, который возпріялъ начáло свое при Периклѣ, и окончился во время сего знаменитаго завоевателя, коего побѣды въ Азіи конечно не имѣли никакого участія въ славѣ, приобрѣтенной словесностію Грековъ, которая только въ сіе время купно съ вольностію ихъ изчезла. Отъ всѣхъ великихъ имперій, которыя предшествовали его монархіи, осталось единое токмо воспоминаніе низпроверженнаго могущества; но искуства воображенія, вкуса, генія, содѣла-

лись по крайней мѣрѣ благороднымъ наслѣдіемъ, оставшимся намъ послѣ вольности древнихъ народовъ, и которое мы собрали между развалинами Рима и Аѳинъ.

Сіи толико знаменитыя искуства, возведенныя на высочайшій степень совершенства, имѣли, подобно всѣмъ человѣческимъ произведеніямъ, слабое начало. Дошедшія до насъ сочиненія Антифона, Андокида, Ликурга ритора, Герода, Лесбонакса, весьма посредственны. Периклъ, Лисій, Исократъ, Гиперидъ, Исей, Эсхинъ кажется занимали первое мѣсто во второй степени; ибо Димосѳенъ былъ единственный въ своемъ родѣ. Въ оставшихся твореніяхъ Исократа видѣнъ слогъ украшенный, изящный, пріятный, плѣнительный, а особливо гормонія, о которой кажется заботился онъ слишкомъ много. Врожденная робость и слабый голосъ заставили его уклониться отъ судебнаго краснорѣчія; однакоже онъ нашелъ другой путь къ прославленію своего имени, открывъ училище краснорѣчія, которое въ теченіе шестидесяти лѣтъ почиталось славнѣйшимъ во всей Греціи, и оказало великія услуги витійственному искуству, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Цицеронъ въ сужденіи своемъ о Греческихъ ораторахъ. Я весьма хорошо сдѣлаю, ежели помѣщу здѣсь мнѣнія сего знаменитаго судіи, который былъ гораздо ближе, нежели мы, къ тѣмъ предметамъ, о коихъ онъ разсуждаетъ.

„Первый ораторъ, говоритъ онъ, поя-
„вился въ Аѳинахъ, и сей ораторъ былъ
„Периклъ. До него и современника его
„Ѳукидида не видно было ничего похожаго
„на истинное краснорѣчіе. Думаютъ одна-
„кожъ, что за долго предъ ними славились въ
„свое время Солонъ, Пизистратъ и Клисѳенъ.
„Послѣ сихъ, Ѳемистоклъ преимуществовалъ
„предъ другими даромъ слова и политикою.
„Наконецъ Периклъ хотя славился многими
„другими качествами, но большую спяжалъ
„славу своимъ краснорѣчіемъ, и почитался
„великимъ ораторомъ. Увѣряютъ также,
„что въ тоже самое время Клеонъ, выро-
„чемъ человѣкъ самый безпокойный, былъ
„украшенъ даромъ краснорѣчія. Въ сіежъ
„время являются Алкивіадъ, Критій, Ѳера-
„менъ: но какъ послѣ ихъ не осталось намъ
„никакихъ сочиненій, то о существовавшемъ
„тогда вкусѣ судить можемъ токмо по
„твореніямъ Ѳукидида. Слогъ ихъ былъ
„благороденъ, возвышенъ, наполненъ изрѣче-
„ніями, кратокъ, но по причинѣ краткости
„сей нѣсколько теменъ. Какъ скоро прим-
„чено было, какое дѣйствіе могла произво-
„дить рѣчь искусно сложенная, тотчасъ
„явились люди для преподаванія наставленій
„въ искуствѣ краснорѣчія. Горгій Леонтій-
„скій, Трасимахъ Халкидонскій, Протагоръ
„Абдерскій, Продикъ съ острова Коса, Гип-
„ній Элейскій и многіе другіе почитались
„славными учителями витійства. Но при-
„нязанія ихъ уже слишкомъ много походи-
„ли на хвастовство; ибо со тщеславіемъ

„говаривали, что они умѣютъ учить, ка-
„кимъ образомъ несправедливое дѣло обра-
„щать въ справедливое. Противъ сихъ-то
„софистовъ возсталъ Сократъ (*), который
„для ихъ побѣжденія вооружился всею
„хитростію и тонкостію діалектики. Изъ
„училища его вышли многіе ученые люди,
„и съ того времени нравственность соста-
„вила часть философіи, которая дотолѣ
„занималась одними токмо физическими по-
„знаніями. “

„Всѣ помянутые мною ораторы клони-
„лися уже къ упадку, какъ вдругъ явился
„Исократъ, коего домъ содѣлался училищемъ
„всей Греціи; онъ былъ великій ораторъ,
„учитель совершенный; и хотя не занимал-
„ся судебными дѣлами, не выходилъ изъ
„своего дома, однакоже достигъ до такой
„степени славы, до каковой никто послѣ
„него достигнуть не могъ. Писалъ хорошо,
„да и многихъ другихъ научилъ тому же.
„Ему гораздо болѣе, нежели всѣмъ его пред-
„шественникамъ, извѣстны были всѣ части
„ораторскаго искуства, а особливо онъ пер-
„вый почувствовалъ и открылъ, что хотя
„проза и не должна имѣть мѣры и паденія,
„свойственныхъ стихамъ, однакожъ она
„по крайней мѣрѣ должна быть столько
„мѣрною и сладкозвучною, сколько то ей

(*) Сіе служатъ доказательствомъ сказаннаго нами выше, что Софисты первые начали учить риторикѣ.

„прилично. До него никто и никакого не „зналъ искуства разполагать слова: естьли ко„гда и встрѣчалось въ сочинеціи счастливое „словъ разположеніе, то сіе произходило по „случаю и нечаянно; ибо сама природа заста„вляетъ насъ заключать мысли наши въ из„вѣстномъ пространствѣ, ставить слова „въ приличномъ порядкѣ, и оканчивать пері„оды такъ, чтобы паденіе словъ было болѣе „или менѣе мѣрное. Самый слухъ нашъ „ощущаетъ, когда выраженіе нашихъ мыс„лей бываетъ полно или недостаточно; пе„ріоды наши пресѣкаются повременнымъ „отдохновеніемъ гóлоса, безъ чего могутъ „произойти непріятныя слѣдствія. “

Цицеронъ говоритъ потóмъ о Лисіи, Гиперидѣ, Эсхинѣ: воздавъ имъ должную похвалу, онъ наконецъ изъясняется слѣдующимъ образомъ: „Димосѳенъ соединялъ въ „себѣ чистоту слога Лисія, умъ и тонкость „Гиперида, пріятность и блескъ Эсхина; „а что касается до фигуръ предложеній и „сильнаго движенія въ рѣчи, то онъ пре„выше всѣхъ: словомъ сказать, не льзя себѣ „вообразить бóльшаго оратора, каковъ былъ „Димосѳенъ. “

Цицеронъ стольже непрестанно хвалитъ Димосѳена, какъ Вольтеръ Расина. И такимъ образомъ каждый изъ нихъ не переставалъ превозносить человѣка, коего они должны были болѣе всего бояться, и коему мало уподоблялись. Безъ сомнѣнія, способ-

ность чувствовать преимущественно предъ всѣми прочими красоту совершенства есть одна изъ выгодъ генія, потому что ему одному извѣстна трудность оныя, и прелесть естественной зависти къ соперничеству. Тогда величайшее удовольствіе торжествуетъ надъ самолюбіемъ: тогда Геній столь много услаждается, что уже ничему не завидуетъ: столь много почитаетъ себя счастливымъ, что не захочетъ оказать нималѣйшей несправедливости.

Къ несчастію, истинна сія, равно какъ и всякая другая, имѣетъ изключенія; но здѣсь вниманіе мое обращено единственно на примѣръ справедливости, а примѣръ Цицерона тѣмъ паче убѣдителенъ, оказанная имъ Димосѳену справедливость тѣмъ бо́льшую приноситъ честь имъ обоимъ, что свойства ихъ краснорѣчія, какъ о томъ увидимъ ниже, суть совершенно между собою различны; еще никто не доводилъ пріятности слога и способовъ возбуждать страсти и приводить слушателей въ умиленіе до толь высочайшей степени, какъ Цицеронъ. Онъ съ удовольствіемъ предается великолѣпной своей плодовитости, разсказываетъ со всевозможнымъ искусствомъ, и проливаетъ слезы съ пріятностію. Но при всемъ томъ онъ почитаетъ Димосѳена первымъ въ краснорѣчіи судебномъ и совѣщательномъ, потому что никто скорѣе и надежнѣе его не достигалъ своей цѣли, которая единственно состоитъ въ томъ, чтобъ преклонить народъ или судей къ своему мнѣнію. Цицеронъ превозно-

ситъ похвалами превосходство Димосѳена, возвышенность его мыслей и чувствованій, важность слога и побѣдоносное дѣйствіе надъ умами слушателей. Таковуюжъ справедливость отдаетъ Димосѳену и Фенелонъ, онъ отдаетъ ему преимущество предъ Цицерономъ; котораго также любитъ чрезвычайно; таковъ-то жребій Димосѳена; онъ покоряетъ во всякомъ родѣ краснорѣчія и своихъ судей и своихъ соперниковъ.

Уже извѣстны всѣ недостатки, каковымъ онъ былъ подверженъ и всѣ усилія, употребленныя имъ на изправленіе, смягченіе и усовершенствованіе своего голоса, произношенія и къ достиженію того, чтобы ораторское дѣйствованіе было соотвѣтственно его сочиненію: но можетъ быть безъ дальнѣйшаго вниманія оставляютъ то важное намѣреніе, съ каковымъ удалялся онъ на морской берегъ говорить тамъ свои рѣчи, дабы чрезъ то получить навыкъ произносить оныя предъ народомъ. По мнѣнію моему, поступокъ сей доказываетъ, что Димосѳенъ сильно ощущалъ точное сходство между сими двумя равно безпокойными, шумными силами, каковы суть волны морскія и волненіе собравшагося народа.

Доказательства и возбужденіе страстей составляютъ все краснорѣчіе Димосѳеново. Никогда и никто не давалъ разуму столь разительнаго и столь мѣткаго оружія, какъ Димосѳенъ. Истинна въ рукахъ его есть ос-

трѣйшая стрѣла, которою управляетъ онъ съ такою же проворностію, какъ и искуствомъ, и которою разитъ непрестанно. Удары его столь сильны и вѣрны, что соперникъ его не имѣетъ времени опомниться; силою слóва своего онъ гонитъ, тѣснитъ, низвергаетъ; онъ не изъ тѣхъ людей, которые поверженному ими сопротивнику даютъ способъ оправиться. Слогъ его жестокъ и силенъ, каковый приличествуетъ душѣ откровенной и пылкой. Мысли свои украшалъ онъ весьма рѣдко; таковое попеченіе, кажется, почиталъ онъ для себя низкимъ; напротивъ того старается только вперить оную въ самую глубину вашего сердца. Никто столь мало не употреблялъ фигуръ реченій; никто столь мало не заботился о риторическихъ украшеніяхъ; но шествіе его столь быстро, что какъ бы насильно влечетъ слушателя туда, куда ему угодно; особенно же отличается онъ отъ всѣхъ прочихъ ораторовъ тѣмъ, что изторгаемое имъ изъ слушателей согласіе всегда обращается въ пользу того дѣла, о коемъ было разсуждаемо, а не ему самому. О другомъ ораторѣ сказали бы: онъ говоритъ хорошо: о Димосѳенѣ говорятъ, онъ правъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О разныхъ частяхъ ораторскаго изобрѣтенія, и особенно о приличномъ оратору способѣ доказывать, каковый Цицеронъ употребилъ въ рѣчи своей о Вѣнцѣ.

Ораторское изобрѣтеніе состоитъ въ знаніи и въ выборѣ средствъ, къ убѣжденію служащихъ. Онѣ заимствуются или отъ вещей, или отъ лицъ; но употребленіе оныхъ, по многимъ отношеніямъ, не можетъ быть одинаково въ политическихъ совѣщаніяхъ, и въ судебныхъ дѣлахъ. Въ сихъ послѣднихъ обыкновенно разсуждается о слѣдующихъ предметахъ: въ чемъ состоитъ какое либо разбираемое дѣло? основательно ли оно? преступленіе ли оно, или нѣтъ? Подъ какой подходитъ оно законъ? Лѣта, званіе, нравы, свойство, выгоды, состояніе обвиняемаго доказываютъ ли вѣроятность или невѣроятность приписуемой ему вины? Вотъ сущность судебнаго краснорѣчія. Въ совѣщательномъ родѣ, по свидѣтельству древнихъ риторовъ, разсматривается то, что *честно*, *полезно* или *нужно*. Но Квинтиліанъ отмещетъ сіе послѣднее обстоятельство, и принимая слово *нужное* въ самомъ строгомъ смыслѣ, то есть, за такой поступокъ, къ которому приводитъ непреодолимая нужда, утверждаетъ, что таковое принужденіе

существовать не можетъ, какъ скоро человѣкъ предпочитаетъ ему свободу умереть. Въ примѣръ сему приводитъ онъ охранное войско, которое весьма бы худо поступило, согласясь сдать крѣпость для того только, что ему сказано было: *Тебѣ нужно сдаться; ибо въ противномъ случаѣ преданъ будешь мечу.* Квинтиліанъ присовокупляетъ, что тутъ нѣтъ никакой нужды потому, что ратники могутъ отвѣтствовать, *мы лучше умремъ, нежели сдадимся.* Ни сіе умствованіе, ни примѣръ, по мнѣнію моему, несправедливы. Конечно тутъ уже нѣтъ необходимой нужды сдаться, когда смерть предпочитается сдачѣ. Но поелику ораторское искуство, такъ какъ нравственность и политика, не отвергаетъ нужды относительной, то о дѣлѣ семъ можно судить совсѣмъ съ другой стороны. Можно сдѣлать слѣдующій вопросъ: крѣпость сія стóитъ ли того, чтобы для сохраненія оной можно было пожертвовать жизнію многихъ храбрыхъ людей, которые еще въ состояніи долгое время служить отечеству; и въ такомъ случаѣ ораторъ обязанность соблюсти защитниковъ Государству, въ которыхъ оно имѣетъ нужду, весьма удобно обратить можетъ въ необходимость. Таковая нравственная нужда можетъ случиться въ весьма многихъ подобныхъ сему обстоятельствахъ; сіе не иное что есть, какъ важнѣйшая польза, и сіе-то самое, по всей справедливости, должно почитаться единственною нуждою, на каковую краснорѣчіе совѣщательное мо-

жетъ обратить свое вниманіе; ибо принужденность, произходящая отъ причинъ физическихъ, не подлежитъ никакому совѣщанію.

Не на все должно отвѣчать: *я умру*, такъ какъ и не всему удовлетворить можно, умирая мужественно. Правда таковой поступокъ всегда принимается за нѣкоторой родъ мужества, но мужество сіе не есть ни самое рѣдкое, ни самое трудное, ни самое необходимое. Многіе люди взираютъ на смерть, когда она неизбѣжна, съ нѣкоторымъ спокойствіемъ, которое однакожъ можно назвать твердою рѣшимостію, но не силою души. Сила сія состоитъ въ презрѣніи угрожающей смерти, когда она еще сомнительна, въ принятіи всевозможныхъ средствъ къ отвращенію оной, и въ томъ, чтобы желать ее тогда только, когда сдѣлается она необходимою крайностію.

Итакъ не будемъ принимать обыкновенныхъ словъ во всей строгости языка метафизическаго, который древнихъ приводилъ нѣкогда въ заблужденіе, и потому въ языкѣ витійства назовемъ *нужнымъ* все то, что таковымъ названо быть можетъ въ нравственности, сирѣчь все то, чего непремѣнно требуетъ общественная польза; и въ семъ отношеніи *нужное* составляетъ главнѣйшій предметъ совѣщаній.

Древніе дѣлали другой родъ общаго раздѣленія. Судебное краснорѣчіе, говоритъ Ци-

церонъ, занимается справедливостію (l'équité), совѣщательное честностію (l'honnêteté), или иначе сказать, одно занимается тѣмъ, что есть справедливо (équitable), а другое, что честно (honnête). Здѣсь паки встрѣчается разность въ свойствѣ языковъ (*), и различіе знаменованія въ соотвѣтственныхъ словахъ одного языка къ другому; ибо вопервыхъ спросятъ, не уже ли все то, что честно (honnête), не есть справедливо (équitable), и все то, что справедливо, не есть честно. Но Римляне въ судебномъ своемъ нарѣчіи подъ словомъ Aequitas (справедливость) разумѣли quod aequum est, то есть, что сообразно съ положительнымъ правомъ, съ законами; а словомъ honestum (честное) означали то, что сообразно со всеобщимъ правиломъ нравоученія, съ совѣстію всѣхъ людей; но все сіе различіе есть совершенная мечта, потому что законы по необходимости бываютъ несовершенны, а напротивъ того совѣсть никогда не погрѣшаетъ. Отсюда слѣдуетъ, что законъ, поелику не можетъ предвидѣть всѣхъ случаевъ, нерѣдко заключаетъ въ себѣ такія разпоряженія, которыхъ бы точная честность никакъ не допустила. Въ семъ-то разумѣ одинъ изъ нашихъ писателей сказалъ въ трагедіи:

La loi permet souvent ce que défend l'honneur.
Законъ часто позволяетъ то, что запрещаетъ честь.

(*) Здѣсь разумѣется о языкахъ Французскомъ и Латинскомъ.

Здѣсь слово честь означаетъ только то, что ему всегда бы означать надлежало, т. е. честность.

Итакъ во избѣжаніе смѣшенія понятій въ нашемъ языкѣ, скажемъ, послѣдуя раздѣленію Цицеронову, что судебное краснорѣчіе предметомъ своимъ имѣетъ все то, что принадлежитъ къ законному порядку, а совѣщательное занимается всѣмъ относящимся къ порядку политическому, и поелику въ оба сіи рода краснорѣчія непремѣнно входятъ справедливость, порядокъ нравственный и общественный, то паки заключить можемъ, что роды сіи непремѣнно сливаются въ общія правила, хотя они и отдѣляются многоразличностію случаевъ, которая должна опредѣлить различіе средствъ, каковыя оратору при каждомъ дѣлѣ употреблять надлежитъ.

Средства сіи суть: 1) Доказательства, выведенныя умствованіемъ, которое прикладываетъ правила къ разбираемому дѣлу. 2) Доказательства, извлеченныя изъ дѣлъ, кои надлежитъ или утвердить, или уничтожить, или объяснить по правиламъ вѣроятности, а все сіе предполагаетъ знаніе логики. 3) Свидѣтельства и примѣры; средство сіе въ великомъ употребленіи и весьма сильно въ краснорѣчіи, а сіе предполагаетъ знаніе исторіи. 4) Такъ называемыя отъ древнихъ *общія мѣста*, то есть, истинны на нравственности и опытности основанныя, мо-

гущія быть прилагаемы ко всѣмъ дѣяніямъ человѣческимъ, размышленія извлеченныя изъ превратности вещей сего міра, опасности, съ каковыми подвержено бываетъ благополучіе, ослѣпленіе причиняемое счастіемъ, состраданіе къ бѣднымъ, надменіе возбуждаемое богатствомъ, неудобства сопряженныя съ бѣдностію, и многія другія обстоятельства, коихъ число безконечно, которыя ораторъ долженъ употреблять по приличію, все, что требуетъ философическихъ размышленій о человѣческомъ состояніи. 5) Наконецъ, чувствованія и страсти, что Римляне называли affectus, а Греки *πάθη* и то, что мы замѣняемъ словомъ, въ знаменованіи своемъ весьма ограниченнымъ и нимало неравносильнымъ, pathétique, означающимъ токмо *негодованіе* и *жалость*, напротивъ того слова Греческое и Латинское означаютъ всѣ душевныя движенія, которыя ораторъ можетъ приводить въ дѣйствіе, какъ скоро они бываютъ нужны для достиженія цѣли его намѣренія, то есть состраданіе и мщеніе, любовь и ненависть, соревнованіе и стыдъ, страхъ и надежду, довѣренность и подозрѣніе, печаль и радость, надменность и униніе; вотъ что особенно, принадлежитъ великому оратору, и что наиболѣе всего зависитъ отъ силы слога: въ сей-то части краснорѣчія Димосѳенъ былъ превосходенъ: онъ не старался возбуждать въ слушателяхъ своихъ жалости, какъ то дѣлалъ Цицеронъ; сіе не совмѣстно было съ предметомъ его; напротивъ того онъ возбуждалъ пылкія страсти:

ибо сіе свойственно краснорѣчію совѣщательному, а другое краснорѣчію судебному. Теперь видите, что я не безъ причины помѣстилъ исторію и философію въ начертаніе курса словесности, которому долженъ слѣдовать всякой желающій быть истиннымъ литераторомъ. Ибо литератору необходимо нужно имѣть даръ слова, который не иначе можетъ быть доведенъ до извѣстной степени совершенства, какъ съ помощію всѣхъ означенныхъ мною познаній.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно назвать ораторомъ того, которой не знаетъ логики, который не приобыкъ совершенно чувствовать связи или противуположности понятій; со всею точностію замѣтить сущность опровергаемаго вопроса; со всею прозорливостію разбирать заблужденія болѣе или менѣе правдоподобныя, которыя его затмеваютъ; исправно опредѣлять слова; искусно приноравливать правило къ самому вопросу, а слѣдствіе къ правилу; разторгать сѣти, лжеумствованіемъ сплетаемыя, къ которымъ обыкновенно прибѣгаетъ невѣжество, или которыми прикрывается ложь? Правда, методическое умствованіе и сухую діалектику онъ долженъ предоставить философіи; онѣ служатъ только къ убѣжденію; но ораторъ простираетъ виды свои гораздо далѣе; онъ старается преклонять; ибо ежели сопротивленіе истинѣ нерѣдко произходитъ только отъ заблужденія, то можетъ быть еще чаще случается, что сопротивленіе сіе есть

не иное что, какъ страсть; и въ такомъ случаѣ врагъ сей бываетъ весьма упоренъ и побѣдить его весьма трудно. Слѣдовательно оратору надлежитъ не только показать намъ истинну, но и преклонить насъ къ послѣдованію оной; не только показывать намъ то, что есть честно, но и заставить насъ дѣлать оное; а потому-то логика ораторская къ доказательствамъ своимъ должна непремѣнно присовокуплять и возбужденіе страстей. Однакожъ возбужденіе сіе будетъ дѣйствительно потолику, поколику доводы будутъ справедливы, и тогда уже ничто не можетъ противиться сугубой сей силѣ; она все увлечетъ за собою. Сею-то силою огражденъ былъ Димосѳенъ, самый ужаснѣйшій, такъ сказать, атлетъ, котораго никто и никогда лучше не дѣйствовалъ оружіемъ слова. Умствованіемъ дѣйствуетъ онъ какъ палицею, которою непрестанно разитъ своего противника, и каждый ударъ его наноситъ ужасную рану. Читая его рѣчи, я всегда привожу себѣ на память слѣдующіе стихи изъ Энеиды, въ коихъ описывается, что Энтелъ одаренный силою боговъ разитъ Дареса цысящею ударовъ и бросаетъ его изъ одного края въ другой, такъ, что у сего несчастнаго ліется кровь изъ носу, рта и ушей.

Praecipitemque Daren ardens agit aequore toto.
Creber utrâque manu pulsat versatque Dareta.

Вотъ точное изображеніе Димосѳена, когда онъ сражается съ своимъ противни-

комъ; и горе тому, кто попадется въ руки сего ужаснаго бойца. Сперва у него я буду брать примѣры пособій и оборотовъ риторическихъ; потомъ у Цицерона, и тогда увидите всю разность между сими двумя ораторами.

Въ знаменитой тяжбѣ о вѣнцѣ, въ которой Димосѳенъ былъ совершенно правъ, Эсхинъ оперся на содержаніе опредѣленія, которымъ назначалось увѣнчать Димосѳена, и на силу законовъ, какъ на предметъ, въ коемъ привязка къ словамъ находитъ всегда сильныя пособія; и обвинитель, какъ человѣкъ одаренный великою способностію слова, со всевозможнымъ искуствомъ умѣлъ придать имъ великую цѣну. Законъ запрещалъ увѣнчавать человѣка, еще не отдавшаго въ дѣлахъ своихъ отчета: полагая, что Димосѳенъ еще не далъ отчета въ препорученномъ ему отъ республики дѣлѣ, заключаетъ, что опредѣленіе было незаконно: онъ основывался на томъ, что Димосѳенъ имѣлъ еще въ управленіи своемъ зрѣлища и ему поручено было пещися о поправленіи Аѳинскихъ стѣнъ. Первое обстоятельство нимало не касалось опредѣленія, которымъ положено было дать золотой вѣнецъ Димосѳену за возобновленіе Аѳинскихъ стѣнъ. Правда, въ семъ послѣднемъ дѣлѣ онъ еще не отдавалъ отчета республикѣ; однакожъ имѣлъ на то весьма основательную причину; почти вся сія поправка стѣнъ учинена была его иждивеніемъ; и Сенатъ въ вознагражденіе

сей-то щедрости, оказанной имъ республикѣ, не только не требовалъ отъ него отчета, но и присудилъ увѣнчать заслуги его золотымъ вѣнцемъ. Но Эсхинъ сильно держится буквеннаго смысла, и сверхъ того всячески старается смѣшать два рода отвѣтственности, между собою совершенно различные, т. е. отвѣтственность въ управленіи народныхъ зрѣлищъ и отвѣтственность въ поправленіи стѣнъ: дѣло сіе можно бы рѣшить самымъ простымъ образомъ. Но Димосѳенъ употребляетъ здѣсь сильное краснорѣчіе наполненное благородными мыслями и чувствованіями, а въ то же время, блистательнымъ свѣтомъ логики осіяваетъ правила и самое дѣло.

„Ежели я прехожу въ молчаніи величай-
„шую часть всего сдѣланнаго мною на поль-
„зу республики при разныхъ возложенныхъ
„на меня порученіяхъ, то сіе произходитъ
„отъ того, что совѣсть моя увѣряетъ меня
„въ совѣсти вашей, и чтобы скорѣе достиг-
„нуть до законовъ, кои Эсхинъ почитаетъ
„нарушенными опредѣленіемъ Ктезифона; Эс-
„хинъ такъ запуталъ и затмилъ все сказан-
„ное имъ о семъ предметѣ, что не толь-
„ко вы его, но и онъ самъ себя не пони-
„маетъ. На сіи продолжительныя возглаше-
„нія я буду отвѣтствовать точнымъ и
„краткимъ объясненіемъ. Сто разъ повто-
„ряетъ онъ, что я нахожусь подъ отчетомъ.
„Что жъ въ томъ! я отъ того ни мало не
„оприцаюсь; я во всю мою жизнь нахожусь

„подъ вашимъ отчетомъ, о Граждане! во „всемъ томъ, что сдѣлано мною при управ„леніи государственными дѣлами.“

Прежде, нежели пойдемъ далѣе, остановимся здѣсь на минуту, (ибо сіе стóитъ того) и замѣтимъ, что истиннымъ краснорѣчіемъ можно только называть то, которое изъ самой души произтекаетъ: Rectus est, quod disertum facit. Сіе простое и чистосердечное выраженіе, произнесенное Гражданиномъ знаменитымъ и благомыслящимъ, не изтребило ли уже всѣ замысловатыя доказательства Эсхина? При томъ слова сіи наполнены истиннымъ краснорѣчіемъ и основаны на глубокомъ познаніи человѣческаго сердца. Сколь хорошо Димосѳенъ зналъ своихъ слушателей и судей! Сколь много онъ былъ увѣренъ, что успѣетъ во всемъ, предавъ самаго себя на волю ихъ и даже своего соперника, и предлагая имъ гораздо болѣе, нежели сколько отъ него требовать можно! Но дабы кто не подумалъ, что подобное выраженіе нимало не трудно, что всякой можетъ тоже сказать, что и Димосѳенъ: такъ, но дѣло идетъ о дѣйствіи, каковое оному произвести надлежало; дѣйствіе сіе не только зависитъ отъ дарованія, но и отъ самой особы и ея свойства. Человѣкъ, желающій говорить съ успѣхомъ, долженъ быть честенъ. Ибо тотъ, коего честность сомнительна, произвелъ бы только смѣхъ, ежели бы началъ говорить о себѣ подобно Димосѳену; слушатели, смотря на него,

улыбнулись бы изъ сожалѣнія; а замѣченный бездѣльникъ былъ бы поруганъ. По сему-то древніе называли оратора vir bonus dicendi peritus, *человѣкъ честный и въ словѣ искусный*. Итакъ сказанныя Димосѳеномъ слова не были бы краснорѣчивы, естьли бы не были справедливы. Въ послѣдствіи времени мы будемъ имѣть случай показать то неискусное подражаніе, то безстыдное шарлатанство людей развращенныхъ, кои нерѣдко заимствовали и изкажали ту истинную похвалу, каковую одна только добродѣтель себѣ приписывать можетъ, и которая въ ихъ устахъ есть не иное что, какъ оскорбленіе, каковое они нанести ей могутъ. Признаюсь, что шарлатанство сіе остается безъ наказанія, когда оно оказывается предъ заговорщиками, или рабами; но когда гласъ общественный свободенъ, то сему наглому лицемѣрію немедленно воздаетъ онъ праведное наказаніе. Я приведу одинъ только примѣръ, даже предшествовавшій нашей революціи. Лингетъ, человѣкъ не заслуживавшій смерти, которой его послѣ предали, но коего рабственная и продажная подлость была всѣмъ извѣстна, вздумалъ при полномъ собраніи примѣнить къ себѣ слѣдующій Ипполитовъ стихъ изъ Расиновой трагедіи *Федры*

Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon coeur.

Даже и самый честный человѣкъ не могъ бы, безъ оказанія нѣкоего самохвальства, при многочисленномъ собраніи при-

писать себѣ такой похвалы, которая прилична только оклеветанной добродѣтели. Лингетъ былъ всѣми осмѣянъ; онъ посмотрѣлъ на собраніе весьма грозно, такъ какъ нѣкогда мы видѣли его грозившаго кулакомъ всему конституціонному сословію. Но средства сіи, хотя онѣ впрочемъ нынѣ и весьма обыкновенны, стольже неприличныя оратору, какъ и человѣку честному, потому что благопристойность неразлучна съ честностію, послужили только къ умноженію смѣха. Поступокъ сей былъ весьма справедливъ, и надобно признаться, что никогда примѣненіе не было столь неудачно, какъ сдѣланное Лингетомъ. Обратимся къ Димосѳену; онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Но я твердо настою, что никакая „власть не можетъ отъ меня требовать „отчета въ томъ, что мною подарено; „слушай, Эсхинъ! — въ томъ, что мною „подарено. Васъ Аѳиняне вопрошаю, суще„ствуетъ ли гдѣ нибудь столь нелѣпый, „столь жестокій законъ, который бы гра„жданина, пожертвовавшаго своимъ имуще„ствомъ, могъ лишить вашего къ нему „благоволенія, который бы щедроты его „подвергалъ строжайшему изслѣдованію? Ни„гдѣ нѣтъ подобнаго сему закона; естьли „же онъ существуетъ, то пусть покажутъ „его. Но такого закона нѣтъ; да и быть „ему никакъ не можно. Эсхинъ надѣялся об„манути васъ страннымъ лжеумствованіемъ:

„потому только, что я подлежу отчету въ „суммахъ, вѣренныхъ мнѣ на содержаніе „зрѣлищъ, онъ всячески старается подвер- „гнуть меня отчету и въ собственныхъ „моихъ деньгахъ, которыя употребилъ я „на поправленіе нашихъ стѣнъ. Сенатъ „увѣнчеваетъ его, вопіетъ Эсхинъ, а онъ „еще подлежитъ отчету! — Нѣтъ, Сенатъ „увѣнчеваетъ меня не за то, въ чемъ по- „длежу отчету, но за то, что не подвер- „жено никакой отвѣтственности, т. е. за „имущество, которое подарилъ я республи- „кѣ. — Но тебѣ, продолжаетъ онъ, поручено „исправленіе нашихъ стѣнъ; слѣдовательно „ты долженъ отдать отчетъ въ употреблен- „ныхъ на то издержкахъ. — Такъ конечно, „естьли бы издержки сіи касались до суммы „республики; но уже извѣстно, что на изпра- „вленіе Аѳинскихъ стѣнъ употребилъ я „собственную сумму, и потому Сенату благо- „угодно было оказать мнѣ почесть. Никто не „споритъ, что разходныя книги должны быть „подвержены изслѣдованію и повѣркѣ; но „суммъ принесенныхъ въ даръ, но щедротъ „записывать въ книги не должно; имъ „принадлежитъ только похвала и благо- „дарность. “

Возмемъ изъ сейже самой рѣчи другое мѣсто, въ которомъ логика Димосѳенова имѣла гораздо болѣе труда. Димосѳенъ, хотя ему и не было поручено законнымъ образомъ управленіе республикою, но въ самомъ дѣлѣ былъ правителемъ не только

Аѳинѣ, но даже и союзныхъ республикъ, ибо совѣтами своими онъ управлялъ всемъ, и всѣхъ одушевлялъ своимъ краснорѣчіемъ; онъ одинъ преклонилъ народъ къ войнѣ съ Филиппомъ; и война сія была неудачна. Всякой зналъ, что не онъ былъ тому виною; но несчастіе, оскорбляющее людей, не дѣлаетъ ли ихъ также и несправедливыми? Неудовольствіе не бываетъ ли иногда слѣпо и безразсудно? Не охотно ли обвиняютъ того, кто бываетъ, неумышленно или умышленно, причиною нашихъ несчастій? Предполагая, что простятъ Димосѳена, нужно было знать, однимъ ли прощеніемъ кончится все дѣло? Искренне ли разположены были наградить его и оказать ему почесть? Вотъ, на чемъ основывалъ Эсхинъ всю свою надежду, и утверждалъ свое обвиненіе; вотъ, что было пружиною всѣхъ его нападеній. Кажется, онъ никакъ не осмѣлился бы вооружиться толикою ложью и клеветою, ежели бы не былъ увѣренъ, что онъ сразитъ Димосѳена претерпѣнными Республикою бѣдствіями, такъ, что онъ не въ состояніи будетъ оправиться; и потому-то рѣчь *о Вѣнцѣ* тѣмъ бо́льшее заслуживаетъ удивленіе, что оракторъ долженъ былъ отразить ею величайшія запрудненія. Все вооружалось на Димосѳена: самымъ лучшимъ оправданіемъ служило только намѣреніе, съ каковымъ онъ подавалъ свои совѣты; но источникъ сей не столь былъ изобиленъ, какъ тотъ, каковый представлялся Эсхину. Сей могъ пользоваться всѣми риторическими общими мѣстами,

которыя въ краснорѣчіи бываютъ весьма сильны, когда приложеніе оныхъ относится къ предметамъ, находящимся предъ нашими глазами, какъ то: пролитая сограждан̀ъ кровь, опустошеніе полей, развалины городовъ, печальное одѣяніе семействъ, и многіе другіе плачевные предметы, которые онъ излагаетъ и изображаетъ со всемъ тѣмъ, что искуство имѣетъ въ себѣ плѣнительнаго, негодованіе злѣйшаго и ненависть вѣроломнѣйшаго. Здѣсь я еще не упоминаю о средствахъ всякаго рода, каковыя противуставитъ ему Димосѳенъ; онѣ помѣщены будутъ въ своемъ мѣстѣ. Мы займемся настоящимъ нашимъ предметомъ, то есть, способомъ умствованія приличнымъ оратору. Не трудно было показать разность между намѣреніемъ и самымъ произшествіемъ, но сего было еще не довольно. Надлежало отдѣлить его отъ самаго дѣла, изобразить его чертами столь сильными и благородными, чтобы Димосѳенъ и Аѳиняне казались еще бо́льшими, когда все обратилось къ ихъ вреду. Статью, особенно касающуюся до Аѳинянъ, увидимъ мы въ другомъ мѣстѣ; но теперь скажемъ только о Димосѳенѣ. Сей ораторъ даетъ дѣлу своему такой оборотъ, который показываетъ въ немъ великую силу и пылкость ума. Димосѳенъ прямо отрицаетъ, что онъ никогда и никѣмъ побѣжденъ не былъ; утверждаетъ, что онъ остался побѣдителемъ, что онъ-то въ самомъ дѣлѣ торжествовалъ надъ Филиппомъ; и мнѣніе свое

подтверждаетъ доказательствами. Послушаемъ, что онъ говоритъ Эсхину.

„Несчастный! ежели общественное бѣд-
„ствіе придаетъ тебѣ смѣлость въ то
„время, когда надлежало бы вмѣстѣ съ нами
„сожалѣть объ оныхъ, покажи во всемъ
„зависѣвшемъ отъ меня что нибудь такое,
„которое было бы причиною нашего несчастія,
„или не послужило бы къ предупрежденію она-
„го? Во всѣхъ посольствахъ, въ которыхъ я
„былъ, посланники Филипповы имѣли ли
„какое преимущество надо мною? Нѣтъ,
„никогда и нигдѣ; ни въ Ѳессаліи, ни въ
„Византіи, ни въ Ѳивахъ, ни въ Иллиріи.
„Но то, что успѣлъ я сдѣлать словами,
„Филиппъ изтребилъ силою; а ты винишь ме-
„ня! а ты не стыдишся требовать отъ меня
„въ томъ отчета! ты хочешь, чтобы тотъ
„самый Димосѳенъ, котораго называешь
„слабѣйшимъ изъ человѣковъ, торжество-
„валъ надъ войсками Филиппа, и чѣмъ же?
„словами? Ибо, кромѣ словъ, у меня ничего
„не было: я не располагалъ ни чьею силою,
„ни имуществомъ: я не имѣлъ никакого на-
„чальства въ воинствѣ; и во всей республикѣ
„нашелся только ты одинъ столь безраз-
„судный, что требуешь отъ меня отвѣта.
„Чтожъ могъ, чтожъ долженъ былъ дѣлать
„оракоръ Аѳинскій? Предвидѣть зло при
„самомъ его рожденіи, показать его другимъ,
„и все сіе я сдѣлалъ; мнѣ надлежало преду-
„предить, сколько было возможно, мѣшкот-

„ность, ложныя отговорки, противуполож-
„ности выгодъ, недоразумѣнія, ошибки,
„препятствія всякаго рода, весьма часто
„случающіяся между союзными и взаимно
„одна другой завидующими республиками,
„и все сіе мною сдѣлано; противупоставить
„всѣмъ симъ затрудненіямъ рвеніе, неусып-
„ность, любовь къ должности, дружество,
„согласіе, и все сіе мною сдѣлано. Ни въ
„одномъ изъ сихъ предметовъ никакой чело-
„вѣкъ, кто бы онъ ни былъ, обвинить меня
„не можетъ; а, естьли спросятъ, какимъ
„образомъ возторжествовалъ Филиппъ, то
„весь свѣтъ за меня отвѣтствовать будетъ:
„*Своимъ оружіемъ, которое все покорило;*
„*своимъ золотомъ, которымъ все подку-*
„*плено.* Не мнѣ надлежало сражаться ни
„съ тѣмъ ни съ другимъ; я не имѣлъ ни
„денегъ, ни ратниковъ. Но что касается
„до меня, то смѣло сказать могу, что я
„побѣдилъ Филиппа, а какъ? отринувъ его
„щедроты, и уничтоживъ покушеніе его
„подкупить меня. Когда какой либо чело-
„вѣкъ позволяетъ подкупить себя, то под-
„купитель смѣло сказать можетъ, что онъ
„побѣдилъ его; но человѣкъ не подкупи-
„мый сказать можетъ, что онъ торжест-
„вуетъ надъ подкупителемъ. Итакъ во
„всемъ томъ, что зависѣло отъ Димосѳена,
„Аѳины были побѣдоносны, Аѳины были
„непобѣдимы. “

Мѣсто сіе не служитъ ли самымъ превос-
ходнымъ примѣромъ оратторскаго доказа-

тельства? Не слышите ли вы отсюда одобрительныхъ возклицаній, каковыя неминуемо должны были слѣдовать послѣ сего прекраснаго изложенія? и не чувствуете ли, что ничто не могло противустоять столь сильному генію? Впрочемъ никогда не выпускайте изъ виду, о чемъ говорилъ я уже не однократно и всегда твердить буду, что таковыхъ доказательствъ искать должно въ своей душѣ: одна только она можетъ васъ снабдить ими; искуство научаетъ только располагать и украшать оныя, но никогда не можетъ доставить ихъ. Наипаче оратору, нежели кому либо другому, прилично слѣдующее основательное и весьма часто повторяемое Вовенаргово изрѣченіе: „*Великія мысли произтекаютъ изъ сердца.*“ И потому я непрестанно говорить буду желающему быть краснорѣчивымъ: „Сперва „сдѣлайся хорошимъ гражданиномъ, то есть „человѣкомъ честнымъ; ибо одно безъ друга и существовать не можетъ. Любишь „ли болѣе всего твое отечество, справедли„вость и истинну? Увѣренъ ли ты въ себѣ, „что никогда и никакая корысть не прекло„нитъ тебя къ измѣнѣ? Единое помышле„ніе одобритъ, хотя на минуту, какое либо „преступленіе, или уклониться отъ добродѣтели возбуждаетъ ли въ тебѣ стыдъ и „ужасъ? Ежели ты въ самомъ дѣлѣ таковъ, „то говори, и ничего не бойся. Ежели природа „одарила тебя отличною способностію краснорѣчія, тогда ты все можешь сдѣлать: „но хотя бы она и отказала тебѣ въ оной,

„ты и тогда чего нибудь достигнешь, и во
„первыхъ исполнишь свой долгъ, во вторыхъ
„сдѣлаешь настоящую пользу, подавъ дру-
„гимъ хорошій примѣръ, и умножишь собою
„число защитниковъ справедливости.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Приложеніе тѣхъ же самыхъ правилъ въ Димосѳеновой рѣчи противу Филиппа, названной Херсонесскою.

Одаренные одними только способностями души имѣютъ недостатокъ въ методѣ и умствованіи, то есть въ надлежащемъ разположеніи мыслей, подкрѣпляемыхъ однѣ другими, въ искуствѣ прибирать доказательства такъ, чтобы онѣ всегда постепенно усиливались до тѣхъ поръ, когда ораторъ, какъ бы съ нѣкоей высоты и какъ бы изъ лучезарнаго средоточія, успѣетъ произвесть сильное и внезапное движеніе въ сердцахъ собравшагося народа, и тѣмъ сокрушитъ своихъ противниковъ. Тогда-то сіи движенія, какъ я уже сказалъ, рѣшатъ побѣду; но необходимо нужно, чтобы доказательства были заблаговременно приготовлены и обработаны; въ противномъ случаѣ движенія только потрясаютъ, но низложить противника никакъ не могутъ. Надлежитъ, чтобы съ самаго начала истинна возбудила въ сердцахъ всѣхъ слушателей сіе внутреннее и какъбы невольное соучаствованіе, т. е. чтобы они въ самихъ себѣ сказали: *онъ говоритъ правду:* тогда-то ораторъ, овладѣвъ умами, въ самомъ дѣлѣ повелѣваетъ ими, или лучше сказать, вмѣсто

его повелѣваетъ разумъ, и слушатели повинуются охотно.

Такова есть тактика Димосѳена во всѣхъ его совѣщательныхъ рѣчахъ, составляющихъ большую часть его твореній: всѣ онѣ, хотя подъ разными названіями, принадлежатъ къ рѣчамъ извѣстнымъ подъ названіемъ *Филиппическихъ*; всѣ онѣ одинакаго содержанія, ибо ораторъ старается изтребить въ Аѳинянахъ безпечность и вооружить ихъ противу хитраго честолюбія Филиппа.

Къ симъ рѣчамъ принадлежатъ не только четыре рѣчи, которыя особенно называются *Филиппическими*, но и всѣ тѣ, въ которыхъ ораторъ говоритъ о бывшихъ между Филиппомъ и между Греками и Аѳинянами несогласіяхъ, къ коимъ причисляются три извѣстныя подъ именемъ *Олинѳійскихъ*, одна рѣчь *о Мирѣ*, которой предложенъ былъ царемъ Македонскимъ; рѣчь, произнесенная по случаю полученнаго письма отъ сего же государя, и наконецъ та, которая извѣстна подъ именемъ *Херсонесскія*. Всѣхъ же считается десять рѣчей, изъ коихъ послѣдняя, по мнѣнію моему, есть лучшая; впрочемъ всѣ онѣ могутъ служить образцами. Правда, въ нихъ нѣтъ разительныхъ картинъ, сильныхъ движеній, изобилія, каковыя находятся въ рѣчи *о Вѣнцѣ*, ни той сильной и ужасной борьбы, которая свойственна судебному роду краснорѣчія, въ которомъ два противника, единоборствуя,

одинъ другаго поразить стараются. Но надлежитъ также замѣтить, что сіе сіоль знаменитое прѣніе Эсхина съ Димосѳеномъ имѣло особенную и можетъ быть единственную предъ прочими выгоду: надлежитъ себѣ представить всю Грецію, собравшуюся, такъ сказать, въ Аѳины послушать двухъ славныхъ ораторовъ, защищающихъ собственное свое дѣло? Да и какоежъ дѣло! Человѣкъ, краснорѣчіемъ своимъ двадцать лѣтъ управлявшій Аѳинами и Грецією, противуполагаетъ злобнѣйшимъ и яростнымъ нападеніямъ ненависти и клеветы прекраснѣйшее и вѣрнѣйшее изображеніе своего правленія, то есть исторію Грековъ и собственную свою. Произшествія, случившіяся съ Грецією, присоединились здѣсь къ тяжбѣ сихъ двухъ ораторовъ. Димосѳенъ, защищая свою славу, защищалъ также славу Аѳинянъ и Грековъ. Душа его въ одно и тоже время была исполнена чувствованіемъ народнаго величія, и личнымъ негодованіемъ. Онъ имѣлъ предъ собою своего соперника и Грецію; одна воздаетъ ему честь, а другой его оскорбляетъ. Чего не надлежало, чего ему не можно было сдѣлать, лишь только бы показать себя достойнымъ первой, и возторжествовать надъ другимъ? Сія между имъ и Эсхиномъ распря была сраженіемъ, угрожающимъ смертію; ибо изгнаніе у Аѳинянъ и Римлянъ почиталось родомъ смертной казни. Таковое столь важныхъ обстоятельствъ стеченіе содѣлывало рѣчь его способною къ возпріятію всѣхъ родовъ краснорѣчія: ѣдкая острота опро-

верженій и обвиненій, возвышенность мыслей политическихъ, весь огнь возпламеняемый славою и любовію къ отечеству, естественнымъ образомъ соединялись въ рѣчи таковаго содержанія; и всѣ сіи качества достигли въ ней высочайшаго степени. Не должно никогда забывать, что геній болѣе или менѣе высится, смотря по свойству предмета, которымъ занимается, и что люди становятся великими отъ вещей, а сіи отъ людей.

Достоинство *Филиппическихъ* рѣчей собственно принадлежитъ краснорѣчію совѣщательному; въ нихъ находится рѣдніе сильное, ясное, порядокъ умствованій и доказательствъ, взаимно подкрѣпляющихъ, и не дающихъ сопернику времени ни для отдыха, ни для пріисканія мыслей къ опроверженію; выраженія простыя, а иногда даже обыкновенныя, но благопристойныя и нѣкоторымъ образомъ благородныя, которыя съ точностію, чистотою и быстротою словоизраженія составляли то, что Древніе называли Аттицизмомъ.

Думаю, что и безъ обширнѣйшаго познанія дѣлъ Греціи, весьма нужнаго тому, кто захочетъ знать совершенно свойство ея ораторовъ, нѣкоторыя мѣста избранныя изъ ихъ сочиненій могутъ понравиться большему числу читателей. Но я почелъ за нужное, для доставленія точнѣйшаго понятія о славнѣйшемъ изъ всѣхъ сихъ учителей слова, перевесть одну изъ его Филип-

пическихъ рѣчей. Для сего я выбралъ шестую, подъ названіемъ *о Херсонесѣ*; она недлинна, и никогда ни одинъ ораторъ не былъ столь кратокъ, какъ Димосѳенъ. Правда, что вкусъ Аѳинянъ служилъ въ семъ случаѣ правиломъ и мѣрою ораторскихъ рѣчей. Сей замысловатый и нѣжный народъ праздная своего времени не позволялъ употреблять во зло и почитать себя невнимательнымъ. Онъ тщеславился, такъ сказать, тѣмъ, что изъ половины одного слова понималъ другую; случалось, что народъ останавливалъ оратора, какъ скоро удаляется онъ отъ главнаго предмета. О таковой строгости судить можно по одному слову Фокіона. Онъ славился особенною краткостію, и такимъ же строгимъ и суровымъ слогомъ, каковы были его нравы. Его сильная краткость неоднократно торжествовала надъ Аттицизмомъ Димосѳена, который по сей причинѣ называлъ его *сѣкирою своихъ рѣчей.* Нѣкогда Фокіонъ, собираясь говорить рѣчь къ Аѳинянамъ, казался весьма задумчивымъ; и когда спросили его о причинѣ, онъ отвѣчалъ: *я думаю, какъ бы мнѣ сократить рѣчь, которую я долженъ теперь говорить.* (*)

Краткое изображеніе о взаимномъ положеніи дѣлъ Филиппа и Грековъ въ сіе время,

---

(*) Между сею умѣренностію въ словахъ и между велерѣчивымъ хвастовствомъ нашихъ судебныхъ ораторовъ, находится великая раз-

подастъ ясное понятіе объ ораторѣ, котораго я рѣшился заставить говорить на языкѣ французскомъ.

Филиппъ, коего честолюбіе не могло

ность. Имъ казалось, что все достоинство ихъ рѣчей состояло въ чрезмѣрной оныхъ продолжительности. Столько же были довольны весьма длинною рѣчію, сколько можно бы быть таковыми краткимъ но благоразумнымъ изложеніемъ дѣла. Но пусть бы такъ думали одни просители и воображали себѣ, что ихъ адвокаты всегда говорятъ слишкомъ мало; но глупость и худой вкусъ людей непрестанно находящихся въ судилищахъ и составлявшихъ славу оныхъ, подкрѣпляла странный сей предразсудокъ. Они часто и съ крайнимъ возхищеніемъ возклицали: *такой-то говорилъ два часа сряду: славный адвокатъ говорилъ цѣлые четыре часа.* Разсудокъ могъ изъ сего заключить, что они наговорили весьма много пустаго; но невѣжество думаетъ совсѣмъ иначе, и возхищается.

Сія разность между древними и нами зависитъ отъ разности правленія. Когда каждому гражданину дозволяется говорить о дѣлахъ общественныхъ, по праву и по обстоятельствамъ; то отвращеніе ко многословію и совершенная краткость бываютъ тогда весьма ощутительны; и общею мѣрою сужденій служитъ тогда важность предмета и способность, съ каковою каждый разсуждаетъ объ оныхъ. Но когда предъ обществомъ могутъ говорить немногіе, когда

довольствоваться небольшими областями, и который по дарованіямъ своимъ могъ управлять гораздо обширнѣйшимъ государствомъ, нежели каковое досталось ему по наслѣдству, возымѣлъ сильное желаніе

должностію сею занимается малое число гражданъ, въ такомъ случаѣ тѣмъ паче распространяются въ словахъ, что бываютъ весьма ограничены въ предметахъ, и тогда стараются они разными оборотами разплодить, сколько возможно болѣе, рѣчь свою. И по сей-то самой причинѣ защищеніе какого либо духовнаго завѣщанія, или наслѣдства бываетъ вообще гораздо длиннѣе всякой Димосѳеновой или Цицероновой рѣчи о величайшихъ выгодахъ и о важнѣйшихъ дѣлахъ всей республики. Изъ десяти Филиппическихъ рѣчей ниодна не была читана долѣе получаса. Самыя длинныя защитительныя рѣчи Цицерона и Димосѳена не болѣе часа продолжались; а на чтеніе рѣчи о *Вѣнцѣ*, самой продолжительнѣйшей, не смотря на то, что сіе превосходнѣйшее сочиненіе имѣло по всѣмъ отношеніямъ обильнѣйшее содержаніе, заключающее и долженствовавшее заключать въ себѣ множество предметовъ, употреблено также не болѣе часа, ежели изключить чтеніе публичныхъ актовъ, къ подкрѣпленію дѣла служащихъ.

Однакожъ не всѣ адвокаты равно вдаются въ сіе многорѣчіе, и нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ соображаться съ предметомъ. Даже есть примѣръ весьма чрезвычайной и весьма забавной краткости, которая имѣла успѣхъ по одной только своей рѣдкости

желаніе сдѣлаться обладателемъ Греціи. Таковое предпріятіе было слишкомъ велико и несоразмѣрно съ силами царя Македонскаго, коего народъ доселѣ былъ презираемъ Греками; Македонянъ называли они варвара-

---

однакожъ я не совѣтовалъ бы слѣдовать сему примѣру. Въ одномъ небольшомъ уѣздномъ городѣ, нѣкоторый, впрочемъ весьма неискусный, живописецъ былъ обвиненъ въ прелюбодѣяніи съ одною дѣвицею, сдѣлавшеюся отъ него беременною: она требовала себѣ удовлетворенія за учиненное ей безчестіе. Все имущество сего бѣднаго живописца, кромѣ его ремесла, состояло только въ дощечкахъ съ надверными надписями, въ вывѣскахъ и въ должности *городоваго живописца*, которая приносила ему, какъ я думаю, не болѣе ста рублей. Лицемъ былъ онъ очень дуренъ, а при томъ и глупъ. Адвокатъ въ защищеніе своего кліента произнесъ слѣдующую рѣчь, которая сохранена любопытными: онъ противуположилъ соперницѣ своей то, что называется въ судопроизводствѣ, *des fins de non recevoir.*

„Мои доказательства очень просты: „дѣвицу можно развратить только тремя „средствами, или красотою, или деньгами, „или умомъ. Но какъ защищаемый мною „дуренъ, очень дуренъ, глупъ и очень глупъ, „бѣденъ и очень бѣденъ. Дуренъ; взгляни„те на него. Бѣденъ; онъ городовой живо„писецъ. Глупъ; поговорите съ нимъ. Я „твердо стою въ моемъ мнѣніи.“ Собраніе не могло удержаться отъ смѣха, и дѣло единогласно рѣшено въ его пользу.

ми. Филиппъ, воспитанный Ѳивяниномъ Пелопидомъ и учившійся у него политикѣ и рашному искусшву, возпользовался наспавленіями сего великаго человѣка. Устроивъ военное государство, подобное королевству, въ наши времена Фридрихомъ основашному, и покоривъ Грецію, приготовилъ сыну своему Александру несомнѣнную побѣду надъ Азіею. Воинство его вскорѣ сдѣлалось ужаснымъ; оно состояло изъ Македонской фаланги, (корпуса пѣхоты, которая была никѣмъ неодолима до самаго сраженія съ Римскими легіонами), и Ѳессалійской конницы, которая почиталась тогда самою лучшею, и которая въ послѣдствіи времени споспѣшествовала Пирру одержать первую побѣду надъ Римлянами. Онъ образовалъ полководцевъ, Аттала и Парменіона, которые потомъ считались между лучшими Александровыми вождями. Съ сими войсками, бывшими подъ начальствомъ знаменитыхъ вождей, изобильно снабженными всякаго рода запасами, и всегда въ дѣйствіи, онъ съ невѣроятною скоростію нападалъ на разныя страны Греціи, смотря по обстоятельствамъ, каковыя онъ умѣлъ производить, или выжидать, или пользоваться ими; ибо успѣхи его предпріятій болѣе зависѣли отъ его политики, нежели отъ силы. Ему весьма благопріятствовали господствовавшія тогда между Греческими городами соперничество, зависть, недовѣрчивость, кои подавали имъ поводъ къ непрестанной враждѣ. Филиппъ лестными своими обѣщаніями, ласкою и деньгами

успѣлъ повсюду преклонить на свою сторону многихъ знатныхъ гражданъ и ораторовъ; а сіи его приверженцы весьма удобно могли обманывать простой народъ, который обыкновенно въ то самое время наиболѣе рабствуетъ, когда почитаетъ себя повелителемъ. Посредствомъ сихъ наемныхъ споспѣшниковъ заставлялъ онъ всѣ Греческіе города, сильные и слабые, поступать такъ, какъ ему было угодно; и когда удавалось ему поссорить ихъ, тогда вмѣшивался въ ихъ разпри, и подъ видомъ примиренія или поданія помощи одному противу другаго, наконецъ оба враждовавшіе города покорялъ своей власти. Такимъ-то образомъ прошелъ онъ Ѳермопилы и Фокейскую землю и открылъ себѣ путь въ Аттику; такимъ-то образомъ овладѣлъ онъ Эвбеею, которая, по своему мѣстоположенію, защищала Аѳинскія владѣнія со стороны моря; такимъ-то образомъ взялъ Амфиполь и многіе другіе Ѳракійскіе и Ѳессалійскіе города. Керсоблептъ, одинъ изъ небольшихъ Ѳракійскихъ царей, опасаясь предпріимчивости Филиппа, и надѣясь получить помощь отъ Аѳинянъ, рѣшился уступить имъ Геллеспонтскій полуостровъ Херсонесъ, который по мѣстоположенію своему могъ быть весьма полезенъ сильному на морѣ народу, каковы были тогда Аѳиняне. Кардія, одинъ изъ городовъ сего полуострова, не хотѣлъ послѣдовать примѣру прочихъ селеній; отказался отъ повиненія Аѳинянамъ и предался покровительству Филиппа, имѣвшаго тогда сильное войско

во Θракіи. Аѳины, заведши въ Херсонесѣ колонію, отправили туда часть своихъ войскъ, какъ для ея защиты, такъ и для наблюденія за поступками Филиппа. Діопиѳъ, начальникъ сихъ войскъ, почитая сіе покровительство непріятельскимъ дѣйствіемъ царя Македонскаго, нападаетъ на земли его въ приморской Θракіи, раззоряетъ ихъ, и собравъ богатую добычу, отвозитъ оную въ Херсонесъ. Филиппъ бывъ занятъ важными дѣлами, не могъ приступить къ отмщенію; жалуется Аѳинянамъ, представляетъ, что ни отъ него, ни отъ Аѳинянъ не было никакого объявленія войны. Онъ настоитъ о соблюденіи мирныхъ договоровъ, которые, по словамъ его, Діопиѳъ первый нарушилъ; а наемники Филипповы всѣми силами стараются подкрѣпить его требованія и обвиняютъ Діопиѳа. Требуютъ, чтобы онъ былъ непремѣнно отозванъ, чтобы посланъ былъ другой полководецъ для приведенія его въ послушаніе, ежели будетъ противиться, и чтобы наконецъ сдѣлано было удовлетвореніе Филиппу. Таковая безразсудная подлость сильно огорчила Димосѳена; онъ возходитъ на каѳедру и говоритъ:

„Надлежитъ, о Аѳиняне, чтобы каждый,
„съ сей каѳедры простирающій къ вамъ
„рѣчь свою, не имѣлъ ни снизхожденія,
„ни вражды, помышлялъ бы только о томъ,
„что почитаетъ лучшимъ, а особливо когда
„разсуждаемъ о важныхъ общественныхъ
„пользахъ. Но какъ между нашими ора-

„рами есть такіе, коихъ мнѣніями упра-
„вляетъ или любопрѣніе, или зависть, или
„иныя какія либо личныя причины; то по
„крайней мѣрѣ вы сами должны, отвергнувъ
„всѣ сіи посторонніе виды, обратить все
„вниманіе ваше на то, что полезно республи-
„кѣ.

„О чемъ мы разсуждаемъ теперь? о
„Херсонесѣ, которому угрожаетъ Филиппъ,—
„Филиппъ, который съ войсками своими
„уже одиннадцать мѣсяцовъ находится во
„Оракіи; а о чемъ говорятъ намъ ваши ора-
„торы? о военныхъ дѣйствіяхъ и предпрі-
„ятіяхъ Діопиѳа. Что касается до меня,
„то обвиненія, взводимыя на одного изъ
„вашихъ полководцевъ, почитаю я дѣломъ
„маловажнымъ; его, когда вамъ угодно, вы
„можете призвать въ Аѳины и судить по
„законамъ, теперь ли, или въ другое время, это
„все равно; и нѣтъ причины, по чему бы
„мнѣ, или кому либо другому за сіе дѣло
„съ толикою горячностію и съ толикимъ
„нетерпѣніемъ приниматься надлежало. Но
„то, что Филиппъ, врагъ нашъ, старается
„изхитить изъ рукъ нашихъ, Филиппъ, ко-
„его войска покрываютъ берега Геллеспонта;
„то, чего вы ни поправить, ни возвратить
„не можете, ежели упустите удобный слу-
„чай, требуетъ вашей разторопности, бди-
„тельности; вотъ, въ чемъ состоитъ нуж-
„да; вотъ, что вы должны рѣшить неме-
„дленно, не предаваясь пустымъ и шумнымъ
„спорамъ, которые только отъ настоящей
„пользы отвлечь васъ могутъ.

„Признаюсь, не безъ удивленія слушалъ „я многое, о чемъ ораторы говорятъвамъ въ „собраніяхъ вашихъ. Но сказанное при мнѣ „въ Сенатѣ наиболѣе всего меня изумило; „требуютъ, чтобы каждый, кто только поже„лаетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ „говорить предъ народомъ, долженъ пор„жественно объявить, чего онъ желаетъ, что „будетъ вамъ совѣтовать, вести войну, или „сохранять миръ? Нѣтъ, настоящее поло„женіе дѣлъ нашихъ уже не таково. Ежели бы „Филиппъ былъ спокоенъ, ежели бы не на„рушилъ договоровъ, не похищалъ вашихъ „владѣній; ежели бы не возмущалъ и не во„оружалъ противъ васъ народы, въ тоже „самое время владычеству его предающіеся; „то конечно вамъ бы надлежало оставать„ся въ мирѣ; да и сами вы, сколько примѣтить „могу, разположены къ тому охотно. Нѣтъ „нималѣйшаго сомнѣнія, что мы имѣемъ мир„ные договоры, въ исполненіи которыхъ онъ „вмѣстѣ съ нами клялся; но естьли Фи„липпъ еще до отправленія Діопиѳа изъ „Аѳинъ въ учрежденную вами колонію, Діо„пиѳа, коего почитаютъ виновникомъ войны, „естьли, говорю, Филиппъ вопреки справед„ливости, уже завладѣлъ тѣмъ, что при„надлежитъ вамъ; ежели собственныя ваши „опредѣленія, по сему дѣлу изданныя, торже„ственно уличаютъ его въ нарушеніи обязан„ностей; ежели при заключеніи каждаго со„юза съ Греками или съ варварами старался онъ „только о томъ, чтобъ вовлечь васъ въ вой„ну; то что можемъ заключить изъ сдѣлан-

„наго вамъ предложенія, а именно, войну ли,
„или миръ избирать должно? Ахъ, Аѳиняне!
„теперь нѣтъ для васъ никакого выбора; вамъ
„остается только одно средство, и при томъ
„самое справедливое и самое нужное, то есть,
„оправить нападателя; и о семъ-то одномъ
„ораторы ваши не говорятъ вамъ ни слова!
„Развѣ они думаютъ, что Филиппъ не
„причиняетъ намъ никакой обиды, не
„нарушаетъ договоровъ съ нами заключен-
„ныхъ, и не воюетъ противу насъ по тому
„только, что еще не нападаетъ на Ат-
„тику, на Пирей, на стѣны наши. Но я не
„могу и помыслить, Аѳиняне, чтобы до-
„пускающіе таковыя правила справедливо-
„сти и полагающіе таковые предѣлы войнѣ
„и миру показались вамъ людьми, имѣющи-
„ми какое либо понятіе о томъ, что пред-
„писываетъ самая правота, о томъ, что
„вы безъ стыда сносить можете, и о томъ,
„чего безопасность ваша требуетъ. Они
„даже не чувствуютъ и того, что разсу-
„ждая такимъ образомъ, сами оправды-
„ваютъ Діопиѳа, котораго обвинить стара-
„ются: ибо почто позволяется Филиппу
„дѣлать все, что ему угодно, лишь только
„бы не нападалъ на Аттику, а Діопиѳу воз-
„прещается подавать помощь Ѳракійцамъ? —
„Но (скажутъ) не должно позволять наемнымъ
„ратникамъ опустошать берега Геллеспон-
„та, также не должно терпѣть, чтобы Діо-
„пиѳъ, набравъ иностранные корабли, произ-
„водилъ морскіе разбои. — Пусть такъ: я увѣ-
„ренъ въ благонамѣреніи тѣхъ, которые гово-

„рятъ вамъ такимъ образомъ: безъ сомнѣ-
„нія, они пекутся о справедливости и о
„сохраненіи вашихъ выгодъ. Въ такомъ
„случаѣ я сдѣлаю имъ только одинъ вопросъ,
„вотъ онъ: когда удастся имъ разогнать и
„уничтожить ваше воинство, обезславивъ
„полководца, который самъ собою нашелъ
„средство къ содержанію онаго; то пусть
„они намъ скажутъ, какимъ образомъ из-
„требятъ они войско Филиппово? Естьли
„на вопросъ сей отвѣтствовать не будутъ,
„то вы сами, Аѳиняне, ясно увидите, что
„они стараются привесть дѣла ваши въ
„прежнее состояніе, которое въ послѣднія
„сіи времена нанесло жестокій ударъ могу-
„ществу Аѳинъ. Вамъ извѣстно сіе: Фи-
„липпъ, содержа войска свои во всегдаш-
„ней готовности, имѣлъ предъ нами вели-
„чайшія выгоды, и чрезъ то могъ удобно
„пользоваться всѣми представлявшимися ему
„случаями: онъ предупреждаетъ васъ по-
„всюду; ибо въ свободное время обдумавъ и
„посовѣтовавъ съ самимъ собою, онъ дѣй-
„ствуетъ, и при томъ тогда, когда ему заблаго-
„разсудится, нападаетъ, низпровергаетъ: на-
„противъ того мы, не прежде, да и то съ вели-
„кимъ шумомъ, съ безпрестанными спорами,
„приступаемъ къ медленнымъ приготовле-
„ніямъ, какъ уже услышимъ о учинен-
„ныхъ имъ нападеніяхъ. Чтожъ отъ того
„происходитъ? То, что непремѣнно дол-
„жно случиться съ тѣми, кои за дѣла свои
„принимаются слишкомъ поздно: тѣмъ, что
„взято имъ безъ всякаго препятствія, вла-

„дѣетъ онъ спокойно; а намъ, послѣ вели-
„кихъ и безполезныхъ издержекъ, послѣ
„тщетныхъ усилій, по оказаніи всевозмож-
„наго желанія мѣшать и вредить ему, что
„остается? безсиліе и стыдъ.

„Итакъ будьте увѣрены, Аѳиняне, что
„занимая васъ здѣсь пустословіемъ, жела-
„ютъ только того, чтобъ вы оставались
„праздны въ стѣнахъ сихъ, и обезоружены
„внѣ оныхъ; для чегожъ? для того, чтобы
„Филиппъ въ сіе самое время могъ свободно
„дѣлать все по своему произволу. О семъ
„судите потому, что происходитъ нынѣ.
„Многочисленныя войска его уже давно за-
„нимаютъ Ѳракію и Ѳессалію: ежели прежде
„постоянныхъ вѣтровъ онъ осадитъ Визан-
„тію, то думаете ли вы, что Византійцы
„не оставятъ своего противу васъ пред-
„убѣжденія и не возчувствуютъ нужды въ
„помощи? Естьли вы сего не учините, они
„скорѣе согласятся призвать къ себѣ вспо-
„могательныя войска, какія бы онѣ ни были;
„(даже и такихъ народовъ, которымъ они
„не довѣряютъ гораздо болѣе, какъ вамъ),
„нежели отдадутся во власть Филиппу,
„развѣ удастся ему овладѣть симъ городомъ
„прежде, нежели кто нибудь о томъ узнаетъ;
„и естьли мы не имѣемъ тамъ войскъ, естьли,
„когда захотимъ туда ихъ отправить, воз-
„препятствуютъ тому вѣтры, тогда будьте увѣ-
„рены, Византійцы совсѣмъ погибнутъ. — Но
„сіи народы ослѣплены злостію, они посту-
„пили съ нами безразсудно. — Такъ, но
„надлежитъ спасти сихъ безразсудныхъ,

„надлѣжитъ ихъ спасти для собственной „нашей пользы.

„Твердо ли мы увѣрены, что Филиппъ „не пойдетъ къ Херсонесу? Въ письмѣ своемъ „не открылъ ли онъ намѣренія своего от- „мстить Херсонесскимъ жителямъ? Сіе не „служитъ ли убѣдительною причиною оста- „вить въ Херсонесѣ всѣ находящіяся тамъ „наши войска, могущія защищать страну „и безпокоить непріятеля? Естьли лишим- „ся сего войска, а Филиппъ вступитъ въ „Херсонесъ; что тогда дѣлать станемъ? — „Діонисa предадимъ суду. Но какую получимъ „отъ того пользу? — Пошлемъ туда по- „мощь. — А естьли бури помѣшаютъ? — „Но Филиппъ не пойдетъ въ Херсонесъ. — „А кто вамъ о семъ сказалъ? Кто въ этомъ „ручается? “

Вотъ примѣръ краткости, приличной разговору условному, и сей образъ опроверженія въ прѣніяхъ есть самый сильный, самый поразительный. Но надлежитъ остерегаться весьма опасной неудобности, въ каковую нерѣдко впадаютъ употребляющіе сей способъ, не вѣдая ни существенныхъ правилъ онаго, ни дѣйствія имъ производимаго. Они дѣлаютъ себѣ возраженія слабыя, нелѣпыя и совсѣмъ несходныя съ тѣми, каковыя имъ противуполагаютъ, или противуположить можно; въ такомъ случаѣ хитрость сія становится недѣйствительною, смѣшною и даже обращается во вредъ оратору. Заставляя говорить своихъ про-

тивниковъ, надлежитъ опвѣтствовать на ихъ мнѣнія, а не на свои; надлежитъ совершенно быть увѣрену, какъ въ томъ, что они говорить будутъ, такъ и въ основательности своихъ отвѣтовъ. Видите, что Димосѳенъ заставляетъ говорить то, что уже ими сказано было, или что они непремѣнно сказать должны, ежели не захотятъ показаться людьми неосновательными. Трижды вопрошаетъ ихъ, и трижды однимъ только словомъ поражаетъ ихъ совершенно. Димосѳенъ продолжаетъ.

„Подумайте, Аѳиняне! когда и въ какое „время года совѣтуютъ вамъ возвратить „войска ваши изъ Геллеспонта, и оставить „его безъ защиты отъ нападеній Филиппа? „Но что я о семъ говорю? Здѣсь предле„житъ дѣло гораздо важнѣйшее: ежели на „обратномъ пути изъ Ѳракіи онъ минуетъ „Херсонесъ и Византію, а нападетъ на Кол„хиду, Мегару и на городъ Орею, тогда „не ужели лучше будетъ для васъ бороться „съ нимъ на предѣлахъ вашихъ, нежели въ „странахъ отдаленныхъ? “

Ораторъ утверждаяся на изложенныхъ имъ произшествіяхъ и на слѣдствіяхъ, каковыя изъ оныхъ вывести можно, что учинитъ, при содѣйствіи сильной его логики, стóило ему только нѣсколькихъ минутъ, наконецъ смѣло обнаруживаетъ свое мнѣніе, которое было непріятно большой части Аѳинянъ; однакожъ для поддержанія онаго

онъ не забылъ запастися средствами самыми сильными, извлеченными изъ склонностей народа, коего нравъ былъ ему извѣстенъ совершенно. Онъ зналъ, что Аѳиняне сильно боялись стыда, пеклися о своей славѣ, прославились своимъ просвѣщеніемъ, по небреженію удобно попускали себя обманывать, но по открытіи обмана жестоко раздражалися. Сими-то орудіями старался ораторъ привесть въ движеніе сію беззаботливую и невнимательную чернь. Дѣло показалъ онъ во всей ясности; теперь заставляетъ онъ гремѣть истинну, и увидите, какимъ образомъ гражданинъ говоритъ въ присутствіи народа. Замѣтьте, что ни въ Аѳинахъ, ниже въ какомъ либо другомъ мѣстѣ свѣта, никто и не думалъ называть народомъ скопище разбойниковъ: симъ надлежитъ льстить; да и какъ не льстить зломышленникамъ и заговорщикамъ? Ихъ должно называть народомъ *совершенно добрымъ* (essentiellement bon): наши тиранны слова сіи твердили непрестанно. Но Димосѳенъ, такъ какъ и сами Аѳиняне, знали, что естьли бы люди были *совершенно добры*, то не имѣли бы никакой нужды въ законахъ; рѣчи свои говорилъ онъ къ настоящему народу, весьма склонному къ заблужденіямъ, слабостямъ и предубѣжденію. но имѣвшему отечество, благонравіе, обычаи благоустроенному обществу приличные, слѣдственно можно было необиновенно и безъ всякаго опасенія показывать ему истинну даже самымъ жестокимъ, колкимъ и рази-

тельнымъ образомъ, лишь только бы онъ былъ увѣренъ въ правотѣ и честности намѣреній оратора. Тѣ, коимъ незнакомы древніе и кои знаютъ только ту подлую лесть, которая оказывается у насъ непрестанно подлѣйшей черни, то низкое обращеніе съ нею, которое весьма несвойственно названо *любовію къ народу*, нимало не возчувствуютъ той отважной и рѣзкой правдивости Димосѳена, тѣхъ сильныхъ и жестокихъ упрековъ, коими поражая своихъ согражданъ, старается онъ возбудить ихъ отъ усыпленія и просвѣтить умы ихъ истинною; а потому они весьма удивятся, какимъ образомъ рѣчь сія была принята отъ народа, и успѣху, каковый она имѣла.

„По симъ произшествіямъ и размышле-
„ніямъ я заключаю, и мнѣніе мое объявляю,
„что войскъ, Діопиѳомъ съ крайнимъ раче-
„ніемъ собранныхъ и содержимыхъ на слу-
„жбу республикѣ, не только разпускать не
„должно, но напротивъ того надлежитъ до-
„ставить имъ новыя силы, деньги, одежду
„и другіе военные припасы. И въ самомъ
„дѣлѣ, естьли спросить Филиппа, чего онъ
„лучше пожелаетъ, того ли, чтобы войска
„Діопиѳовы, (какого бы онѣ рода ни были,
„о семъ споритъ ни съ кѣмъ не стану)
„были уполномочены, отличены честію и уси-
„лены народомъ Аѳинскимъ, или чтобы онѣ, по
„совѣту недоброжелательныхъ вашихъ ора-
„торовъ, были разпущены, разсѣяны, изтреб-
„ны; но кто усумнится, что онъ послѣднее

„предпочтетъ первому? Итакъ, чего не-
„пріятель вашъ нетерпѣливо и болѣе все-
„го желаетъ, вы сами дѣлать сіе хоти-
„те!..... и при всемъ томъ вы еще спра-
„шиваете, по чему дѣла наши идутъ ху-
„до?.... Аѳиняне! причину сего скажу вамъ
„ясно; я кратко опишу и положеніе вашихъ
„дѣлъ и поведеніе ваше: однимъ словомъ, мы
„не хотимъ ни сражаться, ни платить
„войскамъ. Общественною казною мы сами
„хотимъ пользоваться; Діопиѳу отказы-
„ваемъ въ деньгахъ, законами ему назначен-
„ныхъ; сего мало, мы еще привязываемся и
„къ тѣмъ деньгамъ, которые онъ самъ се-
„бѣ доставляетъ, мы требуемъ отъ него
„отчета въ употребленіи оныхъ: такимъ
„же образомъ поступаемъ мы и во всемъ
„прочемъ, не хотимъ вхѣдить въ собствен-
„ныя дѣла наши. Правда, мы охотно хва-
„лимъ тѣхъ, кои вопіютъ за честь отече-
„ства, но въ самомъ дѣлѣ поступаемъ такъ,
„какъ будто бы находимся въ согласіи съ
„его врагами. Возходящихъ на сію каѳедру
„вопрошаете, что вамъ дѣлать должно;
„а я спрашиваю васъ, что я говорить вамъ
„долженъ? Ибо повторяю, естьли не хоти-
„те служить отечеству ни лично, ни день-
„гами; естьли не хотите отправить къ
„Діопиѳу суммъ ему принадлежащихъ, не
„позволите ему доставать ихъ изъ друга-
„го мѣста; однимъ словомъ, естьли вы, Аѳи-
„няне, не хотите сами заниматься дѣлами
„своими, то я не могу подавать вамъ со-
„вѣтовъ.

„Ибо къ чему бы послужили они, когда „своевольству и клеветѣ позволяете судить „Діопиѳа не только въ томъ, что онъ сдѣ- „лалъ, но даже и въ томъ, что впредь сдѣ- „лаетъ? И сіе-то, Аѳиняне, слушаете вы „терпѣливо!... Должно ли сказать вамъ „только то, что съ нами случится? О! „о, семъ скажу вамъ откровенно и небоязъ- „ненно; ибо не могу говорить иначе.

„Вопервыхъ будьтетвердо увѣрены (и въ „томъ ручаюсь моею жизнію), что всѣ ваши „корабельные начальники поступаютъ подоб- „но Діопиѳу, и потребныя имъ деньги полу- „чаютъ отъ нашихъ союзниковъ, отъ жи- „телей Хіо, Эриѳреи, отъ всѣхъ Грековъ „въ Іоніи и на островахъ живущихъ, смотря „по числу кораблей, подъ начальствомъ ихъ „находящихся. Почемужъ народы сіи снаб- „жаютъ ихъ сими пособіями? Не ужели „думаете, что они дѣлаютъ сіе безмездно? „Нѣтъ, они не столь безразсудны. Сіи по- „жертвованія дѣлаютъ они для того, чтобы „флотъ вашъ защищалъ ихъ торговлю и иму- „щества: сею цѣною покупаютъ они без- „опасность кораблей своихъ и земли, ими „обитаемой; сими средствомъ ограждаютъ „себя отъ морскихъ разбойниковъ и наси- „лія ратниковъ, хотя впрочемъ увѣряютъ „васъ, что они все сіе дѣлаютъ единственно „изъ усердія и приверженности къ вамъ; да „и могутъ ли они называть иначе сію на „собственныхъ выгодахъ ихъ основанную „щедрость? Не ужели думаете, что Діо-

„пиѳъ поступаетъ совсѣмъ иначе, нежели „другіе? Такъ, народы будутъ снабдѣвать „его деньгами; ибо, ежели у него нѣтъ ихъ, „естьли вы не отправите къ нему попреб- „ныхъ суммъ, то чѣмъ же онъ платить „будетъ войскамъ? Откуда получитъ день- „ги? съ неба? Онъ живетъ, и будетъ жить „тѣмъ, что успѣетъ отнять, и тѣмъ, что „можетъ достать разными способами, въ „видѣ ли даровъ или займовъ, какая въ „томъ нужда. Но что дѣлаютъ нынѣ обви- „нители Діопиѳа? Они уговариваютъ народъ „ничего не посылать полководцу, котораго „вы хотите судить и за прошедшія и забу- „дущія дѣла его. Вопъ, къ чему клонятся „повсюду слышимыя мною слова: *онъ будетъ „брать города, онъ подвергаетъ Грековъ „опасности, и слѣдовательно изливаетъ „ихъ*... Сіи пустословы, какъ увидите са- „ми, Аѳиняне, принимаютъ живѣйшее уча- „стіе въ Азіятскихъ Грекахъ, они охотно „стремятся къ защищенію другихъ, но „о спасеніи своего отечества нимало не ду- „маютъ. Они совѣтуютъ послать другаго „полководца, и противъ кого? противъ Діо- „пиѳа!... До какой крайности дошли мы, „о великіе боги! естьли онъ преступникъ, „естьли онъ измѣнникъ, то пусть накажутъ „его законы; ибо одни законы должны наказы- „вать преступниковъ: для сего нужно одно „только опредѣленіе, а не цѣлое воинство; по- „ступокъ сей походилъ бы на совершенное „безуміе. Только противъ нашихъ враговъ, „надъ коими законы наши дѣйствовать не

„могутъ, только противу ихъ, говорю я, „надлежитъ посылать флоты, войска, день„ги; противу ихъ-то всѣ сіи военныя при„готовленія необходимо нужны. Но про„тиву согражданъ нашихъ, единаго обвине„нія, единаго суда довлѣетъ, сіе прилично „благоразумному народу; а тѣ, кои совѣту„ютъ вамъ иное, желаютъ погубить васъ.

„Съ прискорбіемъ признаться должно, что „такихъ совѣтниковъ находится между ва„ми весьма много; но гораздо прискорбнѣе „есть то, что стоитъ только кому нибудь „одному изъ нихъ взойти на сію каѳедру, „чтобы обвинить предъ вами Діопиѳа, Хареса, „или Аристофона, яко виновниковъ всѣхъ „вашихъ бѣдствій; вы охотно его слушаете, „ободряете возклицаніями и рукоплесканіями, какъ будтобы говоритъ онъ что ни„будь премудрое; но когда гражданинъ пра„вдивый скажетъ вамъ: *Аѳиняне! ни Діо„пиѳъ, ни Харесъ, ни Аристофонъ не при„чиняютъ вамъ зла, но Филиппъ; слышите „ли? безъ его честолюбія Аѳины были бы „спокойны*; то, хотя вы и не противурѣ„чите ему, да и сдѣлать сего не можете; „но слушаете его не охотно, и, какъ кажет„ся, почитаете его своимъ неприятелемъ. „Причина тому мнѣ весьма извѣстна; но „именемъ всѣхъ боговъ прошу васъ, Аѳиняне, „позвольте мнѣ говорить свободно и смѣло „о томъ, что касается до вашей пользы.

„Многіе изъ вашихъ ораторовъ и пра„вителей республики ужѐ съ давняго времени

„пріучили васъ быть страшными только „въ совѣщаніяхъ вашихъ, а не въ воинскихъ „приготовленіяхъ; жестокими и пылкими „въ вашихъ собраніяхъ, но слабыми и мяг„сердыми, когда надлежитъ дѣйствовать. „Ежели доносятъ вамъ на какого либо изъ „вашихъ гражданъ, яко на виновника нашихъ „несчастій, то съ какою великою охотою „принимаете доносъ сей, вы все готовы съ „нимъ сдѣлать, ибо увѣрены, что онъ на„ходится въ рукахъ вашихъ. Но когда пока„зываютъ вамъ явнаго врага, коего не иначе, „какъ только оружіемъ усмирить можете; „тогда вы медлите, не знаете что дѣлать и „истинну слушаете съ крайнимъ негодова„ніемъ. Надлежало бы быть совсѣмъ тому „противное. Аѳиняне! ваши градоправители „должны совѣтовать вамъ быть кроткими и „снисходительными къ согражданамъ, жесто„кими и страшными врагамъ вашимъ. Но „хитрые ласкатели столь сильно овладѣли „вами, что вы уже ничего слышать не хо„тите, кромѣ пріятнаго вашему слуху, и „довели васъ до того, что вы уже ни о „чемъ болѣе, совѣщаться не можете, какъ „только о собственномъ вашемъ спасеніи.

„Именемъ боговъ заклинаю васъ, Аѳиняне! „ежели Греки нынѣ потребуютъ отъ васъ „отчета во всѣхъ по нерадѣнію вашему про„пущенныхъ случаяхъ, естьли они скажутъ: „*народъ Аѳинскій, ты непрестанно при„сылаешь къ намъ своихъ повѣренныхъ, „ты убѣждаешь насъ, что Филиппъ по-

„сягаетъ на свободу всѣхъ Грековъ; что „онъ есть общій врагъ, коего надлежитъ „остерегаться непрестанно, и проч. Мы „знаемъ его столь же хорошо, какъ и вы; „поскажите намъ, о безпечнѣйшіе изъ всѣхъ „человѣковъ! (такъ говорятъ вамъ Греки), ко- „гда Филиппъ десять мѣсяцовъ сряду былъ „въ отсутствіи изъ своего отечества, бывъ „занятъ войною, зимнимъ временемъ и „одержимъ болѣзнію, не имѣлъ онъ ника- „кого способа возвратиться въ свои влад- „нія, возпользовались ли вы силъ случаемъ „для избавленія Эвбеянъ? Вы не подума- „ли даже и о возвращеніи того, что вамъ „принадлежало. Напротивъ того Филиппъ, „между тѣмъ, какъ вы сидите дома весь- „ма спокойны и здоровы, (ежели только „можно назвать здоровыми людей, столь „великую слабость показывающихъ), поста- „вилъ на островѣ Эвбеѣ двухъ тиран- „новъ, отъ власти его зависящихъ, одно- „го въ Скіаѳѣ, а другаго въ Орей, противу „самой Аттики, и такимъ образомъ, „можно сказать, одною ногою стоитъ „уже во владѣніяхъ вашихъ. Не упомина- „о прочемъ, скажите только, сдѣлалиль вы „ему какое либо сопротивленіе? Совсѣмъ „нѣтъ, но какъ бы сговорясь съ нимъ, вы „уступили ему права ваши. Ясно, что „хотя бы Филиппъ умеръ десять разъ „вмѣсто одного, то и тогда бы остались „вы въ бездѣйствіи. Итакъ оставьте ва- „ши посольства и ваши обвиненія: оставь- „те насъ въ покоѣ, вы и сами живите

„*пребывать въ ономъ.* На сіи слова, Аѳи-
„няне! какой вы можете дать отвѣтъ? Я
„съ своей стороны не имѣю никакого. “

Удобно вообразить себѣ можете, что послѣ столь строгаго выговора ораторъ, толико искусный, каковъ былъ Димосѳенъ, не преминулъ облегчить цѣлебнымъ бальзамомъ раны, самолюбію имъ нанесенныя. Унизивъ сильными упреками, онъ паки возстановляетъ его не грубымъ ласкательствомъ, но справедливыми похвалами, которыя онъ приписываетъ тому, что въ поступкахъ Аѳинянъ было благородное и великодушное; тому, отъ чего въ политическомъ своемъ существованіи почитались они славными между Греками, пріобыкшими признавать Аѳины единственнымъ оплотомъ своея вольности; наконецъ даже той самой ненависти, каковую Филиппъ питалъ къ Аѳинянамъ, и которая была для нихъ честію. Сія вторая половина рѣчи гораздо превосходнѣе первой.

„Между вами есть такіе люди, которые
„думаютъ, что они сдѣлали оратору ваше-
„му удовлетворительный отвѣтъ, сказавъ
„только: *что жъ намъ дѣлать?* Я бы могъ
„имъ отвѣчать однимъ словомъ, и при
„томъ со всею справедливостію: *надлежитъ*
„*дѣлать то, чего вы по сіе время не дѣ-*
„*лаете.* Но я желаю объяснить мысли мои
„подробнѣе и обстоятельнѣе, желаю, что-
„бы сіи люди, сколь скорые на предложе-
„ніе мнѣ своихъ вопросовъ, не сдѣлались

„медленными въ исполненіи того, что они „услышатъ въ моихъ отвѣтахъ.

„Во первыхъ положите за неоспоримую „истинну и за дѣло несомнѣнное, что Филиппъ „нарушилъ договоры, что онъ объявилъ вамъ „войну, и престаньте обвинять другъ друга „безъ всякой пользы. Почитайте его „смертельнымъ врагомъ Аѳинамъ и жите„лямъ сего града, даже и тѣмъ самимъ, „кои считаютъ его своимъ благодѣтелемъ. „Естьли они не вѣрятъ словамъ моимъ, то „пусть посмотрятъ на участь двухъ Олин„ѳянъ Эвѳикрата и Ласѳена; они почита„лись лучшими его друзьями, предали ему „свое отечество, и сами погибли. Но Фи„липпъ наиболѣе всего ненавидитъ свободу „Аѳинъ, народное наше правленіе. Всѣ мыс„ли устремляетъ на изтребленіе онаго, и онъ „въ томъ правъ. Ему извѣстно, что и „послѣ совершеннаго покоренія всѣхъ наро„довъ, онъ не можетъ спокойно владѣть „своимъ похищеніемъ, доколѣ вы будете „свободны; что естьли постигнетъ его „какое либо изъ тѣхъ несчастій, коимъ „подвержено человѣчество, то всѣ приве„рженные къ нему по принужденію, при„бѣгнутъ къ вашему покровительству. „Ибо всякъ увѣренъ, Аѳиняне, и сію спра„ведливость отдать вамъ должно, что вели„чія своего не созидаете на несчастіи на„родовъ; но могущество и славу свою по„лагаете въ томъ, чтобы никого не допу„стишь быть тираномъ Греціи, или содѣ-

„лавшагося таковымъ изтребить совершен-
„но. Вы всегда готовы сражаться со вся-
„кимъ, желающимъ царствовать надъ вами,
„и вспомоществовать тѣмъ, кои не хотятъ
„быть рабами. Итакъ Филиппъ страшится
„вольности Аѳинской, она всѣ его замыслы
„низпровергаетъ. Вольность ваша, Аѳиняне!
„кажется ему опасною, и потому терпѣть ее
„не можетъ. Итакъ прежде всего вы должны
„быть увѣрены, что Филиппъ есть непри-
„миримый врагъ вольности и республики
„вашей.

„Потомъ съ толикоюжъ несомнѣнно-
„стію надлежитъ вамъ увѣриться, что всѣ
„помышленія его, всѣ настоящія его приго-
„товленія клонятся къ нападенію на сей
„градъ, и слѣдственно каждый человѣкъ,
„могущій вредить Филиппу, долженъ быть
„для васъ полезенъ. Кто изъ васъ будетъ
„столько простъ, чтобы могъ подумать,
„будто бы тотъ самый Филиппъ, который
„будучи подстрѣкаемъ честолюбіемъ, охот-
„но переноситъ суровость зимы, утоми-
„тельные труды, опасности, для завладѣнія
„бѣдныхъ Ѳракійскихъ хижинъ, (ибо какъ
„иначе назвать можно Дронгилъ, Кавилу
„и Мастиру ?) не обратитъ завистливаго ока
„своего на Аѳинскія пристани, магазины, кора-
„бли, серебреные рудники и на прочія сокрови-
„ща наши? Будто бы тотъ самый Филиппъ,
„который среди зимы сражается для изкопанія
„пшеницы, сокрытой на горахъ Ѳракійскихъ,
„оставитъ насъ спокойными обладателям

„нашего имущества? Нѣтъ, Аѳиняне, нѣтъ,
„вы сему не вѣрите.

„При такихъ опасныхъ обстоятельст-
„вахъ, чтожъ предписываетъ вамъ благоразу-
„міе, и какой есть долгъ вашъ, Аѳиняне?
„Отложить бѣдственное нерадѣніе, которое
„все погубило, собрать со всей республики де-
„нежныя пособія, требовать тогожъ отъ на-
„шихъ союзниковъ и не разпускать войскъ, ко-
„торыя мы имѣемъ. Поелику Филиппъ содер-
„житъ войска свои во всегдашней готовно-
„сти къ нападенію и покоренію Грековъ, то
„и намъ надлежитъ имѣть легіоны, всегда
„готовые къ отраженію непріятеля и къ
„защищенію Греціи. Доколѣ вы будете посы-
„лать, да и то при самой крайности, по
„малому числу войскъ, съ великою поспѣш-
„ностію собранныхъ; то увѣряю васъ, Аѳи-
„няне, вы ни въ чемъ не успѣете. Имѣйте
„всегда въ готовности войска, содержите
„ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, опредѣлите
„воинскихъ казначеевъ, денежныя суммы на
„жалованье ратникамъ, и предпишите точ-
„ныя и ясныя правила для воинскаго упра-
„вленія. Тогда-то вы можете требовать
„отчета отъ вашихъ полководцевъ въ ихъ
„поведеніи, а отъ казначеевъ въ употреблен-
„ныхъ ими суммахъ. Устроивъ сіе вы
„заставите Филиппа оставаться въ собст-
„венныхъ его владѣніяхъ, и будете наслаж-
„даться совершеннымъ миромъ, котораго
„никакое благо лучше быть не можетъ: или
„ежели Филиппъ не отложитъ оружія, то

„по крайней мѣрѣ вы будете готовы къ „отраженію его нападеній.

„Но сіи предпріятія, возразятъ мнѣ, „требуютъ великихъ издержекъ и многихъ „трудовъ. Такъ, я въ томъ не спорю; но „примите въ разсужденіе приближающуюся „къ вамъ опасность, она постигнетъ васъ, „ежели не рѣшитесь употребить предлагае„мыхъ вамъ средствъ; вы сами чувствуете, „что гораздо лучше принять ихъ заблаговре„менно, добровольно, нежели ожидать то„го времени, когда необходимость къ „тому васъ принудитъ. И хотя бы увѣря„ло васъ самое прорицалище (ибо никто изъ „смертныхъ ручаться въ томъ не можетъ), „что Филиппъ при вашей безпечности, при „вашемъ бездѣйствіи, не нападетъ на владѣ„нія ваши; то и сіе было бы еще для васъ „поносно. Свидѣтельствуюсь всѣми богами, „какимъ мракомъ покроете вы славу своихъ „предковъ, затмите блескъ республики, когда „для собственнаго своего спокойствія, до„пустите, чтобы Филиппъ всѣхъ прочихъ „Грековъ сдѣлалъ рабами! Пусть кто нибудь „другой внушаетъ вамъ столь постыдные „совѣты; пусть онъ явится предъ вами; „слушайте его, ежели можете; но я лучше „умру, нежели подамъ таковый совѣтъ.

Дѣйствіе столь сильнаго вызова бываетъ весьма надежно, какъ скоро приведенныя ораторомъ доказательства основательны и неоспоримы: главная цѣль его клонится къ тому, чтобы соперники не отняли у него драгоцѣнной и рѣшительной минуты сокрытымъ

и непрямымъ сопротивленіемъ, которое служитъ послѣднимъ способомъ для тѣхъ, кои въ явной бой вступать не смѣютъ. Въ такомъ случаѣ противники прибѣгаютъ къ частнымъ условіямъ, къ постороннимъ предложеніямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы они сами желаютъ говорить, но въ самомъ дѣлѣ, чтобы только подвергнуть снова разсмотрѣнію то, чего не смѣютъ оспоривать, и въ чемъ все собраніе кажется уже согласившимся. Такимъ-то образомъ злонамѣренные ослабляютъ общее впечатлѣніе, продолжаютъ совѣщанія, которыя казались уже окончанными, дотолѣ, пока пройдетъ сильное движеніе, произведенное силою истины въ умахъ слушателей, и пока обыкновенныя страсти, по кратковременномъ усыпленіи, придутъ въ прежнюю свою силу. Сіе весьма часто производимо было въ народныхъ нашихъ собраніяхъ посредствомъ *подаванія мнѣнія о какомъ либо постановленіи* или *ограниченіи*, что искусный ораторъ долженъ отвращать или сбереженіемъ величайшихъ своихъ силъ для опроверженія, или (что еще гораздо лучше и надежнѣе) соединяя, по примѣру Димосѳенову, опроверженіе съ доводами, дабы чрезъ то заблаговременно и совершенно уничтожить всѣ могущія представиться возраженія, содѣлать всякое противное мнѣніе или смѣшнымъ, или ненавистнымъ, и привесть въ стыдъ какъ предложившихъ сіе мнѣніе, такъ и тѣхъ, которые оное слушаютъ. Видите, какимъ образомъ Ди-

мосѳенъ умѣлъ немногими словами вдругъ заградить уста ораторовъ и слухъ у Аѳинянъ! Примѣтивъ, что ему удалось привесть своихъ слушателей въ движеніе, онъ будетъ стараться еще усугубить оное; онъ непрестанно будетъ усиливаться и брать величайшее преимущество предъ своими соперниками; онъ даже станетъ требовать, что бы Аѳиняне объявили ихъ врагами республики и подвергнули бы ихъ наказанію. И по сему онъ одинъ овладѣетъ полемъ сраженія, на подобіе описаннаго Виргиліемъ аплета, который бросивъ огромный кружокъ среди поприща и показывая обнаженныя широкія свои плеча и жилистые члены, приводилъ въ ужасъ самыхъ отважныхъ бойцовъ, такъ что каждый терялъ охоту съ нимъ состязаться.

„Ежели чувствованія мои сходны съ ва-
„шими, естьли вы настоящія произшествія
„видите точно такъ, какъ я ихъ вижу, то
„конечно повѣрите, что чѣмъ менѣе будете
„препятствовать успѣхамъ Филиппа, тѣмъ
„болѣе укрѣпите такого непріятеля, съ
„которымъ вамъ рано или поздно должно
„будетъ сражаться: и такъ что принуждаетъ
„васъ къ медленности? Чего ожидаете? Къ
„чему служатъ ваши отлагательства, мѣш-
„катность? Когдажъ вы начнете дѣйство-
„вать? Когда необходимость къ тому при-
„нудитъ? По какой еще необходимости ожидае-
„те? Но можетъ ли быть, о великіе боги, какая
„либо другая необходимость для людей сво-
„бодныхъ, какъ страхъ подвергнуться без-
„честію и поношенію? Не сеголь вы ждете,

„Аѳиняне? Но страхъ сей ужѣ давно васъ „окружаетъ, ужѣ давно побуждаетъ васъ къ „дѣйствованію. Правда, есть еще другой родъ „необходимости, онъ принадлежитъ ра- „бамъ... о великіе боги! отдалите ее отъ „Аѳинянъ... принужденіе, насиліе.... Аѳи- „няне! я стыжусь говорить о семъ предъ „вами.

„Много требовалось бы времени изчис- „лять всѣ хитрости, противу васъ употреб- „ленныя: но одна изъ нихъ заслуживаетъ осо- „бенное вниманіе. Всякой разъ, когда рѣчь „идетъ о Филиппѣ, выискиваются такіе „люди, кои вставъ съ своего мѣста, возклица- „ютъ: *нѣтъ ничего вождѣленнѣе мира! „нѣтъ бо́льшаго несчастія, какъ война! содер- „жаніе многочисленнаго воинства весьма „тягостно; оно истребитъ всѣ наши до- „ходы!* Таковыми-то словами стараются „они ввергнуть васъ въ безпечность, а Фи- „липпу подаютъ надежныя средства къ до- „стиженію предположенныхъ имъ замысловъ. „Такимъ-то образомъ каждый достигаетъ „желаемаго: вы останетесь въ любезной вамъ „праздности (боюсь, чтобъ нѣкогда не за- „платили вы за нее дорого); но врагъ вашъ „усиливается, ласкатели ваши снискиваютъ „у васъ любовь, а отъ Филиппа получаютъ „деньги. Чтожъ касается до меня, то не „васъ желалъ бы я склонять къ миру, трудъ „сей напрасенъ; вы и безъ меня любите его „слишкомъ много: напротивъ того Филиппу „посовѣтовалъ бы я обратиться къ оному,

„ибо онъ только дышетъ войною. Тягости-
„нымъ почитать должно, Аѳиняне, не то,
„что мы для безопасности своей издержимъ,
„но то, чего вы лишитесь, чему подвер-
„гнетесь, ежели пожалѣете денегъ. Конечно
„надлежитъ оградить казну вашу отъ раз-
„ѣоченія, но токмо добрымъ разпоряже-
„ніемъ и неусыпнымъ надзоромъ, а не отло-
„женіемъ разходовъ, отъ которыхъ зависитъ
„спасеніе республики. Наиболѣежъ всего огор-
„чаетъ меня то, что тѣ самые люди, кои
„неумолкно вопіютъ о разхищеніи казны
„вашей, которое остановить и наказать
„виновныхъ зависитъ отъ вашей власти,
„хваляпъ Филиппа, когда онъ по произволу
„своему грабитъ и Грецію и васъ. Какая
„была бы причина, Аѳиняне, что Филиппа,
„когда онъ непрестанно ведетъ войну, по-
„всюду занимаетъ города, никто изъ сихъ
„людей и никогда не называетъ несправед-
„ливымъ, не охуждаетъ его грабительствъ
„и насилій, напротивъ того, какъ скоро
„кто нибудь совѣтуетъ вамъ положить
„преграду честолюбію Филиппа, и мыслить
„о собственной вашей безопасности; то всѣ
„они вдругъ вопіютъ, что совѣтъ сей есть
„уже объявленіе войны? Поступокъ сей
„объяснить нетрудно: они хотятъ, въ
„случаѣ какихъ либо непріятностей, про-
„изойти могущихъ, отъ войны вамъ предлага-
„емой (да и какая война не причиняетъ оныхъ!)
„обратить весь вашъ гнѣвъ не на Филиппа,
„но на тѣхъ, кои подаютъ вамъ благіе и
„полезные совѣты; они хотятъ оклеветать

„невинность, а свои преступленія оградить
„опѣ праведнаго наказанія. Вотъ истинная
„причина непрестанныхъ противу войны во-
„піяній! Ибо я увѣренъ, что прежде, нежели
„кто нибудь подумалъ говорить вамъ о войнѣ,
„Филиппъ уже объявилъ вамъ оную на са-
„момъ дѣлѣ: онъ нападалъ на ваши крѣпо-
„сти, онъ недавно подалъ помощь возму-
„тившимся противу васъ жителямъ Кардіи.
„И ежели мы притворяемся не примѣчающи-
„ми сего, то конечно не Филиппъ насъ о
„томъ увѣдомитъ: въ противномъ случаѣ
„онъ былъ бы самый безумный изъ чело-
„вѣковъ. Нѣтъ, Аѳиняне, онъ сего не сдѣ-
„лаетъ; и даже вступивъ на вашу землю,
„Филиппъ непрестанно увѣрять будетъ,
„что онъ съ вами не воюетъ. Не сіе ли самое
„говорилъ онъ жителямъ Ореи въ то время,
„когда уже войска его покрывали ихъ землю,
„Ферейнамъ, когда содержалъ ихъ въ осадѣ;
„Олинѳянамъ, когда шелъ противу ихъ вой-
„ною? Тожъ самое будетъ и съ нами; а
„ежели вздумаемъ ему противиться, то
„усердные друзья его возопіютъ, и насъ
„виновниками войны называть станутъ.
„Итакъ возложимъ на себя иго рабства:
„для каждаго, не хотящаго защищать себя,
„участь сія неизбѣжна.

„Аѳиняне, вы гораздо бо́льшей подвер-
„гнетесь опасности, нежели всѣ прочіе
„народы Греціи. Филиппъ не покорить, но
„истребить васъ желаетъ. Ибо чувствуетъ,
„что вы не къ рабству родились; хотя бы

„вы и хотѣли быть рабами, но не можете, „потому что привыкли повелѣвать. Онъ „знаетъ, что въ случаѣ войны, вы одни „причините ему гораздо болѣе труда, „нежели вся Грецiя.

Сколь немногими словами Димосѳенъ умѣлъ возбуждать въ Аѳинянахъ чувствованiе ихъ славы и величiя! онъ говоритъ просто, какъ бы о предметѣ обыкновенномъ, всякому извѣстномъ и никакому сумнѣнiю не подлежащемъ. Обыкновенный ораторъ мысль сiю разшлодилъ бы до крайности: никакой другой предметъ не могъ быть пріятнѣе для Аѳинянъ, какъ сей? Но какая плодовитость слова, какое риторическое разпространенiе замѣнило бы сiи простыя но весьма сильныя слова: *Филиппъ чувствуетъ, что вы не рождены къ рабству; и хотя бы вы хотѣли быть рабами, но не можете, потому что повелѣвать привыкли.* Главное достоинство въ Димосѳенѣ есть то, что онъ выраженiями, по видимому, самыми обыкновенными, что простотою приличною и благородною дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, нежели другiе пышными и великолѣпными словами.

„Итакъ съ сего же дня примите про„тиву Филиппа оружiе, ежели конечной по„гибели избѣжать хотите. Возненавидьте „служащихъ ему измѣнниковъ, и предайте „ихъ казни. Не льзя низложить внѣшнихъ „непрiятелей, ежели прежде всего согла-

„сившіеся съ ними внутреніе враги наказа-
„ны не будутъ. Безъ сего измѣнники по-
„губятъ васъ, и содѣлаетесь добычею побѣ-
„дителя. Ибо почему, думаете вы, Филиппъ
„поступаетъ съ вами столь нагло? По чему
„въ то самое время, когда другихъ усы-
„пляетъ онъ обольстительными обѣщаніями
„и даже услугами, однихъ только васъ стра-
„щаетъ угрозами? Посмотрите на все то,
„что онъ сдѣлалъ въ угоду Ѳессалійцамъ, да-
„бы довести ихъ до рабства? Коликими хи-
„тростями обольстилъ онъ несчастныхъ
„Олинѳянъ, напередъ отдавъ имъ Потидею
„и нѣкоторые другіе города; посмотрите на
„всѣ средства, каковыя употребляетъ онъ
„нынѣ для обольщенія Ѳивянъ, избавя ихъ
„отъ опасной войны и усиливъ въ Ѳракидѣ.
„Правда всѣмъ извѣстно, какою цѣною за-
„платили они потомъ за все полученное ими
„отъ Филиппа, и чего должны ожидать
„другіе. Что касается до васъ, Аѳиняне, то,
„не упоминая о потеряхъ вашихъ во время
„войны, коликократно даже въ продолженіе
„мирныхъ переговоровъ, онъ васъ обманы-
„валъ, оскорблялъ и грабилъ? Онъ овладѣлъ
„городами Фокидскими, Ѳракійскими, Дори-
„скомъ, Пилемъ, Серріею, даже взялъ самаго
„Керсовлепта, словомъ сказать, чего онъ не
„лишилъ васъ? Отъ чего жъ происходитъ, что
„Филиппъ поступаетъ съ вами совсѣмъ
„иначе, нежели съ прочими Греками? Отъ
„того, что токмо у насъ однихъ враги на-
„ши безопасно имѣютъ явныхъ своихъ при-
„верженцовъ, у насъ только однихъ можно

„все говорить въ пользу непріятеля; приверженцы Филиппа получаютъ отъ него деньги, а онъ отнимаетъ ихъ у нашей республики. У Олинѳянъ никто бы не посмѣлъ доброжелательствовать Филиппу, естьли бы не ослѣпилъ ихъ уступленіемъ Потидеи: у Ѳессалійцевъ никто бы не посмѣлъ доброжелательствовать Филиппу, естьли бы онъ не содѣйствовалъ имъ въ изгнаніи тирановъ, и не возвратилъ имъ Пиля: у Ѳивянъ никтобы не посмѣлъ доброжелательствовать Филиппу, естьли бы истребивъ Фокеянъ, не покорилъ имъ Віотіи. Но у насъ, въ Аѳинахъ, даже и въ то самое время, когда захватилъ онъ Амфиполь и Кардію, когда грозилъ нападеніемъ на Византію, когда укрѣпилъ Эвбею и тѣмъ какъ бы оковалъ Аттику, можно всякому и съ совершенною безопасностію защищать его и говорить въ его пользу. Его друзья, сколь ни были бѣдны и незначущи, сдѣлались и богаты и знамениты; а мы, напротивъ того прешли онъ славы къ уничиженію, отъ богатства къ нищетѣ. Ибо истинное богатство республики, по мнѣнію моему, состоитъ токмо во множествѣ ея союзниковъ, въ ихъ приверженности, вѣрности, а сего-то мы и лишились; и между тѣмъ, какъ съ величайшею безпечностію попускаете похищать у себя толь драгоцѣнныя выгоды, Филиппъ содѣлался силенъ, богатъ, страшенъ Грекамъ и варварамъ; Аѳины отъ всѣхъ презрѣны и оставлены; они богаты одними только великолѣпіемъ, но бѣдны

„всемъ тѣмъ, что составляетъ славу и си-
„лу народа вольнаго. “

Депрео названъ стихотворцемъ умнымъ, а Димосѳена назвать можно ораторомъ основательнымъ и здравомыслящимъ. Качества сего не доставало въ нашихъ ораторахъ; въ немъ имѣемъ мы крайнюю нужду; толико-то разумъ нашъ развращенъ для того только, чтобы заглушить гласъ вопіющей совѣсти! У насъ за удовольствіе поставляли наполнять умъ человѣческій ложными понятіями; и чѣмъ же мы занимаемся здѣсь, какъ не исправленіемъ его отъ заблужденій? Безъ здраваго разсудка нѣтъ справедливости, а безъ справедливости нѣтъ свободы. Мы имѣемъ полное право любить истину: какого зла не причинили намъ заблужденіе и невѣжество!

Уничтожимъ произвольное толкованіе словъ, и дадимъ истинное имъ знаменованіе. Вы собственнымъ своимъ опытомъ дознали, что слово *свобода* можно было надписывать на каждыхъ дверяхъ въ то время, когда всѣ были угнетаемы. Кто жъ былъ тогда человѣкомъ независимымъ, даже въ оковахъ, даже на лобномъ мѣстѣ? Тотъ, который умѣлъ сохранить независимость своихъ правилъ. Итакъ человѣкъ не инымъ чѣмъ, какъ только разумомъ и справедливостію можетъ быть подлинно независимъ. Великимъ въ человѣкѣ почитается то, естьли онъ справедливостію своихъ мыслей ставитъ себя превыше всякой власти, несообразной съ разсудкомъ;

уже и одно сіе можетъ служить доказательствомъ, что истинное величіе проистекаетъ отъ Бога, коему благоугодно было одарить насъ способностію мыслить и разсуждать. Посему человѣкъ справедливый судитъ можетъ о власти даже и тогда, когда она угнетаетъ его: она можетъ угнетать его только на краткое время; а онъ напротивъ того судитъ ее всегда. Онъ можетъ ослабить ее единымъ словомъ, привесть въ смятеніе однимъ взоромъ, уничижить ее даже однимъ молчаніемъ, чего тиранніи не въ силахъ сдѣлать ни своими стражами, ни исполнителями опредѣленныхъ ею казней.

Итакъ воздадимъ должную честь разсудку и благоустройству, отъ него происходящему! Воздадимъ должную честь и тому и другому тѣмъ паче, что даже и самое имя ихъ столь долгое время было у насъ сперва предметомъ посмѣянія, а потомъ причиною изгнанія. Возстановленіе ихъ на прежнія мѣста служитъ уже достаточнымъ за нихъ мщеніемъ. Съ того времени мѣсто врагамъ ихъ приличное уже назначено явственно, и при томъ навсегда.

Да научитъ насъ примѣръ Димосѳеновъ всегда и необиновенно предлагать согражданамъ своимъ спасительную истинну. Лесть, производящая народныя несогласія, доставляетъ только временную довѣренность, а потомъ предаетъ продолжительному поношенію. Выгоды народныхъ возмутителей невѣрны,

скоротечны и подвержены ужаснымъ превратностямъ. Чтобъ чувствовать сію истинну, вы не имѣете нужды въ безчисленныхъ примѣрахъ, случившихся при собственныхъ вашихъ взорахъ. Не забывайте никогда самимъ себѣ напоминайте непрестанно, что человѣкъ, обманывающій народъ, не приноситъ ни себѣ, ни государству никакой пользы, напротивъ того онъ самаго себя ввергаетъ въ неизбѣжную гибель. Нѣтъ на свѣтѣ ничего мерзостнѣе, ничего ненавистнѣе, какъ льстецъ народа. Правда, народъ удобно вдается въ обманъ; но не требуетъ, чтобъ его обольщали, ему льстили; онъ не имѣетъ въ томъ нужды, онъ хочетъ все знать. Онъ любитъ и охотно слушаетъ истинну; а естьли когда и опровергаетъ ее, то сіе болѣе происходитъ отъ невѣдѣнія, а не отъ гордости или развращенія. Познавъ оную, онъ тѣмъ болѣе радуется, что съ нимъ поступаютъ по самой справедливости. Посему-то истинна сія ненавидима и ужасна въ глазахъ тѣхъ, которыхъ собственная польза требуетъ удалять ее, сколько возможно болѣе, отъ народа, ибо имъ весьма нужно содержать его въ ослѣпленіи; и сіе-то политика, свойственная только тиранамъ, сдѣлалась весьма нужною для нашихъ тирановъ, ибо они не имѣли ни дарованій, ни мужества. Она единственно состояла въ томъ, чтобы подлой черни и тѣмъ, кои ничего не имѣютъ, ничего не знаютъ, и ничего не дѣлаютъ, предоставлять полное право предаваться порокамъ и причинять зло;

изъ сего-то сборища нищеты, праздности и невѣжества составлено все, что только есть худшаго въ человѣческомъ родѣ; о семъ судить можно по ихъ дѣламъ, когда случалось имъ владычествовать. Но при томъ замѣтьте, что сія политика, коея успѣхъ обратилъ на себя на самое краткое время вниманіе такихъ людей, кои всякимъ успѣхомъ ослѣпляются, была равно и нелѣпа и жестока. Хитрые тираны употребляли всегда только такія орудія, коими дѣйствовать и управлять могли по собственному своему произволу; тираннія, зависящая совершенно отъ своихъ содѣйствователей и онымъ даже работствующая, никуда не годится; ибо она всегда бываетъ непремѣнною ихъ жертвою. Можетъ ли быть что нибудь глупѣе, какъ покорять себѣ все, и не имѣть возможности ничего удержать за собою, и строить мѣсто казни, чтобъ наконецъ самому взойти на оное..... но сіе принадлежитъ къ нашей исторіи, и я паки обращаюсь къ краснорѣчію и къ побѣдамъ Димосѳена *).

---

*) Здѣсь за нужное почитается напомянуть въ послѣдній разъ, что всѣ размышленія, по разнымъ мѣстамъ сего сочиненія разсѣянныя и касающіяся до бывшей во Франціи революціи, относятся къ 1794 году, и что онѣ были читаны въ нормальныхъ училищахъ и въ Лицеѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Примѣры превосходнѣйшихъ пособій искусства краснорѣчія, взятые изъ двухъ рѣчей о Вѣнцѣ, изъ коихъ одна говорена Эсхиномъ, а другая Димосѳеномъ.

Здѣсь нужнымъ почитаю сообщить нѣкоторыя предварительныя понятія, могущія показать, сколь важно прѣніе, бывшее между двумя славными ораторами, и сколь знаменито было лице, которое Димосѳенъ весьма долгое время представлялъ въ Аѳинахъ, въ коихъ званіе оратора имѣло великое участіе въ управленіи республикою, и особенно Димосѳену доставляло такую силу и власть, что Филиппъ, по свидѣтельству историковъ, изъ всѣхъ Грековъ боялся одного только Димосѳена. Аѳиняне послѣ несчастной Херонейской битвы, опасаясь осады, приказали изправить Аѳинскія стѣны. Сіе предпринято было по совѣту Димосѳена, коему поручено произвести его въ дѣйство. Порученіе сіе изполнилъ онъ съ такою ревностію и благородствомъ, что на поправленіе городскихъ стѣнъ употребилъ знатную сумму изъ собственныхъ своихъ денегъ, не требуя возвращенія оныхъ отъ республики. Ктесифонъ, другъ его, въ вознагражденіе таковой щедрости, предложилъ положить въ почесть Димосѳену золотый вѣнецъ. Предложеніе было принято и опредѣлено, чтобы честь сія оказана была Димосѳену торже-

ственно на Аѳинскомъ театрѣ во время Вакховыхъ празднествъ, когда почти вся Грецiя стекалася въ Аѳины на зрѣлища. Эсхинъ почитался всегдашнимъ соперникомъ и врагомъ Димосѳеновымъ. Онъ одаренъ былъ великимъ краснорѣчiемъ, отъ природы имѣлъ прекрасное произношенiе, которое, бывъ актеромъ, еще болѣе усовершенствовалъ. Но сiи толико рѣдкiя дарованiя помрачалисьзависткою и корыстолюбiемъ: почти ни одинъ Аѳинянинъ не сумнѣвался, что Эсхинъ находился въ числѣ тѣхъ ораторовъ, коихъ Филиппъ содержалъ на своемъ жалованьѣ во всѣхъ республикахъ Грецiи. Одинъ токмо Димосѳенъ былъ столько же честенъ, сколько и краснорѣчивъ; его не льзя было подкупить, и Аѳиняне сiе знали. И потому опредѣленная ему по предложенiю Ктесифона, почесть была уже не первая. Но ненависть надѣялась воспользоваться симъ случаемъ и обратить его во вредъ Димосѳену. Несчастная Херонейская битва ослабила могущество Аѳинъ, а Филиппа содѣлала властителемъ Грецiи. Димосѳенъ присовѣтовалъ начать сiю войну, коея послѣдствiе было весьма гибельно. Эсхинъ льстилъ себя надеждою, что при таковыхъ обстоятельствахъ удобно подвергнетъ соперника народной ненависти, и лишитъ его опредѣленной ему награды. Онъ опровергалъ предложенiе Ктесифона, яко противное законамъ. Обвиненiе его заключается въ трехъ главныхъ статьяхъ: 1-е Законъ Аѳинскiй предписываетъ, чтобы гражданинъ, имѣющiй какое либо порученiе отъ республики, не прежде вознаграждаемъ былъ почестiю,

какъ по отданіи отчета; а Димосѳенъ, коему поручено было изправленіе стѣнъ и храненіе суммъ, на содержаніе зрѣлищъ опредѣленныхъ, не представлялъ еще никакого отчета: вотъ первое нарушеніе закона. 2-е Другимъ закономъ повелѣвалось, всякое сенатское опредѣленіе, удостоевавшее гражданина вѣнца, провозглашать въ самомъ Сенатѣ, а не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ; но опредѣленіе, учиненное Сенатомъ, по предложенію Ктесифона, положено было обнародовать въ театрѣ: второе нарушеніе. Наконецъ 3-е (въ чемъ и состоитъ вся важность дѣла) въ опредѣленіи сказано, что вѣнецъ назначается въ почесть Димосѳену за услуги, которыя онъ оказалъ и еще не престаетъ оказывать республикѣ; а напротивъ того Димосѳенъ, кромѣ зла, не принесъ ей никакой ползы. Сія послѣдняя статья заставила Эсхина войти въ строжайшее разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ и поступковъ Димосѳена съ самаго того времени, когдаораторъ сей началъ принимать участіе въ дѣлахъ республики; и въ сей-то статьѣ старается онъ всѣми силами лишить его и назначенныхъ ему Сенатомъ почестей, и славы, что онъ умѣлъ заслужить оныя. Распря началась еще за два года до смерти Филипповой; но бывшія тогда политическія неустройства въ Греціи, замѣшательство дѣлъ и угрожавшія опасностію обстоятельства остановили производство сего дѣла; къ надлежащему о немъ сужденію приступлено было по прошествіи шести лѣтъ, и когда Александръ уже покорилъ Азію.

Не льзя не сожалѣть о несчастномъ дарованіи, каковое Эсхинъ оказалъ въ столь худомъ и несправедливомъ дѣлѣ. При всей легкости, плавности и красотѣ слога ежеминутно обнаруживается слабость его доводовъ и хитросплетенная ложь. Всѣмъ приводимымъ законамъ даетъ онъ ложный и натянутый толкъ; а каждому дѣянію Димосѳенову приписываетъ намѣреніе злое и невѣроятное; обвиняетъ сего оратора во всемъ, въ чемъ онъ самъ былъ виновенъ; упрекаетъ его, будто бы онъ былъ подкупленъ отъ Филиппа, отъ коего самъ получалъ жалованье; и Эсхинъ чѣмъ болѣе чувствуетъ недостатокъ своихъ доводовъ, тѣмъ болѣе старается прикрасить ихъ словами; способъ сей употребляютъ обыкновенно клеветники и злословы всякаго рода, надѣясь чрезъ то внушить въ другихъ такія мысли, каковыхъ они сами совсѣмъ не имѣютъ. Что касается до Димосѳена, то нѣтъ сомнѣнія, что дѣло его было благородно: и какому обвиняемому когда либо случалось защищать столь благородное дѣло? Надлежало предъ цѣлою Грецією оправдать мнѣніе, каковое имѣлъ о Димосѳенѣ народъ Аѳинскій, и столь лестное, столь славное возмездіе, коего почитали его достойнымъ. Сверхъ того онъ имѣетъ на своей сторонѣ одно изъ величайшихъ преимуществъ, то есть, истинну. Безъ явнаго и неоспоримаго доказательства не приводитъ онъ ниединаго произшествія, и при каждомъ изложеніи дѣла, къ вящшему истинны доказательству, прилагаетъ актъ

правительства. Однакожъ замѣтить надлежитъ, что онъ защищалъ себя отъ возсталшей противу его зависти, которую всегда выслушиваютъ благосклонно; и ему надлежало выдержать самую опасную ролю человѣка, говорящаго о самомъ себѣ и напоминающаго о пользахъ, сдѣланныхъ имъ республикѣ. Сіе обстоятельство было труднѣйшее изъ всѣхъ прочихъ. Увидимъ, какимъ образомъ умѣлъ онъ преодолѣть оное; но прежде надлежитъ привести здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи, говоренной его обвинителемъ.

Эсхинъ, хотя и весьма худо толкуетъ, ибо дѣлать сіе не трудно, законы, на коихъ онъ утверждается, счелъ однакожъ за нужное въ началѣ рѣчи своей постановить правиломъ, что благоговѣніе къ законамъ, а особливо къ республикѣ, должно быть предпочитаемо всему. Сіе-то правило взялъ онъ за основаніе вступленія своей рѣчи, которое написано съ благородствомъ и важностію, приличною предлагаемому предмету.

„Извѣстно вамъ, Аѳиняне, что между „людьми есть три рода правительства: „единодержавіе, власть небольшаго числа „вельможъ, и правленіе народное. Въ первыхъ „двухъ все дѣлается по волѣ Государя, или „тѣхъ, коимъ верховная власть предоставлена; въ послѣднемъ все повинуется законамъ. И такъ каждый изъ васъ долженъ „помнить, что вступая въ сіе собраніе для

„сужденія о нарушеніи законовъ, онъ прихо-
„дитъ судить о собственной своей вольно-
„сти. Посему-то законодатель требуетъ
„отъ васъ сей клятвы: *я буду судить*
„*по законамъ*; ибо наблюденіе оныхъ почи-
„талъ единственною подпорою независимости
„вашей. Слѣдовательно вы должны почи-
„тать врагомъ своимъ каждаго человѣка
„нарушающаго законы, и что нарушеніе
„сіе есть важное преступленіе. Не позво-
„ляйте никому похищать ваши права, не
„уважайте покровительствомъ, каковое, къ
„величайшему вреду республики, нерѣдко
„оказываютъ ваши полководцы ораторамъ
„вашимъ; не внимайте прозьбамъ иностран-
„цевъ, коимъ часто удавалось спасать винов-
„ныхъ. Ежели каждый изъ васъ на ра[illegible]ъ
„полѣ устыдился бы оставить мѣсто, на
„которое поставленъ отъ своего полководца,
„то каждый изъ васъ да устыдится оста-
„вить то мѣсто, которое заступаетъ онъ по
„волѣ отечества для защищенія законовъ и
„свободы. Вспомните, что всѣ ваши согра-
„ждане, какъ здѣсь присутствующіе, такъ
„и отсутствующіе, твердо увѣрены, что
„вы свято сохраните права имъ принадле-
„жащія. Вспомните о клятвѣ вашей; и ко-
„гда предложенное Ктесифономъ опредѣленіе
„опровергнется моими неоспоримыми дока-
„зательствами, то уничтожте его яко не-
„справедливое и нелѣпое; накажите наруши-
„теля законовъ, отмстите за оскорбленную
„имъ сзободу, и тѣмъ вящше утвер-
„дите ее. “

Опустимъ судебныя разсужденія и описаніе столько же продолжительное, колико несправедливое, Димосѳенова правленія республикою, напротивъ того обратимъ вниманіе свое на то мѣсто Эсхиновой рѣчи, гдѣ ораторъ сей надѣялся возторжествовать надъ своимъ соперникомъ. Извѣстно, что Херонейская битва была для Аѳинянъ весьма несчастлива, война сія предпринята по совѣту Димосѳена. Однакожъ народъ единогласно поручилъ Димосѳену говорить надгробное слово надъ воинами, убіенными при Херонеѣ, которымъ Аѳиняне воздвигнули памятникъ. Порученіе сіе было весьма лестно, ибо приносило великую славу. Эсхинъ и прочіе ораторы сильно домогались сей чести. Обвинитель, доведя рѣчь свою до сего случая, приводитъ на память и то время, когда Димосѳенъ склонилъ Аѳинянъ къ началію войны, и въ семъ-то мѣстѣ собираетъ онъ всѣ свои силы и всячески спарается соперника своего подавить тяжестію общественныхъ несчастій.

„Здѣсь-то обязанъ я, Аѳиняне, изъявить „соболѣзнованіе мое о тѣхъ храбрыхъ воинахъ, которыхъ Димосѳенъ, презрѣвъ свя„щеннѣйшія предсказанія, ввергнулъ въ оче„видную опасность; и самъ же онъ осмѣлил„ся произносить надгробное слово жертвамъ, „отъ него закланнымъ! Онъ тѣми самыми „ногами, кои послужили ему къ подлѣйшему „бѣгству съ полей Херонейскихъ, дерзнулъ „коснуться памятника, воздвигнутаго вами „защитникамъ республики! О ты слабѣйшій

„и безполезнѣйшій изъ человѣковъ, коль
„скоро надлежитъ дѣйствовать, но при
„томъ весьма способный къ достиженію
„своихъ намѣреній дерзкими твоими рѣчами,
„отважишся ли въ присутствіи судей на-
„шихъ утверждать, что ты достоинъ вѣн-
„ца? Ежели же онъ осмѣлится сказать
„сіе предъ вами, Аѳиняне, то не уже ли вы
„снесете сіе терпѣливо, и лжецъ сей мо-
„жетъ ли лишить васъ разсудка и памяти,
„подобно какъ сограждан̀ъ своихъ лишилъ
„онъ жизни? И такъ пренесишесь мыслен-
„но изъ сего собранія на театръ; воззрите
„на выходящаго провозвѣстника, послушай-
„те, какъ онъ произноситъ опредѣленіе
„Ктесифона. Представте себѣ слезы, кото-
„рыя проливать будутъ тогда родственники
„всѣхъ сихъ убіенныхъ ратниковъ, извле-
„каемыя не бѣдствіями ироевъ нашихъ
„трагедій, но собственною ихъ участію и
„ослѣпленіемъ вашимъ. Кто изъ Грековъ,
„хотя нѣсколько просвѣщенный, кто не
„воздохнетъ, приведя себѣ на память все,
„произходившее на семъ самомъ театрѣ во
„времена счастливѣйшія, когда республика
„управляема была лучше, нежели нынѣ?
„Тогда провозвѣстникъ, показывая народу
„дѣтей, коихъ отцы пали на сраженіи, и
„возлагая на нихъ блестящее оружіе, про-
„износилъ сіи слова, служившія и похвалою и
„поощреніемъ добродѣтели; *юноши сіи, коихъ*
„*отцы мужественно скончали животъ*
„*свой за отечество, воспитываемы были*
„*иждивеніемъ республики до зрѣлаго ихъ*

„*возраста: днесь отечество преподаетъ*
„*ихъ оружіемъ, и даетъ имъ первое мѣ-*
„*сто въ зрѣлищахъ.* Вотъ что слышали
„прежде; но что будетъ нынѣ? Что ска-
„жетъ провозвѣстникъ, когда предъ народъ
„и предъ тѣхъ самыхъ дѣтей выведетъ онъ
„того, кто содѣлалъ ихъ сирыми? Не
„уже ли вы думаете, что произнесенное имъ
„опредѣленіе Ктесифона заглушитъ истин-
„ну и нашъ стыдъ? Не возопіютъ ли тогда
„всѣ зрители, что сей человѣкъ, (естьли
„только трусъ достоинъ сего имени), что
„сей человѣкъ, коего увѣнчеваютъ за его
„добродѣтель, есть въ самомъ дѣлѣ граждa-
„нинъ ни къ чему негодный; что тотъ, коего
„увѣнчеваютъ за важныя заслуги, измѣ-
„нилъ своему отечеству и въ своихъ совѣтахъ
„и на сраженіяхъ? Именемъ всѣхъ боговъ,
„прошу васъ, Аѳиняне! не посрамите самихъ
„себя; не воздвигайте на театрѣ столь по-
„стыднаго для васъ трофея; не подвергай-
„те Аѳинъ посмѣянію Грековъ, и не раз-
„правляйте ранъ несчастныхъ союзниковъ
„вашихъ Ѳивянъ, коихъ вы приняли къ
„себѣ, кои изгнаны и остались безъ при-
„станища по тому только, что продажное
„краснорѣчіе Димосѳеново истребило ихъ
„храмы и памятники. Вспомните всѣ пре-
„терпѣнныя ими бѣдствія; воззрите на
„слезы старцевъ и на отчаяніе вдовъ, при-
„нужденныхъ при концѣ жизни своей за-
„быть, что они были свободны; упрекаю-
„щихъ васъ за то, что вы, вмѣсто защиты,
„довершите ихъ несчастіе; умоляющихъ

„васъ не увѣнчивать въ Димосѳенѣ и ихъ „раззорителя и бича Греціи, и остере- „гаться бѣдственнаго дарованія, погубивша- „го всѣхъ тѣхъ, которые по несчастію „внимали его совѣтамъ. Ежели случится „кому нибудь изъ кормщиковъ, переправля- „ющихся изъ Пирея въ Саламинъ претерпѣть „кораблекрушеніе, то, хотя онъ и нимало „въ томъ невиненъ, однакожъ вы позаконамъ „лишаете его навсегда управленія кораблемъ; „вы не хотите, чтобы онъ вторично подвер- „гнулъ опасности жизнь Грековъ; а тому, кто „раззорилъ всю Грецію и васъ самихъ, вы „и понынѣ позволяете управлять респу- „бликою! “

Должно согласиться, что представля- емое здѣсь изображеніе выдумано весь- ма искусно. Ораторъ всѣми силами ста- рается сдѣлать соперника своего нена- вистнымъ. Вокругъ каѳедры своей соби- раетъ тѣни сихъ несчастныхъ согражданъ, помѣщаетъ ихъ между Димосѳеномъ и на- родомъ, окружаетъ его сими мстительными тѣнями, какъ бы нѣкоею оградою, и запре- щаетъ ему выходить изъ оной. Но что жъ выдетъ наконецъ! Димосѳенъ въ семъ-то самомъ мѣстѣ поразитъ своего противника, когда начнетъ говорить, и однимъ словомъ разрушитъ всю сію печальную и мститель- ную громаду, воздвигнутую противу его соперникомъ.

Но прежде, нежели приведемъ отвѣтъ Димосѳеновъ, нужнымъ почитаю сообщить

здѣсь еще одно мѣсто, которое, можетъ быть, написано гораздо съ бо́льшимъ искусствомъ, нежели первое; ибо представляетъ важную и весьма основательную нравственную и политическую истинну, но которую ораторъ примѣнилъ къ Димосѳену очень не къ статти.

„Я долженъ сказать вамъ, Аѳиняне, „что ежели не положите предѣловъ чрез„мѣрной раздачѣ вѣнцовъ и награжде„ній, то не только не сдѣлаете благодарны„ми получившихъ оные, не только не при„несете никакой пользы республикѣ, но на„противъ того изтребите соревнованіе въ „гражданахъ добрыхъ, и ободрите людей „злыхъ и ни къ чему доброму неспособныхъ. „Вотъ ясное тому доказательство! Ежели кто „спроситъ васъ, которое время славнѣе для „Аѳинъ, нынѣшнее, или прошедшее; когда „Аѳины имѣли болѣе великихъ людей, нынѣ „или прежде; тогда вы конечно должны будете „признаться, что мы во всемъ ниже нашихъ „предшественниковъ. Въ которое изъ сихъ „двухъ временъ болѣе роздано вѣнцовъ и „награжденій именемъ народа? Надобно при„знаться, что награжденія прежде были „весьма рѣдки, однакожъ добродѣтель полу„чала истинную и достойную почесть. „Нынѣ, вы все употребляете безъ всякой „мѣры, даете вѣнцы не по выбору, но по „привычкѣ. На празднествахъ Панаѳейскихъ „или на играхъ Олимпійскихъ возлагаютъ „вѣнки не на того подвижника, который „отличился въ сраженіи, но который умѣлъ

„приобрѣсть оный происками. Не ужели вы
„думаете, что нынѣ находится болѣе та-
„кихъ аплетовъ, которые охотно посвяти-
„ли бы себя всѣмъ трудамъ, отказались бы
„отъ всего, чтобы только въ точности испол-
„нить принятое ими на себя званіе? Вотъ
„ваша исторія, Аѳиняне! чѣмъ болѣе разда-
„вали вы почести безъ выбора и различія,
„тѣмъ менѣе имѣли вы сограждановъ, кои
„были бы достойны награды. Чѣмъ бо-
„лѣе вы давали, тѣмъ хуже служили вамъ.
„Сравните сего Димосѳена, бѣжавшаго съ
„поля битвы Херонейской съ пѣмъ Ѳемисто-
„кломъ, который побѣдилъ враговъ при Са-
„ламинѣ, съ тѣмъ Мильтіадомъ, который
„одержалъ знаменитую побѣду при Мараѳо-
„нѣ, съ тѣми, кои спасли и возвратили въ
„сей городъ гражданъ нашихъ, содержавшихся
„въ стѣнахъ Пилосскихъ, съ симъ справед-
„ливымъ Аристидомъ. . . . . я останавли-
„ваюсь: да не попустятъ мнѣ боги, чтобъ я
„сдѣлалъ сіе несовмѣстное сравненіе. Пусть
„Димосѳенъ именуетъ намъ хотя единаго
„изъ сихъ великихъ мужей, коего заслуги
„были бы почтены золотымъ вѣнцемъ.
„Какъ! не ужели Аѳиняне были тогда не-
„благодарны? О нѣтъ! народъ Аѳинскій
„великодушенъ, и знаменитые его сограж-
„дане были достойны его вниманія: они дума-
„ли, что истинную славу доставятъ имъ въ
„потомствѣ не опредѣленія, но возпоми-
„наніе о ихъ великихъ подвигахъ. Они не
„обманулись; имена ихъ пребудутъ без-
„смертны! . . . .

„Желаете ли знать, какую почесть „получилъ отъ предковъ вашихъ побѣдитель „Мидянъ на брегахъ Стримонскихъ? Три ста„туи, изсѣченныя изъ камня, и поставленныя „на Меркуріевомъ портикѣ. Воззрите на „памятникъ; представляющій Марѳонское „сраженіе; на немъ нѣтъ даже и имени Мил„тіада: позволено только изобразить его „стоящимъ предъ первымъ строемъ войскъ, „и поощряющимъ ихъ къ сраженію. Про„чтите опредѣленіе, касающееся до избавите„лей Пилоса: что имъ опредѣлено? Маслич„ный вѣнокъ. Прочтитежъ опредѣленіе Кпеси„фона о Димосѳенѣ: что онымъ присуждает„ся? Златый вѣнецъ. Видите, Аѳиняне, „что одно изъ сихъ опредѣленій уничтожаетъ „другое. Ежели одно изъ нихъ достопо„чтенно, то другое конечно должно быть „постыдно; ежели первые награждены по „ихъ достоинству, то сей получаетъ на„граду превыше заслугъ своихъ. Чтожъ „ему надлежало дѣлать? Явиться предъ „вами и сказать: я не могу отринуть пред„лагаемаго вами вѣнца: но въ нынѣшнее время „совсѣмъ неприлично принимать таковую „награду. Весьма было бы непристойно носить „на главѣ моей вѣнецъ, когда вся республика „облеклася въ плачевную одежду. Вотъ, что „можетъ сказать человѣкъ, чувствующій „истинную добродѣтель и истинную славу; „но Димосѳенъ не знаетъ ихъ. “

Весьма жаль, что ораторское искуство обращено здѣсь въ искуствоклеветы, кото-

рая, показывая предметы только съ одной стороны, употребляетъ имя добродѣтели на пораженіе людей добродѣтельныхъ.

Два главнѣйшіе предмета, о коихъ Эсхинъ разсуждаетъ въ послѣдней части рѣчи своей, весьма ясно показываютъ, сколь много боялся онъ краснорѣчія Димосѳенова. Онъ сильно настоитъ, чтобы сопернику его предписано было, какимъ образомъ онъ долженъ защищаться, и чтобы въ ономъ слѣдовалъ онъ непремѣнно тому самому порядку, каковый находится въ его обвиненіи. Потомъ всячески старается склонить судей приказать Ктесифону защищаться самому, и чтобы они, когда обвиняемый, по введенному обыкновенію, скажетъ: *позволите ли Димосѳену говорить за меня?* отказали въ семъ требованіи. Признаюсь, что Эсхинъ поступилъ весьма неискусно. Требованіе его нелѣпо, и даже ему самому вредно. Ибо съ одной стороны обидѣлъ онъ Димосѳена гораздо болѣе, нежели Ктесифона; а съ другой, слишкомъ ясно обнаружилъ свою трусость. Непонятно, какъ могъ онъ подумать, что Аѳиняне не захотятъ слушать Димосѳена, когда онъ станетъ защищать собственное свое дѣло. Итакъ неосновательное требованіе сіе было отринуто: Димосѳену позволено говорить. Время послушать его: вотъ приступъ его рѣчи.

„Во первыхъ, Аѳиняне, молю всѣхъ „боговъ и богинь, да внушатъ вамъ толи-

„кую̀жъ ко мнѣ благосклонность, сколь вели-
„кое къ общему и ко всѣмъ вамъ даже до-
„нынѣ оказываю усердіе: потóмъ, что
„касается до васъ и до вашего благочестія,
„да вложатъ они въ мысль вашу не слѣдо-
„вать совѣту моего противника въ томъ,
„какъ вамъ надлежитъ слушать мое защи-
„щеніе, но поступать по законамъ и по
„присягѣ, въ которой между прочимъ на-
„писано и сіе: *обоихъ равно надлежитъ*
„*слушать*. То есть не только ни одного
„не обвинять по предразсудку, или равную
„обоимъ оказывать благосклонность, но и
„позволять каждому изъ нихъ такому слѣдо-
„вать въ защищеніи своемъ порядку, каковый
„онъ самъ избрать заблагоразсудитъ. По
„многимъ, а наипаче по двумъ сильнѣйшимъ
„причинамъ, Аѳиняне, я въ дѣлѣ семъ почи-
„таю себя ужѐ совсѣмъ побѣжденнымъ.
„Во первыхъ вдаемся мы не равнымъ опа-
„сностямъ. Эсхинъ, хотя бы дѣло его не
„имѣло желаемаго успѣха, ничего не теряетъ;
„а я лишуся вашего ко мнѣ благоволенія....
„но при всемъ томъ въ началѣ рѣчи моей
„не скажу ничего печальнаго. Во вторыхъ,
„что всѣ люди съ удовольствіемъ слуша-
„ютъ ругательства и клеветы; а тѣхъ,
„которые по необходимости должны хва-
„лить себя, слушаютъ весьма неохотно.
„Итакъ Эсхинъ имѣетъ все, что можетъ
„принесть другимъ удовольствіе, а мнѣ
„осталось только то, что для нихъ непри-
„ятно, несносно. Естьли обстоятельство
„сіе заставитъ меня умолчать о дѣлахъ, на

„пользу республики мною учиненныхъ, то „я худо защищать себя буду и содѣлаюсь „недостойнымъ опредѣляемой мнѣ почести. „Естьли надлежитъ упомянуть о моихъ „заслугахъ, то принужденъ буду говорить „о самомъ себѣ весьма часто. Итакъ въ семъ „случаѣ постараюсь быть, сколько возмо- „жно умѣреннѣе. Впрочемъ вамъ извѣстно „Аѳиняне, что причиною сего не я; но тотъ, „кто защищаться меня принудилъ.“

Димосѳенъ при защищеніи своемъ всячески старается избѣгать начертанія, даннаго ему хитрымъ Эсхиномъ, которой настоялъ, чтобы онъ сперва отвѣчалъ на обвиненіе въ нарушеніи обрядовъ, законами предписанныхъ. Димосѳенъ искусно уклоняется отъ разставленныхъ ему сѣтей; онъ чувствовалъ, что судебное сіе прѣніе, уже весьма разпространенное въ рѣчи Эсхина, показалось бы еще длиннѣе въ его опроверженіи, и слушателямъ причинило бы скуку, и слѣдственно защищеніе его было бы безуспѣшно. Наипаче всего надлежало доказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ достоинъ былъ золотаго вѣнца, назначеннаго ему въ почесть, и обратить къ себѣ благоволеніе судей, представя имъ всѣ услуги, оказанныя имъ на пользу республики. Сіе изображеніе управленія его республикою, начертанное съ особеннымъ искуствомъ, непремѣнно долженствовало доставить ему величайшее преимущество предъ соперникомъ и представить дѣло его въ самомъ

благопріятномъ видѣ. Симъ-то изображеніемъ начинаетъ онъ свое защищеніе. Но съ какимъ искуствомъ излагаетъ онъ о столь нѣжномъ предметѣ! Приписывая самому себѣ похвалы, принадлежащія честному человѣку, котораго обвиняютъ клеветники, человѣку государственному, который отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ, онъ умѣетъ вкрасться въ умы своихъ слушателей: съ какимъ тщаніемъ избѣгаетъ всего, имѣющаго видъ самохвальства! Дѣлу своему далъ онъ такой оборотъ, что взведенное на него обвиненіе падаетъ частію на самихъ Аѳинянъ. Димосѳенъ имѣлъ дѣло съ самимъ неудобопреклоннымъ судіею, то есть, съ самолюбіемъ; и потому-то съ самаго начала старается онъ преклонить его на свою сторону. Всякой видитъ, что большей подвергался онъ опасности оскорбить честолюбіе Аѳинянъ, а тѣмъ краснорѣчіе его было превосходнѣе, ибо онъ умѣлъ у столь страшнаго судіи снискать къ себѣ благоволеніе. Всѣ свои дѣла приписываетъ онъ Аѳинянамъ, всѣ свои мысли, намѣренія, предпріятія относитъ къ нимъ, его совѣты были всегда согласны съ ихъ чувствованіями: собственную славу свою почитаетъ онъ зависящею отъ славы Аѳинъ. Изъ сего заключить можно, сколь много нравился онъ сему отъ природы тщеславному народу, и сколь нетрудно было ему преклонить всѣхъ судей въ свою пользу.

Димосѳенъ не успѣлъ прочесть и трети своей рѣчи, какъ рѣчь его соперника была

ужѐ опровергнута и обращена вѣ ничто: отѣ оной даже и нималѣйшаго слѣда не осталося. Димосѳенѣ превознесенѣ до небесѣ; Эсхинѣ низверженѣ; и естьли бы Аѳиняне захотѣли лишить себя удовольствія слушать столь краснорѣчиваго оратора, каковѣ Димосѳенѣ, то ему было бы ненужно продолжать рѣчь свою; вѣ сей первой части его защищенія сполъ ясно доказаны всѣ ложные доносы Эсхиновы, и всѣ услуги Димосѳеновы, что остальная часть онаго написана не для того, чтобы самое дѣло сего требовало, но чтобы достойнымѣ образомѣ отмстить обвинителю. Онѣ попираетѣ ногами своими непріятеля ужѐ давно низверженнаго.

Когдажѣ вздумается ему коснуться судебныхѣ обрядовѣ, то нѣсколькими строками мгновенно уничтожаетѣ онѣ множество во едино собранныхѣ Эсхиномѣ софизмовѣ, коими доказать старается, будто бы по предложенію Ктесифона опредѣленный Сенатомѣ Аѳинскимѣ образѣ увѣнчанія заслугѣ Димосѳеновыхѣ совершенно противенѣ постановленнымѣ законамѣ. Сіе было не иное что, какѣ ябедническая прицѣпка, дабы имѣть причину кого либо обвинить, основываясь на словахѣ правильно или криво истолкованнаго закона: а судьямѣ надлежало рѣшить, правильно ли подведены были законы кѣ спорному дѣлу или нѣтѣ. У Аѳинянѣ, такѣ какѣ и вездѣ, были такія постановленія, кои, ежели будешь вѣ нихѣ разсматривать нѣкоторыя частныя статьи, по видимому противурѣчили дру-

гимъ постановленіямъ. Эсхинъ, какъ искусный ябедникъ, подкрѣплялъ доносъ свой только такими статьями изъ закона, которыя были ему полезны. Выше видѣли мы, какимъ образомъ Димосѳенъ опровергъ обвиненіе въ непредставленіи отчета въ издержанныхъ суммахъ, и съ какимъ искуствомъ умѣлъ онъ придать возвышенность и живость риторическимъ доказательствамъ.

Я знаю, что опроверженія бываютъ тѣмъ легче, чѣмъ неосновательнѣе возраженія; но хотя бы дѣло было и совершенно ясно, однакожъ не всегда можно давать ему тотъ убѣдительный оборотъ, ту непреоборимую силу, которыя свойственны краснорѣчію состязательному.

Димосѳенъ безъ всякаго труда опровергаетъ вторую статью обвиненія. „Что „касается до обнародованія въ театрѣ, я „не буду изчислять множество согражданъ, „которыхъ Аѳиняне увѣнчали на ономъ; не „упоминаю и о томъ, что я самъ нѣсколько „разъ получалъ вѣнцы въ театрѣ. А ты „Эсхинъ, столько безуменъ и безтолковъ, „что не могъ понять и того, что вѣнецъ, „гдѣ бы объ ономъ объявлено ни было, увѣ„чеваемому равную честь приноситъ; но „обнародованіе на театрѣ дѣлается для славы „тѣхъ, которые увѣнчеваютъ. Ибо слышащіе „сіе объявленіе побуждаются чрезъ то быть „усердными своему отечеству; и болѣе хва„лятъ тѣхъ, кои торжественно свидѣтель-

„ствуютъ благодарность, нежели тѣхъ, кои „получаютъ вѣнцы. Такова точно есть „цѣль закона на сей случай изданнаго: воз- „ми его и прочитай: *естьли которой нибудь „изъ городовъ нашихъ опредѣляетъ увѣн- „чать гражданина Аѳинскаго, то обнаро- „дованіе должно быть совершено въ са- „момъ томъ городѣ, въ коемъ почесть сія „назначается; а тѣхъ, коихъ увѣнчеваетъ „или народъ Аѳинскій или Сенатъ, о вѣн- „цѣ въ почесть опредѣленномъ надлежитъ „обнародовать въ театрѣ во время Вак- „ховыхъ праздествъ.*“

Вотъ законъ, подтверждающій справедливость Димосѳенова дѣла. Я привелъ его здѣсь для того единственно, чтобы вы могли судить о правдушіи его соперника.

Димосѳенъ зналъ, что Аѳиняне имѣли къ нему несравненно большую довѣренность, нежели къ Эсхину, и пользуется оною такъ, какъ прилично человѣку, имѣющему великое предъ врагомъ своимъ превосходство. Въ самомъ началѣ рѣчи своей, прежде опроверженія разныхъ статей сдѣланнаго противу его обвиненія, онъ представляетъ описаніе состоянія Греціи въ то время, когда вступилъ онъ въ управленіе дѣлъ, также честолюбія и замысловъ Филиппа, и наконецъ корыстолюбія ораторовъ, каковъ былъ и Эсхинъ, кои угождали сему государю со вредомъ своего отечества. „Всѣ Греческіе города „великому подвержены были несчастію;

„управлявшіе ими попустили себя подкупить „дарами, а народъ совершенно полагался на „своихъ начальниковъ или потому, что не „умѣлъ предвидѣть будущаго, или по слабо„сти, неминуемой сопутницѣ продолжи„тельнаго нерадѣнія и праздности. Каждый „былъ увѣренъ, что несчастіе не коснется „его, и даже надѣялся собственное свое „благополучіе основать на раззореніи друга„го. Такимъ-то образомъ народы, по своей „неосторожности и безпечности, лишилися „вольности, и градоправители примѣтили, „но уже поздно, что они продавая все Фи„липпу прежде всего продали ему самихъ „себя. Теперь они уже не *друзья* и *гости*, „какъ называли ихъ, когда подкупить хотѣ„ли; нынѣ называютъ ихъ обманщиками, „льстецами, людьми, противными и богамъ и „человѣкамъ. Ибо никто не даетъ денегъ из„мѣннику съ тѣмъ, чтобъ обогатить его, „и подкупитель достигнувъ до своей цѣли, „уже болѣе съ нимъ не совѣтуется: иначе „измѣнники были бы люди счастливѣйшіе. Но „сему быть никакъ не возможно. Человѣкъ, „подкупами достигнувшій владычества, дѣ„лается властелиномъ и тѣхъ, которые „предали ему другихъ; но съ тою токмо „разностію, что беззаконіе ихъ ему извѣ„стно, и потому ненавидитъ и презираетъ „ихъ. Приведите себѣ на память то, что „видѣли прежде, и то, что видите нынѣ. „Филиппъ называлъ *друзьями* своими: Лас„ѳена до тѣхъ поръ, какъ предалъ ему го„родъ Олинѳъ; Тимолая, пока не раззорилъ

„Аѳиняѣ; Эвдика и Симоса Лирисскихъ, пока „пособляли ему покорить Ѳессалію. Свѣтъ „наполненъ сими примѣрами. Въ какомъ „состояніи нынѣ Аристратъ въ Сикіонѣ, „Перилай въ Мегарѣ? Они живутъ въ пре„зрѣніи. Чтожъ изъ сего происходитъ, „Эсхинъ? То, что ты и подобные тебѣ „измѣнники и наемники должны благодарить „тѣмъ, кои подобно мнѣ, защищаютъ всѣ„ми силами республику и свободу. Сіе-то „поддерживаетъ васъ, сіе-то васъ обога„щаетъ: безъ насъ, уже давно бы не полу„чили вы никакой платы: безъ насъ уже „давно бы вы погибли. . . . . Эсхинъ въ „рѣчи своей между прочимъ говоритъ, буд„то бы я упрекалъ его дружествомъ Алек„сандра. Нѣтъ, Эсхинъ! я не дѣлаю такихъ „ошибокъ. Я никогда не называлъ тебя ни „гостемъ, ни другомъ Филиппа ни Алексан„дра. Ты былъ другомъ Александру? Какъ? „По какому праву? Рабы и наемники назы„ваются ли гостями и друзьями господъ „своихъ? Я только сказалъ, что сперва „былъ ты наемникомъ у Филиппа, а потомъ у „сына его Александра. Вотъ, что мною ска„зано, да и всѣ Аѳиняне говорятъ тоже. „Желаешь ли знать, что они о семъ дума„ютъ, спроси ихъ. Не смѣешь? Естьли „такъ, то я самъ спрошу ихъ. Аѳиняне, „какимъ вамъ кажется Эсхинъ, другомъ ли „Александра или его наемникомъ? Слышишь „ли отвѣтъ ихъ.“

Изъ сего явствуетъ, что Димосѳену надлежало быть весьма увѣрену во мнѣніи

Аѳинянъ объ Эсхинъ; иначе вопроса сего сдѣлашь было бы не можно.

Съ какимъ благородствомъ, съ какимъ восторгомъ безпредѣльной любьви къ отечеству говоритъ онъ о войнѣ, которою обвинить его стараются! И сколь въ сію минуту Эсхинъ кажется предъ нимъ малъ! Онъ приводитъ на память тотъ ужасный день, въ который разнесся въ Аѳинахъ слухъ о взятіи города Фокидскаго Элатеи, который отверзалъ Филиппу свободный путь до самой Аттики. Не льзя было мѣшкать: Аѳинянамъ надлежало подвергнуться нападенію, или соединиться съ Ѳивянами прежними своими непріятелями. Вспомнимъ, что Греки почитали Македонянъ за варваровъ, и что жители различныхъ Греческихъ республикъ, хотя въ частомъ между собою пребывали несогласіи, почитали себя собратіями, какъ скоро нужда заставляла сражаться противъ всякаго, кто только не былъ Грекомъ. Македоняне не прежде, какъ по кончинѣ Филиппа, имѣвшаго великое вліяніе въ дѣла Греціи, и въ царствованіе Александра, который заставилъ избрать себя верховнымъ военачальникомъ всѣхъ Греческихъ войскъ, назначенныхъ противу Персовъ, дѣйствительно, такъ сказать, слились съ Греческими народами, соединившимися противу общаго ихъ врага.

„Вы помните то смятеніе, въ какомъ „находился весь городъ, когда въ самую ночь

„прибывшій вѣстникъ увѣдомилъ градопра-
„вителей о вступленіи Филиппа въ Элатею.
„На другой день весьма рано собрался весь
„Сенатъ; вы тотчасъ явились на мѣсто
„общенароднаго собранія; Сенатъ приходитъ
„шудаже, представляетъ вамъ вѣстника съ
„печальнымъ извѣстіемъ. Провозвѣстникъ
„вопрошаетъ, кто желаетъ говорить? Ни-
„кто не является, всѣ полководцы, всѣ ора-
„торы тамъ присутствовали; никто не от-
„вѣчалъ на гласъ отечества, требовавшаго
„гражданина, который подалъ бы средства
„ко спасенію республики; ибо гласъ провоз-
„вѣстника, волю боговъ объявляющаго, не
„есть ли гласъ отечества? И въ самомъ дѣ-
„лѣ, естьли бы надлежало говорить рѣчь,
„то бы всѣ вы, Аѳиняне, возставъ съ мѣстъ
„своихъ, съ радостію взошли на каѳедру; ибо
„я увѣренъ, что вы точно желаете благополу-
„чія отечеству; естьли бы учинить сіе
„надлежало богатымъ, то бы таковыхъ
„нашлось до трехъ сотъ человѣкъ: естьли
„бы усердные къ общему благу и богатые
„люди къ тому были призываемы, то бы
„возстали съ мѣстъ своихъ всѣ тѣ, кои
„уже неоднократно жертвовали республикѣ
„своимъ имуществомъ; но въ тотъ день,
„въ ту минуту потребенъ былъ гражданинъ не
„токмо усердный, умный и богатый, но и
„такой, который зналъ бы совершенно свой-
„ство, наклонности, политику и намѣреніе
„Филиппа. Жребій сей палъ на меня; я
„предсталъ и говорилъ предъ вами; я изобра-
„зилъ вамъ намѣренія Филиппа, и то, какими

„средствами уничтожить ихъ можно было:
„никто не противурѣчилъ: предложенія мои
„всѣми одобрены: надлежало сдѣлать опре-
„дѣленіе: я написалъ оное: симъ опредѣле-
„ніемъ назначено отправить посольство къ
„Θивянамъ; я принялъ оное на себя. Надле-
„жало убѣдить ихъ, чтобы они прекратили
„всякое несогласіе и соединилися съ нами;
„я уговорилъ ихъ. Скажи, Эсхинъ, какое
„тогда предствлялъ ты лице? И какое было
„мое? Ты ничего не сдѣлалъ: я сдѣлалъ все.
„Естьли бы ты дѣйствительно былъ граж-
„данинъ усердный, то время сіе было самое
„приличное, въ которое тебѣ говорить над-
„лежало: ты могъ бы тогдаже предложить
„лучшій совѣтъ, нежели каковъ былъ мой,
„а не откладывать до сего дня твое на ме-
„ня нападеніе, и поданный мною совѣтъ
„обращать въ преступленіе. Но такова есть
„разность между совѣтователемъ и клевет-
„никомъ. Одинъ еще до произведенія дѣла
„подаетъ совѣтъ, и принимаетъ на себя
„успѣхъ онаго; а другой молчитъ въ то вре-
„мя, когда говорить надлежитъ, и наконецъ,
„ежели какое либо случится несчастіе, во-
„піетъ, клевещетъ, осуждаетъ.

„Но какъ въ день сей наблюдалъ ты
„глубокое молчаніе, то по крайней мѣрѣ
„скажи теперь, что мнѣ говорить тогда
„надлежало, какую пользу я могъ тогда
„принесть республикѣ и пренебрегъ оную,
„какой другой союзъ долженъ я былъ пред-
„ложить, что иное могъ я тогда совѣтовать?

„Ибо только по совѣтамъ, мною когда подан-
„нымъ надлежитъ судить о моемъ управле-
„ніи, а не по тому послѣдствію, какое совѣты
„мои имѣли. Ибо все дѣлается по волѣ
„боговъ; одно токмо намѣреніе хранится
„въ сердцѣ гражданина. Не отъ меня
„зависѣло, что Филиппъ остался побѣди-
„телемъ или побѣжденнымъ; напротивъ
„того отъ меня зависѣло принять всѣ
„средства, каковыя токмо благоразуміе
„человѣческое внушить можетъ, употре-
„бить въ исполненіи оныхъ всю дѣятель-
„ность, замѣнить усердіемъ то, чего не-
„достаетъ нашимъ силамъ, наконецъ не
„предпринимать ничего такого, что могло
„бы быть противно славѣ, пользѣ и достои-
„ству республики. Докажи, Эсхинъ, что
„я не все то, что человѣческой осторожно-
„сти предвидѣть было можно, предлагалъ
„Аѳинянамъ, или что я совѣтовалъ имъ обра-
„титься къ средствамъ безполезнымъ, без-
„честнымъ; доказавъ сіе, можешь обви-
„нять меня смѣло. Но когда несчасті-
„емъ симъ, подобно молніи, или жесто-
„чайшей бурѣ, поражены были не только
„вы, но и вся Греція, то что тогда дѣ-
„лать надлежало? Ежели бы кому при-
„шло въ голову обвинять гражданина, кото-
„рый по препорученію республики вооружилъ
„корабль, снабдилъ его всѣмъ потребнымъ
„къ защищенію, но ужасная буря разбивъ,
„потопила его; то конечно онъ отвѣчалъ
„бы: не я управлялъ кораблемъ; также и
„не я начальствовалъ войсками. . . . .
„Ежели ты одинъ предвидѣлъ тогда буду-

„щее, зачѣмъ же не открылъ онаго? Естьлижъ
„не предвидѣлъ, то мы оба оставались въ
„невѣдѣніи, почемужъ невѣдѣніемъ симъ
„обвиняешь меня болѣе, нежели я тебя?
„По поелику Эсхинъ, Аѳиняне! принуждаетъ
„меня къ оправданію; то прошу выслушать
„оное; однакожъ въ словахъ моихъ не
„ищите никакой надменности, но только
„душу гражданина Аѳинскаго. Итакъ съ
„позволенія вашего начну говорить. Хотя
„бы мы предвидѣли все случившееся съ
„нами, хотя бы ты самъ Эсхинъ, не смѣв-
„шій въ то время произнести ниединаго
„слова, сдѣлавшись вдругъ предсказателемъ,
„предрекъ намъ будущее, то и тогда над-
„лежало бы сдѣлать тоже, что нами сдѣ-
„лано, лишь только бы хотя мало имѣли
„мы предъ глазами своими славу нашихъ
„предковъ и судъ потомства. Въ самомъ
„дѣлѣ что говорятъ объ насъ теперь?
„Что всѣ усилія наши разрушила фортуна,
„которая рѣшитъ все; но какой былъ бы
„для насъ стыдъ, естьли бы защищеніе
„свободы Грековъ не себѣ, а другимъ пред-
„оставили. И кто изъ Грековъ и варва-
„ровъ не знаетъ, что въ прошедшіе вѣки
„Аѳиняне жертвовали своимъ спокойстві-
„емъ, охотно предавалися опасностямъ,
„какъ скоро оныя приносили имъ славу?
„Что никогда не соединялись они со вла-
„стію несправедливою, но всегда сража-
„лись за первенство и славу. Естьли бы
„столь возвышенныя чувствованія ваши
„осмѣлился я приписать силѣ словъ мо-

„ихъ, то сіе было бы съ моей стороны непро-
„сительное тщеславіе; но показывая, что
„вы и безъ меня и до меня всегда дер-
„жались сихъ правилъ, я поставляю за
„величайшую себѣ славу, что отправляя
„возложенныя на меня общественныя дол-
„жности, имѣлъ я нѣкоторое участіе въ
„полезномъ и великодушномъ поступкѣ
„вашемъ. Напротивъ того обвинитель мой,
„желая лишить меня награды, вами мнѣ
„опредѣленной, не почувствовалъ, что онъ
„лишаетъ и васъ должной похвалы, како-
„вую потомство приписывать вамъ будетъ.
„Ибо естьли вы обвините меня за совѣтъ,
„который я вамъ подалъ, то и вы сами,
„послѣдовавъ оному, не будете правы. Но
„нѣтъ, Аѳиняне, нѣтъ, вы правы, прене-
„брегши всѣми опасностями для спасенія
„и свободы Грековъ: вы правы: клянусь въ
„томъ и тѣнями предковъ вашихъ, погиб-
„шихъ на поляхъ Маравонскихъ, и тѣми,
„кои сражались при Платеѣ, Саламинѣ,
„Артемизіи, всѣми великими гражданами,
„коихъ прахъ сохраняетъ Греція въ памятни-
„кахъ народныхъ. Она воздаетъ всѣмъ
„имъ равныя почести; такъ, Эсхинъ, всѣмъ:
„ибо всѣ они были равно добродѣтельны,
„хотя всемогущая судьба подвиги ихъ не-
„равными увѣнчала успѣхами.“

Вотъ та самая клятва, которая была въ великомъ уваженіи у древнихъ, и о которой весьма часто вспоминаютъ во времена наши. Слыша ее, кажется, всѣ тѣни,

коихъ Эсхинъ призывалъ въ рѣчи своей, окружаютъ каѳедру Димосѳена, и приемлютъ его подъ свое покровительство. Сего недовольно: посмотрите, какъ онъ торжествуетъ надъ Эсхиномъ въ то время, когда сей послѣдній по видимому торжествовалъ надъ нимъ, упоминая о несчастной битвѣ при Херонеѣ.

„Замѣтили ль вы, Аѳиняне, какимъ образомъ говорилъ онъ о несчастіяхъ вашихъ? „Онъ описывалъ ихъ весьма равнодушно, „ничего не ощущая, безъ малѣйшаго знака „печали, каковый приличествуетъ честному, „му и чувствительному гражданину. На „лицѣ его блистала радость, голосъ его „былъ чистъ и звученъ. Несчастный! онъ „думалъ, что обвинялъ меня, но обвинялъ „самаго себя, показавъ себя нечувствительнымъ къ нашимъ общимъ бѣдствіямъ.“

Эсхинъ непрестанно твердитъ Аѳинянамъ, чтобы они не довѣряли пагубному краснорѣчію Димосѳена: онъ превозносилъ дарованіе его тѣми хитрыми, и такъ сказать, убивственными похвалами, каковыя иногда сама ненависть приписываетъ, когда хочетъ показать себя откровенною въ одномъ предметѣ, дабы больше и удобнѣе повѣрили ей въ другомъ, и когда истинну употребляетъ она орудіемъ для приданія клеветѣ большей силы и важности. Такимъ-то образомъ страсти изкажаютъ все, до чего они

коснутся, даже и самую похвалу обращаютъ въ ядъ. Димосѳенъ, не оставляя ни одной сцатьи безъ отвѣта, дѣлаетъ также объясненіе и на сію: самыми опытами доказываетъ, что краснорѣчіе свое всегда употребляетъ онъ на пользу республики. О семъ рѣдкомъ дарованіи своемъ Димосѳенъ начинаетъ изъясняться съ такою осторожностію и скромностію, кои самолюбію Аѳинянъ долженствовали быть весьма лестными. Онъ увѣряетъ, что и самое краснорѣчіе, которое толь много отличаетъ его отъ прочихъ ораторовъ, зависитъ единственно отъ нихъ.

„Что касается до моего краснорѣчія, „(ибо самъ Эсхинъ употребилъ сіе слово), „но всявласть и могущество слова зависѣли „большею частію отъ разположенія слушателей, и что ораторъ кажется искуснымъ „по мѣрѣ благоволенія, какое къ нему ока„зываете. По крайней мѣрѣ краснорѣчіе, „приписываемое мнѣ Эсхиномъ, было полезно „всѣмъ во всякое время, и никогда и никому „не вредило. Но твое краснорѣчіе, Эсхинъ, „какую приноситъ пользу отечеству? Нынѣ „вздумалъ ты напоминать намъ о прошед„шемъ. Чтобы сказали о призванномъ къ „больному врачѣ, который не могши найти „лѣкарства къ уврачеванію болѣзни способ„наго, не могши избавить его отъ смерти, „явился бы при самомъ его погребеніи и „кричалъ у гроба его: ахъ! онъ былъ бы „живъ, естьли бы послѣдовали другимъ „совѣтамъ? “

Въ заключеніи рѣчи своей говоритъ онъ о чести, оказанной ему порученіемъ сочиненія надгробнаго слова гражданамъ, убіеннымъ при Хероней. Эсхинъ всѣми силами старался обратить случай сей въ укоризну, и тѣмъ еще болѣе, что онъ самъ тщетно домогался сего порученія. Но Димосѳенъ и тутъ торжествуетъ надъ своимъ обвинителемъ, опять уничижаетъ его.

„Республика, при моемъ управленіи, „предприняла и совершила дѣла великія; а „потому и не осталась неблагодарною. „Когда, послѣ несчастія нашего надлежало „избрать оратора, долженствовавшаго воз„дать послѣднюю почесть гражданамъ, „животъ свой за отечество положившимъ, „то, не взирая на звучный и громкій твой „голосъ, на всѣ твои пронырства, выбрали „не тебя, не Демада, изходатайствовав„шаго намъ миръ, не Игемона, словомъ ни „котораго изъ твоихъ сообщниковъ; но „меня. Тогда-то ты и Пиѳоклесъ изры„гали на меня съ неслыханною яростію „и безстыдствомъ тѣжъ самыя клеветы, „которыя теперь повторяешь; а сіе самое и „послужило еще новымъ поводомъ Аѳинянамъ „подтвердить свой выборъ. Хотя причина „тому извѣстна тебѣ столькоже, какъ и „мнѣ; однакожъ я напомню тебѣ объ оной. „Аѳиняне равно знали о любви моей къ „отечеству, и о всѣхъ преступленіяхъ, вами „противу его учиненныхъ. Они знали, что

„одинъ токмо общія наши несчастія изба-
„вили васъ отъ наказанія; и если-ли чувст-
„вованія ваши къ нему сдѣлались только
„извѣстными во время злополучное, то сіе
„служитъ явнымъ доказательствомъ, что
„вы всегда были тайными его врагами.
„Сама справедливость требовала, чтобы
„прославляющій добродѣтель своихъ согра-
„жданъ, не ликовалъ за однимъ пиршест-
„вомъ съ ихъ непріятелями; не приносилъ
„вмѣстѣ съ ними жертвъ, и не совершалъ
„возліяній. Не льзя было поручить столь
„почтенной должности такимъ людямъ,
„кои веселятся вмѣстѣ съ нашими побѣ-
„дителями, пиршествуя съ ними ругалися
„надъ нашимъ злополучіемъ, и купно съ
„виновниками онаго торжествовали. На-
„конецъ не гласомъ преисполненнымъ при-
„творства надлежало оплакивать участь
„сихъ знаменитыхъ ратниковъ. Только
„тотъ могъ произносить истинное собо-
„лѣзнованіе о смерти гражданъ, коего ду-
„ша также истинною терзалась печалію;
„а печаль сія, какъ уже извѣстно всѣмъ,
„была въ моемъ, а не въ твоемъ сердцѣ.
„Вотъ по чему народъ поручилъ мнѣ сію
„должность; и самые родственники умер-
„шихъ, коимъ предоставлено было тѣла
„ихъ предать погребенію, у меня совер-
„шали обычное при таковыхъ случаяхъ
„пиршество, у меня, коего почитали они
„приемлющимъ наиболѣе всѣхъ участіе въ
„потерѣ, нами оплакиваемой. Они были
„ближніе имъ по крови, но никого не

„было ближе меня по чувствованіямъ граж-
„данина; никто болѣе меня не имѣлъ при-
„чинъ оплакивать общую нашу потерю.“

Роллень весьма справедливо говоритъ, что въ обѣихъ рѣчахъ Димосѳена и Эсхина можетъ показаться непріятнымъ одно только то, что въ нихъ находится множество личныхъ ругательствъ, коими оба сіи соперника другъ друга язвить старались. Здѣсь нужно замѣтить, что они поступали сходственно со нравами, приличными республиканцамъ, кои при таковыхъ случаяхъ были не такъ вѣжливы, какъ мы, слѣдовательно ни которой изъ нихъ не преступилъ правила витійства, запрещающаго нарушать предписанныя приличности. Два гражданина, два оратора въ жаркомъ прѣніи нападаютъ другъ на друга со всѣхъ сторонъ; нападаютъ на рожденіе, имущество, званіе, нравы, а сіи обстоятельства заставляли ихъ входить въ такія мѣлочи, кои не всегда кажутся намъ пристойными и благородными по причинѣ разности времени и языка, но которыя имѣли тогда сильное дѣйствіе. Тожъ самое найдемъ и въ Цицеронѣ, когда говоритъ онъ противу Антонія, Пизона и Ватинія, которые также не щадили и его. Когда слушатели примѣчали, что ругательства сіи походили на ложь и клевету, то все безчестіе обращалось на лжеца и клеветника; но ежели онѣ основательны, то человѣку свободному позволялось все. Можно позволить

гражданамъ Рима и Аѳинъ думать, что человѣкъ честный могъ безъ стыда слушать ругательства клеветника. Впрочемъ лжецъ и клеветникъ подвергался не малой опасности. Въ Аѳинахъ обвинитель долженъ былъ имѣть по крайней мѣрѣ пятую часть голосовъ на своей сторонѣ, въ противномъ случаѣ осуждали его на изгнаніе, что и возпослѣдовало съ Эсхиномъ. Онъ удалился на островъ Родосъ, гдѣ и открылъ училище краснорѣчія. При первомъ наставленіи прочиталъ онъ объ рѣчи, бывшія причиною его изгнанія. Для меня не понятно, какъ посмѣлъ онъ читать ученикамъ своимъ рѣчь Димосѳенову. Быть менѣе краснорѣчиву, нежели другой, не есть преступленіе; но какъ, не чувствуя стыда, можетъ кто нибудь признаться, что онъ по всей справедливости названъ клеветникомъ и худымъ гражданиномъ?

Нѣкоторый историкъ, коего мнѣніе опровергается молчаніемъ всѣхъ другихъ историковъ, утверждаетъ, что твердость Димосѳена, бывшая столь долго не преодолимою, и его безкорыстіе наконецъ одинъ разъ были поколебаны; что онъ, хотя сперва возставалъ противу Александра съ тою же силою, какъ и противъ Филиппа, однакожъ одинъ разъ прельстился его дарами, и притворился больнымъ, когда надлежало ему говорить предъ народомъ; что сей постыдный поступокъ принудилъ его удалиться изъ Аѳинъ; но сіе

приписываемое ему преступленіе весьма сумнительно; извѣстно, что онъ умеръ славно и мужественно. Возвратясь въ Аѳины по смерти Александра, онъ непрестанно возставалъ на пиранніо Македонянъ; Антипатръ царь Македонскій принудилъ Аѳинянъ выдать ему всѣхъ ораторовъ, пропиву его вопіявшихъ. Димосѳенъ старался спастися бѣгствомъ; но видя неизбѣжную погибель, принялъ ядъ, который всегда носилъ съ собою. Итакъ Цицеронъ и Димосѳенъ скончали жизнь свою насильственною смертію; употребивъ всѣ дни свои на защиту отечества, содѣлались они жертвами онаго.

Конецъ третьей части.

ЛИКЕИ

3